"Аптекарь, его сестра и ее любовник (Фактор холода)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сандра Браун

Аптекарь, его сестра и ее любовник

Глава 1

Могила оказалась, мягко говоря, нестандартной.

Если верить прогнозу погоды, надвигающаяся снежная буря обещала побить все рекорды.

Могила – небольшое углубление в твердой как камень земле – предназначалась для Миллисент Ганн: возраст – восемнадцать лет, короткие каштановые волосы, хрупкое сложение, рост – пять футов четыре дюйма, [1] объявлена в розыск неделю назад. Могила была вырыта ей по росту. В глубину она была, конечно, мелковата, но при желании ее можно было углубить весной, когда земля оттает. Если, конечно, хищники не растащат тело на куски еще до весны.

Бен Тирни перевел взгляд со свежевырытой могилы на соседние. Их было четыре. Валежник и палая листва обеспечивали естественный камуфляж, и все же каждая из могил была по-своему приметна, каждая неуловимо меняла грубый рельеф почвы. Их можно было найти, только если знать, где и что искать. Одну из них целиком скрывало поваленное дерево, и различить ее мог лишь человек, наделенный зорким глазом.

Как Тирни.

Он бросил последний взгляд на пустую неглубокую могилу, подобрал заступ, лежащий у ног, и отступил. При этом он заметил, что его башмаки оставляют темные следы на обледенелой земле. Это его не слишком встревожило.

Если метеорологи не соврали, следы скоро будут скрыты под слоем снега толщиной в несколько дюймов. А когда земля оттает, следы поглотит грязь.

Как бы то ни было, он не стал ничего предпринимать насчет этих следов. Ему надо было спуститься с горы. Как можно скорее.

Свою машину он оставил на дороге, в паре сотен ярдов [2] от импровизированного кладбища на вершине. Никакой тропы, ведущей обратно к дороге, в густых зарослях не было. Толстый ковер палой листвы скрывал предательские неровности почвы и почти не давал опоры ногам, а сильный ветер, швырявший ледяную воду ему в лицо, сужал и без того ограниченную видимость. И хотя он спешил, ему приходилось продвигаться вперед с величайшей осторожностью, чтобы не оступиться.

Служба погоды загодя объявила штормовое предупреждение. Случайное сочетание сразу нескольких природных факторов породило одну из самых страшных снежных бурь, когда-либо отмечавшихся в истории метеорологических наблюдений. Людям, проживающим в районах ее вероятного распространения, советовали принимать меры предосторожности, укреплять свои жилища, запасаться провизией и отказаться от поездок. Только безумец рискнул бы в такой день взбираться на гору. Или человек, которому нужно было уладить неотложное дело.

Как Тирни.

Холодная изморозь, сеявшаяся с самого полудня, превратилась в ледяной дождь. Катышки замерзшей воды секли его по лицу подобно когтистой плетке, пока он пробирался по лесу. Он ссутулил плечи и поднял воротник куртки до ушей, уже онемевших от холода.

Скорость ветра заметно усилилась. Деревья стонали и гнулись, трещали сучьями под его беспощадными порывами. Ветер сдирал сухую хвою с сосен и увлекал ее за собой.

Одна иголка, словно выпущенная из духовой трубки, впилась ему в щеку.

«Северо-западный, двадцать пять миль [3] в час», – машинально отметил он той частью своего сознания, которая всегда, независимо от его воли, регистрировала окружающую обстановку. Такие вещи, как время, температура, направление и скорость ветра, свое местоположение, он умел определять инстинктивно, словно в него при рождении вмонтировали флюгер, часы, термометр и систему навигации, постоянно транслирующую нужные данные ему в подсознание.

Да, это был врожденный талант, который он отточил до блеска. Его внутренняя антенна всегда была тонко настроена: ведь большую часть своей жизни он провел под открытым небом. Ему не требовалось сознательно фиксировать в уме бесконечный поток данных, но он часто пользовался своим умением схватывать их мгновенно, когда было нужно.

Вот и сейчас он полагался на свое чутье. Разве он мог допустить, чтобы его застигли на вершине пика Клири – второго по высоте в Северной Каролине после горы Митчелл – с заступом возле четырех старых могил и одной свежевырытой?

Впрочем, полиции города Клири он не опасался: она никак не могла похвастаться блестящей раскрываемостью. Напротив, она стала всеобщим посмешищем. Недавно во главе местного департамента встал один из «бывших»: детектив Бертон, с позором изгнанный из полицейского управления Атланты. [4] «Столичная штучка» Датч Бертон возглавил провинциальных полисменов, туповатых мужланов в отутюженной униформе с начищенной до блеска эмблемой, не способных поймать даже хулигана с баллончиком аэрозольной краски, расписывающего похабщиной мусорные контейнеры на заднем дворе бензоколонки.

Правда, в последнее время им было не до мелкого хулиганства: они переключились на расследование пяти дел о пропавших без вести женщинах. Местным Шерлокам, несмотря на всю их бестолковость, все-таки хватило ума сообразить, что, если пять женщин пропали без вести в небольшой общине за два с половиной года, это, скорее всего, не случайное стечение обстоятельств.

В крупном мегаполисе такая статистика вряд ли произвела бы сильное впечатление, там каждый день случаются вещи и пострашнее, но здесь, в мало населенном горном районе, она была угрожающей.

По всеобщему убеждению, пропавшие женщины стали жертвами маньяка. Их, скорее всего, уже не было в живых, поэтому на повестке дня стояли поиски не самих женщин, а их останков. И человек, идущий по лесу с заступом в руках, неминуемо вызвал бы подозрение.

Например, Тирни.

До сих пор ему удавалось не засветиться на радарах шефа полиции Бертона. Он был твердо намерен и дальше держаться в тени. Это был вопрос жизни и смерти.

В такт своим шагам он начал перебирать в уме сведения о женщинах, похороненных на вершине. Кэролин Мэддокс, двадцать шесть лет, пышная грудь, красивые черные волосы, большие карие глаза. Объявлена в розыск в октябре прошлого года. Мать-одиночка, единственный источник существования для сына-диабетика. Зарабатывала на жизнь уборкой комнат на одной из местных туристических баз. Ее жизнь была беспросветной чередой

mir-knigi.org

тяжкого труда и испытаний.

Зато сейчас Кэролин Мэддокс могла наслаждаться миром и покоем сколько душе угодно. Как и Лорин Эллиотт, незамужняя блондинка, медсестра местной клиники, страдавшая избыточным весом.

Бетси Кэлхаун, домохозяйка, вдова. Она была старше остальных.

Торри Ламберт. Самая первая из них, самая юная, самая хорошенькая и единственная, не являвшаяся местной уроженкой.

Тирни ускорил шаг, стараясь обогнать не только непогоду, но и преследующие его мысли. Стволы и ветви деревьев стали покрываться наледью. Выступающие из земли валуны блестели, словно облитые глазурью. Шоссе, ведущее в Клири, круто петляло под уклон. Вскоре по нему невозможно будет проехать. Он должен убраться с проклятой горы, пока этого не случилось.

К счастью, внутренний компас не подвел его и на этот раз: он вышел из леса всего в двадцати шагах от того места, где вступил в него, и ничуть не удивился, увидев, что его машина уже покрылась ледяной коркой. Тяжелый спуск с вершины утомил его, участившееся дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара. Впрочем, одышка и учащенное сердцебиение могли быть вызваны вовсе не усталостью, а тревогой. Чувством бессилия. Или сожаления.

Он спрятал заступ в багажник, стянул с рук латексные перчатки, швырнул их туда же и захлопнул крышку. Потом забрался в машину и торопливо прикрыл дверцу, радуясь защите от жестокого ветра.

Его пробирала дрожь. Он подул на руки и энергично потер их в надежде восстановить кровообращение. Латексные перчатки были необходимы, но от холода они не спасали. Он вытащил из кармана куртки пару кожаных перчаток на шерстяной подкладке и натянул их.

вернуться

1

фут равен примерно 30,5 см, 1 дюйм – 2,5 см. (Здесь и далее прим. Пер).

вернуться

2

1 ярд примерно равен 1 м.

вернуться

3

1 миля равна 1,6 км.

вернуться

4

Город Атланта – столица штата Джорджия.

Повернул ключ зажигания.

Ничего.

Он нажал на акселератор и попытался еще раз. Мотор даже не кашлянул. После нескольких безуспешных попыток он откинулся на спинку сиденья, сверля взглядом деления на приборном щитке, словно они могли подсказать ему, что он делает не так.

Еще одна, последняя попытка. Двигатель так и не ожил. Он был так же мертв, как и женщины, похороненные там, на горе.

– Черт! – Он забарабанил кулаками по рулю и уставился прямо перед собой на ветровое стекло, хотя смотреть там было решительно не на что. Стекло полностью затянулось льдом и покрылось морозным узором. – Тирни, – пробормотал он, – ты в полной заднице.

Глава 2

– Ветер усилился. Идет дождь со снегом, – заметил Датч Бертон, занавешивая окно. – Нам пора выбираться отсюда.

– Сейчас освобожу эти полки, и все. – Лилли сняла несколько книг с одной из полок и уложила их в коробку.

– Ты всегда любила читать, когда мы бывали здесь.

– Только здесь у меня было время почитать последние бестселлеры. Здесь меня ничто не отвлекало.

– Ну, разве что я, – пошутил Датч. – Помню, как я изводил тебя вопросами. Тебе приходилось откладывать книгу и отвечать мне.

Сидя на полу, она бросила взгляд на Датча и улыбнулась, но не поддержала разговор о том, как чудесно они проводили свободное время в своем горном убежище. Поначалу они приезжали сюда на выходные и на праздники, чтобы сбежать из Атланты, где сумасшедший рабочий ритм буквально валил их с ног.

Потом они стали приезжать сюда, просто чтобы сбежать.

Она упаковывала свои личные вещи, которые собиралась забрать с собой. Больше она сюда не вернется. Не вернется и Датч. Это последняя страница – по сути дела, эпилог – их совместной жизни. Она от души надеялась, что это последнее прощание пройдет по возможности в деловом ключе. Он же, напротив, изо всех сил старался увлечь ее за собой на аллею воспоминаний.

То ли он пытался облегчить собственную душу, поминая добрые старые времена, то ли хотел разбередить душу ей, в любом случае она решительно не желала в этом участвовать. Плохого в их совместной жизни было настолько больше, чем хорошего, что любые воспоминания бередили старые раны.

Она вернула разговор в практическое русло:

mir-knigi.org

– Я сделала копии со всех документов для продажи коттеджа. Они в конверте вместе с чеком на твою половину денег.

Он взглянул на плотный конверт из коричневой бумаги, лежащий на кофейном столике, но не притронулся к нему.

– Это несправедливо. Почему я должен получить половину?

– Датч, мы уже не раз это проходили. – Лилли загнула все четыре клапана картонной коробки и заклеила ее. Хотелось бы ей с такой же легкостью покончить с этим спором.

– Дом куплен на твои деньги.

– Мы купили его вместе.

– Но без твоей зарплаты мы бы его не купили. На одну мою мы бы его не потянули.

Она подтолкнула коробку к двери, потом поднялась на ноги и повернулась к нему.

– Мы были женаты, когда купили его. Мы пользовались им совместно.

– Мы были женаты, когда занимались в нем любовью.

– Датч…

– Мы были женаты, когда ты подавала мне кофе по утрам и на тебе ничего не было, кроме улыбки и вот этого. – Он кивком указал на плед крупной вязки, брошенный на спинке кресла.

– Прошу тебя, не делай этого.

– Это моя реплика, Лилли. – Он сделал шаг к ней. – Прошу тебя, не делай этого.

– Все уже сделано. Мы занимались этим последние полгода, и теперь дело сделано.

– Ты могла бы все это отменить.

– Ты мог бы с этим смириться.

– Я никогда с этим не смирюсь.

– Это твой выбор. – Лилли помолчала, вздохнула. – Выбор всегда был за тобой, Датч. Ты не способен принять перемены. Ты ни с чем не можешь расстаться.

– Я не хочу расставаться с тобой.

– Тебе придется.

Она отвернулась от него, подтянула пустую коробку поближе к полкам и начала торопливо набивать ее книгами. Ей хотелось уехать поскорее, но приходилось говорить ему неприятные вещи. Он никак не желал понять, что их браку пришел конец.

Несколько минут прошли в тягостном молчании, нарушаемом лишь воем ветра в кронах деревьев вокруг коттеджа. Сучья все яростнее стучали по скатам крыши.

Ей хотелось, чтобы он уехал первым, чтобы не видел, как она покидает охотничий домик. Зная,

что они навсегда покидают этот дом, он мог развалиться на части и устроить ей слезливую сцену. Лилли не раз приходилось выдерживать подобные сцены в прошлом, она была сыта ими по горло. Она считала, что расставаться нужно мирно, без скандала, но Датч упорно сворачивал именно в эту сторону.

Конечно, он вовсе не этого добивался, но, вороша старые обиды, лишь помогал ей укрепиться во мнении, что она правильно поступила, когда положила конец их браку.

– По-моему, это твой Луи Ламур. [5] – Лилли протянула ему книгу. – Заберешь или оставим его новым хозяевам?

– Они получили все остальное, – мрачно проворчал Датч. – Можешь оставить им роман в бумажной обложке в придачу.

– Проще было продать коттедж вместе с мебелью, – объяснила Лилли. – Мебель была куплена специально для этого дома, ни к какому другому она не подойдет. И потом, ни у тебя, ни у меня нет для нее места. Что бы мы стали с ней делать? Вывезти ее только для того, чтобы потом продать кому-то еще? И где ее хранить все это время? Разумно было включить всю обстановку в продажную цену.

– Речь не о том, Лилли.

Она знала, о чем речь. Ему не хотелось думать, что чужие люди будут жить в этом коттедже и пользоваться их вещами. Кто-то будет наслаждаться тем, что принадлежало им. Датчу это представлялось каким-то кощунством, вторжением в их частную жизнь, в то счастье, которым они вместе наслаждались в этих комнатах.

«Мне все равно, разумно это или нет, Лилли. Плевать я хотел, что разумно, а что неразумно! Чужие люди будут спать в нашей постели, под нашими одеялами! Как ты можешь с этим смириться?»

Вот так он отреагировал, когда она рассказала ему о своих планах насчет мебели. Очевидно, ее решение все еще бесило его, но она уже не могла ничего изменить, даже если бы захотела. А она не хотела.

Когда на полках ничего не осталось, кроме одинокого ковбойского романа, Лилли огляделась в поисках каких-то случайно забытых вещей.

– Консервы, – сказала она, указывая на банки, выставленные на стойку бара, отделявшую кухню от жилой комнаты. – Хочешь забрать их с собой?

Он отрицательно покачал головой. Лилли вложила банки в последнюю, лишь наполовину заполненную коробку с книгами.

– Я распорядилась, чтобы электричество, воду и газ отключили: новые владельцы будут пользоваться домом только с весны. – Наверняка он все это уже знал: Лилли говорила лишь для того, чтобы заполнить молчание, становившееся все более тягостным, по мере того как она освобождала дом. – Мне осталось только забрать последние мелочи из ванной, и все, я уезжаю. Я все выключу, запру, оставлю ключи у агента по недвижимости, как договорились, по дороге из города.

Горечь и обида были написаны на его лице. Он кивнул, но ничего не сказал.

mir-knigi.org

– Можешь меня не ждать, Датч. У тебя наверняка есть Дела в городе.

– Они подождут.

– А ты не забыл, что синоптики обещали снежную бурю? Тебе, наверно, придется регулировать движение в торговом центре, – пошутила Лилли. – Ты же знаешь, в такое время все запасаются, словно им грозит многодневная осада. Давай попрощаемся, и можешь ехать.

– Я тебя подожду. Мы уедем вместе. Заканчивай там, – он указал на спальню, – а я пока загружу эти коробки в твой багажник.

Он подхватил первую коробку и вынес ее за дверь. Лилли прошла в спальню. Кровать с тумбочками по обе стороны была плотно задвинута под скат крыши. Всю остальную меблировку составляли кресло-качалка и комод с зеркалом. Всю дальнюю стену занимали окна. В стене напротив окон находились стенной шкаф и дверь в маленькую ванную.

Лилли уже успела задернуть здесь занавески, поэтому в комнате царил полумрак. Она проверила стенной шкаф. Пустые вешалки на стальной штанге казались осиротевшими. В ящиках комода ничего не осталось. Она прошла в ванную, собрала туалетные принадлежности, которыми пользовалась утром, уложила их в пластиковый несессер на «молнии» и, убедившись, что не оставила ничего в аптечном шкафчике, вернулась в спальню.

вернуться

5

Автор популярных ковбойских романов.

Она уложила несессер в раскрытый на постели чемодан и закрыла его. В эту самую минуту вернулся Датч.

– Если бы не Эми, мы и сейчас были бы женаты, – заговорил он без всяких предисловий.

Лилли устало покачала головой.

– Датч, прошу тебя, давай не будем…

– Если бы не это, мы продержались бы вечность.

– Мы этого не знаем.

– Я знаю. – Он схватил ее за руки. Они казались холодными в его вспотевших ладонях. – Слушай, я беру всю ответственность на себя. Готов признать: это я виноват, что у нас ничего не вышло. Если бы я повел себя по-другому, ты бы меня не бросила. Теперь я это понимаю, Лилли. Признаю, я наделал массу ошибок. Глупейших ошибок.

Я это признаю. Но я прошу тебя, умоляю, дай мне еще шанс.

– Мы не можем стать такими, какими были когда-то, Датч. Мы уже не те люди, какими были, когда встретились. Неужели ты не понимаешь? То, что случилось, никто изменить не может. Но то, что случилось, изменило нас.

mir-knigi.org

Он ухватился за ее слова.

– Ты права. Люди меняются. Я изменился после развода. Переехал сюда. Принял эту должность. Все это повлияло на меня благотворно, Лилли. Я, конечно, понимаю, Клири – это не Атланта, но здесь мне есть на что опереться. У меня здесь прочный фундамент. Здесь мой дом, здешние люди знают меня и всех моих родных. Они меня любят. Уважают.

– Это замечательно, Датч. Я хочу, чтобы ты здесь преуспел. Я всем сердцем желаю тебе успеха.

Она действительно желала ему успеха – и не только ради него, но и ради себя самой. Пока Датч не вернет себе репутацию хорошего полицейского, особенно в своих собственных глазах, ей от него не освободиться. Он будет цепляться за нее, пока вновь не обретет уверенность в себе и в своей работе. Маленький городок Клири давал ему возможность вернуть самоуважение. Ей оставалось лишь молиться, чтобы у него все получилось.

– Моя карьера, моя жизнь, – лихорадочно продолжал Датч, – но все это потеряет смысл, если ты ко мне не вернешься. – Не успела она его остановить, как он обхватил ее обеими руками, крепко прижал к себе и горячо зашептал прямо ей в ухо: – Скажи, что дашь нам еще один шанс.

Он попытался ее поцеловать, но она отвернулась.

– Датч, пусти меня.

– Вспомни, как нам было хорошо вместе! Если бы только ты перестала меня отталкивать, мы бы сразу вернулись к тому, с чего начали. Мы могли бы забыть все плохое и стать такими, как прежде. Помнишь, как мы обнимались прямо на людях, удержаться не могли? – Он сделал еще одну попытку и на этот раз впился губами ей в рот. Лилли оттолкнула его.

– Прекрати!

Он отступил на шаг. Его дыхание шумно отдавалось по всей комнате.

– Ты все никак не хочешь подпустить меня к себе. Она обхватила себя руками.

– Ты мне больше не муж.

– Ты меня никогда не простишь, да?! – сердито закричал он. – Ты воспользовалась тем, что случилось с Эми, чтобы со мной развестись, но ведь дело совсем не в этом, верно?

– Уходи, Датч. Оставь меня, пока…

– Пока я не потерял над собой контроль? – злобно ухмыльнулся Датч.

– Пока ты себя не опозорил.

На миг, равный вечности, они застыли в молчании. Лилли упрямо выдерживала его бешеный взгляд. Потом Датч повернулся и с топотом вышел из спальни. Он схватил конверт, лежавший на столе, сорвал с крючка свою куртку и шляпу и, не надевая их, хлопнул дверью так, что задрожали оконные стекла. Еще через несколько секунд Лилли услышала, как взревел мотор его «Бронко». Выбрасывая гравий из-под огромных колес, внедорожник сорвался с места и укатил.

mir-knigi.org

Опустившись на край постели, Лилли закрыла лицо руками. Они были холодны как лед и дрожали. Теперь, когда все кончилось, она поняла, что испытала не только гнев и отвращение, но и страх. Этот Датч с его взрывным нравом был совершенно не похож на того обаятельного Датча, за которого она выходила замуж. Он уверял, что начал жизнь сначала, но при этом производил впечатление человека, доведенного до отчаяния. И это отчаяние проявлялось в пугающих перепадах настроения.

Лилли даже стыдно стало: такое облегчение она испытала при мысли о том, что никогда его больше не увидит. Наконец-то все кончилось. Датч Бертон ушел из ее жизни.

Измученная тягостной сценой, она легла на кровать и прикрыла лицо согнутым локтем.

Ее разбудил стук ледяной дроби, барабанящей по листовому железу крыши.

Споры с Датчем всегда лишали ее сил. Должно быть, за последнюю неделю, проведенную в Клири за улаживанием дел по продаже горного коттеджа, их постоянные стычки вымотали ее больше, чем она думала. После этого последнего столкновения ее тело милосердно отключило разум и позволило ей заснуть.

Лилли села, зябко растирая предплечья: в спальне было холодно. И темно. Так темно, что она даже не различала циферблата своих часов. Она встала, подошла к окну и отдернула занавеску. Свет был тусклый, но часы она разглядела.

Время на часах ее удивило. Она спала крепко, без сновидений, но, как оказалось, не так уж долго. Возможно, во всем была виновата преждевременно сгустившаяся темнота, но у нее возникло ощущение, что час куда более поздний. Низкие тучи, окутавшие вершину горы, создавали впечатление ранних и жутковатых сумерек.

Вся земля вокруг дома как будто подернулась слюдой. Ледяной дождь шел, не переставая, но теперь к нему стало примешиваться то, что в новейшей терминологии метеорологов именовалось «снежной крупой». Крошечные острые крупинки казались куда более грозными, чем их родственницы – ажурные, мягкие снежинки. Деревья были скованы ледяным панцирем, от порывов ветра дребезжали оконные рамы.

Это было неосторожно с ее стороны – вот так заснуть. Теперь за ошибку придется расплачиваться тяжелым и опасным спуском по горной дороге. Даже если она доберется до Клири, погода может помешать ей вовремя вернуться в Атланту. Теперь, когда с делами в Клири было покончено, ей не терпелось как можно скорее вернуться домой к своей работе, к своей жизни. На рабочем столе у нее наверняка скопилось море разливанное писем, требующих ответа, неправленых статей, неоконченных проектов, словом, всякой писанины. Впрочем, Лилли не боялась возвращения, ей хотелось поскорее приняться за работу, разгрести эти бумажные завалы.

Но дело было не только в работе, ожидавшей ее дома. Лилли ощущала необходимость распрощаться навсегда с родным городом Датча. О, она обожала сонный маленький городок и окружавшую его живописную горную местность. Но здешние люди знали Датча и его семью десятилетиями. Пока она была его женой, ей оказывали радушный прием, она считалась «своей». Теперь, когда она с ним развелась, жители города заметно охладели к ней.

А как враждебно повел себя сам Датч перед отъездом из коттеджа? Ей давно пора покинуть его территорию, это ясно.

Лилли заторопилась. Она перенесла чемодан в переднюю комнату и поставила его у двери, а

потом в последний раз обошла коттедж, проверяя, все ли выключено и не осталось ли в доме каких-нибудь мелочей ее или Датча. Убедившись, что все в порядке, она надела пальто и перчатки и открыла входную дверь. Ветер налетел на нее с такой силой, что у нее перехватило дух. Как только она вышла на крыльцо, замерзшие капли начали жалить ее в лицо. Надо было защитить глаза, но в такой темноте невозможно было надевать солнцезащитные очки. Щурясь от дождя, Лилли перенесла чемодан в машину и положила его на заднее сиденье.

Вернувшись в дом, она торопливо воспользовалась ингалятором. Холодный воздух мог вызвать у нее приступ астмы, Лилли постаралась его предотвратить. Потом, запретив себе бросить последний ностальгический взгляд на коттедж, она вышла, закрыла за собой дверь и заперла замок на два оборота.

В салоне ее машины было холодно, как в рефрижераторе. Лилли завела двигатель, но ей пришлось ждать, пока стеклообогреватель согреется. Все равно она не могла тронуться с места с обледеневшим ветровым стеклом. Поплотнее закутавшись в пальто, спрятав нос и рот в поднятом воротнике, она сосредоточилась на том, чтобы дышать медленно и ровно. Ее зубы выбивали дробь, и ей никак не удавалось сдержать дрожь.

Наконец из стеклообогревателя пошел теплый воздух, растопивший лед на ветровом стекле. С образовавшейся жижей справились «дворники». Противостоять беспрерывной атаке ледяного дождя было сложнее. Ее видимость была жестоко ограничена, но Лилли понимала, что улучшение условий может произойти, только когда она спустится ниже по дороге. Выхода не было, оставалось только начать спуск.

Дорога была ей знакома, но она никогда не ездила по этому горному шоссе в такую погоду. Она подалась вперед, наклонилась над рулем, упорно вглядываясь через стекло, стараясь увидеть впереди хоть кусочек дороги.

На крутых поворотах она прижималась к правой стороне дороги, прекрасно зная, что на противоположной стороне – обрыв. Она заметила, что невольно задерживает дыхание на каждой такой «шпильке».

Ее пальцы в перчатках заледенели и онемели, а ладони были влажными, ей стало трудно удерживать руль. От напряжения у нее заныли мускулы плеч и шеи. Дыхание стало неровным. В надежде улучшить видимость она протерла ветровое стекло, но добилась лишь того, что стала яснее различать закрученные ветром воронки ледяного дождя.

И вдруг из подступающего к самому шоссе леса прямо перед радиатором возникла человеческая фигура.

Лилли автоматически нажала на тормоз, слишком поздно вспомнив, что нельзя резко тормозить на обледенелой дороге. Машину занесло. Фигура, освещенная фарами, отпрыгнула назад, пытаясь освободить дорогу. Машина скользнула мимо, но вильнула, пошла юзом, Лилли почувствовала толчок: задний бампер что-то задел. Сердце у нее оборвалось, она поняла, что сбила человека.

И это была ее последняя мысль, перед тем как машина врезалась в дерево.

Глава 3

Воздушная подушка развернулась, ударив ее по лицу и выбросив удушающее облако пыли, тотчас же заполнившей весь салон. Лилли инстинктивно задержала дыхание, чтобы ее не вдохнуть. Ремень безопасности врезался ей в грудь.

Краем сознания она отметила необыкновенную силу толчка. Столкновение было сравнительно мягким, но удар оглушил ее. Мысленно перебрав все части тела, она поняла, что не ранена, разве что потрясена. Но тот, кого она сшибла…

– О боже!

Лилли оттолкнула уже опавшую подушку, отстегнула ремень и открыла дверцу. Выбираясь из машины, она поскользнулась и упала, больно ударилась об лед обеими ладонями и правым коленом. Пришлось опереться о крыло машины. Кое-как, прихрамывая, цепляясь одной рукой за кузов, а другой прикрывая глаза от ветра, она обогнула машину и увидела неподвижную фигуру, лежащую навзничь – головой и туловищем на узкой обочине, ногами на дороге. Судя по размеру походных башмаков, лежащий был мужчиной.

Ноги скользили на гладком, как стекло, льду, но Лилли все-таки подобралась к нему и присела на корточки. Вязаная шерстяная шапочка спускалась до самых бровей. Глаза были закрыты. Грудь не вздымалась и не опадала: Лилли не заметила никакого движения, указывающего на то, что мужчина дышит. Она просунула пальцы под вязаный шерстяной шарф, под куртку, под свитер с высоким воротником, нащупала пульс и прошептала:

– Слава богу…

Но тут ей в глаза бросилось растекающееся по камням темное пятно у него под головой. Она уже собиралась приподнять его голову и поискать источник кровотечения, но вовремя вспомнила, что человека с раной головы нельзя шевелить. Разве не в этом состоит первое правило оказания экстренной помощи? Не исключено повреждение позвоночника, а любое движение может его усугубить и даже привести к летальному исходу.

У нее не было возможности определить серьезность раны у него на голове. А ведь это было видимое повреждение. А сколько у него могло быть других, невидимых повреждений? Внутреннее кровотечение, сломаны ребра, поврежденное легкое, разрыв внутренних органов? А это странное, неестественное положение с выгнутой вверх спиной?

Надо звать на помощь. Немедленно. Лилли выпрямилась и двинулась обратно к машине. Можно позвонить по 911 по сотовому. Сотовая связь в горах не всегда надежна, но может быть…

Его стон заставил ее остановиться. Лилли повернулась так быстро, что чуть было опять не потеряла равновесие на льду, и опустилась на колени рядом с ним. Его веки задрожали и открылись, он посмотрел на нее. Такие глаза она до этого видела в жизни только раз.

– Тирни?

Он открыл было рот, собираясь заговорить, но тут же снова сжал губы. Казалось, его мутит. Он несколько раз сглотнул. На несколько секунд он закрыл глаза, потом снова открыл.

– Меня сбила машина?

– Мне кажется, это был мой задний бампер, – кивнула Лилли. – Где болит?

Он помедлил с ответом, словно оценивая в уме свое положение.

– Везде. Привет, Лилли.

mir-knigi.org

– У тебя кровь идет из затылка. Не знаю, насколько это серьезно. Ты упал на камни. Я боюсь тебя пошевелить.

Его зубы начали выбивать дробь. Либо он замерз, либо был близок к шоку. И то и другое было плохо.

– У меня в машине есть одеяло. Сейчас вернусь. Лилли распрямилась, нагнула голову, уклоняясь от ветра, и начала прокладывать себе дорогу обратно к машине. И о чем он только думал? Разве можно вот так выпрыгивать на дорогу? И вообще, что он тут делал в такую погоду один, без машины?

Кнопка поднятия крышки багажника на приборном щитке не работала, возможно, из-за повреждения электрической системы. А может быть, и потому, что крышка примерзла. Лилли вытащила ключ из зажигания и взяла его с собой. Подобравшись к багажнику, она убедилась, что ее худшие опасения верны: замок был покрыт льдом.

Опять она ощупью добралась до обочины, подняла самый крупный камень, какой только могла удержать, и с его помощью сбила лед. В таких экстраординарных ситуациях людям полагается ощущать прилив адреналина, наполняющий их сверхчеловеческой силой. Лилли ничего подобного не испытывала. К тому времени, как ей удалось сбить достаточно льда, чтобы поднять крышку, она задыхалась и падала с ног от усталости.

Отодвинув в сторону коробки с книгами, она нашла плед, застегнутый в пластиковый футляр на «молнии». Этот плед они с Датчем брали на футбольные матчи, он так и проходил в семье под названием «стадионного одеяла». Он предназначался для защиты от осенних холодов, а не для выживания в снежную бурю, но Лилли решила, что это лучше, чем вообще ничего.

Она вернулась к простертой на земле фигуре. Тирни был совершенно неподвижен, словно мертвый. В голосе Лилли появились панические нотки:

– Тирни?

Он открыл глаза.

– Я еще жив.

– Извини, что так долго. Не сразу удалось открыть багажник. – Она укрыла его пледом. – Боюсь, это не слишком поможет. Я попытаюсь…

– Опустим извинения. Мобильник есть?

Лилли вспомнила, что при первом знакомстве он произвел на нее впечатление прирожденного лидера. Что ж, прекрасно, сейчас не время разыгрывать феминистскую карту. Лилли извлекла сотовый телефон из кармана пальто. Телефон был включен, панель светилась. Она повернула телефон к Тирни, чтобы он сам мог прочесть надпись: «Нет связи».

– Я так и думал. – Он попытался повернуть голову, поморщился и ахнул, потом крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали. Помолчав, он спросил: – Машина на ходу?

Лилли покачала головой. Ее познания об автомобилях были минимальны, но, если капот выглядит как смятая жестянка из-под содовой, логично было предположить, что машина не на ходу.

– Ну, здесь мы оставаться не можем. – Тирни сделал попытку подняться, но Лилли удержала его, нажав ладонью на плечо.

– Может, у тебя позвоночник сломан. Мне кажется, тебе нельзя двигаться.

– Да, это рискованно. Но если я останусь здесь, то просто окоченею. Лучше уж пойти на риск. Помоги мне встать.

Она крепко сжала его протянутую правую руку и потянула на себя, пока он пытался сесть. Но он не смог удержаться даже в сидячем положении, качнулся вперед и тяжело навалился на нее. Лилли удержала его плечом, сдернула плед с колен и закутала его.

Потом она осторожно отстранилась, и он остался сидеть, но его голова бессильно свесилась на грудь. Из-под плотной шерстяной шапочки показалась свежая кровь, тонкая струйка обогнула ушную раковину и закапала с подбородка.

– Тирни? – Лилли легонько шлепнула его по щеке. – Мистер Тирни!

Он поднял голову, но его глаза оставались закрытыми.

– Кажется, я отключился. Дай мне минутку. Черт, голова кружится! – Он сделал несколько глубоких правильных вдохов-выдохов: вдох через нос, выдох через рот. Через несколько минут он открыл глаза и кивнул: – Лучше. Думаешь, вместе мы сумеем поднять меня на ноги?

– На это потребуется время. Не надо спешить.

– Вот как раз времени-то у нас и нет. Встань сзади, держи меня под руки.

Лилли опасливо отпустила его, но, убедившись, что он держится прямо, зашла ему за спину.

– Рюкзак?!

– Да. Ну и что?

– Ты лежал в такой неловкой позе… Я думала, у тебя спина сломана.

– Я упал прямо на рюкзак. Пожалуй, это он меня спас.

Мог бы и череп раскроить, если бы не он.

Лилли приспустила лямки рюкзака с его плеч, чтобы удобнее было его поддерживать.

– Я готова.

– Думаю, я смогу встать, – сказал Тирни. – А твое дело меня страховать, чтобы я не завалился назад. На всякий случай. Договорились?

– Договорились.

Он оперся обеими руками о землю и с усилием поднялся на ноги. Лилли не только страховала его, она прилагала не меньшие усилия, чем он сам, помогая ему подняться. Наконец он сказал:

– Спасибо. Мне кажется, я в порядке.

mir-knigi.org

Тирни сунул руку за пазуху и вынул сотовый телефон, который, видимо, был прикреплен к поясу. Поглядев на панель, он нахмурился и что-то пробормотал себе под нос. Лилли поняла, что он выругался. Значит, его телефон тоже не давал связи. Он кивнул на покореженный автомобиль.

– В машине есть что-нибудь, что нам следует взять в твой коттедж?

Лилли взглянула на него с изумлением:

– Откуда ты знаешь, что у меня есть коттедж?

* * *

Скотт Хеймер стиснул зубы от напряжения.

– Почти все, сынок. Давай. Ты можешь. Еще разок. Руки Скотта дрожали, вены выступали у него на лбу, на шее, на руках, пот катился с него градом и капал со скамьи для поднятия тяжестей на гимнастический мат.

– Я больше не могу, – прохрипел он.

– Можешь, можешь. Дай мне сто десять процентов.

Голос Уэса Хеймера эхом прокатился под высоким потолком школьного гимнастического зала. В здании никого, кроме них, не было. Всех распустили по домам больше часа назад. Скотту приходилось надолго задерживаться после окончания занятий, после окончания обязательных тренировок, когда другие члены спортивной команды расходились по приказу своего учителя физкультуры и тренера Уэса Хеймера, отца Скотта.

– Покажи мне, что ты стараешься. Я хочу увидеть максимум усилий.

Скотту казалось, что его кровеносные сосуды вот-вот полопаются. Он сморгнул пот, заливающий глаза, и несколько раз, тяжело отдуваясь, вздохнул. Слюна брызгами вырывалась у него изо рта с каждым вздохом, двуглавые и трехглавые мышцы сводило судорогой от перенапряжения, грудь готова была взорваться.

Но отец не отпустит его, пока он пять раз подряд не выжмет четыреста двадцать пять фунтов [6] – груз, более чем вдвое превышающий вес самого Скотта. Старик любит ставить недостижимые цели. И умеет требовать их достижения.

– Кончай волынить, Скотт, – нетерпеливо бросил Уэс.

– Я не волыню.

– Дыши. Накачай мышцы кислородом. Ты сможешь это сделать.

Скотт глубоко вдохнул, а затем выдохнул воздух короткими толчками, требуя невозможного от мускулов груди и рук.

– Вот так! – донесся до него одобрительный возглас отца. – Ты выжал еще один дюйм. Ну, может, два.

«Господи, хоть бы два!» – мысленно взмолился Скотт.

mir-knigi.org

– Покажи мне еще один рывок. Еще один, Скотт.

Из горла Скотта вырвалось непроизвольное рычание, когда он сконцентрировал всю свою силу в вибрирующих от напряжения руках, но он поднял вес еще на дюйм и даже зафиксировал локти на тысячную долю секунды, прежде чем старик подхватил штангу и уложил ее на держатель.

Руки Скотта безжизненно повисли вдоль тела. Его плечи обмякли, грудь бурно вздымалась в попытке выровнять дыхание, все тело гудело от переутомления.

– Отличная работа. Завтра попробуем шесть раз. – Уэс передал сыну полотенце и направился к себе в кабинет, где зазвонил телефон. – Прими душ. Я отвечу и начну все тут запирать.

До Скотта донесся его голос из кабинета.

– Хеймер, – отрывисто бросил он в трубку. – Ну, чего тебе, Дора? – Таким недовольно-ворчливым тоном старик всегда разговаривал с матерью.

Скотт чувствовал себя абсолютно обессилевшим, выжатым, как лимон. Даже добраться до раздевалки казалось ему делом непосильным. Только мысль о горячем душе подняла его со скамейки.

– Это была твоя мать! – крикнул ему Уэс через открытую дверь кабинета.

В это захламленное помещение мало кто рисковал входить. На столе скапливались кипы бумаг, работу над которыми Уэс считал напрасной тратой времени и поэтому отлынивал от нее сколько мог. На стенах висели сезонные расписания спортивных состязаний, двухмесячный календарь был испещрен собственноручными пометками Уэса, понятными только ему одному. Кроме того, к стене была пришпилена топографическая карта Клири и его окрестностей. Свои любимые места охоты и рыбалки Уэс подчеркнул жирным красным маркером. Рядом красовались фотографии школьных футбольных команд за последние несколько лет. На каждой из них тренер Уэс Хеймер гордо стоял в середине первого ряда.

– Она сказала, что пошел ледяной дождь, – продолжал он. – Давай двигать отсюда.

Терпкий запах школьной раздевалки был так хорошо знаком Скотту, что он перестал его замечать. Его собственный запах смешался с привычной вонью подросткового пота, талька, нестираных носков и тренировочных костюмов. Казалось, этот запах навек впитался в отделанные плиткой стены и пол душевой.

Скотт повернул краны в одной из кабин. Стянув фуфайку, он заглянул себе через плечо и с отвращением нахмурился, когда увидел россыпь прыщей на спине. Он вошел в кабину и повернулся спиной к струе воды, а затем принялся энергично намыливать спину антибактериальным мылом.

Он перешел к интимной процедуре подмывания, когда появился старик с полотенцем в руке.

– Вот, принес на всякий случай. Вдруг ты забыл.

– Спасибо. – Скотт смутился и начал намыливать подмышки.

Уэс, в отличие от сына, ничуть не смутился. Он перекинул полотенце через вешалку возле кабины, а затем ткнул пальцем, указывая на пах Скотта.

– Ты пошел в своего старика, – усмехнулся Уэс. – И нечего тут стесняться.

Скотт терпеть не мог, когда старик навязывал ему свою закадычную дружбу и задушевные мужские разговоры о сексе. Как будто Скотт всю жизнь мечтал обсудить с ним эту тему. Как будто ему грели душу сальные намеки и многозначительные подмигивания!

– У тебя там более чем достаточно, чтобы осчастливить всех твоих подружек.

– Папа.

– Главное, не осчастливь одну из них больше, чем следует, – продолжал Уэс с той же двусмысленной ухмылкой. – Ты у нас жених завидный, настоящий трофей для любой из здешних девчонок, мечтающих вскарабкаться повыше. Им парня подловить – раз плюнуть. И все бабы такие, все одним миром мазаны, это я тебе точно говорю. Всегда предохраняйся сам, не доверяй это дело девкам.

Уэс погрозил сыну пальцем. Можно было подумать, что он открывает некую новую истину, хотя на самом деле это был привычный предмет его поучений с тех пор, как Скотт достиг половой зрелости.

Скотт закрыл краны, достал полотенце и торопливо обернул им бедра. Он двинулся к своему шкафчику, но оказалось, что его отец еще не исчерпал любимую тему. Он хлопнул Скотта по мокрому плечу и развернул его лицом к себе.

– У тебя впереди годы тяжелой работы, пока ты не достигнешь своей цели. И я не хочу, чтоб какая-нибудь ушлая профурсетка залетела от тебя и порушила все наши планы.

– Этого не случится.

– Ты уж постарайся, чтоб не случилось. – Потом Уэс добродушно подтолкнул сына к шкафчику. – Давай одевайся.

Пять минут спустя Уэс запер двери гимнастического зала и закрыл на ночь школьное здание.

вернуться

6

Американский фунт равен 454 г.

– Спорим на что хочешь – завтра занятий не будет, – сказал он. Шел ледяной дождь, вода застывала в воздухе, не долетев до земли. – Осторожней давай. Уже скользко.

Они не без труда добрались до школьной стоянки, где Уэсу было выделено почетное место как директору спортивных программ средней школы Клири, родины «боевых ягуаров».

«Дворники» со скрипом разгребали ледяную жижу на ветровом стекле. Скотт дрожал всем телом в своей спортивной куртке и старался поглубже всунуть кулаки в карманы на байковой подкладке. У него заурчало в животе.

– Надеюсь, у мамы уже готов обед.

– Можешь перекусить в аптеке.

Скотт быстро повернул голову и взглянул на Уэса.

Уэс смотрел только на дорогу.

– Остановимся там по дороге домой.

Скотт соскользнул пониже на сиденье, поплотнее застегнул куртку и угрюмо уставился прямо перед собой, пока они ехали по Главной улице. На дверях многих магазинов уже были вывешены таблички «Закрыто». Хозяева поспешили закрыться и разойтись до того, как погода испортилась окончательно. В то же время создавалось впечатление, что никто не отправился прямо домой. Уличное движение было очень оживленным, особенно в районе рынка бакалейных продуктов, который все еще был открыт и бойко торговал.

Все это Скотт замечал на подсознательном уровне, пока его старик не остановился на одном из двух городских светофоров. Он сидел, тупо уставившись на исполосованное дождем ветровое стекло, когда вдруг его взгляд выхватил листовку, приклеенную к фонарному столбу.

РОЗЫСК!

Под этим кричащим заголовком помещалось черно-белое фото Миллисент Ганн. Далее шло ее общее физическое описание и список телефонных номеров, по которым призывали позвонить всех, кто обладал информацией о ее местонахождении.

Скотт закрыл глаза, вспоминая, как выглядела Миллисент, когда он видел ее в последний раз. Когда он вновь открыл глаза, машина опять была в движении и листовка пропала из виду.

Глава 4

– Ты уверена, что у нас есть все, что может понадобиться? Вода в бутылках, консервы?

Мэри-Ли Ритт изо всех сил старалась сдержать раздражение.

– Да, Уильям, я дважды сверилась с твоим списком, прежде чем уйти с рынка. Я даже зашла в магазин и запаслась батарейками для фонаря, потому что на рынке все уже было продано.

Ее брат бросил взгляд на улицу через широкую витрину аптеки, носившей его имя. Машины на Главной улице едва ползли – и не из-за дорожных условий, которые стремительно ухудшались, а из-за того, что машин было много. Люди торопились попасть туда, где собирались пережидать непогоду.

– Синоптики говорят, такого давно не было. Может затянуться на несколько дней.

– Я тоже слушаю радио и смотрю телевизор, Уильям. Он быстро перевел взгляд на сестру.

– Я вовсе не хочу сказать, что ты не справляешься со | своими обязанностями. Но ты бываешь немного рассеянной. Как насчет чашки какао? За счет заведения.

Она тоже взглянула на медленно тянущуюся вереницу автомобилей.

– Вряд ли я быстро доберусь до дому, если выйду прямо сейчас. Ладно. Я с удовольствием выпью какао.

Мэри-Ли вышла из-за прилавка и прошла в переднюю часть магазина, к фонтанчику с содовой. Она села у стойки на хромированный табурет.

– Линда, – распорядился Уильям, – Мэри-Ли хочет выпить чашечку какао.

– Со сбитыми сливками, пожалуйста, – добавила Мэри-Ли, улыбаясь женщине за прилавком.

– Сию минуту, мисс Мэри-Ли.

Линда Векслер заведовала кафетерием в аптеке задолго до того, как Уильям Ритт выкупил аптеку у предыдущего владельца. Ему хватило ума сохранить за Линдой ее место, когда он стал хозяином. Она была местной достопримечательностью, знала всех горожан, помнила, кто пьет кофе со сливками, а кто предпочитает черный. Каждый день с утра она собственноручно готовила свежий салат с тунцом, и ей бы в голову не пришло использовать замороженные котлеты для гамбургеров. Она сама проворачивала фарш и жарила котлеты на решетке.

– Видали, что на улице делается? – спросила она, наливая молоко в кастрюльку. – Помню, когда мы были детьми, до чего ж нам было весело всякий раз, как по радио обещали снег! Мы гадали, идти нам назавтра в школу или нет. Вы небось тоже рады лишнему выходному. Не меньше, чем ваши ученики.

Мэри-Ли улыбнулась ей:

– Если завтра пойдет снег, я, скорее всего, буду проверять тетради.

– Тратить богом данный выходной на такую ерунду? – всплеснула руками Линда.

Открылась входная дверь, колокольчик над ней звякнул. Мэри-Ли повернулась на табурете и увидела двух старшеклассниц, ворвавшихся в аптеку. Они хихикали и вытряхивали влагу из волос. Они учились в классе, в котором Мэри-Ли преподавала английский и американскую литературу.

– Вам, девочки, надо было надеть шапки, – сказала им Мэри-Ли.

– Здравствуйте, мисс Ритт, – поздоровались они в один голос.

– Что вы здесь делаете в такую погоду? Разве вам не пора домой?

– Мы пришли взять напрокат пару фильмов, – объяснила одна из них. – На всякий случай, понимаете? Вдруг завтра школы не будет?

– Вдруг еще что-то новенькое есть! – добавила вторая.

– Спасибо за идею, – кивнула Мэри-Ли. – Пожалуй, я тоже возьму домой пару фильмов.

Они покосились на нее с удивлением. Им как будто и в голову не приходило, что мисс Мэри-Ли Ритт тоже может смотреть кино. Что у нее могут быть какие-то иные интересы, помимо уроков, проверки тетрадей и патрулирования коридоров на переменах, чтобы ученики не слишком озорничали. Они, наверное, и вообразить не могли, что у нее может быть какая-то жизнь вне средней школы города Клири.

До совсем недавних пор их представление можно было бы счесть абсолютно верным.

Мэри-Ли почувствовала, как у нее вспыхнули щеки при этом невольном напоминании о ее

новом тайном увлечении, и торопливо переменила тему:

– Возвращайтесь домой, пока дороги не обледенели, – посоветовала она девочкам.

– Обязательно, – ответила одна из них. – Мне строго-настрого велели быть дома дотемна. А все из-за Миллисент. Мама с папой совсем с ума посходили.

– И мои тоже, – подхватила вторая. – Абсолютно! Хотят знать, где я, двадцать четыре часа в сутки. – Она мученически закатила глаза. – Как будто я буду общаться с каким-нибудь психом! Всю жизнь мечтала, чтоб он меня схватил и похитил!

– Я прекрасно понимаю ваших родителей, – сказала Мэри-Ли. – Они встревожены. И они совершенно правы.

– Папа дал мне пистолет, велел держать в машине, – вновь вступила в разговор первая девочка. – Сказал, чтобы я стреляла, не раздумывая, если кто будет приставать.

– Ситуация становится угрожающей, – пробормотала Мэри-Ли.

Почувствовав, что им не терпится продолжить свои девчоночьи дела, она пожелала им счастливого снежного дня, если, конечно, снег будет, и опять повернулась к стойке. В этот самый момент Линда поставила перед ней чашку какао.

– Осторожно, милочка, он горячий. – Глядя вслед девочкам, Линда покачала головой. – Прямиком с ума свихнулись.

– Угу. – Мэри-Ли осторожно отхлебнула горячее какао. – Я даже не знаю, что меня больше тревожит: пять пропавших женщин или отцы, вооружающие пистолетами своих несовершеннолетних дочерей.

Исчезновение женщин переполошило все население Клири поголовно. Люди стали запирать двери, которые до этого не запирались никогда. Женщинам всех возрастов советовали соблюдать осторожность, никуда не ходить поодиночке, особенно в безлюдных местах и после наступления темноты, а главное, не доверять незнакомцам. После исчезновения Миллисент многие мужья, женихи, приятели стали встречать своих жен, невест, подружек после работы и провожать их до дому.

– А можно ли их винить? – продолжала Линда, понизив голос. – Попомните мои слова, мисс Мэри-Ли: это самая Ганн, почитайте, уже покойница.

Грустно было так думать, но Мэри-Ли готова была с ней согласиться.

– Когда вы уходите домой, Линда?

– А вот как братец ваш, погоняла, меня отпустит.

– Попробую замолвить словечко, чтобы сегодня он отпустил вас пораньше.

– Ой, вот уж это вряд ли! Расторговались мы сегодня, люди все с прилавка сметают подчистую. Видно, думают, нескоро теперь за покупками выйдут.

Аптека располагалась на углу Главной и Лиственничной улиц с незапамятных времен. Семья Мэри-Ли переехала в Клири, когда сама она была еще маленькой девочкой, и, сколько она себя помнила, ее всегда тянуло сюда.

Должно быть, Уильям тоже сохранил приятные воспоминания об аптеке: по окончании фармацевтического факультета он сразу же вернулся в Клири и начал здесь работать. А когда хозяин аптеки решил уйти на покой, Уильям выкупил у него дело и тут же взял заем в банке на расширение оборота.

Он купил соседнее пустующее здание и соединил его с действующим магазином, увеличив, таким образом, помещение кафетерия, где были сооружены даже кабинки со столиками. У Линды появилось расширенное рабочее пространство, но и дел, конечно, прибавилось. Кроме того, Уильям предусмотрительно завел в аптеке уголок видеопроката. Помимо аптечных товаров, он держал самый богатый в городе запас романов в бумажных обложках и популярных журналов. Женщины покупали здесь косметику и поздравительные открытки, мужчины запасались табачными изделиями. И все приходили, чтобы быть в курсе местных новостей. Если в городке был свой эпицентр, он, несомненно, помещался в «Аптеке Ритта».

В придачу к лекарствам Уильям раздавал советы, рекомендации, комплименты, поздравления или соболезнования в зависимости от обстоятельств. На рабочем месте он появлялся исключительно в белом медицинском халате, который Мэри-Ли находила несколько претенциозным, но клиентам это даже нравилось.

Разумеется, многие задумывались о том, почему и он, и Мэри-Ли так и не обзавелись собственными семьями, почему они до сих пор продолжают жить в одном доме. Люди считали такую близость между братом и сестрой странной, если не сказать хуже. Мэри-Ли старалась не обращать внимания на мнение людей, предававшихся столь грязным мыслям.

Колокольчик над входной дверью снова звякнул. На этот раз Мэри-Ли не обернулась, но взглянула на облицованную зеркалами стену за рабочей зоной Линды и увидела, как в аптеку вошел Уэс Хеймер со своим сыном Скоттом.

– Уэс, Скотт, привет! Как дела? – крикнула Линда. Уэс ответил на ее приветствие, но глазами встретился в зеркале с Мэри-Ли. Он подошел, склонился над ее плечом и потянул носом запах какао.

– О черт, отлично пахнет! Мне тоже такую, Линда. Сегодня как раз подходящий день для горячего какао.

– Здравствуйте, Уэс. Скотт, – поздоровалась Мэри-Ли.

– Мисс Ритт, – пробормотал в ответ Скотт.

Уэс опустился на табурет рядом с ней. При этом он толкнул ее коленом, устраивая ноги под прилавком.

– Не против, если я присоединюсь?

– Нисколько.

– Не ругался бы ты, Уэс Хеймер, – сказала Линда. – Как-никак детям пример подаешь, и все такое.

– А что я такое сказал?

– Ты помянул черта.

mir-knigi.org

– С каких это пор ты у нас такая строгая стала? Было время, когда и у тебя срывалось словечко-другое.

Она фыркнула, но не удержалась от улыбки. Такое уж воздействие Уэс оказывал на женщин.

– Ты тоже хочешь какао, милый? – спросила Линда у Скотта.

Он стоял за спиной отца, ссутулившись, спрятав руки в карманы куртки, переминаясь с ноги на ногу.

– Да, спасибо. Было бы здорово.

– Сбитых сливок ему не давать! – предупредил Уэс. – В футболе с брюхом много очков не заработаешь.

– Вот уж что ему в ближайшее время никак не грозит, – заступилась за Скотта Линда.

Но сбитые сливки отставила в сторону. И такое воздействие Уэс тоже умел оказывать. И не только на женщин. Он повернулся на табурете лицом к Мэри-Ли.

– Как Скотт успевает по американской литературе?

– Очень хорошо. Получил восемьдесят два. [7] за сочинение по Хоторну [8]

– Восемьдесят два? Недурно. Не самый лучший результат, но и не плохой, – обратился Уэс к сыну через плечо. – Пойди поговори вон с теми юными леди. Они уже все ис-трепыхались с той минуты, как ты вошел. И обязательно дай знать Уильяму, что ты здесь.

Скотт покорно побрел куда было велено, захватив свою чашку какао.

– Девчонки так и липнут к этому парню, – заметил Уэс, провожая взглядом сына, пробирающегося по проходу к видеопрокату.

– Да уж это само собой, – сказала Линда. – Красивый чертенок!

– Вроде бы они все так думают. Названивают чуть не круглые сутки, трубку вешают, если не он отвечает. Дору доводят чуть не до белого каления.

– А ты что думаешь о его популярности у дам? – спросила Мэри-Ли.

Уэс повернулся к ней и подмигнул:

– Яблочко от яблони недалеко упало.

Мэри-Ли опустила глаза в свою чашку, нервно подыскивая тему для разговора.

– Скотт и на дополнительных занятиях делает успехи. Он стал значительно лучше писать сочинения.

– А как же иначе? Раз уж ты его обучаешь, должен же он был чему-нибудь научиться!

Осенью, вскоре после начала школьных занятий, Уэс обратился к ней с просьбой давать частные уроки Скотту по субботам и воскресеньям. За труды он предложил ей скромное вознаграждение, которое Мэри-Ли пыталась отклонить. Он настоял на своем. В конце концов

Мэри-Ли приняла предложение. И не только потому, что она понимала, насколько важно для Скотта поступление в колледж, но еще потому, что Уэсу Хеймеру мало кто мог сказать «нет».

– Надеюсь, ты не жалеешь о потраченных деньгах? – спросила она его.

– Если пожалею, ты первая об этом узнаешь, Мэри-Ли, – усмехнулся Уэс и подмигнул ей.

– Эй, Уэс! – окликнул его Уильям. – У меня есть свободная минутка. Может, пройдешь сюда?

Уэс еще несколько мгновений удерживал взгляд Мэри-Ли, потом попросил Линду записать две чашки какао на его счет и ушел туда, где его поджидали Уильям и Скотт.

– Интересно, – заметила Мэри-Ли, удивляясь, какие дела могут связывать Хеймеров с ее братом.

Но Линда уже отошла в сторону и не обратила внимания на ее слова.

* * *

Лилли все еще недоумевала, откуда Бену Тирни стало известно, что у нее есть охотничий коттедж на пике Клири, когда он раздраженно спросил:

– Есть идея получше?

Ей не пришлось долго думать, свирепый ветер едва не валил ее с ног.

– Нет. Мы должны подняться в дом.

– Сперва давай посмотрим твою машину.

До машины они добрались без приключений, хотя он нетвердо держался на ногах. Лилли села за руль, Тирни отодвинул в сторону ее чемодан и сел сзади, потому что правая сторона приборного щитка вдавилась в переднее пассажирское сиденье. Захлопнув дверцу, он снял перчатки и прижал кулак ко лбу.

– Тебе плохо? Теряешь сознание? – спросила Лилли.

– Нет. У нас нет на это времени. – Он опустил руку и критически оглядел ее. – Ты слишком легко одета.

– И не говори! – У нее стучали зубы.

– Что у тебя в чемодане? Есть что-нибудь полезное?

– Все не теплее того, что на мне.

Тирни, видимо, решил убедиться сам, открыл чемодан и начал рыться в содержимом, бесцеремонно перебирая белье, ночные рубашки, носки, легкие спортивные брючки и блузки.

– Теплое белье?

– Нет.

Он бросил ей шерстяной свитер.

mir-knigi.org

– Накинь сверху.

Лилли натянула свитер под куртку.

– Покажи мне свои сапоги.

– Мои…

– Сапоги, – нетерпеливо повторил он.

Она поддернула кверху штанину и подняла повыше ногу. Тирни нахмурился. Он извлек из чемодана несколько пар носков и перебросил через сиденье.

– Спрячь в карманы. И вот это возьми. Наденешь, когда доберемся до дома. – Он передал ей тонкий шелковый свитер-водолазку, который она когда-то покупала, чтобы поддевать под лыжный костюм. Потом, к изумлению Лилли, Тирни потянулся вперед и схватил прядь ее волос. – Мокрые. – Он выпустил ее волосы, продолжая сжимать в другой руке охапку тонкого белья. – У тебя шапка есть?

вернуться

7

В американской средней школе принята 100-балльная система оценок

вернуться

8

Натаниэль Хоторн (1804–1864) – писатель-романтик, считается одним из классиков американской литературы.

– Вряд ли.

– Тебе надо надеть что-нибудь на голову. – Он бросил шелковые трусики обратно в чемодан и стянул с себя плед. – Наклонись ко мне.

Лилли встала на колени на сиденье, повернувшись к нему лицом. Тирни накинул плед ей на голову, сделав из него нечто вроде капюшона, заправил концы крест-накрест у нее на груди и застегнул куртку.

– Вот так! Перед тем как выйти из машины, закрой пледом нос и рот. В багажнике что-нибудь есть, кроме запаски?

Ее так ошеломило его панибратское обращение, что на какой-то момент она вообще перестала соображать. До нее не сразу дошло, о чем он спрашивает.

– М-м-м… По-моему, там есть аптечка.

– Хорошо.

– И кое-какая еда, которую я забрала из коттеджа.

mir-knigi.org

– Уже лучше. – Он окинул беглым взглядом салон машины. – Карманный фонарь, что-нибудь в «бардачке»?

– Только инструкция по пользованию машиной.

– Боюсь, она так же бесполезна, как и сама машина. – Тирни вытер ладонью свежую кровь, стекавшую по щеке, и натянул перчатки. – Пошли.

– Погоди! Моя сумка. Она мне понадобится.

Лилли поискала глазами сумку и обнаружила ее на полу перед пассажирским сиденьем. Видимо, сумка упала, когда машина врезалась в дерево. Достать ее было нелегко, но Лилли сумела просунуть руку между приборным щитком и сиденьем и вытащить сумку.

– Накинь ремень через шею, освободи руки. Так будет легче сохранять равновесие.

Она последовала совету и уже потянулась к дверной ручке, но потом оглянулась на него с тревогой.

– Может, нам лучше остаться здесь и подождать помощи?

– Это можно, но сегодня никто не поднимется на эту гору, а до утра мы вряд ли протянем.

– Ну, значит, у нас нет выбора, верно?

– Практически нет.

Лилли опять потянулась к дверной ручке, но на этот раз Тирни сам ее остановил, положив руку ей на плечо.

– Извини, я не хотел показаться резким.

– Я понимаю, что нам надо спешить.

– Надо добраться до укрытия до того, как дорога совсем обледенеет.

Она кивнула в знак согласия. На секунду их взгляды скрестились, потом он убрал руку с ее плеча, открыл дверцу и вышел. Лилли подошла к нему, пока он обозревал содержимое багажника. Он нашел аптечку и велел ей спрятать коробочку в карман.

– И консервные банки забери. И галеты. – Он и сам набивал многочисленные карманы своей куртки. Лилли подумала, что ему будет тяжело, тем более что он поднял и брошенный на дороге рюкзак. – Готова? – спросил Тирни.

– Готова, насколько это вообще возможно.

Тирни кивком указал ей, что она должна идти вперед. Но первые же несколько шагов в гору по обледенелой дороге лишили их малейшей надежды. При каждом шаге вперед они съезжали на три шага назад. Тирни толкнул ее к обочине. Здесь тоже было непросто: по узкой обочине местами приходилось идти друг за другом, цепляться за ограждение, обходить вылезающие из земли валуны. Но грубые неровности земли, обломки скал, остатки растительности служили им опорой и не давали соскальзывать назад.

Подъем был крут. Даже тренированным атлетам при дневном свете и в идеальных погодных

условиях подъем по такому косогору показался бы нелегким испытанием. Лилли и Тирни приходилось идти по большей части навстречу ветру, временами вслепую, низко наклоняя голову, чтобы уберечь лицо от секущих ледяных иголок, острых, как осколки стекла.

Они часто останавливались, стараясь отдышаться. Один раз Тирни остановился, резко отвернулся от нее, и его вырвало. Лилли сразу подумала, что это верный признак сотрясения мозга. Но и это было еще не все. Она заметила, что он старается не опираться на левую ногу, и с тревогой спросила себя: нет ли у него заодно и перелома?

Идти ему становилось все труднее, и она в конце концов настояла, чтобы он обхватил ее одной рукой за плечи. Он согласился с большой неохотой, но другого выхода не было. С каждым шагом он опирался на нее все больше. Она упорно тянула его, как буксир баржу.

Они дошли до полного изнеможения и продолжали двигаться скорее по инерции. Расстояние, которое она на машине покрыла за три минуты, пешком они преодолели за час. Они буквально висли друг на друге к тому времени, как достигли ступеней крыльца. Лилли прислонила Тирни к стене, пока отпирала дверь, а потом помогла ему подняться по ступенькам. Она задержалась только для того, чтобы запереть дверь и бросить сумку на пол, после чего рухнула на диван. Тирни сбросил свой рюкзак с плеч и растянулся на втором диване, напротив нее. Их разделял кофейный столик.

Несколько минут они лежали неподвижно, тишину нарушало только их шумное дыхание. Перед уходом Лилли выключила отопление, и в комнате было холодно. Она потянулась к лампе на тумбочке и зажгла ее.

– Слава богу, – сказала она, невольно моргая от внезапно вспыхнувшего яркого света. – Я боялась, что электричество тоже отключили.

Вытащив из карманов банки консервов, Лилли выставила их на кофейный столик. Потом она извлекла сотовый телефон и набрала номер. Тирни вдруг насторожился.

– Ты кому звонишь? – спросил он, выпрямляясь.

– Датчу.

Глава 5

Предсказание Лилли насчет хаоса в городе полностью оправдалось.

Всего два часа назад Датч вернулся в город, но ему уже хотелось вернуться обратно, он уже тосковал по тишине и покою своего домика в горах. «Он больше не твой», – с горечью напомнил себе Датч.

Даже в час пик в Атланте не было таких заторов, как в этот вечер на Главной улице в Клири. Машины стояли впритирку, бампер к бамперу на обеих полосах дороги: бесконечная цепочка красных задних огней в одну сторону и белых подфарников в другую. Казалось, все, кто находился в северной половине города, устремились в южную и наоборот.

Служба шерифа курировала сельские районы округа, предоставив ведение дел в городе Датчу и его департаменту. Это был отличный день для краж со взломом, потому что никто не сидел дома, а все силы полиции были брошены на усмирение хаоса, порожденного подступающей снежной бурей.

mir-knigi.org

На пересечении Главной улицы с улицей Моултри опять сломался светофор. В любой другой день никто не увидел бы в этом ничего особенного. Водители проезжали по очереди, вежливо пропуская друг друга через перекресток и перебрасываясь шутками. Но в этот день, когда всеобщее терпение и без того было на пределе, неработающий светофор вызвал безнадежный затор, и застрявшие в нем водители принялись скандалить.

Те офицеры, что не были заняты регулированием уличного движения, контролировали рынок, стараясь предотвратить стычки из-за тех немногих товаров, что еще оставались на полках. Уже произошла одна драка из-за банок сардин.

А дальше будет еще хуже. Когда циклон перевалит на восточную сторону горного хребта и ворвется на равнину, набухая влагой, дороги станут совершенно непроходимыми и ситуация выйдет из-под контроля. Датч знал: пока буря не стихнет, а накопившиеся снег и лед не растают, ему нечего рассчитывать на отдых.

Датч бросил взгляд на вершину пика Клири. Она была полностью окутана тучами. Он спустился с горы как раз вовремя. Слава богу, Лилли отправилась прямо следом за ним! Сейчас она уже далеко на юге, на пути в Атланту. Если будет ехать быстро, вероятно, сможет обогнать надвигающуюся бурю и доберется до дому заблаговременно.

Он привык постоянно думать о ней, о том, где она и что делает. И никакое дурацкое свидетельство о разводе не сможет избавить его от этой привычки. Вспомнив, как он посмотрела на него перед тем, как он уехал, Датч почувствовал страшную тяжесть внутри. У него было такое чувство, будто он проглотил наковальню. Она как будто даже испугалась его. А кто, спрашивается, виноват? Только он один. Он сам дал ей повод для опасений.

– Эй, шеф! – окликнул его Уэс Хеймер с тротуара у «Аптеки Ритта». – Давай сюда. Я налогоплательщик, и меня есть жалоба.

Датч вывел «Бронко» из полосы движения, ползущего по Главной улице, и с трудом втиснулся на забитую машинами стоянку перед входом в аптеку. Он опустил стекло, и в салон ворвался ледяной воздух.

Уэс подошел к нему развалистой походкой бывшего футболиста. Оба его колена и одно бедро были поражена артритом, но Уэс не любил об этом распространяться. Он готов был буквально на все, лишь бы не признаться в какой-нибудь слабости.

– На что жалуешься, тренер? – бесстрастно спросил Датч.

– Ты тут у нас блюститель порядка номер один. Неужели ты не можешь очистить улицы от этих кретинов?

– Я начну с тебя.

Уэс хохотнул, но тут же оборвал себя, заметив, что Датч не в настроении, и наклонился ближе к окну машины.

– Эй, приятель, в чем дело? Что за постная рожа?

– Я распрощался с Лилли. Пару часов назад, в горном Коттедже. Она уехала навсегда, Уэс. Уэс отвернулся.

– Скотт, пойди согрей машину. Я сейчас приду. – Скотт, стоявший под навесом у входа в

аптеку, поймал брошенную Уэсом связку ключей, помахал другой рукой в знак приветствия Датчу и двинулся вниз вдоль тротуара.

– Что у него слышно насчет колледжа? – спросил Датч.

– Мы об этом после поговорим. А сейчас давай о твоей жене.

– Бывшей жене. С ударением на первом слове. Сегодня она ясно дала мне это понять.

– Я думал, ты хочешь с ней поговорить.

– Я поговорил.

– Бесполезняк?

– Точно. Она получила развод и страшно этому рада. Не желает иметь со мной ничего общего. Все кончено. – Он потер лоб рукой в перчатке.

– Ты что, плакать собираешься? Черт возьми, Датч, мне стыдно за тебя. Ты же мой лучший друг!

Датч бросил на него мрачный взгляд.

– Да пошел ты!

– Что ты хнычешь, как баба? – ничуть не смутившись, продолжал Уэс. Он укоризненно покачал головой, словно Датч был нашкодившим мальчишкой. – Лилли тебя не ценила, так? Ну, так пошли ее к черту! Сама виновата. Если хочешь знать мое мнение…

– Я не хочу знать твое мнение.

– Она думает, у нее и дерьмо не воняет.

– Я сказал, что не хочу знать твое мнение, неужели не ясно?

Уэс вскинул обе руки в знак того, что сдается.

– Ладно! Ладно! Обо мне она тоже невысокого мнения.

– Она считает тебя задницей.

– Можно подумать, я сон потеряю из-за того, что миссис Лилли Мартин Бертон думает обо мне. – Криво усмехнувшись, Уэс хлопнул Датча по плечу. – Уж больно ты переживаешь из-за всякой ерунды. Ты потерял жену, но ты же мужик! Протри глаза! – Он широко повел рукой по воздуху. – Женщин кругом навалом!

– Женщины для меня не проблема, – пробормотал Датч.

Уэс критически склонил голову набок.

– Да ну? Всю дорогу или в последнее время?

«И раньше, и теперь», – мысленно ответил Датч. В свое время он выстроил целую систему оправданий для первой ходки налево. На работе он находился под постоянным давлением. Ему

надо было сбросить напряжение. Лилли была занята своей карьерой. Их любовные отношения стали слишком предсказуемыми и невдохновляющими. И так далее, и так далее, и так далее.

Лилли расстреляла его доводы, как картонных уток в, тире. Он покаялся в своих слабостях и поклялся никогда больше не ходить налево.

Но за первой ходкой последовала вторая, потом третья, четвертая, пятая… Вскоре и запас оправданий у него иссяк. Теперь он понял, что не последняя измена положила конец его браку. Началом конца стала именно первая измена. Ему бы, дураку, догадаться, что такая женщина, как Лилли, не потерпит неверности.

Уэс смотрел на него вопросительно, ожидая ответа.

– Знаешь, после истории с Эми мне было так плохо, что я искал облегчения всюду, где мог найти, с любой женщиной, которая говорила «да», а их было, как ты говоришь, навалом. Но никто из них не мог заменить Лилли.

– Чепуха! Тебе просто было лень поискать по-настоящему. Сейчас-то тебе есть с кем спать или как?

– Уэс…

– Ладно, понял, не дурак. Не задавай вопросов, не услышишь вранья. Но какая женщина обратит на тебя внимание сегодня? Ты меня извини за откровенность, Датч, но выглядишь ты хреново.

– Я и чувствую себя хреново.

– Это заметно. И по лицу, и по походке. У тебя зад обвис, друг мой. Шарму в тебе – как в возвратном люэсе, примерно столько же. С таким подходом ты не найдешь женщину, которая тебе нужна.

– А какая женщина мне нужна?

– Полная противоположность Лилли. Держись подальше от кареглазых брюнеток.

– У нее зеленые глаза. Этот цвет называется «лесной орех».

Уэс одним взглядом отмел это уточнение.

– Заведи себе крашеную блондинку. И не дылду тощую, а маленькую толстушку. С сиськами, с задницей, чтоб было за что подержаться. Простенькую такую, без запросов, без всяких там закидонов. Чтоб смотрела тебе в рот и считала твой хрен гребаный волшебной палочкой. – Уэс был так доволен своим описанием идеальной подружки для Датча, что весь расплылся в ухмылке. – Вот что я тебе скажу, – продолжал он, – приходи ко мне сегодня попозже вечером. Бутылочку раздавим, обсудим твои возможные ходы. У меня есть парочка видео с порнухой, позырим. Поднимешь настроение, взбодришься, если ты мужик. Что скажешь?

– Мне нельзя пить, забыл?

– В снежную бурю все правила отменяются.

– Кто сказал?

mir-knigi.org

– Я сказал.

Когда Уэс начинал уговаривать, отказаться было почти невозможно, но Датч сделал честную попытку отклонить приглашение. Он перевел рычаг «Бронко» на задний ход.

– У меня сегодня дел выше крыши, ты же знаешь.

– Приходи, – повторил Уэс и погрозил ему пальцем, пока Датч отъезжал от тротуара. – Я буду ждать.

Датч влился в поток движения и направил «Бронко» к одноэтажному кирпичному зданию в квартале от аптеки, где размещался департамент полиции Клири.

Перед тем как его окончательно выперли из полиции Атланты, Датча обязали дважды в неделю посещать полицейского психиатра. На одном из сеансов психиатр сказал ему, что у него параноидальные наклонности и что он уже на грани. Датч вспомнил по этому поводу старый анекдот: если ты параноик, это не значит, что тебя не преследуют все кому не лень.

В этот проклятый день Датчу стало казаться, что мир и впрямь ополчился против него.

Кого он увидел, как только вошел в полицейский участок? Мистера и миссис Ганн, чтоб ему сгореть! Должно быть, кто-то шлепнул бубнового туза ему на спину, никак не иначе. Сперва Лилли, а теперь вот предки Миллисент Ганн, погода и остальные жители Клири – все точно сговорились его доставать. Это был, похоже, худший день его жизни.

Ну ладно, один из худших.

Миссис Ганн и в лучшие свои дни была похожа на голодного воробья, а уж с тех пор, как Миллисент пропала, можно было подумать, что она всю неделю не спала и не ела. Ее маленькая головка напоминала голову черепахи, выглядывающую из панциря, только панцирем ей служило утепленное стеганое пальто. Когда Датч вошел, она взглянула на него в полном отчаянии.

Это чувство было ему знакомо. Да, он ей сочувствовал. Но в этот день он был просто не в силах разбираться еще и с отчаянием миссис Ганн. Ему бы справиться со своим собственным.

Мистер Ганн, напротив, был толстяком. Его еще больше полнила теплая суконная куртка в крупную черно-красную клетку. Он был столяром, и его руки, огрубевшие от десятилетий тяжелой работы, покрасневшие от холода, напоминали пару сырокопченых окороков.

Он мял мозолистыми пальцами поля шляпы, уставившись невидящим взглядом на коричневую, усеянную пята нами тулью. Жена ткнула его локтем в бок. Он поднял голову и увидел Датча.

– Датч! – Он поднялся на ноги.

– Эрни! Миссис Ганн! – Датч кивнул обоим по очереди. – Погода портится. Вам следует быть дома.

– Мы просто зашли узнать, нет ли чего-нибудь нового. Датч знал, зачем они устроили ему засаду в приемной полицейского участка. В этот день он уже получил от них несколько голосовых посланий по телефону, но ни на одно не ответил. И почему никто из его людей не предупредил его, что они сами приперлись? Тогда он не вернулся бы в участок до их ухода. Но он пришел, и они подстерегли его, застали врасплох. Что ж, придется их принять, другого

выхода нет.

– Проходите сюда, поговорим в моем кабинете. Кто-нибудь предложил вам кофе? Он тут у нас густой, как битум, но обычно бывает горячим.

– Спасибо, нам ничего не нужно, – отказался Эрни Ганн за них обоих.

Как только они сели напротив его стола в кабинете, Датч сделал скорбное лицо.

– К сожалению, ничего нового я вам сообщить не могу. На сегодня мне пришлось отозвать поисковый отряд по вполне понятным причинам, – сказал он, указывая за окно. – Еще до начала бури мы отбуксировали машину Миллисент на окружную стоянку. Мы прочешем ее частым гребнем на любые частицы, даже самые микроскопические, но при беглом осмотре явных следов борьбы нет.

– Каких, например?

Датч заерзал в кресле и бросил опасливый взгляд на миссис Ганн, прежде чем ответить ее мужу.

– Сломанных ногтей, волос, крови. Голова миссис Ганн затряслась на тощей шее.

– Вообще-то, это хорошие новости, – поспешил заверить ее Датч. – Мои люди и я… мы все еще пытаемся восстановить передвижения Миллисент в ее последний вечер на работе. Опрашиваем всех, кто видел ее в магазине, но сегодня после обеда нам пришлось прекратить опрос опять-таки из-за бури. От спецагента Уайза я тоже пока ничего не слышал, – продолжал Датч, предвосхищая, он полагал, их следующий вопрос. – Понимаете, его отозвали обратно в Шарлотту. [9] У него там другое дело, требующее внимания. Но он заверил меня перед отъездом, что по-прежнему активно работает над делом Миллисент и хочет использовать тамошнюю компьютерную базу, чтобы кое-что проверить.

– Он говорил, что хочет проверить?

Датчу до смерти не хотелось признаваться, что Уайз, да все эти сукины дети из ФБР, если на то пошло, – не желает делиться с ним информацией. Все они как в рот воды набирали в присутствии полицейских – никчемных и некомпетентных олухов ниже себя по званию. Таких, например, как он сам!

– Насколько мне известно, вы открыли Уайзу доступ к дневнику Миллисент, – сказал он вслух.

– Это верно. – Эрни Ганн повернулся к жене и для ободрения взял ее за руку. – Может быть, мистер Уайз что-нибудь в нем найдет, и это наведет его на след.

Датч ухватился за эти слова.

– Существует реальное предположение, что Миллисент ушла по своей собственной воле. – Он вскинул руку, предупреждая их протесты. – Знаю, это первое, о чем я вас спросил, когда вы сообщили, что она пропала. Вы категорически отвергли такую возможность. Но выслушайте меня. – Датч бросил на них обоих свой патентованный взгляд вдумчивого следователя. – Нельзя исключить, что Миллисент захотела побыть одна. Возможно, она вообще не связана с другими пропавшими женщинами.

Он знал, что такая вероятность ничтожно мала, но, по крайней мере, это могло дать им

надежду.

– Но ее машина, – проговорила миссис Ганн так тихо, что Датч ее едва расслышал. – Она осталась на стоянке за магазином. Как она могла уехать без машины?

– Может быть, кто-то из друзей увез ее куда-нибудь, – предположил Датч. – А поскольку ее исчезновение вызвало панику, этот друг побоялся обнаружить себя и признаться. Побоялся, что у него и у Миллисент будут неприятности, потому что они всех нас напугали до полусмерти.

Мистер Ганн недоверчиво нахмурился.

– У нас, конечно, были свои проблемы с Миллисент, а у кого нет? Спросите любых родителей, у которых есть дети-подростки. Но я не думаю, что она могла так поступить просто нам назло.

– Она знает, что мы ее любим, знает, что мы бы с ума сошли от беспокойства, если б она просто взяла и сбежала, – всхлипнула миссис Ганн, прижимая к губам скомканную салфетку.

На нее больно было смотреть. Датч опустил взгляд на затянутую бумагой поверхность своего стола, выжидая, пока она успокоится.

– Миссис Ганн, я уверен, в глубине души она знает, что вы ее любите, – великодушно признал он. – Но, как я понимаю, Миллисент была не в восторге от той больницы, куда вы ее уложили в прошлом году. Вы поместили ее туда против ее воли, не так ли?

– По своей воле она бы не пошла, – вмешался мистер Ганн. – Нам пришлось это сделать, иначе она могла умереть.

– Я понимаю, – кивнул Датч. – Возможно, в глубине души Миллисент тоже это понимает. Но… могла она озлобиться из-за этого?

Согласно поставленному диагнозу, девушка страдала анорексией и булимией. [10] К чести ее родителей, надо было сказать, что они заложили чуть ли не всю свою собственность, но поместили ее в дорогой медицинский центр в Рейли для лечения и психиатрического консультирования.

Миллисент провела в Рейли три месяца, после чего ее объявили излечившейся, выписали и отослали домой. Городские слухи утверждали, что сразу после выписки она вернулась к своей скверной привычке обжираться, а потом вызывать рвотный рефлекс, сунув два пальца в горло, потому что боялась набрать лишний вес и быть изгнанной из школьной команды спортивных болельщиц. Жезлом и булавами Миллисент размахивала с шестого класса и ни в коем случае не хотела вылететь из команды в выпускном классе.

– Она выздоравливала, – сказал ее отец. – С каждым днем ей становилось лучше. – Он свирепо взглянул на Датча. – И вообще, вам не хуже, чем мне, известно, что она не сбежала. Ее схватили. К рулю была привязана синяя ленточка.

– Об этом нельзя распространяться, – напомнил Датч.

Синюю ленту находили на месте предполагаемого похищения каждой из женщин, но этот факт скрывали от прессы. Из-за этой ленты таинственного похитителя прозвали Синим.

На поясе у Датча завибрировал сотовый телефон, но он не стал отвечать. Речь как раз зашла о

серьезном деле. Раз уж информация о синей ленте просочилась в город, можно к бабке не ходить, что эти проклятые фэбээровцы обвинят в утечке Датча и его департамент. Может, так оно и было. Да что там, ясное дело, так оно и было. И тем не менее он решил приложить все усилия, чтобы исправить положение и избежать обвинений.

– Да об этом уже весь город знает, – возразил мистер Ганн. – Разве такое удержишь в секрете, когда сукин сын уже в пятый раз оставляет эту ленточку?

– Если весь город знает, значит, и Миллисент, скорее всего, знает. Она могла нарочно привязать эту ленточку, чтобы пустить нас по ложному следу…

– Черта с два! – возмутился Эрни Ганн. – Никогда бы она не пошла на такую жестокость! Нет, сэр, это Синий захватил нашу Миллисент. И вы прекрасно знаете, что это так. Вы должны ее найти, пока он…

Его голос надломился, в уголках глаз появились слезы. Миссис Ганн подавила рыдание. Но прервала паузу именно она, и в ее голосе послышалось ожесточение:

– Вы же из полиции Атланты, и все такое! Мы думали, вы поймаете этого человека, пока он не похитил нашу Миллисент или еще кого-нибудь.

– Я работал в отделе убийств, а не розыска пропавших, – сквозь зубы ответил Датч.

Бог свидетель, он проявил все возможное сочувствие к этим людям, он с ног сбился, разыскивая их дочь, а они даже спасибо не сказали. Они ждали от него чуда только потому, что он служил в столичной полиции.

В эту минуту на душе у него было так паршиво, что он даже не понимал, какого черта согласился на эту работу. Когда городской совет во главе с председателем Уэсом Хеймером предложил ему должность начальника полиции, надо было им сказать: пусть сперва поймают своего серийного похитителя, а уж потом соглашаться.

Но ему нужна была работа. Более того, ему было необходимо выбраться из Атланты, где Лилли унизила его человеческое достоинство, а департамент полиции – профессиональное. Его развод был окончательно оформлен в тот же месяц, когда его уволили. Как будто сговорились.

И вот, когда он пребывал в низшей точке своего падения, Уэс приехал в Атланту со своим предложением. Он укрепил пошатнувшееся самомнение Датча, заявив, что его родному городу остро необходим крутой коп с таким опытом, как у него.

Уэс был непревзойденным мастером гнать такую пургу. В этом искусстве он поднаторел, когда накачивал в раздевалке свою команду перед матчами. Датч знал, что это пурга, но все равно слушать было приятно. И не успел он сообразить, что происходит, как они уже заключили соглашение, даже скрепили его рукопожатием.

вернуться

9

Крупнейший город в штате Северная Каролина.

вернуться

10

Болезненное отсутствие аппетита и беспорядочное поглощение любой пищи, сопровождаемое искусственно вызываемой рвотой.

Здесь его знали и уважали. Он знал этих людей, знал этот город и весь округ как свои пять пальцев. Возвращение в Клири казалось сменой новых тугих башмаков на старые домашние тапочки. Но вскоре выяснилось, что имеется одно существенное осложнение: ему пришлось разгребать за своим предшественником, который понятия не имел о розыскной работе и умел только что выписывать штрафы за неправильную парковку. И в первый же день Датчу на стол свалили четыре нераскрытых дела об исчезновении. А теперь к ним прибавилось еще и пятое. У него был ограниченный бюджет, неопытный персонал, прошедший лишь самую общую подготовку, да плюс к тому еще и вмешательство ФБР, потому что это было похоже на похищение, а похищение считалось преступлением федерального уровня.

И вот теперь, через два с половиной года после исчезновения первой девушки на популярном туристском маршруте, у него по-прежнему не было ни одного подозреваемого. Виноватым Датч себя не считал, но это был, фигурально выражаясь, его младенец, который, вырастая, становился все более безобразным.

В этот тяжкий день Датч был особенно не в настроении выслушивать критику, даже от людей, переживающих все муки ада.

– Мне еще предстоит опросить многих знакомых Миллисент, – повторил он. – Как только буря утихнет, обещаю вам: весь личный состав департамента во главе со мной будет брошен на поиски. – Он встал, давая понять, что разговор окончен. – Хотите, я попрошу кого-нибудь отвезти вас домой в патрульной машине? На улицах скользко, движение становится небезопасным.

– Спасибо, не нужно. – С завидным достоинством мистер Ганн помог своей жене подняться со стула и вывел ее из кабинета.

– Понимаю, это трудно, но старайтесь не терять надежды, – сказал Датч, следуя за ними по короткому коридору.

Мистер Ганн лишь кивнул в ответ, надел шляпу и вывел жену из здания на воющий ветер.

– Шеф, у нас тут…

– Минутку, – перебил Датч дежурного полицейского, отвечающего на звонки, хотя и заметил, что все входящие линии мигают красными лампочками.

Он снял с пояса сотовый и проверил, кто ему звонил. Лилли. И она оставила сообщение. Датч торопливо набрал код доступа к голосовой почте.

«Датч, я не знаю… выбраться… или нет. Я… аварию на спуске. Бен Тирни… Мы… в коттедж. Ему… врач… Помоги, если… скорее».

Глава 6

Лилли свела сообщение по голосовой почте к минимуму, опасаясь, что связь может прерваться

в любую минуту. К тому времени, как она договорила, телефон заглох у нее в руке.

– Надеюсь, хоть что-нибудь из этого прошло, – сказала она, поворачиваясь к Тирни. – Если хоть что-то прошло, Датч поймет остальное.

Она стянула плед с головы, но он так и остался у нее на плечах. Шерсть промокла, к ворсу прилипли комки нерастаявшего льда. Ей было холодно, она продрогла и чувствовала себя паршиво. Впрочем, Тирни наверняка еще хуже. Он держался, но, казалось, в любую минуту мог рухнуть. Сквозь черную шерстяную шапочку просочилась свежая кровь. Брови и ресницы заиндевели. Он был похож на привидение.

Лилли протянула руку к его глазам.

– У тебя тут…

– Иней? – догадался он. – У тебя тоже. Сейчас растает. Лилли стерла кристаллики льда с лица.

– Никогда раньше не сталкивалась со стихией в открытом бою. Мое самое страшное приключение – попасть под дождь без зонтика.

Она поднялась, подошла к термостату на стене и, настроив его, услышала знакомый и такой приятный слуху шорох воздуха, проникающего в комнату сквозь решетку вентиляции в потолке.

– Скоро тут станет тепло. – Возвращаясь к дивану, она заметила: – Я не чувствую пальцев. Ни на руках, ни на ногах.

Тирни стащил перчатку при помощи зубов, потом кивнул ей на диван, на котором сам сидел.

– Сядь и сними сапоги.

Лилли села рядом с ним, сняла перчатки и с трудом стянула с ног промокшие сапожки.

– Ты мне сразу сказал, что они промокнут.

– Это было нетрудно.

Ее носки можно было выжимать, как и штанины до самого колена. Весь ее костюм был выбран в соответствии с модой, а не с погодой.

Тирни похлопал себя по колену.

– Давай сюда ногу.

Лилли колебалась, но в конце концов положила ногу ему на колени. Он стащил с нее тонкий носок. Она не узнала свою собственную ногу. Ступня была белой, как кость, совершенно бескровной. Тирни крепко зажал ее обеими руками и принялся энергично растирать.

– Будет больно, – предупредил он.

– Уже больно.

– Надо восстановить кровообращение.

mir-knigi.org

– Ты когда-нибудь писал о том, как пережить снежную бурю?

– Не по личному опыту. Теперь я понимаю, какая это была поверхностная и скудная по части информации статья. Лучше?

– Пальцы покалывает.

– Вот и хорошо. Значит, в них кровь возвращается. Видишь? Уже розовеют. Давай вторую ногу.

– А как же твои?

– Подождут. У меня ботинки водонепроницаемые. Лилли поменяла ноги. Тирни стянул носок, обхватил ступню и начал массировать, восстанавливая чувствительность. Но теперь он не спешил, слегка пощипывал каждый палец, растирал подушечкой большого пальца свод стопы к пятке и обратно. Лилли следила за его руками. Сам он тоже смотрел на свои руки. Оба молчали.

Наконец он зажал согревшуюся ногу между ладонями и повернулся к ней лицом. Их лица оказались так близко, что она могла сосчитать все ресницы у него на глазах, мокрые от растаявшего льда.

– Лучше? – спросил Тирни.

– Гораздо лучше. Спасибо.

– На здоровье.

Он не сделал никакого движения, чтобы разжать ладони: предоставил возможность ей самой убрать ногу. Лилли спустила ногу с его колен и вытащила из кармана пальто пару сухих носков. Это позволило ей отодвинуться от него без демонстративности, естественным образом.

Но она продолжала наблюдать за ним краем глаза, пока он, наклонившись, расшнуровывал свои высокие походные ботинки. Даже когда они были расшнурованы, Тирни не разогнулся. Он оперся локтем на колено и опустил голову на руку.

– Тебя опять тошнит? – спросила Лилли.

– Да нет, вроде бы нет. Просто дурнота. Это пройдет.

– Может быть, у тебя сотрясение мозга.

– Тут никакого «может быть» быть не может. Дело ясное.

– Прости! Мне очень жаль.

Ее виноватый тон заставил его поднять голову.

– С какой стати тебе извиняться? Если бы не я, ты не разбила бы свою машину.

– Я ничего не видела дальше радиатора. И вдруг ты возник передо мной, прямо как из-под земли, и…

– Я сам во всем виноват. Увидел твои фары на повороте и не захотел упустить свой последний шанс спуститься в город на машине. Бросился бежать, но слишком сильно разогнался на

склоне. Инерция понесла меня вперед.

– Я тоже виновата. Глупо было так резко тормозить.

– Рефлекс, – пожал он плечами. – В любом случае ты не должна себя винить. Может, судьба свела нас не случайно.

– Ты, вероятно, спас мне жизнь. Будь я одна, осталась бы в машине и к утру превратилась бы в кусок льда.

– Ну, значит, тебе повезло, что именно я попался тебе на пути.

– А что ты делал на пике Клири в такую погоду, да еще без машины?

Он наклонился и начал стаскивать правый башмак.

– Любовался окрестностями.

– В такую погоду? – повторила Лилли.

– Хотел добраться до вершины.

– Прямо перед бурей?

– В зимние месяцы горы имеют особую привлекательность. – Тирни снял второй башмак и отбросил его в сторону, а потом принялся растирать себе пальцы. – Когда я насмотрелся и почувствовал, что готов вернуться обратно в город, моя машина не завелась. Наверное, аккумулятор сел. И тогда я решил: чем идти по дороге со всеми этими поворотами, срежу-ка я путь напрямую через лес.

– В темноте?

– Да, теперь-то я понимаю – это было не самое умное решение, но все было бы в порядке, если б циклон пришел не так быстро.

– Я тоже не рассчитала. Так по-дурацки задремала и… Что случилось? – спросила Лилли, заметив, что он часто-часто моргает, словно отгоняя дурноту. – Обморок?

– Возможно. Проклятое головокружение. Лилли встала и положила руки ему на плечи.

– Надо откинуться назад и положить голову на подушку.

– Если я потеряю сознание, приведи меня в чувство. Не давай мне спать. Я не должен засыпать с сотрясением мозга.

– Ладно.

Но он все-таки не хотел ложиться.

– Я испачкаю кровью твою кушетку.

– Вряд ли это имеет значение, мистер Тирни, и к тому же это больше не моя кушетка.

Он сдался и позволил ей уложить себя на диван. Лилли положила ему под голову диванную

mir-knigi.org

подушку.

– Так лучше?

– Да, спасибо.

Лилли никак не могла согреться даже в пальто. Она вернулась ко второму дивану и набросила себе на плечи вязаный плед.

– Больше не твоя кушетка? – спросил Тирни с закрытыми глазами. – Я слыхал, что дом продается. Он продан?

– Сделка состоялась вчера.

– Кто его купил? Кто-нибудь из местных?

– Нет, пожилая пара из Джексонвилла, Флорида. Хотят проводить здесь летние месяцы.

Тирни открыл глаза и обвел взглядом комнату. Коттедж был снабжен всеми современными удобствами, но был построен и отделан в деревенском стиле и гармонировал с горной местностью. Простая массивная мебель была создана для удобства и уюта, а не для показухи.

– Они купили себе потрясающий летний дом.

– Да, это верно. – Лилли тоже оглядела комнату, словно оценивая надежность конструкции. – Мы тут продержимся, да? Я хочу сказать, пока буря не утихнет.

– Откуда поступает вода?

– Из резервуара на плоскогорье где-то посредине между домом и городом.

– Надеюсь, трубы еще не замерзли.

Лилли обогнула буфетную стойку, отделявшую жилую комнату от кухни.

– Вода у нас есть, – объявила она, открыв кран.

– Есть, во что ее набрать?

– Кухонная утварь была продана вместе с домом.

– Начинай заполнять все горшки и кастрюли, какие есть. Нам нужно собрать как можно больше питьевой воды, пока трубы не замерзли. Хорошо, что ты захватила собой всю эту еду. С голоду не умрем.

Лилли нашла глубокий сотейник, в котором когда-то готовила индейку на День благодарения, [11] и поставила его в раковину под открытый кран. Вернувшись в комнату, она указала на камин:

– Дрова сложены на крыльце.

– Да, но пока мы входили, я заметил, что они отсырели и бревна не расколоты.

– Наблюдательность – ценная черта.

mir-knigi.org

– У меня действительно есть способность не упускать детали.

– Да, я заметила.

– Когда?

– Что – когда?

– Когда ты заметила, что у меня есть способность не упускать детали? Сегодня или в тот день прошлым летом?

– Думаю, оба случая сыграли свою роль. На подсознательном уровне, – пояснила Лилли, а сама подумала: интересно, каких именно деталей, касающихся ее особы, не упустили его пронзительно-синие глаза в этот вечер и в тот памятный день в прошлом июне?

– Зачем ты ему звонила?

Этот вопрос показался ей настолько неуместным, что Лилли растерялась. Она взглянула на свой сотовый теля фон, который положила на кофейный столик, чтобы сразу достать, если он зазвонит.

Не давая ей времени для ответа, Тирни продолжал:

– Я слыхал, ты развелась.

– Мы развелись.

– Так зачем же ты ему звонила?

– Датч теперь работает начальником полиции Клири.

– Об этом я тоже слыхал.

– Это его работа – разбираться с экстренными ситуациями, вызванными бурей. У него есть и власть, и возможности чтобы организовать помощь и вызволить нас отсюда.

Тирни несколько секунд молчал, потом бросил взгляд на дверь.

– Никто сюда сегодня не придет. Ты это понимаешь?

– Да, думаю, сегодня мы предоставлены сами себе, – кивнула Лилли. Ей вдруг стало неловко, и она глубоко засунула руки в карманы пальто. – Ой, аптечка! – вскрикнула она, нащупав коробочку в кармане. – Я чуть не забыла.

Лилли вытащила ее из кармана. Это была маленькая белая пластмассовая коробочка с красным крестом на крышке, из тех, что заботливые мамаши кладут в рюкзачок своим дочкам перед походом или баскетбольным матчем. Лилли открыла ее и осмотрела содержимое.

– М-да, негусто. Но тут есть салфетки с антисептиком, можно хотя бы прочистить рану. – Она взглянула на него в нерешительности. – Хотите сами снять шапочку или доверите мне?

– Лилли?

– А?

– С каких это пор мы стали на «вы»?

Она смущенно пожала плечами:

– Ну, я не знаю… Мне кажется, это как-то больше подходит… к обстоятельствам.

– А обстоятельства состоят в том, что мы застряли здесь на неопределенное время и друг без друга нам не выжить, верно?

– Согласитесь, положение весьма неловкое.

– Почему неловкое?

«Он что, действительно не понимает или дурака валяет?» – нахмурилась Лилли.

– Потому что, если не считать того дня на реке, мы практически незнакомы.

Он встал и медленно подошел к ней, заметно пошатываясь.

– Если ты считаешь, что мы друг другу чужие, значит, тот день на реке запомнился тебе не так, как мне.

Она отступила на шаг и покачала головой, то ли прогоняя воспоминания о ярком солнечном дне на реке, то ли отстраняясь от него. Что ею двигало, она сама не знала.

– Послушай, Тирни…

– Слава тебе господи! – Он ослепил ее своей заразительной улыбкой, которая, увы, слишком хорошо запомнилась ей с прошлого лета. – Я опять стал просто Тирни.

* * *

– Тирни? – переспросил старший специальный агент Кент Бегли.

– Так точно, сэр. Бен Тирни, – подтвердил специальный агент Чарли Уайз.

В ставке ФБР в Шарлотте у Чарли Уайза было прозвище Филин, и все называли его именно так. Он носил очки в черепаховой оправе с толстыми круглыми линзами, поэтому прозвище прижилось. Филин, как известно, символ мудрости, поэтому Чарли Уайз не обижался.

И вот сейчас Бегли вглядывался сквозь эти толстые линзы прямо в немигающие глаза Филина, гипнотизируя его одним из своих «фирменных» пронизывающих взглядов. Подчиненные называли этот жуткий взгляд «яйцерезкой». Разумеется, за спиной у Бегли.

Бегли был человеком глубоко верующим, у него всегда под рукой была Библия с его собственным именем, вытисненным золотом на черном кожаном переплете. Книга выглядела потрепанной и зачитанной. Он часто цитировал ее наизусть.

Одним из моральных запретов в строгой системе ценностей старшего спецагента Бегли был запрет на употребление непристойности или грубых намеков на секс в разговоре. Он не спускал такого никому и уж тем более не терпел ничего подобного от своих подчиненных – мужчин или женщин. Сам он прибегал к грязным словам, только когда считал их абсолютно необходимыми для доходчивого изложения своих мыслей. То есть примерно раз в десять секунд.

Филин был надежным, способным и хладнокровный агентом. Он никогда не терял присутствия духа и не так часто, не так сильно, как другие, трепетал под «яйцерезкой» старшего спецагента Бегли. Никто не знал, каковы показатели Филина в стрельбе, но он считался одним из ведущих специалистов по компьютерным делам. Он прекрасно умел вести поиск, в этом деле ему не было равных. Уж если Филин не мог выудить нужные данные, значит, таких данных просто не существовало в природе.

Он, не дрогнув, встретил свирепый взгляд своего шефа.

– Я уже несколько дней изучаю Бена Тирни, сэр. Всплыли кое-какие любопытные факты.

– Я слушаю.

Бегли указал ему на стул напротив себя, но, поскольку он продолжал сверлить Филина взглядом, тот счел за благо начать свой рапорт стоя.

– За последние два года Бен Тирни довольно часто посещал округ Клири и прилегающие районы. Он останавливается там на две-три недели, иногда на месяц, потом уезжает.

– Там, в горах, много народу толчется, – заметил Бегли. – Отпускники. Туристы.

– Мне это известно, сэр.

– Так что же делает его таким особенным? Его визиты в Клири совпадают с датами исчезновений?

– Да, сэр, совпадают. Он останавливается на турбазе в двух милях от центра города. Индивидуальные коттеджи с кухоньками и верандами, с видом на озеро и водопад.

вернуться

11

Официальный праздник в США в память первых переселенцев из Европы. Отмечается в четвертый четверг ноября.

Бегли кивнул. Он хорошо представлял себе место, описанное Филином. Таких турбаз в округе было множество: небольшие горные общины в штате Северная Каролина жили в основном за счет туризма, привлекая любителей охоты, рыбалки, а также пеших и байдарочных походов.

– Менеджер турбазы показал, что мистер Тирни всегда резервирует самый большой коттедж. Номер восемь. Две спальни, жилая комната с камином. И вот что мне кажется примечательным: он всегда сам производит уборку в своем коттедже. Вне зависимости от срока пребывания он сам дважды в неделю забирает чистое постельное белье на стойке регистрации и отказывается от ежедневных услуг уборщицы.

– Ну, Филин, это еще не дымящийся «кольт».

– Но это подозрительно, согласитесь.

Бегли встал из-за стола и подошел к большой деревянной подставке, которую Филин заранее принес к нему в кабинет. На подставке была закреплена пробковая доска, и ней были

mir-knigi.org

пришпилены фотографии пяти женщин, пропавших в окрестностях Клири, а также данные, собранные на каждую из них: дата рождения, водительские права, номер карточки социального страхования, дата исчезновения, описание внешности, ближайшие родственники или близкие друзья, интересы и увлечения, вероисповедание, образование, банковские счета и другие источники дохода (все они остались нетронутыми), последнее местонахождение и еще все то, что могло бы помочь в розыске женщин или неизвестного похитителя, получившего прозвище Синий.

– А этот Тирни подпадает под психологический портрет серийного сексуального маньяка?

Хотя еще не было точно установлено, что пропавшие женщины стали жертвами сексуального нападения, рабочая версия гласила, что мотив похищения был именно таков.

– Да, сэр. Белый держится особняком, предпочитает одиночество. Один недолгий брак. Разведен.

– Бывшая жена?

– Снова вышла замуж.

– Подробности брака и развода?

– Перкинс добывает для меня подробности. Он копает.

– Дальше.

– Сорок один год. Паспорт гражданина США, водительские права выданы в Виргинии. Рост шесть футов три дюйма, вес сто восемьдесят пять фунтов. Во всяком случав столько он весил, когда обновил права два года назад. Волосы черные, глаза синие. Чисто выбрит. Никаких татуировок или видимых шрамов.

Управляющий турбазой говорит, что он вежлив и нетребователен, щедро дает чаевые горничной, хотя не пользуется ее услугами. Расплачивается единой кредитной картой. Использует ее практически для всех платежей и пополняет счет каждый месяц. Никаких непогашенных долгов. Никаких недоразумений с налоговой службой. Ездит на джипе «Чероки» последней модели. Регулярно платит страховые взносы и проходит техосмотр.

– Образцово-показательный гражданин. Прямо-таки столп общества.

Несмотря на свое замечание, Бегли прекрасно понимал, что под маской образцово-показательного гражданина может скрываться преступник, психопат или социопат. За свою долгую карьеру он перевидал немало монстров в самом благопристойном обличье.

Была, например, в его практике женщина, овдовевшая шесть раз, прежде чем кому-то пришло в голову расследовать столь невероятное совпадение. Своих мужей она убивала изобретательно и нешаблонно, но самым замечательным в этом деле был движущий мотив: она просто обожала устраивать похороны! Она была пухленькой, как откормленная индюшка, и хорошенькой, как персик. Никто не заподозрил бы, что она способна убить хотя бы муху.

Или, скажем, мужчина, который на Рождество регулярно изображал Санта-Клауса в торговом центре по соседству со своим домом. Добродушный, веселый, приветливый со всеми, кто его знал, он сажал детей на колени, спрашивал, что они хотят получить в подарок на Рождество, раздавал сладости, говорил им, чтобы вели себя хорошо и не шалили. В то же самое время он

выбирал среди детей одного, которого позже насиловал, расчленял и вывешивал различные части тела в рождественских чулках на своей каминной полке.

Бегли привык ничему не удивляться. И уж тем более не его удивить предполагаемый похититель женщин, отличающийся вежливыми манерами, щедро дающий на чай и оплачивающий счета вовремя.

– Как насчет друзей? – спросил Бегли. – Кто-нибудь навещает его в арендованном коттедже?

– Никто. Если позволите процитировать мистера Гаса Элмера, управляющего турбазой: «Он сам по себе».

Бегли внимательно взглянул на фотографию Лорин Эллиотт, третьей пропавшей женщины. У нее был скверный перманент и добрая улыбка. Ее машину нашли на стоянке шашлычной под открытым небом, на полпути между клиникой, в которой она работала медсестрой, и ее домом. Она не востребовала заказанную накануне по телефону порцию мяса на ребрышках.

– Какое место Бен Тирни называет своим домом?

– У него есть кондоминиум в Виргинии, на самой границе округа Колумбия, [12] на этот адрес он получает почту, – ответил Филин. – Но Тирни редко там бывает. Он все время в разъездах.

– А мы знаем почему? – повернулся к нему Бегли. Филин перебрал кипу бумаг, которую принес с собой, и извлек из нее популярный журнал для любителей спортивных состязаний и развлечений на открытом воздухе.

– Страница тридцать семь.

Бегли взял журнал и перелистал страницы. На тридцать седьмой был напечатан репортаж о путешествии на плотах по реке Колорадо.

– Он – писатель-путешественник, – пояснил Филин. – Занимается экстремальным туризмом, ездит в экспедиции, пишет о них, продает статьи в журналы, специализирующиеся на такого рода вещах. Альпинизм, походы с палатками, дельтапланеризм, подводное плавание, путешествия на собачьих упряжках. И так далее в том же духе. Что ни назовите, он все перепробовал.

Репортаж сопровождался цветной фотографией: двое мужчин на каменистой речной отмели на фоне белых шипящих порогов. Один из мужчин был бородатый, коренастый, ростом гораздо ниже шести футов трех дюймов. Подпись под снимком гласила, что это проводник.

Второй соответствовал описанию Тирни. Широкая белозубая улыбка на удлиненном загорелом лице. Растрепанные ветром черные волосы, икроножные мышцы, твердые, как бейсбольные мячи. Рельефная мускулатура рук. Плоский живот, похожий на стиральную доску. Ни дать ни взять Давид работы Микеланджело в плотных холщовых шортах.

– Ты что, издеваешься надо мной, мать твою? – грозно нахмурился Бегли. – Да такого парня женщины забрасывают своими трусиками.

– Тед Банди [13] имел репутацию дамского угодника, сэр.

Бегли фыркнул, признавая справедливость замечания подчиненного.

– Что насчет женщин?

– Вы имеете в виду связи?

– Все, что угодно.

– Соседи Тирни в Виргинии мало что о нем знают, потому что он там редко бывает, но они в один голос заявили, что никогда не видели там женщин.

– У такого красавца-холостяка? – усомнился Бегли.

– Ну, может, он «голубой», – пожал плечами Филин, – хотя никаких подтверждений этому нет.

– Может, у него любовное гнездышко где-то в другом месте? – предположил Бегли.

– Может, и так, но и этому нет подтверждений. Никаких долгосрочных связей. Как и краткосрочных, если на то пошло. Но, как я уже упоминал, он все время в разъездах. Должно быть, он, как говорится, ловит свое на лету – где и когда может.

Бегли обдумал это предположение. Серийные насильники и убийцы женщин нечасто оказывались способными поддерживать здоровые и продолжительные сексуальные отношения. Напротив, для них было характерно активное неприятие женщин. В зависимости от психологии такого насильника враждебность могла быть скрытой, хорошо замаскированной, или открытой, ясно выраженной. В любом случае она проявлялась в актах насилия против женщин.

– Ладно, считай, ты меня заинтересовал, – сказал Бегли, – но, я надеюсь, это не все, что у тебя есть.

Филин еще раз перелистал бумаги. Найдя нужный лист, он объявил:

– Вот отрывок из дневника Миллисент Ганн. «Опять видела сегодня Б.Т. Второй раз за последние три дня. Он до ужаса клевый. И всегда очень мил со мной». Слово «очень» подчеркнуто, сэр. «Мне кажется, я ему нравлюсь. Всегда находит для меня словечко, хотя я такая толстая». Эта запись сделана за три дня до ее исчезновения. Ее родители утверждают, что у нее нет друзей с инициалами Б. Т. Они никого не знают с таким именем.

вернуться

12

В округе Колумбия, территориально не входящем ни в один ИЧ штатов, расположен Вашингтон, столица США.

вернуться

13

Теодор Банди (1946–1989) – один из самых страшных маньяков в истории США, убивший более пятидесяти молодых женщин.

mir-knigi.org

– Толстая?

– Дело в том, сэр, что мисс Ганн страдает анорексией и одновременно булимией.

Бегли кивнул: он знал о ее госпитализации.

– А мы знаем, где она могла видеть этого Б. Т. дважды за три дня?

– Вот это и навело меня на мысль о Бене Тирни. Я старался разузнать, кем мог быть этот таинственный Б. Т. Первым делом проверил школу, но ушел ни с чем. Все Б. Т. оказались девочками. Тогда я подумал о том месте, где Миллисент работает. Она подрабатывает на неполной ставке в, магазине своего дяди. Он торгует скобяным товаром, садовыми инструментами, а также спортивным инвентарем и одеждой.

Бегли повернулся обратно к мольберту и вновь принялся изучать фотографии пяти предполагаемых жертв, задумчиво покусывая нижнюю губу. Он сосредоточился на первой.

– Он был в Клири, когда Торри Ламберт пропала с туристского маршрута?

– Я не знаю, – признался Филин. – Пока у меня документированных сведений о его пребывании здесь в день ее исчезновения, но он, безусловно, появился в городе вскоре после этого, что подтверждено регистрацией в журнале турбазы.

– Может, после Торри Ламберт он решил, что район богат дичью, и стал приезжать сюда регулярно?

– Вот и я так думаю, сэр.

– Он путешествует. Ты искал аналогичные случаи исчезновений поблизости от других его маршрутов?

– Над этим тоже работает Перкинс, сэр.

– В НЦИП [14] что-нибудь есть? – спросил Бегли.

– Ничего. – После короткой паузы Филин продолжил: – Но мы еще не установили все места, где он успел побывать. Нам предстоит проверить по кредитной карточке, где он расплачивался за последние несколько лет, потом провести перекрестную проверку нераскрытых дел в тех местах, где он побывал. Скучная работа, требующая времени.

– Он был поблизости от Клири, когда пропала Миллисент Ганн?

– Он зарегистрировался в коттедже за неделю до того, как родители сообщили, что их дочь пропала.

– Что думают об этом ребята из местного отделения?

– Я не делился с ними этой информацией, сэр. Бегли опять отвернулся от доски.

– Я иначе поставлю вопрос. Что они думают о том, что ты расследуешь это дело?

Он имел в виду представительство ФБР, расположенное ближе к Клири, чем штаб-квартира в Шарлотте. Филина перевели из этого представительства в Шарлотту больше года назад, но расследовать исчезновение и предполагаемое похищение Торри Ламберт он начал еще на

старом месте работы.

– Это с самого начала было мое дело, сэр. Коллеги это признают. Они рады, что я им занимаюсь. Мне хотелось бы довести его до конца, сэр.

Полминуты прошло в молчании. Бегли продолжал изучать фотографии на мольберте. Внезапно он повернулся волчком.

– Филин, я думаю, нам с тобой стоит потратить время на поездку в горы. Надо потолковать с мистером Тирни.

Филин не сразу нашелся с ответом.

– Вы и я? Сэр…

– Давно я не занимался полевой работой. – Бегли обвел стены своего кабинета таким взглядом, словно они вдруг начали его душить. – Мне это будет полезно.

Приняв решение, он тут же начал составлять план действий.

– Не хочу, чтобы весь город узнал, что мы интересуемся Беном Тирни. Что ты сказал этому… как его… управляющему?

– Его зовут Гас Элмер. Я сказал ему, что Тирни – претендент на гуманитарную премию своей альма-матер, и поэтому все аспекты его жизни рассматривает специальная комиссия.

– И он это съел?

– У него три зуба, сэр.

Бегли рассеянно кивнул, его мысли ушли уже далеко вперед.

– И давай как можно дольше держать в неведении местную полицию. Они все изгадят, если узнают, что этот парень и есть Синий. Как звать эту задницу?

– Тирни.

– Да не ту задницу, – нетерпеливо отмахнулся Бегли. – Шефа полиции.

– Бертон. Датч Бертон.

– Точно. По-моему, там была какая-то история.

– Он служил в полиции Атланты, – объяснил Филин. – Детектив отдела убийств. Прекрасный послужной список. Несколько наград. Никаких замечаний. А потом он сорвался. Начал сильно пить.

– Как же так?

– Семейные проблемы, насколько мне известно.

– Ладно, что бы это ни было, результат нам известен: его вышибли пинком под зад. Теперь я вспомнил. – Все это время Бегли собирал необходимые ему личные принадлежности, включая сотовый телефон, фотографию своей жены, снятую тридцать лет назад, фотографии трех своих

детей и свою Библию. Он сдернул пальто с вешалки у двери и натянул его. – Захвати все это с собой. – Он указал на распечатки файлов по делу, лежащие на коленях у Филина. – Я прочту их по пути, пока мы едем.

Филин встал, подхватив бумаги, и бросил опасливый взгляд за окно, за которым над городом сгущались преждевременные сумерки.

– Вы хотите сказать… Мы едем прямо сегодня?

– Мы едем, Филин, сию же гребаную минуту.

– Но, сэр, прогноз…

Вместо ответа он получил полную обработку «яйцерезкой» без анестезии. Филин не дрогнул, но ему пришлось откашляться.

– Дело в том, сэр, что они объявили рекордно низкие температуры, снег, гололед, метель – особенно в той части штата. Мы въедем прямо в эпицентр снежной бури.

Бегли указал ему на доску.

– Хочешь сделать свой прогноз, Филин? Как ты думаешь, что произошло с этими дамами? Через что им приходилось пройти, перед тем как этот долбаный ублюдок их добивает? Не знаешь? Тогда я тебе скажу. Да, у нас нет полной уверенности, что они мертвы, потому что тела до сих пор не найдены. Хотелось бы надеяться, что мы найдем их целыми и невредимыми, но я тридцать с лишним лет копаюсь в этом дерьме. Давай взглянем правде в глаза, Филин: мы, скорее всего, обнаружим лишь кости. А ведь у этих женщин было будущее, они о чем-то мечтали, кто-то их любил. А теперь погляди на эти лица и скажи: ты и дальше будешь ныть насчет плохой погоды?

– Нет, сэр.

Бегли повернулся и вышел, приговаривая на ходу:

– Я так и думал.

* * *

Прошло около четверти часа, как Тирни стащил с головы шапку и Лилли прижала к ране полотенце, но кровь все продолжала сочиться.

– Поверхностные раны на голове всегда сильно кровоточат, – объяснил Тирни, видя, что Лилли встревожилась. – Все эти капилляры…

– Вот чистое полотенце.

Передав ему полотенце, Лилли попыталась забрать окровавленное, но Тирни его удержал.

– Не надо тебе его трогать. Я отнесу его в ванную. Полагаю, это там?

– Справа от тебя.

– Пойду смою кровь с волос. Может, холодная вода поможет остановить кровотечение. – Шатаясь, как пьяный, Тирни побрел в спальню. Он привалился к дверному косяку и

обернулся. – Продолжай наполнять все возможные емкости водой. Трубы скоро замерзнут. Нам понадобится питьевая вода.

Он скрылся в спальне, и там зажегся свет. Лилли заметила, что на дверном косяке осталась кровь.

Когда он сказал: «Слава богу, я опять стал просто Тирни», у него на лице появилась та неотразимая ленивая усмешка, которая запомнилась ей с прошлого лета. Охвативший ее приступ мучительного смущения тут же исчез, как по волшебству. Теперь собственное поведение показалось ей по-детски глупым.

Она мало знала о Тирни, но он тем не менее не был для нее чужим, незнакомым человеком. Летом она провела с ним целый день. Они много разговаривали, много смеялись. После того дня она стала читать его статьи. Он был отличным журналистом, его статьи часто появлялись в различных изданиях.

Так почему же она повела себя, как идиотка?

Ну, во-первых, ситуация сложилась, мягко говоря, необычная. Лилли прекрасно знала, что такие происшествия время от времени случаются. О случаях чудесного спасения частенько можно было услышать по радио или прочесть в газете. Но чтобы такое произошло с ней, Лилли Мартин? Никогда!

И тем не менее она оказалась именно в такой ситуации. Она переворачивала вверх дном уже не принадлежащую ей кухню в поисках контейнеров для питьевой воды, необходимой ей и Тирни – человеку, которого она почти не знала, но с которым оказалась заключенной в маленьком горном коттедже, возможно, на несколько дней.

вернуться

14

Национальный центр информации о преступности.

И она была вынуждена признать, что не будь Тирни так хорош собой, так по-мужски привлекателен, она, конечно, не стала бы так нервничать. Если бы не тот летний день, проведенный с ним на реке, она бы не была так смущена, оказавшись с ним наедине.

– Вода еще идет?

Лилли вздрогнула, когда его голос неожиданно раздался прямо у нее за спиной.

– Да. К счастью. – Она повернулась к Тирни и увидела, что он прижимает к затылку полотенце. Волосы у него были мокрые. – Как дела?

– Под водой было больно. Отчасти, наверное, потому, что она такая холодная. Но потом, мне кажется, холод притупил боль. – Он отнял руку с полотенцем от затылка. Полотенце было в свежих пятнах крови, но ее стало заметно меньше. – Вот и кровь почти перестала. Ты не могла бы посмотреть?

– Я уж хотела начать тебя уговаривать.

Он сел на один из высоких стульев верхом – лицом к спинке. Лилли поставила аптечку на стойку, зашла ему за спину и после минутного колебания осторожно развела волосы чуть ниже макушки.

– Ну? – спросил он.

Порез был глубокий и длинный. На ее неопытный взгляд, рана выглядела скверно и казалась опасной. Лилли шумно вздохнула.

– Все так плохо? – улыбнулся Тирни.

– Ты когда-нибудь видел перезрелый арбуз с лопнувшей коркой?

– Ой-ей-ей.

– И на затылке припухло.

– Да, это я почувствовал, пока промывал.

– Я бы сказала – тут требуется не меньше дюжина швов. – Тирни повесил полотенце себе на шею.

Лилли подняла уголок полотенца и боязливо промокнула рану. Хорошая новость: кровь больше не течет. Едва сочится, скорее сукровица.

В аптечке нашлись всего четыре тампона, пропитанных антисептиком, в индивидуальной упаковке.

– Держись, – сказала Лилли, не зная, кому она это говорит, Тирни или себе самой.

Он схватился за ажурную спинку стула и положил подбородок на руки.

– Я готов.

Но стоило ей прикоснуться марлевым тампоном к ране, как он дернулся и со свистом втянул в себя воздух. Лилли торопливо заговорила, стараясь его отвлечь:

– Удивляюсь, как это ты не захватил аптечку с собой. Я думала, у тебя в рюкзаке есть все на все случаи жизни. Ты же такой опытный путешественник!

Когда они добрались до коттеджа – Тирни бросил рюкзак на пол, да так и не притронулся к нему, только запихнул ногой под стол, чтобы не мешал проходу.

– Серьезное упущение. Исправлюсь.

– А что вообще у тебя в рюкзаке? – спросила она.

– А что тебя интересует?

– Есть что-нибудь полезное?

– Нет, сегодня я путешествовал налегке. Шоколадный батончик. Бутылка воды. Съедено, выпито.

mir-knigi.org

– Тогда зачем ты притащил его с собой?

– Прости, не понял?

– Рюкзак. Если в нем нет ничего полезного, зачем вообще его взял?

– Лилли, не сочти меня неженкой, но скоро ты закончишь? Жжется, черт! Больше не могу терпеть.

Лилли подула на рану, потом чуть откинула голову и осмотрела ее.

– Я все обработала антисептиком. Рана выглядит воспаленной.

– Да уж, это чувствуется. – Тирни взял аптечку со стойки и осмотрел содержимое. – Бросим жребий на аспирин?

– Он твой.

– Спасибо. А у тебя нет с собой такого маленького наборчика для шитья? Ну, на всякий случай. Вдруг пуговица отлетит или еще что…

Лилли стало нехорошо.

– Не проси меня об этом, Тирни.

– О чем?

– Зашить рану.

– Ты этого не сделаешь?

– У меня нет иголки.

– Ну, значит, повезло. Маникюрные ножницы есть?

– Есть.

Пока Тирни глотал две таблетки аспирина, Лилли вынула из сумки маникюрный набор и достала маленькие ножнички.

– Отлично, – кивнул Тирни. – Между прочим, кастрюля уже переполнилась.

Лилли заменила кастрюлю пластмассовым кувшином. Тирни отлепил защитную наклейку от пластинки лейкопластыря.

– Давай нарежем его полосками и наклеим крест-накрест на порез. Не швы, конечно, но поможет хоть как-то стянуть края.

Его пальцы не пролезали в кольца миниатюрных ножниц.

– Дай мне. – Лилли взяла у него пластырь и ножницы, нарезала полоски и заклеила рану, как он велел. – Ну вот, теперь почти совсем не кровоточит, – облегченно вздохнула она, закончив работу.

– Теперь наложи марлевый тампон.

Лилли осторожно наклеила пропитанную антисептиком марлевую салфетку поверх раны.

– Будет больно, когда придется снимать. Потянет за волосы.

– Ничего, выживу. – Вполголоса он добавил: – Дай-то бог.

Глава 7

– Почему ты так говоришь? Что-нибудь еще? Не молчи, скажи, – спросила пораженная его мрачным тоном Лилли.

– У меня весь левый бок болит. Такое чувство, будто кто-то пытался вскрыть ребра ломом, хотя, по-моему, все кости целы.

– Но ведь это хорошо?

– Да, но внутри что-то могло лопнуть. Почка, печень, селезенка.

– Будь у тебя внутреннее кровотечение, разве ты бы не почувствовал?

– Понятия не имею. Я слышал, что можно умереть от внутреннего кровотечения, а причина обнаружится только при вскрытии. Но если у меня живот начнет раздуваться, это верный признак, что он наполняется кровью.

– А что, он у тебя раздувается?

– Да вроде нет.

Лилли озабоченно закусила нижнюю губу.

– Разве при внутреннем кровотечении можно принимать аспирин?

– Голова так болит, что рискнуть стоило. – Тирни осторожно встал с табурета, подошел к раковине и вытащил наполнившийся кувшин. – Если я выживу, нам понадобится питьевая вода на неопределенное время. У тебя есть другие емкости?

Они вместе обыскали коттедж и начали наполнять все что не протекало.

– Жаль, что у тебя тут только душ, – заметил Тирни. Нам не помешала бы ванна.

Когда все найденные контейнеры, включая ведро для половой щетки, были наполнены, Тирни переключил свое внимание на другое.

– А электричество здесь откуда? – поинтересовался он.

– Пропан. Тут есть подземный резервуар.

– Когда его наполняли в последний раз?

– Прошлой зимой, насколько мне известно. Я все равно собиралась продать коттедж и не вызвала газовщиков закачать резервуар этой осенью. Насколько мне известно, Датч тоже их не вызывал.

– Значит, газ может иссякнуть.

mir-knigi.org

– Да, наверное. Все зависит от того, насколько часто Датч пользовался коттеджем в мое отсутствие.

– А ты давно здесь не была?

– До этой недели? Наверно, уже год. Не помню точно.

– А на этой неделе ты здесь оставалась?

– Да.

– А Датч?

Каким-то непостижимым образом их разговор далеко ушел от насущных забот.

– Вопрос не по делу, Тирни.

– Значит, он тут был.

– Значит, его тут не было, – раздраженно отрезала Лилли.

Несколько мгновений Тирни выдерживал ее взгляд, потом взглянул на термостат на стене.

– Пропан надо экономить. Я уменьшу температуру, тогда его хватит подольше. Идет?

– Хорошо.

– Если газ кончится, греться будем только у камина. Надеюсь, у тебя есть еще дрова, кроме тех, что сложены на крыльце.

Лилли обиделась на него за намек на то, что она все еще спит со своим бывшим мужем, но в домике и без того было тесно, места для ссор не оставалось. Она решила замять эту тему.

– Есть еще дрова в сарае, – ответила она, мотнув головой в сторону. – Туда ведет тропинка через…

– Я знаю, где сарай.

– Знаешь? Откуда? – Сарайчик был построен из старых досок и размещен так, что ни с дороги, ни от коттеджа увидеть его было невозможно. Во всяком случае, она так думала. – Откуда тебе вообще известно об этом коттедже, Гир?

– Ты мне о нем рассказывала прошлым летом.

Она прекрасно помнила, что рассказала ему прошлым летом, потому что с тех пор тысячу раз проигрывала в уме их разговор.

– Я тебе сказала, что у меня есть коттедж в этом районе. Я не говорила, где он находится.

– Правильно, не говорила.

– Но ты уже знал, где он, когда мы столкнулись на дороге. Откуда ты знал?

Тирни посмотрел на нее долгим взглядом, но ответил; не сразу:

– Я облазил всю эту гору. Однажды я набрел на этот домик и на сарай, не догадываясь, кто его хозяева. Наверное, это можно считать незаконным вторжением на частную территорию, но я действовал без злого умысла. Потом я увидел объявление: «Продается». Мне это место понравилось, и я связался с агентом по недвижимости. Мне сказали, что дом принадлежит тебе и твоему мужу и вы его продаете, потому что разводитесь и делите имущество. – Тирни развел руками. – Вот так я и узнал о местонахождении твоего коттеджа. – При этом он бросил на нее вызывающий взгляд, словно проверяя, посмеет ли она усомниться в его словах, после чего сам задал вопрос: – Так сколько дров в сарае? Корд? [15]

вернуться

15

Американская мера объема дров, равная 3,6 кубометра.

Вообще-то, Лилли не собиралась отступать, ей очень хотелось понять, откуда ему известно многое о ней, но она решила, что, если будет настаивать, это приведет лишь к новым трениям.

– Ну уж никак не корд, – ответила она.

– Что ж, будем надеяться, что нас спасут раньше, чем нам придется рушить и жечь мебель.

– Как ты думаешь, когда это будет? В смысле, когда нас найдут?

– Скорее всего, не завтра. Возможно, послезавтра или еще позднее. Все зависит от погоды.

Лилли вспомнила позапрошлую зиму, когда горные дороги на много дней сделались непроезжими из-за гололедицы. Люди в отдаленных уголках округа остались без электричества – столько инея налипло на провода. Кое-где на восстановление линий ушли недели. А разыгравшаяся за окном буря, по прогнозу, обещала быть куда более сильной и продолжительной, чем предыдущая.

Присев на противоположный диван, Лилли укрыла вязаным пледом ноги. Хорошо, что Тирни позаботился о лишних носках! Мокрые она развесила на спинке стула. Штанины ее брюк все еще были сырыми, но с этим можно было жить. Главное, что ноги были сухими и немного согрелись.

– На сколько ты переставил термостат?

– На шестьдесят. [16]

– Однако…

– Я понимаю, это, конечно, не курорт, – кивнул Тирни. – Надень еще эту водолазку. Надо беречь тепло тела.

Лилли кивнула, но с места не двинулась.

– Как по-твоему, сколько градусов снаружи?

– С учетом ветра – ниже нуля, [17] – ответил он без колебаний.

– Ну, тогда я не буду жаловаться насчет шестидесяти. – Лилли бросила взгляд на камин. – Но было бы неплохо развести огонь.

– Да, конечно, но я действительно считаю…

– Нет-нет, ты прав, топливо нужно беречь. Я просто мечтаю вслух. Я так люблю, когда горит камин.

– Я тоже.

– В комнате становится так уютно.

– Верно.

– Ты не голоден? – спросила Лилли.

– У меня желудок все еще неспокоен. Но если ты голодна, не обращай на меня внимания. Поешь.

– Да нет, мне тоже не хочется.

– Ты не обязана меня сторожить, – нахмурился Тирни. – Я не засну, не бойся. Если ты устала или хочешь спать…

– Нет, честное слово, нет.

Ни за что она бы не позволила себе заснуть, ведь, что бы он ни говорил, он легко мог задремать в тишине, а в его положении это рискованно. Ему необходимо было продержаться несколько часов, только тогда сон будет для него безопасен. К тому же, перед тем как уехать отсюда, она немного поспала и теперь действительно не хотела спать.

Она говорила только для того, чтобы заполнить молчание. И вот сейчас, когда они оба молчали, комнату заполнили другие звуки: вой ветра, стук ветвей, бьющих по крыше, и мелкая дробь ледяных капель о стекла окон. Пустота комнаты и повисшее молчание словно смыкались вокруг них, создавая атмосферу напряженной интимности.

Лилли первая опустила голову, чтобы не встречаться взглядом с Тирни. Она бросила взгляд на свой сотовый телефон, лежащий на кофейном столике.

– Если Датч получил мое сообщение, он придумает способ добраться сюда.

– Мне не следовало говорить то, что я сказал. Насчет того, что вы были здесь вместе.

Она жестом дала понять, что извинения не нужны.

– Я просто хочу понять, насколько ты с ним близка, Лилли.

Лилли едва сдержалась. Да какое он имеет право? Она решила раз и навсегда внести ясность в этот вопрос.

– Я позвонила Датчу, потому что он начальник полиции, а вовсе не потому, что между нами остались какие-то личные чувства. Нашему браку пришел конец, но он не оставит меня здесь замерзать, как и я не повернулась бы к нему спиной, если бы речь зашла о его жизни. Если это физически возможно, он спасет нас.

– Он бросится спасать тебя, – уточнил Тирни. – Вряд ли он бросился бы спасать меня.

– С чего ты взял?

– Я ему не нравлюсь.

– Это не ответ.

– Да нет, ничего особенного. Я пару раз сталкивался с ним по чистой случайности. Он ни разу не пожелал представиться. Даже слова не сказал.

– Может быть, ситуация была неподходящая?

– Нет, я думаю, тут дело в другом.

– В чем же?

– Ну, во-первых, я посторонний и вызываю подозрение только потому, что мои прапрабабушки и дедушки родились не в этих горах.

Лилли улыбнулась, признавая, что это он точно подметил.

– Да, здешние люди не доверяют чужакам.

– Я не местный, но я бывал здесь не раз и не два. Многие уже знают меня по имени и заговаривают при встрече. Здороваются. «С возвращением», – говорят, и все такое. Но стоит мне зайти в кафетерий «Аптеки Ритта», как я оказываюсь за прилавком наедине с моей чашкой кофе. Меня ни разу не пригласили в клуб добрых старых парней, сидящих за столиками по утрам. Датч Бертон, Уэс Хеймер и еще несколько таких же. Они все здесь выросли. У них своя компания, и другим туда хода нет. Я к ним не набиваюсь, ты не думай, но за все это время никто из них мне даже «здрасьте» не сказал.

– Прими мои извинения от их имени.

– Поверь мне, это не так уж и важно. Но я подумал… – начал Тирни и вдруг замолк на полуслове.

– Что ты подумал?

– Я подумал: что, если он избегает меня не из местного патриотизма, а потому, что ты могла упомянуть обо мне?

Лилли покачала головой.

– Нет. То есть… до вчерашнего дня я ничего не говорила. – На это он ничего не ответил. Пауза затянулась, и прервать неловкое молчание пришлось ей. – Я не ожидала увидеть тебя в городе. Неужели ты еще не истощил тему местных достопримечательностей?

– Я не ради поиска сюжетов возвращаюсь сюда, Лилли. Он бросил ей опасную, но притягательную приманку.

Настолько притягательную, что не клюнуть на нее было невозможно. Лилли вскинула голову и посмотрела прямо ему в глаза.

mir-knigi.org

– Я опубликовал статью о том нашем дне на реке.

– Знаю. Я ее читала.

– Правда? – Тирни был удивлен и явно обрадован.

– Тот журнал о водных видах спорта издают в том же издательстве, что и мой, поэтому я получаю бесплатные экземпляры. Вот случайно и наткнулась на твою статью.

На самом деле она месяцами внимательно просматривала и этот и другие подобные журналы. Ей было любопытно, не написал ли он что-нибудь о той байдарочной экскурсии.

– Это была отличная статья, Тирни.

– Спасибо.

– Я говорю искренне. Ты умеешь живо передавать детали, атмосферу приключения. Я как будто заново пережила все, что мы тогда испытали. И заголовок броский: «Укрощение Французской Стервы».

– Я хотел привлечь внимание тех, кто не в курсе, – усмехнулся Тирни. – Только прочитав статью, можно понять, что Французская Стерва – это название реки.

– Это была отличная статья, – повторила Лилли.

– Это был прекрасный день, – проговорил Тирни тихим, волнующим голосом.

Прошлым летом в начале июня они оба оказались среди группы туристов, подписавшихся на однодневную экскурсию на байдарках по реке с порогами. Они познакомились в автобусе, который перевез экскурсантов на несколько миль вверх по реке к той точке, откуда им предстояло начать трудный спуск через несколько опасных порогов третьего и четвертого уровня.

Они быстро нашли общий язык и подружились, более что, как выразился Тирни, в профессиональном плане они были «хоть и дальними, но все же родственниками». Он – журналист-очеркист, продающий свои статьи соответствующего профиля, она – редактор популярного журнала.

Когда группа пристала к берегу и устроила привал на обед, они отделились от остальных и сели рядом на большом валуне, нависшем над несущейся внизу водой.

– Ты главный редактор журнала? – воскликнул он, когда она назвала ему свою должность.

– Вот уже семь лет.

– Я под впечатлением. Это потрясающий журнал!

– Поначалу это был журнал для женщин Юга. Сейчас у нас подписка по всей стране и тираж постоянно растет.

Журнал «Тонкая бестия» публиковал материалы о домашних интерьерах, моде, питании и путешествиях. Он был предназначен для женщин, сочетавших домашнее хозяйство с карьерой, для женщин, желавших получить все сразу и умевших добиваться желаемого. В ее журнале можно было найти советы о том, как при помощи специй из домашних запасов и сервировки

превратить стандартный ужин, заказанный на дом из ресторана, в кулинарный шедевр. А рядом могли напечатать репортаж о тенденциях в обувной моде на ближайший сезон.

вернуться

16

60 градусов по шкале Фаренгейта равно 15 градусам по Цельсию

вернуться

17

То есть около 18 градусов мороза по Цельсию.

– Мы, безусловно, не исключаем из круга наших читательниц женщин, предпочитающих сидеть дома с детьми, – увлеченно продолжала Лилли, – но наш основной адресат – женщина, которая хочет преуспеть на работе, спланировать идеальный отпуск для всей семьи и закатить пир без предварительной подготовки.

– Разве такое возможно?

– Прочитай июльский номер, узнаешь.

Он тогда со смехом отсалютовал ей бутылкой минеральной воды. Солнце пригревало, разговор тек лениво и неспешно. Между ними возникла легкая, необременительная симпатия. Казалось, они без слов говорили друг другу: «Мне нравится на тебя смотреть и еще больше нравится тебя слушать». Им было весело спускаться по реке до обеда, Но стало грустно, когда гид объявил, что перерыв окончен и пора снова трогаться в путь.

Весь остаток дня они при любой возможности возобновляли разговор, хотя река заставляла их сосредоточиваться на преодолении порогов. Они поминутно ощущали присутствие друг друга, объяснялись улыбками и жестами. Они оба были в прекрасной спортивной форме, легко преодолевали препятствия, и это давало им повод добродушна подшучивать друг над другом, когда кто-то из них или оба оказывались в воде.

Он поделился с ней солнцезащитным кремом, когда она обнаружила, что не захватила свой. Впрочем, это ничего не значило. Столь же охотно он поделился кремом с двумя девицами из колледжа, которые бессовестно флиртовав ли с ним и всячески старались привлечь его внимание.

Они подошли к берегу в том месте, где утром оставили свои машины. Забросив снаряжение в свой «Чероки», он подбежал к ней.

– Ты где остановилась?

– В Клири. Летом я почти все выходные провожу там. У меня есть домик в горах.

– Неплохо!

– Да, там очень хорошо.

Девицы из колледжа в своем открытом джипе поравнялись с ними.

– Увидимся, Тирни! – кокетливо прокричала та, что сидела за рулем.

– Да-да, конечно.

– Адрес не забыл? – спросила ее подружка.

Он постучал себя по лбу.

– Надежно, как в банке.

Они заговорщически подмигнули ему и умчались, подняв клубы пыли. Лилли для них как будто не существовала.

Тирни помахал им вслед, но потом покачал головой.

– От таких только и жди беды. – Повернувшись к Лилли, он улыбнулся: – Моя мужская гордость уязвлена, но должен признать – ты ловко меня обставила на последнем пороге. Это было настоящее родео!

Лилли сделала шутливый книксен.

– Из уст такого специалиста, как ты, это настоящий комплимент.

– Самое меньшее, что я могу, это поставить тебе выпивку как явной победительнице. Мы можем где-нибудь пересечься?

Лилли кивком указала на еще не осевшую тучу пыли, поднятую джипом девушек.

– Я думала, у тебя есть планы.

– У меня есть планы. Я планирую встретиться с тобой.

Ее улыбка угасла. Лилли засуетилась в поисках ключей от машины.

– Спасибо, Тирни, но я вынуждена отказаться.

– Как насчет завтрашнего вечера?

– Извини, не могу. – Она взглянула ему прямо в глаза. – Мы с мужем приглашены на ужин.

Его улыбка не просто угасла – он был сражен.

– Ты замужем. – Это был не вопрос, а утверждение. Она кивнула.

Он взглянул на ее безымянный палец без кольца. Его выражение – смесь растерянности и разочарования – говорило само за себя. Молчание казалось бесконечным.

В конце концов Лилли первой протянула ему руку.

– Очень рада была познакомиться, Тирни.

Он пожал ее руку.

mir-knigi.org

– Аналогично.

– Буду следить за твоими статьями, – сказала Лилли, садясь в машину.

– Лилли…

– Прощай! Береги себя. – Она торопливо захлопнула дверцу и сорвала машину с места, прежде чем он успел еще что-то сказать.

Больше они не виделись вплоть до вчерашнего дня, когда она заметила его на другой стороне Главной улицы в центре Клири. Датч невольно налетел на нее, когда она вдруг застыла на ходу.

– Что там такое?

Тирни как раз открывал дверцу своего «Чероки», когда случайно бросил взгляд в ее сторону. Он пригляделся внимательнее. Их взгляды встретились, они оба замерли.

– Бен Тирни, – рассеянно ответила Лилли на вопрос Датча. А может быть, просто произнесла вслух имя, не дававшее ей покоя последние восемь месяцев.

Датч проследил за ее взглядом. Тирни по-прежнему стоял на другой стороне улицы – одна нога в машине, другая на мостовой – и смотрел на Лилли, словно ожидая от нее некой команды насчет того, что ему делать.

– Ты знаешь этого парня? – удивленно спросил Датч.

– Я с ним познакомилась прошлым летом. Помнишь, я спускалась на байдарке по Французской Стерве? Он был в группе.

Датч толчком открыл дверь в адвокатскую контору, где им предстояло подписать документы о продаже коттеджа.

– Мы опаздываем, – сказал он и втащил ее внутрь.

Когда они вышли из конторы через полчаса, Лилли невольно окинула быстрым взглядом Главную улицу в поисках черного «Чероки». Ей хотелось хотя бы поздороваться, но ни Тирни, ни его джипа не было видно.

И вот теперь он сидел в четырех футах от нее, а ей трудно было встретиться с ним взглядом, и она не знала, что сказать. Ощутив на себе его упорный взгляд, она заставила себя поднять глаза.

– После того дня на реке я несколько раз звонил тебе в редакцию в Атланте.

– Твои статьи не подходят нам по профилю.

– Я звонил не для того, чтобы пристроить статью в журнал.

Лилли отвернулась и посмотрела на пустой камин. Этим утром она своими руками выгребла из него золу. Теперь ей казалось, что это было много лет назад.

– Я знала, зачем ты звонишь, – тихо призналась она. – Вот потому-то и не отвечала на звонки. По той же причине я не могла встретиться с тобой в тот день после экскурсии на байдарках. Я

была замужем.

Тирни встал, обогнул кофейный столик и сел рядом с ней на диван. Сел так близко, что ей пришлось на него посмотреть.

– Но сейчас ты уже не замужем.

* * *

Уильям Ритт поднял голову и улыбнулся своей сестре, убиравшей со стола его пустую тарелку.

– Спасибо, Мэри-Ли. Рагу было отменное.

– Я рада, что тебе понравилось.

– Я тут подумал: а не ввести ли нам фирменное блюдо в обеденное меню в аптеке? Свое на каждый день недели. Субботний мясной рулет. Пятничные пирожки с крабами. Ты готова поделиться своими рецептами с Линдой?

– Это мамины рецепты.

– Ну, допустим. Но ведь ей уже все равно, поделишься ты ими или нет.

Любому другому такие слова показались бы бесчувственными и жестокими, но Мэри-Ли знала, почему Уильям так говорит, и не могла его винить. Их родители умерли, но дети по ним не горевали. Отец их отличался феноменальным равнодушием, мать – безудержным эгоизмом.

Отец был человеком суровым и замкнутым. Каждое утро он вставал до рассвета и спускался с горы в городскую автомастерскую, где работал механиком, домой возвращался к ужину, который методично поглощал. Он ворчливо и скупо отвечал на прямые вопросы, но помимо этого ему нечего было сказать членам своей семьи, разве что попрекнуть или выбранить. После ужина он принимал ванну, уходил в свою спальню и закрывал за собой дверь, наглухо отгораживаясь от близких.

Ничто на свете не доставляло ему удовольствия, кроме овощей на огороде, которые он сажал и выращивал каждое лето. Это была его единственная радость и гордость. Мэри-Ли было семь лет, когда отец увидел, как ее любимый домашний кролик объедает листья с кочана капусты. Он свернул шею кролику прямо у нее на глазах и заставил жену зажарить его на ужин. Когда он в один прекрасный день умер от инфаркта, рыхлив мотыгой грядку, Мэри-Ли сочла это своего рода возмездием.

Их мать страдала ипохондрией и вечно жаловалась. Своего мужа она за глаза называла неотесанным мужланом. Сорок лет она старалась довести до сведения каждого, кто хотел слушать, что вышла замуж за неровню, человека много ниже себя по положению. Собственное несчастье стало смыслом ее жизни, и ни для чего другого места не осталось.

Когда слабое здоровье вынудило ее слечь в постель, Мэри-Ли на целое полугодие ушла из школы, чтобы ухаживать за ней. Однажды утром, пытаясь ее разбудить, Мэри-Ли обнаружила, что мать умерла во сне. Позже, когда священник бормотал ей свои банальные утешения, Мэри-Ли подумала, что такая озлобленная и поглощенная собой женщина, как ее мать, не заслужила столь легкого конца.

Дети, родившиеся у такой эмоционально ущербной пары, рано научились полагаться только на

себя. Их дом располагался на западной стороне пика Клири, вдали от города, где другие дети собирались и играли вместе. Их родители не умели общаться и не научили этому Уильяма и Мэри-Ли. Навыки общения им пришлось постигать в школе методом проб и ошибок.

Уильям хорошо учился по всем предметам, его усилия вознаграждались высокими оценками в табеле и поощрениями. С той же решительностью он пытался заводить друзей, но его неуклюжие попытки обычно встречали отпор и приводили к противоположным результатам.

То, чего ей не хватало в жизни, Мэри-Ли находила на страницах книг. Уильям был на несколько лет старше и раньше научился читать. Она настояла, чтобы он научил ее, и к пяти годам уже читала книги, которые могли бы поставить в тупик многих взрослых.

Если не считать лет, проведенных в университете, Уильям и Мэри-Ли всю жизнь прожили в одном доме. Когда их мать умерла, Уильям решил, что им пора перебраться в город. Ему и в голову не приходило, что у Мэри-Ли могут быть другие планы. Но и ей не приходило в голову, что можно попытаться жить отдельно от него. Наоборот, она с радостным трепетом приветствовала возможность покинуть мрачное, уродливое строение на горе, вызывавшее много тяжелых воспоминаний.

Они купили маленький аккуратный домик на тихой улице. Мэри-Ли превратила его в уютное жилище, полное света и красок, украшенное растениями в горшках, которых ей так не хватало в старом доме, где она выросла.

Но когда все комнаты были отделаны и последние занавески повешены, она огляделась вокруг и поняла, что все осталось прежним, изменилась только обстановка. Ее жизнь не обрела нового волнующего направления. Ее колея стала более аккуратной и благообразной с виду, но это была прежняя проторенная колея.

А их семейный дом в горах она готова была продать или оставить догнивать, но у Уильяма были другие планы.

– Буря не даст тебе продолжить работы над домом, – заметила она, сметая влажной тряпкой крошки хлеба с обеденного стола себе в ладонь.

– Верно, – кивнул он из-за своей газеты. – Неизвестно, сколько дней пройдет, пока по основному шоссе можно будет проехать. А уж проселок вообще вряд ли будут расчищать.

Проселок, о котором он говорил, петлял по западному склону пика Клири. Там всегда было холоднее, темнее, и признаки наступления весны появлялись там позже, чем на восточном склоне.

– Как только дорога откроется, я могла бы отвезти тебя туда, – предложила Мэри-Ли. – Хочу посмотреть, как у тебя идут дела.

– Работа движется. Я надеюсь закончить, но не к этому лету, а к следующему.

Он хотел капитально отремонтировать и заново обстать дом, чтобы потом сдавать его отпускникам. В округе Клири действовало несколько десятков агентств по недвижимости, предлагавших аренду домов на лето и осень. Уильям делал всю работу сам, нанимая рабочих, только когда это было абсолютно необходимо, и проводил за ремонтом практически все свое свободное время. Для себя Мэри-Ли решила, что ноги ее больше не будет в этом доме, но Уильям радостно предвкушал будущие прибыли, и она поддерживала его.

– Я слыхал, что Смитсоны прошлым летом сдавали свой старый дом по полторы тысячи за неделю, – сказал он. – Представляешь? А дом-то был настоящей развалюхой, когда они начали ремонт. Наш будет гораздо лучше.

– Что ты делал сегодня в провизорской с Уэсом и Скоттом Хеймерами?

Он опустил газету и пристально взглянул на сестру.

– Что-что?

– Сегодня в провизорской ты…

– Эту часть я понял. Что значит «что я с ними делал»?

– Что ты так злишься, Уильям? Я просто спросила…

– Я не злюсь. Просто это был странный вопрос, вот и все. Совершенно неуместный. Не хватало еще, чтоб ты спрашивала, какие лекарства выписывают моим клиентам! Ты прекрасно знаешь, что это закрытая информация. Я не имею права ее раскрывать.

На самом деле он был злостным сплетником и обожал судачить, помимо прочего, о медицинских проблемах своих клиентов.

– У тебя есть какие-то личные дела с Уэсом и Скоттом?

Уильям с раздраженным вздохом отложил газету, давая понять, что сестра окончательно испортила ему настроения.

– Личные, но не конфиденциальные. Уэс позвонил мне из школы и сказал, что Дора жалуется на головную боль. Спросил, какие болеутоляющие есть в открытом доступе, что я мог бы рекомендовать. Он зашел забрать лекарство. – Уильям встал, чтобы налить себе вторую чашку кофе, и, глядя поверх края чашки, спросил: – А почему ты спрашиваешь? Думаешь, Уэс зашел только пофлиртовать с тобой?

– Он не флиртовал со мной.

Уильям язвительно прищурился, глядя на нее.

– Он не флиртовал со мной, – настойчиво повторила Мэри-Ли. – Мы просто поболтали.

– Ей-богу, Мэри-Ли, поверить не могу, что тебе может льстить внимание Уэса Хеймера. – Уильям поглядел на нее с жалостью. – Он флиртует со всем, что имеет яичники.

– Не будь пошляком.

– Пошляком? – Уильям даже поперхнулся от смеха: кофе брызгами разлетелся у него изо рта. – Слышала бы ты, как сам Уэс рассуждает о женщинах! Разумеется, когда они не слышат. Он пускает в ход язык сточных канав – ты небось и слов-то таких не знаешь! – и безудержно хвастает своими сексуальными подвигами. Его послушаешь, так можно подумать, что он еще школу не окончил. Ему все равно чем хвастать: победами в постели или на футбольном поле.

Мэри-Ли знала, что эта тирада вызвана главным образом уязвленным самолюбием. Уильям отдал бы все на свете, чтобы стать или хоть казаться таким жеребцом, как Уэс. Он так и не изжил в себе детской зависти к удачливому однокласснику. Статус лучшего ученика не шел ни

в какое сравнение с ореолом капитана футбольной команды. Во всяком случае, в округе Клири.

Но она также знала, что его рассказ об Уэсе, пусть и не без преувеличений, был чистой правдой. Она участвовала в работе педсовета вместе с Уэсом Хеймером. Он расхаживал по школе, словно она была его вотчиной. Он пребывал в убеждении, что ничего важнее спорта на свете нет, и раз уж он тренер футбольной команды и спортивный инструктор, значит, он тут главный. Он упивался своим титулом и вовсю пользовался связанными с ним привилегиями.

– Тебе известно, что он совращает своих учениц?

– Это сплетни, – возразила Мэри-Ли. – И распространяют их сами девочки. Они спят и видят, чтобы их кто-нибудь совратил.

– Удивляюсь я твоей наивности, Мэри-Ли. Ты совершенно не знаешь жизни. – Уильям сокрушенно покачал головой. – Можешь обманываться насчет Уэса Хеймера, если ты такая глупая, но, как твой старший брат, я должен заботиться о твоих интересах. И мой тебе совет: найди себе другого героя. – С этими словами, захватив с собой кофе и газету, он ушел в гостиную.

Уильям унаследовал от отца любовь к распорядку. Ужин должен был ждать его на столе ровно к тому часу, когда он возвращался из аптеки. После ужина он читал газету, пока Мэри-Ли мыла посуду и убирала в кухне. А к тому времени, как она устраивалась в гостиной, чтобы проверить школьные тетради, он уходил в свою спальню и смотрел телевизор перед сном.

Они жили в одном доме, но редко встречались в одной и той же комнате.

Мэри-Ли неизменно спрашивала его, как прошел день в аптеке, а он почти никогда не задавал ей таких же вопросов о школе, как будто ее работа ничего не значила.

Он свободно высказывал вслух свои мысли, чувства, мнения, но лишь отмахивался, когда она делилась с ним своими соображениями.

Он мог уйти из дому вечером, не докладывая ей, когда вернется, где и с кем проводит время. А если ей хотелось куда-нибудь пойти, она должна была заранее предупредить, куда уходит и когда ему ждать ее возвращения.

Когда бесследно исчезла вторая женщина из местных, Уильям стал проявлять особую бдительность по поводу ее приходов и уходов. Нередко Мэри-Ли мысленно спрашивала себя: на самом ли деле он так озабочен ее безопасностью или ему просто нравится демонстрировать свою власть над ней?

Мэри-Ли исполняла все бытовые обязанности жены не обладая ее статусом. Она была старой девой и делала для своего брата то, чего не могла сделать для другого мужчины, за неимением такового. Без сомнения, люди так и думали о ней. Жалостливо качали головами и бормотали ей вслед: «Помилуй бог бедняжку!»

У Уильяма была своя жизнь. У нее тоже. Его жизнь. До недавних пор, когда все вдруг чудесным образом переменилось.

Глава 8

Напряжение, висевшее над обеденным столом в кухне Хеймеров, было таким же увесистым, как бифштекс с кровью, который Дора поставила перед Уэсом. Он отрезал кусок, обмакнул его

в лужу кетчупа на своей тарелке и сунул в рот.

– Ты говорил, что анкеты уже заполнены и отправлены, – проговорил он с набитым ртом. – А я захожу к тебе в комнату и вижу, что все они на месте, разбросаны по столу. Значит, ты не только не исполнил свой долг, но еще и солгал мне.

Скотт ссутулился на стуле и, упорно не поднимая глаз, размазывал вилкой картофельное пюре по своей тарелке.

– Я готовился к экзаменам за первое полугодие, папа. А на Рождество мы уехали на неделю к дедушке. А когда начались занятия, мне надо было делать уроки. Я был занят.

Уэс запил мясо глотком пива.

– Ты был занят. Всем, чем угодно, только не своим будущим.

– Нет.

– Уэс!

Он бросил взгляд на жену.

– Не вмешивайся, Дора. Это наш со Скоттом разговор.

– Я начну заполнять анкеты сегодня вечером. – Скотт оттолкнул тарелку и положил салфетку на стол.

– Я начну заполнять их сегодня вечером. – Уэс яростно ткнул ножом в сторону тарелки Скотта. – Доедай.

– Я не голоден.

– Все равно доедай. Тебе нужны протеины.

Скотт расстелил салфетку на коленях и демонстративно атаковал свой бифштекс ножом и вилкой.

– Во время каникул я смотрел сквозь пальцы на то, что ты ел, – сказал Уэс. – Но теперь я с тебя глаз не спущу. До конца весенних тренировок я буду следить за твоей диетой. Больше никаких сладостей.

– Я испекла яблочный пирог, – вставила Дора.

Сочувственный взгляд, брошенный ею на сына, разозлил Уэса даже больше, чем мысль о пироге.

– Половина его проблем исходит от тебя. Ты его избаловала, Дора. Будь твоя воля, он вообще не пошел бы в колледж. Ты держала бы его здесь и нянчила до конца своих дней.

Они закончили ужин в молчании. Скотт упорно не поднимал головы и работал ножом и вилкой, пока не очистил всю тарелку, после чего попросил разрешения уйти.

– Вот что я тебе скажу, – Уэс великодушно подмигнул сыну. – Дай ужину улечься, а потом… Вряд ли один кусок пирога тебе повредит.

mir-knigi.org

– Спасибо.

Скотт бросил салфетку и, громко топая, ушел из кухни. Через несколько секунд дверь его комнаты громко хлопнула, а потом из-за нее донесся грохот рок-н-ролла.

– Пойду поговорю с ним.

Уэс поймал Дору за руку, пока она поднималась из-за стола.

– Оставь его в покое. – Он заставил ее снова сесть. – Пусть похандрит. У него это пройдет.

– В последнее время он что-то слишком часто хандрит.

– Подростковый возраст. У всех подростков бывают перепады настроения.

– Но у Скотта никогда ничего подобного не было. Он в последнее время сам не свой. Что-то не так.

– Я съем свою порцию пирога прямо сейчас, спасибо, – с преувеличенной вежливостью объявил Уэс.

Она стала нарезать остывающий на буфетной стойке пирог, повернувшись к нему спиной.

– Он любит тебя, Уэс. Он старается тебе угодить, но ты вечно им недоволен. Он лучше среагирует на похвалу, чем на критику.

Уэс картинно застонал:

– Неужели мы не можем хоть один вечер провести без этих идиотских рассуждений в духе Опры? [18]

Дора поставила перед ним тарелку.

– Мороженого хочешь?

– Разве я когда-нибудь не хотел мороженого?

Дора выставила пластиковый контейнер на стол и выложила горку мороженого на кусок пирога.

– Так ты совсем оттолкнешь от себя Скотта. Ты этого хочешь?

– Чего я хочу, так это спокойно доесть свой десерт.

Когда она повернулась к нему, Уэс на миг с удивлением узнал в ней прежнюю Дору, студентку из колледжа. Он впервые увидел ее, пока она, вскинув сумку с ракеткой на плечо, покачивая бедрами, шла по студенческому городку в коротенькой теннисной юбочке и влажной от пота футболке после матча, который, как он потом узнал, она выиграла с разгромным счетом.

В тот день ее глаза вспыхнули гневом: она увидела, как он, сидя с приятелями на веранде общежития для спортсменов, бросил обертку от шоколадного батончика на ухоженную лужайку.

– Грязный тупой мужлан.

Она взглянула на него так, словно он нагадил в фонтанчик с питьевой водой, никак не меньше. Потом она подошла, подняла обертку и отнесла ее к ближайшей урне. И двинулась дальше, даже не обернувшись ни разу.

Его приятели, включая Датча Бертона, встретили и проводили ее свистом и улюлюканьем. Они особенно возбудились, начали отпускать сальности и двусмысленные предложения, когда она наклонилась за оберткой. Уэс посмотрел на нее в глубокой задумчивости. Конечно, ему понравились ее задорно вздернутые сиськи и крепкий задик, тут без вопросов. Но еще больше его завело ее презрительное отношение к нему как к тупой деревенщине.

В большинстве своем студентки падали в обморок, стоило ему только войти в комнату. Девчонки, как и парни, делали зарубки на столбиках кровати, и ночь, проведенная с лучшим спортсменом, котировалась очень высоко. В то время они с Датчем были звездами футбольной команды, Уэс был центрфорвардом, Датч – защитником-хавбеком. Девушки не отказывали им ни в чем, наоборот, частенько, они получали больше, чем просили. Переспать или получить упрощенную быструю процедуру было легко: настолько легко, что секс стал утрачивать свою привлекательность. Эта девушка привлекла его своим независимым духом.

И куда подевался Дорин дух теперь? Он практически испарился после свадьбы, хотя вот сейчас как-то неожиданно проявился.

– Неужели яблочный пирог для тебя важнее сына?

– Ради бога, Дора, я всего лишь хотел…

– Когда-нибудь ты оттолкнешь его окончательно. Он уйдет от нас, и мы его больше не увидим.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – разозлился Уэс. – Тебе делать нечего, вот что. Сидишь тут целыми днями, смотришь кретинские шоу по телевизору, где бабы перемывают косточки мужчинам, и все, о чем они говорят, все недостатки! – приписываешь мне. Потом ты выдумываешь все эти ужасы… В нашей семье никогда ничего подобного не будет! Мой папаша был строг со мной, но я я этого не умер! Со мной все в порядке.

– Ты его любишь?

– Кого?

– Своего папашу.

Уэс яростно сунул в рот кусок пирога.

– Я его уважаю.

– Ты его боишься. Трясешься перед этим злобным старикашкой. В штаны готов наложить от страха.

Уэс бросил ложку на тарелку и встал так стремительно, что его стул грохнулся на пол. Несколько бесконечных секунд они смотрели друг на друга через стол. Потом он улыбнулся.

– Черт, Дора, я просто балдею, когда ты начинаешь ругаться.

Повернувшись к нему спиной, она отвернула краны в раковине. Уэс подошел к ней, протянул руки из-за ее спины и привернул краны.

– Посуда подождет. – Обхватив ее руками за бедра, он прижался к ней сзади. – А вот кое-что другое ждать не может. Из-за тебя у меня такой стояк…

– Засунь его куда-нибудь еще, Уэс.

Он презрительно хмыкнул и разжал руки.

– Что я всегда и делаю.

– Я знаю.

Она вновь включила воду.

* * *

Датч громко постучал в заднюю дверь дома Хеймеров. Через окно он видел, что в кухне горит свет, но она была пуста.

Притоптывая ногами от нетерпения и холода, он еще раз постучал, открыл дверь и крикнул:

– Уэс, это я, Датч.

Он вошел, внеся с собой порыв ледяного ветра, закрыл дверь, прошел через кухню и заглянул в гостиную.

– Уэс? – крикнул Датч в надежде перекричать раскаты рока, доносившиеся из задней части дома, вероятно, из комнаты Скотта.

вернуться

18

Опра Уинфрид – популярная телеведущая.

Дверь, соединяющая кухню с гаражом, открылась у него за спиной. Датч повернулся и увидел входящего Уэса.

– Так ты все-таки пришел! – засмеялся Уэс, увидев Датча посреди своей кухни. – Я так и знал. Знал, что не устоишь, прибежишь посмотреть порнушку. Я заливал антифриз в машину Доры. На таком морозе… – Тут его улыбка померкла. – Что-то случилось?

– Лилли попала в аварию.

– О боже! Она пострадала?

– Нет, не думаю. Не знаю.

Обхватив Датча за плечи, Уэс провел его в гостиную и подтолкнул к дивану. Датч снял шапку и перчатки. От его башмаков на ковре натекла грязная лужица тающего льда, но ни один из них этого даже не заметил. Уэс налил четверть стакана виски «Джек Дэниэлс» и поставил стакан перед Датчем.

– Выпей, а потом расскажешь, что произошло.

Датч залпом проглотил виски, поморщился и с трудом перевел дух.

– Она оставила мне послание в голосовой почте. Я как раз говорил с родителями Миллисент Ганн и не мог ответить на звонок. Ну, словом, произошла какая-то авария, пока она спускалась с горы. Черт побери, когда я спускался, я же думал, что она едет следом за мной! Не надо мне было уезжать раньше ее. Дорога уже обледенела. Думаю, ее занесло, что-то в этом роде. Откуда мне знать? В общем, она сказала, что вернулась в коттедж и что Бен Тирни…

– Тирни? Это тот… – Уэс пальцами словно пробежался по клавиатуре.

– Да, тот самый. Писатель, искатель приключений или кто он там еще. Лилли сказала, что он пострадал.

– Они что, машинами столкнулись?

– Все, что она сказала, все, что я сумел разобрать. Связь по сотовому была ни к черту, понимаешь? В общем, я понял, что они в коттедже, что Тирни пострадал и что им нужна помощь.

– Что случилось? – спросила вошедшая в гостиную Дора. Она была в халате с высоким воротом и туго затянутым на талии кушаком. Выражением лица она всегда напоминала Датчу канатоходца, только что осознавшего, что он сделал неверный шаг.

Уэс вкратце обрисовал ей ситуацию.

– Лилли сказала тебе, что этот Тирни ранен? Ему плохо? – встревоженно спросила Дора.

Датч отрицательно покачал головой и протянул свой пустой стакан. Уэс наполнил его. На этот раз Датч не стал пить залпом, он осторожно отхлебнул.

– Понятия не имею. Может, у него одна царапина, а может, он на грани смерти. По правде говоря, мне плевать. Я боюсь за Лилли. Я должен подняться туда. Сегодня же.

– Сегодня? – ужаснулась Дора.

Уэс бросил взгляд в окно гостиной.

– Это дрянь все еще сыплется, Датч. Хуже, чем раньше.

– Ты мне будешь рассказывать! Я же сюда приехал. Теперь уже все вокруг было покрыто льдом. Дождь лил, не переставая, температура продолжала снижаться.

– И как ты собираешься туда добраться, Датч? Ты не сможешь подняться туда по дороге. Даже от полноприводного внедорожника толку мало на сплошном льду.

– Знаю, – желчно огрызнулся Датч. – Я уже пытался.

– Совсем рехнулся?

– Да, рехнулся! Как услышал ее голос на автоответчике, начал действовать, не задумываясь. Сел в машину и поехал, но… – Он опрокинул в себя остатки виски. – Меня вынесло на обочину, еле руль удержал.

– Я сварю кофе. – Дора отступила в кухню.

– Ты же убиться мог! – воскликнул Уэс. – Как ты мог так сглупить?

Датч сорвался с дивана и начал ходить взад-вперед.

– А что я должен был делать, Уэс? Сидеть здесь и ковырять в заднице, пока лед не растает? А может, пройдет неделя. Я не могу просто сидеть и ждать. А вдруг Лилли тоже ранена? На нее это похоже – ничего мне не сказать.

– Ты встревожен, я понимаю. Но, по большому счету, ты ж за нее больше не в ответе.

Датч стремительно повернулся к нему, стиснув кулаки, готовый врезать своему старому другу. То, что сказал Уэс, было правдой, но эту правду он не желал слушать. И уж тем более он не желал слушать ее от Уэса. От Уэса, который превосходил его во всем. От Уэса, который никогда не знал горечи поражений, ни минуты не сомневался в себе. От Уэса, который держал все под контролем.

– Я шеф полиции. Даже если отбросить все остальное, я в ответе за Лилли хотя бы в силу своей должности.

Уэс обезоруживающе развел руками.

– Да ладно, ладно, успокойся. Набрасываешься на меня, а толку что?

Датч взял с подноса, принесенного Дорой, кружку кофе и отпил несколько глотков, столь необходимых ему после двух порций виски. Неразбавленное спиртное показалось ему райским нектаром. Аромат, вкус, тепло, разлившееся в животе, приятное, похожее на щекотку, возбуждение в крови… Господи, только теперь он понял, как ему не хватало выпивки. А ведь совсем недавно он без нее часа прожить не мог.

– Кэл Хокинс все еще держит права на грузовик с песком? – спросил он вслух.

– В прошлом году город продлил его договор, – ответил Уэс. – Но только потому, что этот никчемный сукин сын – хозяин драндулета.

– Я послал людей на его поиски. Сам поехал к нему домой. Там темно и заперто наглухо. По телефону никто не отвечает. Если он не работает, не посыпает дороги песком, то где же он?

– Я думаю, в баре, – пожал плечами Уэс. – Вот почему он так любит свою работу. Работы у него – от силы на пару дней в году. Все остальное время он может с чистой совестью накачиваться пойлом.

– Мы уже проверили бары.

– Где продают акцизную выпивку в бутылках с этикетками? – Уэс фыркнул и насмешливо поднял бровь. – Кэла в таком месте не найдешь. – Он вышел в прихожую, вынул из стенного шкафа парку, шапку и перчатки. – Ты сядешь за руль. Я покажу, куда ехать.

– Спасибо за кофе, Дора, – сказал Датч, поднимаясь.

– Прошу вас, будьте осторожны.

– Не жди нас, – вот и все, что сказал ей Уэс.

Они вышли из дома и попали в худший из зимних штормов всех последних лет. Уэс хлопнул

Датча по спине.

– Не тушуйся, парень. Вызволим мы твою красотку.

* * *

Окно комнаты Скотта выходило на задний двор. Он видел, как его старик и Датч Бертон, скользя, как на катке, добрались до черного «Бронко» с белой полосой на крыше.

Датч не заглушил мотор, и выхлоп белым облачком курился позади огромного внедорожника. Пока они задом выезжали со двора, колеса то и дело буксовали, не находя сцепления с дорогой.

Скотт все еще глядел вслед удаляющимся габаритным огням, когда Дора постучала в дверь его комнаты.

– Скотт?

– Входи. – Он понизил громкость стереосистемы.

– Хочешь пирога?

– А можно мне оставить его на завтрак? Я переел мяса. Я видел, как папа уехал с мистером Бертоном.

Она рассказала ему о случившемся.

– Как я поняла, Лилли не спустилась в город вовремя и застряла наверху. Но у нее хоть была причина, а вот что этот мистер Тирни делал сегодня в горах, хоть убей, не понимаю.

– Он же турист-профессионал.

– Тем более. Уж ему ли не знать, что, когда надвигается буря, в горах делать нечего?

Скотт тоже над этим задумывался. Он сам любил лазить по горам и не раз читал статьи Тирни о местных маршрутах. Он с детства ходил в походы по горным лесам, разбивал палатки сперва в отряде бойскаутов, а потом и в одиночку. Но, хотя Скотт излазил пик Клири вдоль и поперек, он прекрасно знал, что даже в погожий день можно наткнуться на опасный участок. И он уж точно не хотел бы оказаться на горе в этот день, когда разразилась ледяная буря.

– Даже если они найдут Кэла Хокинса, вряд ли кто-нибудь сумеет подняться по шоссе сегодня вечером, – заметил он.

– Вот и я так думаю. Но разве станут они меня слушать. Если есть на свете упрямец хуже твоего отца, так это Датч Бертон. Принести тебе чего-нибудь? Может, чашку горячего шоколада?

– Спасибо, мам. Ничего не нужно. Я посижу еще над этими анкетами. Я же обещал отцу. А потом лягу.

– Ладно, спокойной ночи. Спи крепко.

– Не забудь все запереть и включить сигнализацию на ночь, – сказал Скотт, когда она повернулась, чтобы уходить.

mir-knigi.org

Дора улыбнулась ему.

– Не забуду. Твой отец каждый день мне напоминает, что двери и окна надо держать закрытыми, особенно с тех пор, как Миллисент пропала. Но я не боюсь, что к нам кто-то вломится.

«С какой стати тебе бояться?» – подумал Скотт. Он знал, что в ящике тумбочки возле ее кровати лежит заряженный револьвер. Ему не полагалось об этом знать, но он знал. Он обнаружил револьвер, когда учился в шестом классе и забрался в спальню родителей в поисках презервативов: хотел стянуть парочку, чтобы произвести впечатление на школьных товарищей. Презервативов он не нашел: оказалось, что родители пользуются спермицидной смазкой. Но вот револьвер, лежавший в ящике рядом с тюбиком смазки, произвел впечатление на него самого.

– Не верю я, что Миллисент и остальных захватили силой, – продолжала Дора. – Кем бы ни был этот похититель, женщины, похоже, его знали или хотя бы узнавали и считали безобидным. Судя по всему, они по собственной воле составляли ему компанию.

– Все равно будь осторожна, мама. Она послала ему воздушный поцелуй.

– Обещаю.

Как только дверь за ней закрылась, Скотт врубил аудиосистему на полную громкость и настроил таймер на автоматическое отключение через двадцать минут, после чего натянул на себя теплую одежду для своей тайной вылазки.

Окно его спальни открылось совершенно беззвучно: Скотт не забывал смазывать петли. В мгновение ока он оказался снаружи и осторожно закрыл за собой окно. Он не хотел, чтобы мать почувствовала холодный сквозняк и отправилась выяснять, откуда он взялся.

На ледяном ветру у него заслезились глаза и потекло из носа. Он съежился под ледяным дождем, сунул руки в перчатках глубоко в карманы и, держась неосвещенной стороны двора, двинулся в путь.

Скотту – особенно после очередных нотаций старика по поводу того, что вот, дескать, он отлынивает от тренировок, хотя на самом деле он жилы рвал, стараясь выполнить все в точности, – просто необходимо было улизнуть из дома.

Разумеется, что бы он ни делал, его старику все было мало. Любая голубая лента была недостаточно голубой, любой серебряный кубок – недостаточно блестящим для сына Уэса Хеймера. Получи он золотую медаль на Олимпиаде, старик остался бы недоволен и спросил бы, почему не две.

Увидев приближающиеся фары, Скотт нырнул за живую изгородь и выждал, пока машина не проедет. Вдруг это «Бронко» Датча Бертона возвращается? Машина ползла с черепашьей скоростью, не больше десяти миль в час, Скотт успел закоченеть, прежде чем она поравнялась с ним. Но его опасения оказались напрасными: это был не «Бронко» шефа полиции. Скотт снова двинулся вперед, подняв воротник и низко надвинув вязаную шапку, чтобы его ненароком не узнал кто-нибудь, наблюдающий за бурей из окна.

Люди в этом городе обожали сплетничать. Если бы кто-то заметил его на улице и узнал, а потом стукнул старику, у него была бы чертова уйма неприятностей. А если бы он вдруг поскользнулся, упал и что-нибудь себе сломал? Старика хватил бы удар, как пить дать. Но

сначала старик убил бы его, Скотта.

Погрузившись в эти мысли, Скотт как будто навлек на себя беду: поскользнулся на обледенелом тротуаре и грохнулся. Ноги разъехались в стороны, он не удержался и весьма ощутимо приземлился на копчик. Ощущение было такое, будто позвоночник вошел прямо в черепную коробку.

Скотт несколько секунд не двигался, пытаясь прийти в себя, прежде чем смог подняться. Наверняка его попытки встать на ноги на скользкой поверхности со стороны выглядели комично, но в конце концов ему это удалось. Он, хромая, доплелся до ближайшего забора и привалился к нему.

– Господи, – прошептал Скотт, воображая, что сделал бы с ним старик, если бы он притащился домой с раздробленной лодыжкой или сломанной берцовой костью.

«Видишь ли, папа, вот как было дело. Я тайком удрал из дома. Шел по улице, поскользнулся на льду и упал. Слышал бы ты, с каким звуком сломалась эта кость! Как будто стукнулись друг о друга брусья два на четыре дюйма». Так, тут надо изобразить тяжкий вздох. «Похоже, мне все-таки не светит приглашение в „Алый рассвет“ Алабамы. Придется им выигрывать чемпионат по американскому футболу без меня».

Двигаясь вперед по тротуару, держась ближе к забору, он с содроганием представил себе, каким бы образом эта роковая случайность отразилась на всей его жизни. Это была бы вторая Хиросима. Ему пришлось бы расплачиваться за нее вплоть до дня собственных похорон, и даже тогда его старик кричал бы, склонившись над его открытым гробом: «Какого черта, Скотт? О чем ты только думал, мать твою?!» Даже если бы пришел конец его великим амбициям насчет Скотта, Уэс Хеймер не перестал бы шпынять и пилить сына.

Скотт оглянулся на участок наледи, где он поскользнулся. Черт возьми, все могло кончиться еще хуже. Ему крупно повезло, что он не сломал себе шею.

А может, не повезло?

Эта мысль без всякого предупреждения вылетела из подсознания Скотта и заставила его замереть на ходу. «И откуда взялась эта крамольная мысль?» – удивился Скотт.

Такая мысль сама по себе могла поразить, как молния. Последнее время он делал кое-какие вещи, которые любой моральный устав или религия сочли бы достойными вечного проклятия. Но до этой минуты он не опасался геенны огненной и ужаснулся только сейчас, когда в его голову закралась эта предательская мысль. Но ведь за мысли не сулят? И кто может узнать?

Прошло несколько минут, прежде чем Скотт продолжил свой путь. С предельной осторожностью.

Глава 9

Как только Тирни напомнил ей, что теперь она не замужем, Лилли отбросила плед и вскочила с дивана. Он вполне мог попытаться удержать ее рядом с собой, но травмы не позволяли ему двигаться быстро. Он сумел лишь, покачиваясь, подняться на ноги.

– Лилли, послушай…

– Нет, это ты послушай меня, Тирни. – Хотя он не прикоснулся к ней, Лилли выставила вперед

руку, пресекая любую попытку. – Ситуация и без того тревожная, так что не стоит…

– Тревожная? Ты встревожена? Ты не считаешь, что со мной ты в безопасности?

– В безопасности? Да, конечно. Кто сказал хоть слово о безопасности? Просто дело в том…

– В чем?

Вопрос повис в воздухе.

– Нам нельзя углубляться в личные отношения. Я считаю, что этого следует всячески избегать, пока мы здесь. Давай оставим все личное в покое и сосредоточимся на практических делах.

Тирни, казалось, готов был спорить, но она добавила «пожалуйста», и это смягчило резкость ее тона.

– Ладно, давай вернемся к практическим делам, – неохотно согласился Тирни. – Могу предложить одно сугубо практическое дело.

– Какое, например?

– Обыск.

Тирни предложил обыскать комнаты в надежде обнаружить что-нибудь, забытое раньше, когда она вывозила вещи из коттеджа. Сам он решил начать с кухни и, отвернувшись от нее, заковылял туда.

– Тирни? Он вернулся.

– Ты с ними потом встречался? – спросила Лилли, не давая себе времени передумать или потерять решимость.

– С кем? – удивленно спросил он.

– С девушками из колледжа. Ну, с теми, из джипа. Ты еще сказал, что от таких только и жди беды. Когда я отклонила твое предложение встретиться и выпить вместе, ты поехал за ними?

Он смерил ее долгим взглядом, повернулся и направился в кухню.

– Проверь, может, что-нибудь полезнее найдешь в спальне или в ванной.

В спальне обнаружились только три заколки-невидимки, застрявшие в щели одного из ящиков комода. Она принесла их Тирни.

– Вот и все. Были еще два дохлых таракана под кроватью. Я не стала их трогать.

– Они могут нам понадобиться. Как-никак протеины. – Тирни почти не шутил. Сам он обнаружил две свечки. Искривленные, они тем не менее могли оказаться незаменимыми, если вдруг отключат электричество. – Они были в ящике буфета. Закатились к задней стенке.

Он тяжело привалился к буфетной стойке. Его глаза были закрыты.

– Тебе бы лучше прилечь, – сказала Лилли.

mir-knigi.org

– Нет, я в порядке, – пробормотал Тирни, открывая глаза.

– По-моему, ты сейчас перевернешься килем вверх.

– Просто еще один приступ головокружения. – Оттолкнувшись от стойки, он подошел к окну и отодвинул занавеску. – Я тут подумал…

Лилли ждала, пока он выскажет свою мысль. У нее было скверное предчувствие.

– Если вслед за этим дождем пойдет настоящий снег, – а на такой высоте этого следует ожидать, – наша ситуация станет почти безнадежной. Меня беспокоит пропан. Если он весь выгорит, нам понадобится топливо. – Тирни повернулся к ней лицом. – Сейчас еще ничего, потом будет хуже. Я пойду в сарай и принесу дров. Сколько смогу.

Лилли взглянула на окно, потом перевела взгляд на Тирни.

– Ты не можешь туда идти! Ты едва на ногах держишься! У тебя сотрясение мозга, в конце концов!

– Вряд ли это будет иметь значение, если мы тут замерзнем насмерть.

– Забудь об этом. Ты не можешь идти. Я тебя не пущу. Он улыбнулся ее горячности.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения, Лилли.

– Я сама пойду.

Но ей стало страшно при одной только мысли о том, что придется покинуть безопасный и сравнительно теплый коттедж.

Тирни смерил ее критическим взглядом.

– У тебя сил не хватит принести, сколько нам нужно. У меня тоже сил немного, но уж побольше, чем у тебя. Да и сапоги у тебя мокрые, можешь пальцы отморозить. Придется мне идти, как ни крути.

Они проспорили еще минут пять, и все это время, несмотря на все ее доводы, он готовился к выходу.

– В сарае есть еще что-нибудь полезное? Санки, например? Что-нибудь, на чем можно подтащить дрова?

Лилли перебрала в уме содержимое сарая и покачала головой.

– К сожалению, мы с Датчем давно уже забрали все, кроме нескольких самых простых инструментов. Как войдешь, справа от себя увидишь большой деревянный сундук. Мы его использовали для хранения инструментов. Может, найдешь что-нибудь полезное. Там есть топор, это я точно знаю. Настоящий колун, не то что топорик на крыльце. Ты же говорил, что дрова надо расколоть. Захвати топор, если сможешь.

– Значит, я спускаюсь с крыльца и поворачиваю вон туда, верно? – Тирни показал рукой общее направление.

– Верно.

mir-knigi.org

– Есть что-нибудь по дороге, чего мне следует опасаться? Ну, например, пень, яма, валун? Лилли задумалась.

– Нет, по-моему, ничего такого нет. Дорога ровная. Но как только ты пересечешь прогалину и углубишься в лес…

– Знаю, – ответил он мрачно. – Будет гораздо тяжелее.

– Как ты там что-нибудь разглядишь?

Тирни извлек из кармана куртки миниатюрный фонарик. Лилли сочла его ненадежным.

– А вдруг батарейка сядет? Ты можешь заблудиться.

– У меня есть шестое чувство, я умею ориентироваться. Если я сумею туда добраться, значит, сумею и вернуться. Но если свет в доме погаснет, пока меня нет… Я жду этого с минуты на минуту. Обледенение проводов – штука скверная, – пояснил Тирни. Лилли согласно кивнула. – Ну, словом, если свет в доме погаснет, зажги одну из свечей и поставь ее на подоконник.

– У меня нет спичек.

Он вытащил коробок из другого кармана и протянул ей.

– Держи спички и свечи под рукой, чтоб не шарить в темноте, когда они тебе понадобятся.

Ее вдруг с новой силой поразило все безумие затеи с дровами.

– Тирни, прошу тебя, не ходи. Мы можем сломать мебель и пустить ее на растопку. Полки, кофейный столик, дверцы шкафов. Нас спасут раньше, чем топливо кончится. Пропана может оказаться больше, чем мы думаем.

– Я не хочу полагаться на случай. И нет смысла крушить мебель без крайней необходимости. Со мной все будет в порядке. Я бывал и не в таких переделках.

– Под ледяным дождем?

Вместо ответа он взял свою вязаную шапочку. И тут же гримаса исказила его красивое лицо.

– Она вся задубела от крови. Можно мне одолжить твой плед?

Лилли помогла ему соорудить из пледа накидку с капюшоном, но, когда он двинулся к двери, все-таки пустила в ход последний аргумент:

– Человеку с сотрясением мозга нагрузки противопоказаны. Ты можешь потерять сознание, твое шестое чувство может отказать, ты можешь заблудиться и сорваться с утеса или замерзнуть насмерть.

– Мы, идущие на смерть… – продекламировал он замогильным голосом и отсалютовал ей.

– Не шути так!

– Да я и не думал шутить. – Тирни обмотал нижнюю половину лица шарфом и взялся за дверную ручку, но помедлил, повернулся к Лилли и стянул шарф со рта. – Если я не сумею вернуться, знаешь, о чем я больше всего буду жалеть? Что так и не поцеловал тебя.

В его глазах словно запрыгали озорные искорки. Его дерзкий взгляд приковал ее к месту. А Тирни как ни в чем не бывало снова натянул шарф на подбородок. Когда он открыл дверь, порыв ледяного воздуха ударил ее по лицу, как пощечина. Тирни переступил через порог наружу и плотно закрыл за собой дверь.

Бросившись к окну, Лилли отдернула занавеску, чтобы свет из окна освещал ему дорогу. Он обернулся и показал ей большой палец в знак благодарности. Лилли перешла к другому окну, отдернула занавеску и там, а потом стала следить за Тирни сквозь обледенелое стекло. Он осторожно ставил одну ногу впереди другой и при каждом шаге проверял, имеется ли под ногой твердая опора, прежде чем перенести на нее вес.

Освещенные окна бросали квадраты света на пространство перед домом, но вскоре Тирни пересек это пространство и вошел в полосу тени. Лилли нетерпеливо стерла туманный осадок, образовавшийся на стекле от ее дыхания и разглядела слабый лучик фонарика, беспорядочно пляшущий в струях ледяного дождя. А вскоре и он пропал из вида.

* * *

Они нашли Кэла Хокинса там, где и предполагал Уэс.

Это было в лесу, где грунтовая дорога упиралась в отвесную стену двухсотфутовой высоты. Вот под этой стеной и ютилось одноэтажное строение без окон, похожее на коробку из-под печенья.

В середине плоского фасада имелась исцарапанная железная дверь. Освещение давала голая электрическая лампочка, ввернутая в патрон над дверью. Перед сооружением стояли три пикапа. Судя по толщине наледи на ветровых стеклах, они стояли здесь довольно давно.

Датчу пришлось несладко, пока он скользил в своем «Бронко» по двухмильному отрезку темной, узкой, опасной дороги, поэтому он вошел вслед за Уэсом внутрь в самом свирепом настроении. В тускло освещенном помещении было крепко накурено, в воздухе висел табачный дым, пахло сивухой. Им пришлось переступать через лужицы табачной жижи на полу, пока они пробирались к доске из прессованных стружек, которая служила стойкой бара.

– Кэл Хокинс, – лаконично бросил Датч.

Бармен кивком указал в угол. Хокинс сидел, вернее, полулежал за одним из шатких столиков. Его голова упала на стол, руки безжизненно висели вдоль тела. Он храпел.

– И вот так уже битый час, – признался бармен. – А на что он вам?

– Что он пил? – уточнил Датч, оставляя вопрос без ответа.

– Они с собой принесли.

Бармен ткнул большим пальцем в направлении второго занятого столика, за которым восседала троица угрюмых бородатых мужчин. Они играли в карты под укрепленной на стене головой оскаленного черного медведя.

– Самый высокий показатель умственных способностей у медведя, – шепнул Уэс Датчу. – Надеюсь, оружие у тебя не для мебели. У них-то точно для дела, можешь мне поверить.

Датч уже заметил дробовики, прислоненные к каждому из стульев.

– Прикрой меня.

Он подошел к столу, за которым храпел, отсыпаясь, Хокинс. Из его разинутого рта на стол натекла лужица слюны. Датч размахнулся ногой и буквально вышиб из-под него стул. Приземление оказалось жестким.

– Какого черта? – заорал Хокинс. Он поднялся с пола, стиснув кулаки, но попятился и заморгал, заметив поблескивающий полицейский жетон. – Привет, Датч. Я в детстве смотрел, как ты играешь в футбол.

– Бросил бы я твою дерьмовую задницу в камеру, – прорычал Датч, – но раз ты настолько трезв, чтобы делать глупости, значит, и работать сможешь. Ты мне нужен.

Хокинс утер слюну с подбородка тыльной стороной ладони.

– Зачем?

– А ты как думаешь? – Датч придвинулся к самому его лицу, но тут же отшатнулся, не выдержав неописуемого запаха перегара. – У тебя контракт с городом на содержание дорог, значит, посыпать песком дороги – твоя работа, так? А теперь у меня для тебя новость: у нас сейчас как раз гололед, если ты еще не в курсе. А ты где ошиваешься? В какой-то зачуханной дыре, пьяный в дупель. Я полдня потерял, разыскивая тебя, а у меня, поверь, полминуты свободной нет.

Он сорвал со спинки стула куртку Хокинса и швырнул ему. Хокинсу удалось поймать куртку, и Датч с облегчением отметил, что рефлексы у него не полностью отключились.

– Выметайся отсюда немедленно. Мы поедем за тобой в гараж. Твой грузовик ждет тебя, он уже загружен песком. Ключи с тобой?

Хокинс сунул руку в карман засаленных джинсов, вытащил связку ключей и протянул ее Датчу.

– А почему бы тебе просто не взять их и…

– Я бы взял, но никто, кроме тебя, не знает, как управлять механизмами, и только ты застрахован на вождение грузовика с песком. Мне судебный иск ни к чему, и городу тоже. Пошли, Хокинс. И если ты думаешь, что сможешь от меня улизнуть по дороге в город, лучше забудь об этом сразу. Я буду держаться так близко, что смогу укусить тебя за задницу через выхлопную трубу. Пошли.

– Все это без толку, шеф, – запротестовал Хокинс, когда Датч пинком подтолкнул его к выходу. – Я с тобой, конечно, пойду, только с неба такое сыплется, что мы даром песок потратим. И тебе это встанет вдвое, потому что завтра все равно придется заново посыпать.

– Это моя забота. Твоя забота – делать, что положено, а не то изобью до полусмерти.

* * *

Лилли в тревоге ждала возвращения Тирни и радостно вскрикнула, когда он показался из темноты. Он что-то волок за собой. Когда он подошел ближе, она разглядела, что это кусок брезента, на котором были уложены дрова.

Он оставил брезент у крыльца и, спотыкаясь, взобрался по ступенькам. Лилли открыла дверь, подхватила его за рукав куртки и втащила внутрь. Он привалился к косяку и сдвинул свой импровизированный капюшон. Его брови и ресницы заиндевели. Лилли инстинктивно протянула руку и смахнула иней.

– Дай воды!

Она бросилась в кухню и наполнила стакан из кувшина, заметив на ходу, что струйка из крана иссякла. Хорошо, что они успели наполнить все имеющиеся емкости.

Тирни соскользнул по стене и сел, прислонившись спиной к косяку и вытянув перед собой ноги. Он снял перчатки и теперь сжимал и разжимал пальцы. Лилли опустилась на колени рядом с ним. Он взял у нее стакан воды и выпил все до дна и благодарно кивнул.

– С тобой все в порядке?

Он снова кивнул, но не сказал ни слова.

В обычных условиях до сарая можно было дойти за минуту. Если верить ее наручным часам, его не было тридцать восемь минут, и все это время она мысленно бичевала себя за то, что отпустила его.

– Я рада, что ты вернулся, – искренне призналась Лилли.

– Я опять пойду, только передохну немного.

– Что?

Тирни со стоном всполз вверх по стене и принял стоячее положение. Стоячее, но не устойчивое. Его шатало из стороны в сторону, казалось, он держится на ногах только потому, что подошвы его башмаков прилипли к полу.

– Тирни, ты же не можешь!

– Лишняя вязанка может быть жизненно необходима. Думаю, на этот раз я так долго не задержусь, – сказал он, натягивая перчатки. – Теперь я знаю, где что лежит. Я много времени потратил, ориентируясь там на ощупь.

– У тебя сил не хватит.

– Я в порядке. – Он снова натянул импровизированный капюшон.

– Хотела бы я тебя отговорить!

– Я бы тоже этого хотел, – мрачно усмехнулся Тирни.

Он натянул шарф на подбородок и вышел. Лилли проводила его взглядом через окно. Он перенес поленья с брезента к тем, что уже были сложены под навесом, и вновь скрылся в темноте. Отвернувшись от окна, она решила не нервничать и найти себе более конструктивное занятие.

Раньше, чем она ожидала, до нее донесся топот его башмаков на ступеньках. Когда Лилли открыла дверь, он втаскивал на крыльцо брезент, груженный дровами. На это потребовались все его силы: поленья были крупные.

– Топор не забыл?

– Его там не было, – глухо ответил Тирни сквозь шарф.

– Я видела его там всего несколько дней назад.

– Его там не было. – Его слова прозвучали с таким нажимом, что она замолчала.

«Заметка для себя, – подумала Лилли. – Тирни не любит, когда его слово ставят под сомнение».

Или его полномочия, судя по всему. Он взглянул на пылающий в камине огонь и нахмурился.

– Теперь уже поздно об этом спорить, – сказала она, проследив за его взглядом.

Тирни сложил кучку поленьев в прихожей, чтобы они начали высыхать, расстелил брезент поверх пополнившегося запаса дров на крыльце и, громко топая, вошел в комнату. Лилли подтолкнула его к камину.

– Раз уж огонь горит, почему бы тебе не согреться?

Он стащил с головы одеяло, подошел к камину и опустился перед ним на колени, словно кающийся перед алтарем. Стащив перчатки, он протянул руки к огню.

– Я почуял дым из трубы, когда возвращался. Как тебе это удалось?

– Нашла несколько поленьев посуше ближе к стене дома на крыльце.

– Что ж, спасибо.

– На здоровье.

– А еще я слышу запах кофе.

– Я оставила нетронутую банку, – объяснила Лилли. – Пришлось потратить нашу питьевую воду, но я сварила всего две чашки. Сливок и сахара нет.

– Я всегда пью черный.

Вернувшись в комнату, она увидела, что Тирни снял куртку, шарф и башмаки и стоит спиной к огню.

Лилли протянула ему дымящуюся кружку.

– Тебе не станет плохо?

– Я рискну. – Он обхватил кружку ладонями и поднес ее к губам, но вдруг остановился.

– А где твоя?

– Все для тебя. Заслужил.

Он отпил несколько глотков, смакуя вкус и тепло, тихо урча от удовольствия.

– Я мог бы на тебе жениться.

mir-knigi.org

С нервным смешком Лилли забралась на диван, ближе к огню, подогнув под себя ноги. Вязаный плед она прижала к груди, словно защищаясь неизвестно от чего. Может быть, от глаз Тирни, которые, похоже, преследовали ее, заглядывали ей в душу и знали о ней больше, чем она сама.

Тирни сел у камина и вытянул ноги к огню.

– Как голова? – спросила Лилли.

– Кружится.

– Болит?

– Гораздо меньше.

– Свежей крови вроде не видно, но, когда ты придешь в себя, я еще раз осмотрю твою рану.

Тирни молча кивнул. Когда он допил кофе, Лилли забрала у него пустую кружку и пошла в кухню, чтобы налить ему еще порцию. Но Тирни решительно отказался.

– Возьми себе.

– Я для тебя варила.

– Ничего не хочу слушать – пей!

Лилли сделала два глотка и передала ему кружку. При этом их пальцы соприкоснулись.

– Прекрасный кофе, Лилли. Очень кстати. Спасибо.

– Спасибо тебе, что притащил дрова.

– На здоровье!

Лилли заняла свое прежнее место в углу дивана.

– Я знаю о твоей дочери, – вдруг произнес Тирни бесстрастным голосом. И, увидев ее изумленное лицо, поспешил добавить: – До меня дошли кое-какие сведения.

– От кого?

– О тебе было много разговоров в Клири, особенно с тех пор, как Датч вернулся в город и возглавил местную полицию. В «Аптеке Ритта» вы оба входите в «горячую десятку».

– Ты проводишь время в «Аптеке Ритта»?

– Куда все, туда и я. Все там собираются.

– О, да, это местный клуб, – с насмешкой заметила Лилли. – Я так и знала, что мой развод с Датчем породит тучу слухов и догадок. Сплетники кормятся браками, беременностями, изменами и разводами.

– И смертями, – тихо добавил он.

– Да. – Лилли пристально смотрела на Тирни. – И что же говорят о смерти Эми?

– Что это была трагедия.

– Что ж, это правда. Ей было всего три годика, когда она умерла. Ты это знал? – Тирни кивнул. – Четыре года назад. У меня в голове не укладывается, что я прожила без нее больше, чем с ней.

– Опухоль мозга?

– И это тоже правда. Злостная гадина! Коварная и смертоносная. Она долго не проявлялась… очень долго. Ни паралича, ни частичной слепоты, ни проблем с речью. Никакого предупреждения о том, что нас ждет. Эми казалась совершенно здоровенькой. К тому времени, как мы поняли, что надо бить тревогу, опухоль заполонила целое полушарие ее мозга.

Лилли нервно перебирала бахрому вязаного пледа.

– Нам сказали, что опухоль неизлечимая и неоперабельная. Доктора говорили, что даже агрессивная химиотерапия и радиация могут продлить ей жизнь на несколько недель, ну, может, на пару месяцев, не больше. Мы с Датчем решили не подвергать ее изнурительному лечению. Мы забрали ее домой и еще шесть недель прожили сравнительно нормально. А потом эта проклятая опухоль сделала рывок. Появились симптомы, и все понеслось! Однажды утром она не смогла выпить апельсиновый сок. Потом начали отключаться другие жизненные системы. Она впала в кому. Однажды утром она перестала дышать. Ее сердечко стукнуло в последний раз и остановилось.

Тирни пытался поймать ее взгляд, но Лилли быстро отвернулась и стала смотреть на огонь.

– Мы пожертвовали ее тело на медицинские исследования. Мы подумали, что это может принести пользу… Может, спасет каких-то других детей от такого страшного конца. К тому же мне казалась невыносимой мысль о том, что ее придется положить в гроб. Понимаешь, она всегда боялась темноты. Не засыпала без света. У нее был такой ночник в виде прозрачного стеклянного ангелочка с распростертыми крыльями. Я его берегу и сама зажигаю каждую ночь. Ну, в общем, я не могла допустить, чтобы ее закопали в землю.

– Не будем говорить об этом, Лилли. Прости меня, не надо мне было…

– Нет, я в порядке. – Она отерла слезы со щек. – Даже хорошо, что ты заговорил о моей девочке. Мой психотерапевт советует мне почаще говорить о ней с кем-нибудь из близких и называть ее по имени – Эми. Это необходимо, чтобы как-то справиться. – Лилли повернула к нему лицо и встретила взгляд Тирни. – Знаешь, когда она умерла, люди старались не говорить со мной о ней. Не глядя мне в глаза, выражаясь иносказательно, они говорили о моей утрате, о моем горе, о моем трауре, но никто не называл Эми по имени. Наверное, они думали, что щадят мои чувства, а на самом деле мне было так необходимо поговорить о ней!

– А Датч?

– Что – Датч?

– Как он справился с этим?

– А что говорят в «Аптеке Ритта»?

– Там говорят, что он крепко сдружился с виски.

Лилли горько усмехнулась:

– Сплетники в «Аптеке Ритта» строго придерживаются фактов. Да, он начал сильно пить. Это стало сказываться на его работе. Он начал делать ошибки, подставлять себя и своих товарищей. Он стал ненадежен. Несколько раз он получал замечания, потом ему вынесли официальное порицание, потом понизили в должности. После этого он сосем впал в депрессию и стал еще больше пить. Он покатился вниз по наклонной плоскости. В конце концов его уволили. Как раз сегодня он мне сказал, что, если бы не Эми, наш брак длился бы вечно. Может, он и прав. Как в брачном обете, нас действительно разлучила смерть. Ее смерть. Боюсь, мы стали типичной парой, чей брак не выдержал потери ребенка. Мы так и не оправились. Ни вместе как супруги, ни каждый из нас. – Лилли оторвала взгляд от тлеющих углей и посмотрела в глаза Тирни. – Я что-нибудь пропустила? Злостным сплетникам из «Аптеки Ритта» известны условия нашего развода?

– Нет, но они над этим работают. Во всяком случае, они рады, что Датч вернулся к ним.

– А что насчет меня?

Тирни лишь пожал плечами вместо ответа.

– Да брось, Тирни, ты же видишь, я толстокожая. Выдержу.

– Они говорят, что это ты подала на развод. Ты настояла на нем.

– Значит, я самая бессердечная сука из всех когда-либо существовавших бессердечных сук.

– При мне они выражались не совсем так.

– Но почти так, не сомневаюсь. Жители Клири наверняка взяли сторону своего земляка. – Лилли вновь задумчиво смотрела на огонь. – Решение о разводе было принято не в гневе и не из злости. Я это сделала ради того, чтобы выжить, пусть и в одиночку. Датч так и не смог оправиться от смерти Эми и не давал оправиться мне. – Ей хотелось, чтобы Тирни понял то, чего никак не хотели понять все остальные. – Я стала для него подпоркой. Ему легче было опираться на меня, чем обратиться за профессиональной помощью и излечиться. Он стал для меня непосильным бременем. Я не могла тащить на себе еще и этот воз и продолжать собственную жизнь. Отношения стали ненормальными для нас обоих. Нам лучше было расстаться, хотя Датч по-прежнему отказывается признавать, что нашему браку пришел конец.

– Его можно понять.

Лилли отреагировала болезненно.

– Прошу прощения? Что ты имеешь в виду? – в голосе Лилли зазвучали напряженные нотки.

– Трудно обвинять его в том, что он сбит с толку.

– А почему это он сбит с толку?

– Любой мужчина на его месте был бы сбит с толку. Ты с ним развелась. Больше того, именно ты потребовала развода. И тем не менее сегодня, как только ты попала в беду, ты первым делом позвонила ему.

– Я объяснила почему.

– Все равно это сводится к одному: ты посылаешь своему бывшему мужу противоречивые сигналы.

Она ясно объяснила, какие причины заставили ее позвонить Датчу и попросить о помощи. Что ей за дело, поверил ей Тирни или нет? Она твердила себе, что его мнение для нее ничего не значит, и тем не менее его замечание задело ее. Она бросила взгляд на свои часы, но так и не поняла, какое время они показывают.

– Час уже поздний.

– Ты рассердилась.

– Нет, я устала. – Лилли взяла со стола свою сумку и начала рыться в ней.

– Мне не следовало так говорить.

Она отложила сумку и посмотрела на него.

– Да, Тирни, тебе не следовало так говорить.

Лилли ждала извинений, но он заговорил жестко и непримиримо:

– Что ж, Лилли, тут уж ничего не поделаешь. Знаешь, почему я лежу на этом собачьем коврике у очага, вместо того чтобы сесть рядом с тобой на диван? Знаешь, почему я даже не попытался тебя утешить, не обнял, пока ты оплакивала Эми? Только потому, что я сбит с толку не меньше, чем Датч, который не знает, как ты к нему относишься.

Лилли открыла рот, но слов не нашла. Опустив взгляд, она принялась теребить застежку сумки.

– Датч навсегда ушел из моей жизни, – медленно проговорила она. – Я не хочу, чтобы он возвращался. Ни в каком качестве. Но я допускаю, что испытываю к нему смешанные чувства. Я желаю ему всего только хорошего. Знаешь, он был футбольным кумиром. Часто забивал решающие голы в кубковых матчах. Вот этого я и желаю ему сейчас.

– Забить решающий гол?

– Добиться успеха. Эта работа в Клири дала ему возможность начать сначала. Он может доказать, что он хороший полицейский. Больше всего на свете я хочу, чтобы он здесь преуспел.

– Больше всего на свете… – задумчиво повторил Тирни. – Обязывающее заявление.

– Я отвечаю за свои слова.

– Ну, тогда, я полагаю, ты готова сделать все от тебя зависящее, чтобы помочь ему преуспеть.

– Безусловно. Но только практически я ничем не могу ему помочь.

– Ты даже не представляешь, как много ты можешь для него сделать!

С этими загадочными словами он встал, пробормотал какое-то невнятное извинение и направился в спальню или, возможно, в ванную.

Лилли проводила его взглядом. Она чувствовала себя растерянной, выбитой из колеи, как

будто ее психотерапевт прервал сеанс в середине, когда ей еще так много нужно было сказать. Она почувствовала облегчение, когда Тирни сказал, что знает об Эми: самое трудное было позади. Трудно говорить о таких вещах с человеком, которого только начинаешь узнавать ближе. О чем-то подобном невозможно объявить в начале разговора, хотя она частенько испытывала желание именно так и поступить во избежание традиционного вопроса: «У вас есть дети?» Это вело к неизбежным объяснениям, за которыми следовало столь же традиционное: «О, мне так жаль! Ради бога, извините». И собеседник начинал чувствовать себя бессердечным и виноватым.

По крайней мере, с Тирни ей удалось избежать этого неловкого объяснения. И, уж конечно, она была благодарна ему за то, что он не стал осыпать ее банальными рассуждениями типа «бог дал, бог и взял» или расспрашивать, что она чувствовала, хотя, что она чувствовала, и без слов было ясно. Тирни оказался исключительно чутким собеседником.

Но его интерес к их с Датчем отношениям начал раздражать Лилли. Датч ушел из ее жизни, но Тирни, видимо, не был в этом убежден. А если он так хотел ее обнять, почему он этого не сделал? Обнял бы и увидел, как она отреагирует. И нечего использовать Датча как предлог, чтобы этого не делать!

– Ты уже пять минут перетряхиваешь эту сумку. – Лилли вздрогнула. Она не заметила, как он вернулся, не почувствовала, что он наблюдает за ней, пока он не заговорил. – Что ты все время ищешь?

– Свое лекарство.

– Лекарство? – удивился Тирни.

– От астмы. Я купила его вчера в «Аптеке Ритта». Между прочим, – сухо добавила она, – по части сплетен Ритт идет под номером первым. Пока я была там вчера, забирала лекарство по рецепту, Уильям Ритт задал мне несколько, как он сказал, деликатных вопросов обо мне и Датче, о нашем разводе, о продаже этого дома. Он даже спросил, сколько нам за него заплатили. Представляешь? Может, он таким образом просто хотел проявить внимание, но я не могу отделаться от мысли…

Отвлекшись на поиски лекарства, Лилли умолкла. В конце концов она потеряла терпение, перевернула сумку и вытряхнула все содержимое на кофейный столик.

Здесь была косметичка, из которой она раньше вынула маникюрные ножницы, ее бумажник и чековая книжка, Упаковка бумажных носовых платков, коробочка с мятными леденцами, зарядное устройство для сотового телефона. Карточка-пропуск в здание редакции в Атланте, связка ключей, солнцезащитные очки.

Все, за исключением того, что было ей необходимо. Она в растерянности подняла взгляд на Тирни.

– Странно, но его здесь нет.

Глава 10

Датч занял пассажирское место в грузовике Кэла Хокинса прежде всего потому, что не доверял Хокинсу. Он не верил, что Хокинс сделает честную попытку подняться по горной дороге. Но была и другая причина, более важная: он хотел первым добраться до коттеджа, первым войти в дверь, стать для Лилли спасителем, рыцарем в сияющих доспехах.

Возвращение в город из подпольного кабака, где они с Уэсом нашли Хокинса, оказалось мучительным. Мосты были ненадежны, дороги ничуть не лучше. Когда они приехали в гараж, Датч влил в Хокинса несколько чашек черного кофе. Хокинс ворчал и ныл всю дорогу, пока Датч не пригрозил заткнуть ему глотку кляпом, если он сам не заткнется. Потом ему пришлось силой запихнуть Хокинса в его грузовик.

Кабина грузовика представляла собой настоящий свинарник. Весь пол был засыпан мусором, оставшимся еще с прошлой зимы. Виниловые сиденья зияли страшными ранами, из которых торчали клочья засаленной набивки. С зеркала заднего вида свисала пара игральных костей, голограмма голой девицы, занимающейся любовью с вибратором, и освежитель воздуха в форме елки, явно не справляющийся со своей задачей.

Грузовик с песком входил в парк тяжелого дорожного оборудования, которое старый мистер Хокинс сдавал в аренду муниципалитетам, фирмам коммунального обслуживания и строительным компаниям. Его бизнес процветал, пока он не умер. При Кэле Хокинсе-младшем дело пошло прахом. От наследства остался только этот грузовик.

Кэл-младший использовал имущество отца как обеспечение под долги, которых он никогда не возвращал. Все подверглось отчуждению, кроме этой развалины. Датч не сочувствовал финансовым неудачам Кэла, он не стал бы плакать, если бы судебные приставы завтра же описали грузовик, лишь бы только он доставил его на пик Клири сегодня.

Он бросил взгляд в зеркало и увидел фары своего «Бронко», следующего за грузовиком на безопасном расстоянии. За рулем сидел Сэмюэл Булл, один из подчиненных ему полицейских. У него было преимущество: он вел машину по смеси песка с солью, которую разбрасывал Хокинс. Тем не менее дорога оставалась опасной. Время от времени Датч видел, как «Бронко» заносило то в кювет, то через осевую линию.

С Буллом ехал Уэс. Перед тем как выехать из гаража, Датч сказал ему, что справится сам.

– Я буду рядом для моральной поддержки, – заявил Уэс и залез в «Бронко».

Моральная поддержка могла понадобиться Датчу только в том случае, если бы эта попытка добраться до Лилли окончилась провалом. Похоже, Уэс не сомневался в провале. Не сомневался и Булл. Не сомневался и Хокинс. Датч улавливал недоверие во всем, что они говорили, ясно различал жалость в их взглядах.

«Должно быть, они видят во мне одержимого», – подумал он. Одержимость – неподходящее состояние духа для шефа полиции. Одержимый, безусловно, не внушает доверия окружающим. Единственное, что он мог внушить Кэлу Хокинсу, это страх.

Когда они были примерно в пятидесяти ярдах от поворота на горное шоссе, Датч сказал:

– Если увижу, что ты саботируешь, брошу тебя в тюрьму.

– За что?

– За то, что разозлил меня.

– Не имеешь права.

– А вот попробуй проверить – и увидишь. Выжми из этого драндулета все, что он может дать, ясно?

– Да, но…

– Никаких «но».

Хокинс облизнул губы и крепче стиснул баранку.

– Ни черта не вижу, – пробормотал он и сбросил скорость перед поворотом.

Это был трудный и опасный поворот, а за ним начинался крутой подъем. Хокинс должен был поворачивать медленно, чтобы не оказаться на обочине, но в то же время сохранить достаточное ускорение, чтобы одолеть подъем.

Датч включил двустороннюю рацию.

– Осади назад, Булл. Держи дистанцию.

– Не волнуйся, приятель, – раздался в переговорном устройстве голос Уэса. – Я только что отдал ему тот же самый приказ.

– Тихо и плавно, – бормотал Хокинс, обращаясь то ли к себе, то ли к грузовику.

– Не слишком тихо, – вмешался Датч. – Ты должен взять этот подъем.

– Только я умею водить этот грузовик.

– Вот и веди. Но ты должен чертовски постараться вести его правильно. – Сам того не замечая, Датч затаил дыхание.

Хокинс осторожно взял поворот. Все прошло благополучно.

Датч выдохнул.

– А теперь жми на газ.

– Не учи меня делать мою работу, – огрызнулся Хокинс. – Черт, вот тьма египетская!

Вдоль федерального шоссе, переходившего в Главную улицу Клири, по всему городу тянулись фонари от одного края до другого, но сразу за его пределами освещение обрывалось и наступала непроглядная тьма. Фары грузовика выхватывали из мрака лишь безумную пляску замерзших капель на ветру.

Эта призрачная пляска напугала Хокинса. Он отпустил акселератор.

– Нет! – Датч ездил по федеральному шоссе тысячи раз и знал, что на этом участке нужен разгон, иначе подъев не одолеть. – Жми на газ!

– Я ничего не вижу, – прохрипел Хокинс.

Он перевел грузовик на нейтральную скорость и отер пот рукавом. Он сильно потел, несмотря на холод, и этот пот пах примерно так же, как и вызвавшая его сивуха.

– Жми на газ, – сквозь зубы повторил Датч.

– Погоди минутку. Дай глазам привыкнуть. Когда вся эта дрянь перед носом мельтешит, у меня

mir-knigi.org

голова кругом идет.

– Никакой минутки. Давай сейчас же.

Хокинс хмуро покосился на него.

– Тебе что, на тот свет невтерпеж?

– Нет, это, похоже, тебе на тот свет невтерпеж. Потому что я тебя пристрелю, если этот грузовик не сдвинется с места через пять секунд.

– Шеф полиции не имеет права так угрожать частным лицам.

– Раз.

– Эй, что там у вас? – пробился в рации искаженный помехами голос Уэса.

– Два. – Датч нажал кнопку приема-передачи и заговорил в рацию: – Кэл раздумывает, как лучше взять подъем. – Он отключился. – Три.

– Датч, ты уверен, что стоит продолжать? – В голосе Уэса слышалось беспокойство. – Может, передумаешь?

– Четыре.

– Булл еле держит «Бронко» на дороге, и это на песке! Мы ничего не видим перед капотом и…

– Пять. – Датч вытащил пистолет из кобуры.

– Черт! – Кэл перевел рычаг на первую скорость.

– Все в порядке, Уэс, – сказал Датч в рацию, мысленно гордясь тем, что считал своим самообладанием. – Мы едем.

Кэл отпустил рычаг и нажал на акселератор. Грузовик прокатился на несколько футов вперед.

– Поддай газу, а то он не возьмет эту горку, – напомнил Датч.

– Не забывай, у нас тяжелый груз.

– Вот его и надо скомпенсировать.

Хокинс кивнул и перевел машину на вторую скорость, но стоило ему это сделать, как задние колеса начали прокручиваться вхолостую, не находя сцепления с дорогой.

– Ничего не выйдет.

– Не отпускай.

– Ничего не…

– Не отпускай! Давай еще раз! Жми на газ!

Хокинс помянул Иисуса, Марию и Иосифа, после чего исполнил приказ Датча. Колеса нашли дорогу, и грузовик двинулся вперед.

– Видишь? – В голосе Датча прозвучало больше облегчения, чем он сам готов был выказать.

– Да, но нам еще надо взять черт знает сколько поворотов.

– Ты сможешь это сделать.

– Я могу доставить нас обоих прямо в пекло. Я же ни черта не вижу. Как бы мне не навернуться к чертям собачьим под откос со всем этим песком.

Датч его не слушал. Под одеждой он потел даже больше, чем Хокинс. Он сосредоточился на свете фар, который обрывался прямо перед капотом. Мысленно он признавал, что Хокинс прав: вести грузовик таких размеров по обледенелой горной дороге при ограниченной видимости было опасно. Ледяной дождь уже успел покрыть только что разбросанный песок. Датч заметил, что Булл провел «Бронко» не дальше поворота. Двое внутри – его лучший друг и один из его подчиненных – в эту минуту, вероятно, обсуждали его слепое безумие. Впрочем, сейчас ему все равно, что они о нем думают.

Со стоном и скрипом старый грузовик поднимался в гору под уклоном в двадцать градусов. Подъем проходил медленно, но Датч твердил себе, что каждый дюйм приближает его к Лилли. И к Бену Тирни.

Ну почему из всех мужчин, с кем она могла застрять в горах в непогоду, там оказался он? Мысль о том, что Лилли была в коттедже наедине с мужчиной, сама по себе могла свести Датча с ума. Но она была там с тем самым парнем, на которого загляделась вчера на улице.

Датчу уже доводилось видеть, и не раз, как другие женщины – в возрасте от семи до семидесяти – заглядываются на Тирни, как заходятся от восторга, обсуждая его атлетическое сложение и безупречные черты лица. И, можно держать пари на что угодно, мерзавец прекрасно знал, какое волнение он вызывает у дам.

Небось мнит себя призовым жеребцом. Искатель привлечений, аферист, позер, публикующий свои фотки в глянцевых журнальчиках. Все сводилось к одному: дверь в любую спальню этот хлыщ открывал ногой.

«На байдарках они ходили! Как же, держи карман». Отогнав от себя горькие мысли, Датч повернулся к Хокинсу.

– Держись, Кэл. Приближаемся к первой «шпильке».

– Угу.

– Еще ярдов десять.

– Ничего у нас не выйдет. Ни единого шанса.

– Выйдет, если тебе дорога твоя шкура.

Несколько секунд Датч цеплялся за веру, что у них и впрямь все получится. Возможно, он принимал желаемое за действительное. Ему так хотелось, чтобы все получилось, чтобы он увидел наяву, как все получается. Но даже самое горячее желание не могло превозмочь законы физики. Кэлу пришлось снизить скорость, чтобы преодолеть крутой поворот. А как только он снизил скорость, грузовик не смог взять подъем. Он заглох и замер на целую вечность, как показалось Датчу. Датч опять затаил дыхание. Грузовик неудержимо заскользил

назад. Хокинс завизжал как женщина:

– Жми на газ, идиот!

Хокинс повиновался, но Датчу показалось, что действует он слишком осторожно, недостаточно активно, чтобы противостоять неумолимой силе тяготения. Как бы то ни было, все, что делал Хокинс, к успеху не привело. Разве что затормозило бесконтрольное скатывание под уклон и не дало им сорваться с дороги.

Когда грузовик наконец остановился, Хокинс испустил долгий вздох:

– Чтоб мне сгореть! Чуть не навернулись.

– Давай еще раз.

Хокинс повернулся к нему так резко, что слышно было хрустнули шейные позвонки.

– Ты что, рехнулся?

– Включай скорость и попытайся еще раз.

Хокинс затряс головой, как мокрый пес.

– Да ни в жисть. Вынимай свой пистолет, стреляй мне прямо промеж глаз – это хоть будет скорая смерть. Все лучше, чем погибать под тоннами грузовика и песка. Нет уж, спасибо. Подожди, пока небо расчистится, или найди другого водилу, или сам садись за руль, только я туда больше не поеду. Плевать я хотел на твои заморочки.

Датч попытался взглядом подчинить его своей воле, но воспаленные глаза Кэла Хокинса твердо смотрели на него в ответ, щетинистый подбородок воинственно выпятился. Они оба вздрогнули от неожиданности, когда кто-то постучал в окно с пассажирской стороны.

Снаружи в кабину заглядывал Уэс.

– Эй, у вас там все в порядке?

– Да, все нормально, – ответил Датч через стекло.

– Черта с два тут все нормально! – заорал Хокинс.

Уэс вскочил на подножку, открыл дверцу и тут же ощутил страх, исходящий от Хокинса.

– Что происходит?

Хокинс протянул трясущийся палец и указал на Датча.

– Он наставил на меня пистолет, грозил убить, если не отвезу его на эту гору. Совсем с ума свихнул.

Уэс перевел изумленный взгляд на Датча. Тот ответил усталым голосом:

– Я не собирался в него стрелять. Я просто хотел его припугнуть, чтобы он не филонил.

С минуту Уэс смотрел на друга в задумчивости, потом тихим, доверительным тоном обратился

mir-knigi.org

к Хокинсу:

– Его жена там наверху, в их коттедже, с другим мужчиной.

Хокинс переварил информацию и перевел взгляд на Датча, как будто увидел его в новом свете.

– О черт… Паршиво.

Кэл Хокинс понятия не имел о том, что такое «паршиво». «Паршиво» – это когда тебе сочувствует такой, как Кэл Хокинс.

– Кэл, ты можешь сдать задом обратно на дорогу? – спросил Уэс.

Преисполнившись сочувствия, Хокинс значительно подобрел и сказал, что попробует. Ориентируясь на фары «Бронко» он вывел грузовик с песком обратно на шоссе и развернул его к городу. Датч велел Буллу пересесть в грузовик и приглядывать за Хокинсом, чтобы тот не вздумал как-нибудь повредить грузовик, который городу еще понадобится.

– Не удивлюсь, если он нарочно разобьет грузовик, чтобы увильнуть от второй попытки завтра. – Следуя за грузовиком в «Бронко», Датч скрипнул зубами от злости. – Трусливый, пьяный сукин сын.

– Кончина Кэла Хокинса-младшего не станет невосполнимой утратой, тут я с тобой согласен, – сказал Уэс. – Но, боже милостивый, Датч, каким местом ты думал, когда наставлял на него пистолет?

– А тебе обязательно было ему говорить, что Лилли там с другим мужчиной? К рассвету об этом будет знать весь город. Представляешь, какими красками они распишут, чем Лилли там занимается с Беном Тирни, чтобы согреться и скоротать время? Ты же знаешь, как у этих людей мозги работают!

– Я вижу, в каком направлении работают твои мозги. Датч бросил на него гневный взгляд.

– И потом, – невозмутимо продолжал Уэс, – я не упоминал Бена Тирни по имени. Откуда Хокинсу знать, может, она там с каким-нибудь старым хрычом.

– Вряд ли он так подумает.

– Слушай, я ж для тебя старался. Знаешь, почему сказал ему? Потому что такую ситуацию он в состоянии просечь. Взбираться на гору в такую погоду, чтобы спасти человека? Хокинсу такого не понять, у него нет чувства долга.

Но поехать за твоей женой, которая там с другим мужчиной, – вот это ему понятно. Это может оправдать любые безрассудные действия. Даже угрозу оружием.

Они не обменялись больше ни словом, пока не доехали до гаража. Датч приказал Буллу возвращаться в участок и проверить, не нужна ли его помощь кому-нибудь еще или нет, он мог возвращаться домой.

– Есть, сэр. – Глядя в пол, полицейский неуклюже добавил: – Мне очень жаль, сэр. Ну, насчет вашей жены. Ну что мы не смогли туда подняться.

– Увидимся завтра, – коротко бросил в ответ Датч.

Булл направился к оставленной в гараже патрульной машине. Хокинс уже забирался в свой пикап, когда Датц нагнал его.

– Я за тобой заеду завтра с утра пораньше. Сделай так чтобы я тебя не искал.

– Я буду дома. Знаешь, где это?

– Заеду на рассвете. И если ты напьешься или будешь маяться с похмелья, пожалеешь, что я тебя не пристрелил.

Они выехали из гаража вслед за пикапом Хокинса. Неудивительно, что один из хвостовых фонарей у него был разбит.

– Надо бы штраф ему влепить, – пробормотал Датч, когда Хокинс свернул на перекрестке.

– Высади меня в конце подъездной аллеи, – сказал Уэс, когда они поравнялись с домом Хеймеров. – Нет смысла подъезжать к дому.

Датч остановил «Бронко». Несколько мгновений мужчины молчали. Уэс мрачно смотрел прямо перед собой сквозь ветровое стекло. Наконец он нарушил молчание:

– Не утихает, а?

Датч проклял снежный вихрь пополам с дождем.

– Я буду там завтра, даже если мне придется отрастить крылья и лететь.

– Боюсь, что именно это тебе и придется сделать, – заметил Уэс. – Ты сейчас куда?

– Поезжу по городу. Посмотрю, что и как.

– А почему бы не подвести черту, Датч? Поспи немного.

– Не могу. Даже пытаться не стоит. Я заряжен адреналином и кофеином.

Уэс окинул его изучающим взглядом.

– Я рекомендовал тебя на эту работу.

Это замечание задело Датча. Он зло покосился на старого друга.

– И что? Уже жалеешь?

– Нисколько. Но, думаю, я вправе напомнить тебе, насколько твое будущее зависит от того, преуспеешь ты здесь или нет.

– Слушай, если ты думаешь, что я плохо делаю свою работу…

– Я этого не говорил.

– Тогда что?

– Я только хочу сказать, что на кону твоя репутация. И моя тоже.

– А ты никогда не забываешь прикрыть свою задницу, верно, Уэс?

mir-knigi.org

– Ты чертовски прав.

– У тебя всегда тылы были прикрыты линией полузащиты, и если парни плохо тебя прикрывали, ты с них шкуру спускал. Я был там, и мне тоже доставалось от твоих быков-полузащитников. Да у них шеи были толще моей талии! Но ты плевать хотел, что меня перемелют в пыль, лишь бы твоя задница была прикрыта.

Датч спохватился, что ведет себя по-детски, вороша обиды прежних дней, когда они вместе играли в американский футбол, и прикусил язык. То, что сказал Уэс, было правдой. Печальной, уродливой, но правдой. Он это знал. Просто ему тошно было это слышать.

– Датч, – заговорил Уэс, тщательно отмеряя и взвешивая каждое слово, – мы тут не в блошки играем. И даже не в футбол. В нашем маленьком городке завелся какой-то псих ненормальный, ворующий женщин. Теперь уже пять. Один бог знает, что он с ними делает. Люди напуганы, нервы у всех на пределе, все гадают, скольких еще он схватит, прежде чем его поймают.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что общее горе тебя и вполовину так не волнует, как твоя Лилли. Подумаешь, заночевала в уютном гоном домике в ночь снегопада! Нет, я понимаю, конечно, ты о ней беспокоишься. Ты в своем праве. Но, ради всего святого, сопоставь одно с другим!

– Не надо тут проповедовать, мистер председатель городского совета! – Датч еле сдерживал себя, такая буря бушевала у него в груди, но говорил он тихо. – Не тебе меня судить, Уэс, ты и сам не образец добродетели. – И, чтобы до Уэса лучше дошло, добавил: – Особенно в том, что касается женщин.

Глава 11

– У тебя астма?

– Хроническая. Но это же аллергия. – Лилли ощупала пустую сумку внутри, понимая, что это бесполезно. Бархатного мешочка, в котором она держала лекарства, там не было. Она взволнованно провела рукой по волосам, потом потерла подбородок. – Где же он?

– Но у тебя же нет приступов астмы?

– Потому что я принимаю лекарства, чтобы их предотвратить. Ингаляции и таблетки.

– А без них…

– У меня может начаться приступ. И это очень плохо, потому что у меня нет с собой бронхорасширителя.

– Бронхо…

– Расширителя, расширителя, – нетерпеливо повторила Лилли. – Это ингалятор для использования во время приступа.

– Я видел, как люди ими пользуются.

– Без него я не могу дышать. – Лилли вскочила и нервно прошлась по комнате. – Где же этот проклятый мешок? Он примерно вот такой. – Она развела ладони на шесть дюймов. – Зеленый, бархатный, расшит бисером. Одна моя редакторша мне преподнесла на Рождество. Заметила,

что прежний мешок износился.

– Может быть, ты оставила его…

Лилли прервала его, покачав головой.

– Я всегда ношу его в сумке, Тирни. Всегда. Он и сегодня был у меня.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Холодный воздух может вызвать ступ, и я точно помню, что воспользовалась одним из ингаляторов перед тем, как уйти отсюда. – Охваченная паникой, она нервно растирала ладони. – Господи, да что же то такое – он был у меня в сумке еще сегодня, а сейчас его там нет. Куда он мог деться?

– Успокойся.

Лилли сердито посмотрела на Тирни: он что, не понимает, почему она разволновалась?! Ну конечно, откуда ему знать, каково это – задыхаться, ловя ртом воздух, и опасаться, что не сможешь сделать следующий вдох.

– Только не говори мне «успокойся»! Ты не знаешь…

– Ты права. – Тирни схватил ее за плечи и слегка встряхнул. – Я ничего не знаю об астме, кроме одного: истерика только усугубит положение. Ты себя накручиваешь, так и до приступа недалеко. А теперь все-таки успокойся.

Ее неприятно задел его строгий голос, но, по существу, он, конечно, был прав. Она кивнула ему и освободилась от его рук.

– Все, я спокойна.

– А теперь давай восстановим ход событий. Ты воспользовалась ингалятором, перед тем как сесть в машину, верно?

– Перед выходом из дома. Я точно знаю, что спрятала мешочек с лекарством в сумку. Помню, как я возилась с «молнией»: расстегивать было неудобно, а снимать перчатки не хотелось. Но даже если бы я случайно оставила его здесь, он был бы в этой комнате. Мы обшарили весь дом. Его здесь нет, иначе кто-нибудь из нас уже наткнулся бы на него, так ведь?

– Твоя сумка упала, когда машина врезалась в дерево, помнишь?

Нет, она не помнила до этой самой минуты.

– Ну конечно! – воскликнула Лилли. – Должно быть, мешочек выскользнул из нее. Он лежал сверху, потому что я положила его в сумку перед самым уходом.

– Ну, значит, это единственное логичное объяснение. Когда ты поднимала сумку, ты проверила, на месте ли твои лекарства?

– Нет, мне тогда и в голову не пришло проверить, не выпало ли что-нибудь. Я думала только о том, что с нами будет.

– При обычных обстоятельствах – когда ты в следующий раз должна была принимать

лекарство?

– На ночь. Но если бы случился приступ, один из моих ингаляторов понадобился бы мне немедленно.

Тирни обдумал ее слова.

– В таком случае мы просто должны сделать все от нас зависящее, чтобы предотвратить приступ. Что вызывает приступ? Помимо холодного воздуха. Да, кстати, как ты ухитрилась забраться на эту горку, практически таща меня на себе, и избежать приступа?

– У меня хорошие лекарства. Они предотвращают приступы. Если я веду себя разумно и вовремя принимаю лекарства, могу делать все, что захочу. Спускаться на байдарках по порогам, например, – добавила она с улыбкой.

– Но эта прогулка по косогору чуть не добила меня, Лилли. Как же это удалось тебе?

– У меня только одно объяснение: это сверхъестественная сила вселилась в меня. – Увидев, что Тирни не среагировал на ее шутку, Лилли пояснила: – Когда ты лежал на дороге, а я металась вокруг тебя, бегала за одеялом, не знала, куда еще кидаться и что предпринять, мне показалось странным, почему я не чувствую прилива адреналина. Я слыхала, что так всегда и со всеми бывает в кризисных ситуациях.

– Может, у тебя был прилив адреналина, но ты просто не заметила.

– Очевидно, да. Ну, как бы там ни было, приступ может быть вызван перенапряжением и еще раздражителями типа пыли, плесени, загрязненного воздуха… Здесь ничего подобного нет, особенно в зимнее время. Зато есть стресс, – добавила Лилли. – Он может вызвать приступ. Когда Эми умерла, у меня часто бывали приступы. От плача. Постепенно они сошли на нет, но я должна избегать нервных и стрессовых состояний. – Она улыбнулась в надежде, что эта улыбка покажется ему безмятежной. – Все обойдется, я уверена. Ничего страшного не будет, если я пропущу несколько доз.

Тирни задумчиво посмотрел на нее, потом перевел взгляд на дверь.

– Я пойду к машине и заберу лекарства.

– Нет! – Лилли схватила его за рукав и вцепилась мертвой хваткой.

Не иметь под рукой лекарства, когда начнется приступ, было плохо само по себе, но остаться при этом в полном одиночестве было куда хуже.

Вскоре после смерти Эми у нее случился приступ ночью. Ее разбудил звук собственного свистящего дыхания, она начала откашливать мокроту. К тому моменту, как она вдохнула спасительное лекарство, ее дыхательные пути были почти полностью блокированы.

Этот эпизод так запомнился Лилли, потому что она была одна. В ту ночь Датч не вернулся домой. Он даже не позвонил, не предупредил, что задержится. Давно исчерпав запас неубедительных оправданий, он с некоторых пор понял, что проще вовсе не звонить, чем бормотать в трубку какие-нибудь лживые объяснения.

В конце концов Лилли перестала его ждать и пошла спать одна. Тогда она подумала, что, если бы не успела вовремя схватиться за ингалятор, для Датча это был бы превосходный урок. Так

ему и надо! Пусть придет домой и увидит, что она задохнулась, пока он где-то развлекался с Другими женщинами.

Спохватившись, что она все еще держит Тирни за рукав, Лилли убрала руку.

– Ты не сможешь добраться до машины и вернуться обратно, ты просто рухнешь по дороге. Ты заблудишься, потеряешь сознание, замерзнешь, а я так и останусь без лекарств. Нам обоим будет только хуже.

Он тяжело вздохнул:

– Боюсь, что ты права. Я пойду, только если не будет другого выхода.

– Если до этого дойдет, прошу, не уходи, не предупредив меня. – Лилли устыдилась захлестнувших ее чувств но ей было необходимо объяснить все это ему хотя бы для того, чтобы он не считал ее неженкой или паникершей. – Я живу с астмой всю жизнь, но одна мысль о тяжелом приступе до сих пор приводит меня в ужас. Я не боюсь одиночества, пока со мной мой ингалятор на экстренный случай. Но его здесь нет. Мне не хотелось бы проснуться, задыхаясь, и обнаружить, что я здесь одна, Тирни. Обещай мне!

– Обещаю, – тихо и серьезно проговорил он.

В камине сместилось полено, выбросив в трубу сноп искр. Лилли отвернулась от Тирни, опустилась на колени перед камином и начала ворошить угли за металлической решеткой.

– Лилли?

– А? – она повернула голову. – Что?

– Что ты скажешь, если я предложу тебе лечь вместе?

* * *

Весь вечер Мэри-Ли Ритт отдыхала.

Хотя это не было объявлено официально, она знала – завтра занятий в школе не будет. Даже если бы автобусы могли ходить по маршрутам, это было исключено, школьному округу пришлось бы дорого заплатить за обогрев школьных зданий при такой низкой температуре.

Тем не менее школьный комендант взял себе за правило извещать всех об отмене занятий лишь в самый последний момент, обычно уже утром, за час до первого звонка. Как любой незначительный начальник, он любил показывать свою власть и получал какое-то мелочное удовольствие, не давая людям поспать подольше.

Вместо того чтобы проверять тетради, хотя это было ее обычное занятие по вечерам, Мэри-Ли включила одну из видеокассет, взятых в аптеке. Героиня фильма оказалась пустышкой, герой – хамом и грубияном, лишенным каких-либо достоинств, искупающих недостатки. Единственным положительным моментом была подлинная, киношная влюбленность, ощущавшаяся на экране между красивыми молодыми актерами. Да еще песня в исполнении Стинга. Так стоит ли придираться к дырам в сюжете и спотыкающемуся диалогу? Да, это не психологический фильм, но это было веселое кино, помогающее отвлечься. Мэри-Ли получила удовольствие.

Потом она обошла весь дом, проверяя, всюду ли погашен свет и все ли двери заперты. Заглянув

в коридор, где были спальни, она заметила, что под дверью Уильяма не пробивается полоска света. Должно быть, он давно уже в постели, подумала Мэри-Ли. Он всегда рано ложился и рано вставал.

Она зашла в свою спальню и закрыла дверь, но свет зажигать не стала. Уличный фонарь наискосок от дома давал достаточно света, пробивавшегося сквозь штору, чтобы можно было ориентироваться в комнате. Мэри-Ли убрала с кровати декоративные подушки, откинула пуховое стеганое одеяло. Потом она прошла в ванную и начала раздеваться.

Она не торопилась, медленно снимала каждую вещь, складывала ее и только потом принималась за следующую. Все ее тело покрылось гусиной кожей, но она все равно не стала спешить.

Оставшись голой, она сняла резинку, стягивающую волосы в конский хвост, тряхнула головой и провела пальцами, как гребешком, по прядям пшеничного цвета, которыми втайне гордилась. Ей нравилось ощущать мягкое, чуть щекочущее прикосновение волос к обнаженным плечам.

Ее ночная рубашка висела на крючке на двери. Мэри-Ли надела ее. Рубашка была коротенькая не по сезону, но ей нравилось шелковое, богато украшенное кружевами белье, и она носила его круглый год. Ежась от холода, она прошла в спальню.

Она уже забиралась в постель, когда он одной рукой схватил ее за талию, а другой зажал ей рот. Она попыталась кричать и выгнула спину в попытке вырваться.

– Тсс! – прошипел он ей прямо в ухо. – Замри, а не то мне придется сделать тебе больно.

Мэри-Ли перестала вырываться.

– Вот так-то лучше, – прошептал он. – Твой брат спит?

– М-м-м…

Он еще сильнее стиснул ее талию и крепко прижал к своей груди. Его горячее влажное дыхание щекотало ей ухо и шею.

– Я спросил: твой брат спит? Она помедлила, но потом кивнула.

– Хорошо. Просто отлично. Делай, как я говорю, и тебе не будет больно. Поняла?

Ее сердце отчаянно колотилось, но она поспешно кивнула.

– Если я уберу руку с твоего рта, ты закричишь?

Она отрицательно покачала головой. Возможно, слишком быстро: он ей не поверит.

– Только попробуй… – зарычал он.

Мэри-Ли снова покачала головой. Он убрал руку.

– Что ты со мной сделаешь? – прошептала она. И тогда он показал ей.

Глава 12

Он больно заломил ей руку за спину и прижал ее ладонь к своему обнаженному пенису. Мэри-

Ли ахнула. Он сжал ее пальцы вокруг своей возбужденной плоти, заставил двигать рукой вверх-вниз.

Их отражение было видно в большом французском зеркале-психее, висящем на стене напротив кровати. Это старомодное зеркало досталось ей по наследству от матери, а той от ее матери. Овальное стекло было заключено в резную деревянную раму кремового цвета, расписанную розовыми бутончиками.

Но ничего идиллического не было в сцене, отражавшейся сейчас в его серебристой глубине. Это была мерзкая грубоэротическая сцена. В темноте Мэри-Ли с трудом различала свое отражение в белой рубашке. Фигура мужчины словно расплывалась во мраке. Мэри-Ли отчетливо видела лишь натянутую на лицо трикотажную шапочку с прорезями для глаз. Она скорее чувствовала, чем видела, его взгляд, следящий за ней в зеркале.

Его пенис уперся прямо в ложбинку между ее ягодицами.

– Опусти рубашку, – шепнул он.

Она покачала головой – сперва робко, потом более решительно.

– Нет!

Не давая ей опомниться, он стянул бретельки с ее плеч, и рубашка сползла на бедра, обнажив грудь. Он тотчас же обхватил ее груди обеими руками и принялся грубо тискать их.

Мэри-Ли застонала.

– Тсс! – свирепо прошипел он.

Она до боли закусила нижнюю губу.

Его рука скользнула вниз по ее телу, он попытался просунуть пальцы ей между ног. Мэри-Ли инстинктивно сжала колени.

– Раздвинь их.

– Пожалуйста…

– Раздвинь.

Она развела ноги на пару дюймов.

– Шире! – Мэри-Ли помедлила, но выполнила приказ. Она проник в нее пальцами. Она встретилась с ним глазами в зеркале. Его глаза горели огнем сквозь прорези маски. – На колени. Лицом на матрац.

Опустившись коленями на край кровати, Мэри-Ли подалась всем телом вперед и вниз, пока не прижалась щекой к матрацу. Он грубо ощупывал ее горячими руками, головка его пениса тыкалась в нее, дразнила и пугала. Потом он вонзился в нее.

Ее руки конвульсивно стиснулись в кулаки, комкая простыню, ее плоть сжалась. Он застонал и проник в нее ещё глубже.

– Ну, что я с тобой делаю? Скажи сама.

mir-knigi.org

Она глухо пробормотала свой ответ.

– Громче!

Она повторила это слово, ритмично двигаясь ему навстречу.

Его толчки становились все короче, все быстрее.

– Ты сейчас кончишь, да?

– Да… – простонала она с прерывистым вздохом. Оргазм оставил ее влажной, ослабевшей и до безумия счастливой. Ее собственные спазмы уже начали утихать когда она почувствовала, как высвобождение настигло и его. Он держал ее за бедра, а все его тело пульсировало и содрогалось. Она снова кончила. На этот раз ее оргазм был слабее, но он оказался не менее насыщающим.

Отдышавшись, она вытянулась на постели, перевернулась и потянулась к нему.

– Это было здорово!

Он знал все ее фантазии: она сама ему рассказала. Они не всегда следовали этому сценарию, но, когда это происходило, она всякий раз бывала в восторге.

Он обхватил руками ее груди, потер напрягшиеся соски.

– Тебе нравится, когда тебя пугают, да?

– Видимо, да, иначе я не позволила бы тебе пробираться сюда тайком. – Их губы слились в долгом томном поцелуе. Когда поцелуй наконец прервался, она с любовью погладила его по лицу. – Видел, какую сцену я разыграла в ванной?

– Разве ты не чувствовала, как я за тобой наблюдаю?

– Честно говоря, да. Стоило тебе войти в комнату, я сразу поняла, что ты здесь. Мне хотелось растянуть шоу с раздеванием. Знаешь, может, даже потрогать себя.

– Мне бы этого хотелось, – отозвался он.

– В другой раз. Сегодня слишком холодно. Честно говоря, я даже думала, что ты не придешь.

Он проложил дорожку поцелуев вниз по ее телу, потом соскользнул на пол и встал на колени между ее раскинутых бедер. Прижимаясь к ней лицом, он простонал:

– Я не мог не прийти. Не могу я оставаться без этого.

За дверью спальни Мэри-Ли Уильям послушал еще несколько минут, а потом, самодовольно улыбаясь, с трудом подавляя смешок, на цыпочках прокрался по темному коридору в свою комнату.

* * *

Вопрос Тирни застал Лилли врасплох. Она ошеломленно уставилась на него, не в силах ответить.

– Пожалуй, мне следовало проявить больше такта, а не огорошивать тебя вот так сразу, – заметил он. – Обычно я не столь прямолинеен, поверь!

«Интересно, часто ли ему приходится проявлять такт, приглашая женщину в постель?» – подумала Лилли. Впрочем, она-то была уверена, что частенько. Она также не сомневалась, что мало кто из женщин на такой вопрос отвечал ему отказом.

– Я должна чувствовать себя оскорбленной или польщенной? – Беспечный смех Лилли резанул фальшью даже ее собственный слух. – Почему ты решил, что более тактичный подход поможет тебе меня уговорить?

– К тебе неприменимы никакие правила, Лилли.

– Почему же?

– Ты слишком умна и слишком красива.

– Ну уж нет! Максимум, на что я могу претендовать, это привлекательная, но уж никак не красивая.

– Красивая, поверь! Мне виднее. Стоило тебе войти в тот автобус, я сразу подумал: «Какая красивая!»

Лилли вспомнила, что в тот день опоздала на несколько минут и в автобус вошла последней. Она стояла лицом ко всем остальным, высматривая свободное место. Тирни сидел в третьем ряду у окна. Место ближе к проходу рядом с ним было свободно. Их глаза встретились. Она улыбнулась ему в ответ, но не приняла его молчаливое приглашение сесть рядом с ним. Вместо этого она прошла мимо и заняла место у прохода на ряд сзади. Двери закрылись, и автобус тронулся. Их проводник по экскурсии встал в проходе и приветствовал всех. Он толкнул десятиминутную речь о правилах безопасности и о том, что их ожидает на реке Французская Стерва. Свои неуклюжие шутки он, должно быть, повторял уже в тысячный раз. Но Лилли вежливо посмеялась над ними, впрочем, как и Тирни.

Когда проводник, исчерпав весь запас своих дорожных шуток и наставлений, сел за спиной у водителя, члены группы принялись оживленно общаться. Тирни повернулся к ней:

«Я Бен Тирни».

«Лилли Мартин».

«Рад знакомству, Лилли Мартин».

– Ты потрясающе выглядела в тот день, – сказал он теперь.

Лилли понимала, что этот разговор надо прекратить на этом самом месте. Он нарушал фундаментальные правила, которые она установила, чтобы удержать и себя, и Тирни в рамках практических дел, чтобы устранить из ситуации все личное. Но она была женщиной: женщине всегда приятно слышать такие слова.

Лилли удивленно подняла брови.

– Это в походном-то костюме?

– Никому так не идет черный эластик.

– Это неправда, но все равно спасибо.

– Ты представилась под своей девичьей фамилией. Я только во время своей поездки в Клири узнал, что Лилли Мартин, с которой я познакомился на реке, это миссис Бертон, жена Датча Бертона, нового шефа полиции, правда, не живущая с мужем.

– Я работаю именно под своей девичьей фамилией. А когда я подала на развод, то снова вернулась к ней. Кто сказал тебе, что я – жена Датча?

– Гас Элмер. Ты его знаешь?

Лилли отрицательно покачала головой.

– Он управляет турбазой, где я останавливаюсь, когда бываю в этих местах. Любопытный старикан. Обожает поговорить со своими гостями. Я сумел спросить его – но только так, чтобы это не слишком бросалось в глаза, – не знает ли он некой Лилли Мартин, владеющей коттеджем неподалеку, в горах.

– И он выдал тебе все по полной.

Тирни усмехнулся.

– Если Гас и испытывал какие-то угрызения по поводу сплетен, бутылка бурбона очистила его совесть. К тому моменту, как она опустела, я узнал все основные факты твоей биографии, включая смерть Эми. Мне многое стало ясно.

– Что ты имеешь в виду? Что тебе стало ясно? Некоторое время Тирни обдумывал свой ответ.

– В тот день на реке я заметил, что стоило тебе рассмеяться, ты всякий раз словно спохватывалась и быстро умолкала. Твоя улыбка бесследно исчезала, блеск в глазах угасал. Тогда меня это поразило. Я спрашивал себя, что это за механизм вдруг включается? Что заставляет тебя избегать веселья? Ты как будто всякий раз напоминала себе, что не имеешь права радоваться и получать удовольствие.

– Это чистая правда, Тирни.

– Когда тебе хорошо, ты чувствуешь себя виноватой, потому что Эми мертва, а ты жива.

– То же самое говорит мой психотерапевт.

Лилли вдруг испугалась, поняв, что для него она – открытая книга. Казалось, в ее сердце для него не осталось тайных уголков. Даже в день первой встречи он читал у нее в душе. Она испытала облегчение, когда он дал ей возможность открыто поговорить о смерти Эми, но его прозорливость скорее огорчила ее, чем обрадовала.

Тирни опустился на ковер у камина рядом с ней.

– Сегодня, когда ты сама рассказала мне о смерти Эми, я увидел в тебе ту самую печаль, которую заметил в тот день на реке.

– Прости меня.

– За что?

– Печаль вызывает у людей ощущение неловкости.

– Может, у других, но только не у меня.

– И как ты объясняешь это? – поинтересовалась Лилли.

– Я восхищаюсь тем, как ты справляешься со своим горем.

– Мне это не всегда удается.

– Главное, ты не дала горю сломить себя. – Тирни не добавил: «В отличие от твоего мужа», хотя имел в виду именно это.

– Как бы то ни было, убитые горем люди – не самая приятная компания.

– Я же еще здесь.

– А куда ж ты денешься? Мы тут застряли, не забыл?

– Я не жалуюсь. По правде говоря, я должен сделать признание. Я рад, что мы оказались здесь наедине, отрезанные от всего мира. – Его голос понизился до полушепота. – Этот разговор начался с вопроса.

– Нет, я не буду спать с тобой.

– Выслушай меня, Лилли. Мы можем сберечь тепло, даже увеличить его, если разденемся и ляжем вместе под грудой одеял. Тепло наших тел поможет нам обоим согреться.

– Гм… понятно. Ты это предлагаешь исключительно в целях выживания.

– Не исключительно. Процентов на семьдесят пять.

– А меня смущают как раз остальные двадцать пять процентов.

Тирни протянул руку и взял в кулак прядь ее волос, но отпустил не сразу, не так, как тогда, в машине, а пропустил шелковистую прядь между пальцев.

– Я хотел тебя с того самого дня. Стоит ли тратить время на недомолвки, когда я абсолютно уверен, что ты тоже об этом знала с того самого дня? Я хочу спать с тобой. Но – и это важно – ничего не случится, пока я не буду уверен, что ты тоже этого хочешь. Мы будем прижиматься друг к другу только ради тепла. – Тирни разжал пальцы и пряди волос скользнули между ними, как тоненькие ручейки. Он снова поднял на нее глаза. – Я клянусь.

Глядя ему в глаза, услышав искренность в его тихом голосе, Лилли поверила, что он сдержит слово. Ну… почти поверила. Его признание в том, что он ее хочет, вопреки ее ловам, вопреки ее рассудку, волновало ее.

Бену Тирни можно было доверять, но она не доверяла интуиции. Лилли попыталась вообразить себя и Тирни в одной постели, раздетыми, ну почти раздетыми, приживающимися друг к другу, чтобы согреться, но без всяких сексуальных поползновений. Кому он голову морочит? Себе? Ну да, может быть. Но только не ей.

Конечно, небо не рухнет, если они уступят взаимному влечению. Ее собственное тело всеми своими чувственными импульсами приветствовало эту идею, давало ей зеленый свет. Но она

знает его… сколько? Считая тот день на реке, она в общей сложности провела в обществе Тирни часов пятнадцать. Даже в продвинутом двадцать первом веке полнейшей сексуальной свободы такой темп представлялся ей слишком стремительным.

Что, в сущности, она о нем знает? Что он хорошо умеет слушать и прекрасно пишет статьи в жанре «путевые заметки». Готова ли она на физическую близость с мужчиной, о котором практически ничего не знает? Женщины помоложе назвали бы ее старомодной трусливой недотрогой. Сама Лилли предпочитала считать себя разумной и осмотрительной.

– Нет, Тирни. Мой ответ: «Нет».

– Ладно. – Опять он взглянул на нее с этой кривоватой полуулыбкой: – Честно говоря, если бы мы поменялись ролями, я бы тоже себе не доверял. – Он встал. – Переходим к плану Б. Надо закрыть все вентиляционные ходы в спальне и в ванной, вообще закрыть оба помещения и находиться только в этой комнате. Здесь есть резерв тепла. Могу принести матрац с кровати и положу его для тебя ближе к камину. Я буду спать на одном из диванов, на безопасном расстоянии – метра в полтора от тебя. Но если тебя смущает даже такая близость, скажи, я пойму.

Лилли поднялась на ноги и отряхнулась:

– План Б кажется мне вполне разумным.

– Отлично! Приступаю к практическому воплощению плана. – С этими словами Тирни направился в спальню.

– Тирни?

Он остановился и повернулся к ней.

– Спасибо, что принял мое решение без долгих споров. Ты вел себя ужасно мило.

Тирни выждал несколько мгновений, потом в два широких шага сократил расстояние между ними.

– Я вовсе не так мил.

Глава 13

– Ты когда-нибудь читал книгу пророка Иеремии, Филин?

– Иеремии? Нет, сэр. Не то чтоб сначала до конца.

Только избранные стихи.

Старший спецагент Бегли закрыл Библию. Он читал ее на протяжении последних десяти миль, на преодоление которых спецагенту Уайзу потребовалось чуть ли не два часа.

– Иеремия был истинно божьим человеком.

– Да, сэр.

– Иегова послал его открыть людям истину, которой они не знали и предпочли бы никогда не знать.

mir-knigi.org

У Филина было довольно смутное представление о ветхозаветных пророках, поэтому он неопределенным хмыканьем выразил свое согласие с оценкой Бегли.

– Видишь ли, он их убивает.

Отчаянно стараясь удержать автомобиль на дороге и одновременно следить за мыслью Бегли, Филин мысленно спросил себя, к кому относится вышеупомянутое местоимение «он»: к пророку, к Иегове или к неизвестному злоумышленнику, терроризирующему округ Клири. Он решил, что третий вариант самый верный.

– Вы, скорее всего, правы, сэр. Хотя, если он ограничивает свои действия этим районом – а нам пока не удалось связать данный случай с чем-либо в других частях страны, – можно предположить, что к этому времени какие-то останки уже должны быть найдены.

– Черт, да ты посмотри на этот район! – Бегли потер рукавом расписанное морозным узором стекло, чтобы лучше видеть пейзаж за окном. – Сотни квадратных миль сплошных лесов. Пересеченная местность, кругом горы. Каменистые русла рек. Пещеры. Даже дикая природа на его стороне. Может, он скармливает этих девчонок медведям, откуда нам знать?

Последнее замечание вызвало у Филина отрыжку. Он ощутил в горле горьковато-кислый привкус последней выпитой чашки кофе.

– Будем надеяться, что нет, сэр.

– Район заселен весьма негусто. Тот сукин сын, который бомбил Олимпийский парк в Атланте, прятался тут годами, пока его не нашли. Нет, Филин, если бы я убивал молодых женщин, я выбрал бы как раз такой вот дикий край для моих охотничьих угодий. Это он? – спросил Бегли, указывая вперед.

– Так точно, сэр.

Еще никогда в жизни Филин не был так счастлив прибыть к месту назначения. Всю ночь он вел машину по дорогам, больше приспособленным для саней. Стоило им немного отъехать от Шарлотта, как на одной из развилок они наткнулись на машину дорожной полиции, блокирующую въезд на шоссе. Офицер вылез из машины и сделал знак Филину сдать назад. Бегли приказал ему не двигаться.

Патрульный подошел к ним с сердитым криком:

– Ты что, ослеп? Не видишь, что я тебе машу? Сюда нельзя. Дорога закрыта.

Филин опустил стекло. Бегли наклонился через него и предъявил патрульному свое удостоверение, объяснил, что они преследуют преступника, вступил в спор, надавил на беднягу своим чином и наконец пригрозил столкнуть его гребаную патрульную машину с этой гребаной дороги, если он, мать его, не уберет ее к чертовой матери сию же минуту.

Патрульный убрал машину.

Филин сумел въехать на автостраду, не свалившись в кювет, но мышцы его шеи, плеч, спины стянуло узлами которые так и не расслабились до самого конца. А вот Бегли как будто и не замечал опасности. Или, может быть, доверял шоферскому искусству Филина больше, чем сам Филин.

Бегли позволил своему подчиненному лишь две остановки, чтобы выпить кофе и перекусить, причем и кофе, и закуску они взяли по дороге из пищевого автомата в машину. Во второй раз Филин воспользовался туалетом и еле успел застегнуть ширинку, услышав из-за двери окрик Бегли, что им надо поторапливаться.

Рассвет почти не разогнал темноты. Густые тучи низко обложили небосклон, снег и туман уменьшили видимость до нескольких футов. У Филина болели глаза от напряжения, ему постоянно приходилось вглядываться вперед, хотя он почти ничего не видел перед радиатором. Скорость не превышала пятнадцати миль в час: превышение обернулось бы самоубийством. Ледяной дождь, хлеставший весь вчерашний день, перешел в густой снегопад. За свои тридцать семь лет Филин ни разу не видел такого.

Перед встречей с Беном Тирни он хотел бы принять душ, побриться, выпить пару кружек кофе и съесть горячий, очень горячий и плотный завтрак. Но еще на дальних подступах к Клири Бегли приказал ему ехать прямо на турбазу на окраине города.

Туристическая база «Уистлер-Фоллз» представляла собой набор коттеджей, разбросанных по берегу озера, в которое с гор низвергался водопад. У забора, окружавшего игровую площадку, намело высокие сугробы. Из трубы над административным зданием поднимался дым, и, если не считать этого единственного признака присутствия человека, пейзаж можно было считать безжизненным.

Филин осторожно свел седан с шоссе, моля бога, чтобы колеса попали на подъездную аллею. Под слоем снега ее не было видно.

– Который его? – спросил Бегли.

– Номер восемь. Самый ближний к озеру, – пояснил филин.

– Он все еще тут числится?

– По данным на вчерашний вечер. Но его «Чероки» здесь нет, – разочарованно заметил Филин. Только перед одним из коттеджей был припаркован автомобиль, практически похороненный под снегом. Следов шин на снегу не было видно. – Может, справимся у менеджера?

– Зачем? – удивился Бегли. – Я отсюда вижу, что дверь коттеджа номер восемь приоткрыта, специальный агент Уайз. Держу пари, если мы постучим, нам сразу откроют.

Филин взглянул на него в изумлении.

– Но, сэр, если это он, мы же не хотим, чтобы парень сорвался с крючка из-за нарушения его гражданских прав.

– Если это он, я нарушу его гражданские права пулей в башку, но не дам ему сорваться с крючка на каком-то процедурном дерьме.

Филин запарковал машину перед коттеджем номер восемь. Приятно было потянуться и размяться, выйдя из машины, хотя он тут же провалился в снег по щиколотку. От ветра у него перехватило дыхание, ему показалось, что его глаза мгновенно замерзли и превратились в ледышки, но зато он получил возможность выпрямить спину и прогнуться, а это искупало все остальные неудобства.

А Бегли вроде бы и не замечал ни слепящего снега, ни колючего ледяного ветра. Он протопал

дорогу в снегу до самого крыльца, поднялся по ступенькам на веранду, завернул за угол к входной двери, кстати, совершенно не видной с подъездной аллеи, и, обнаружив, что она заперта, бесцеремонно вставил в электронный замок карточку. Через секунду они с Филином были уже внутри.

Здесь было теплее, чем снаружи, но все-таки до того холодно, что их дыхание облачком вырывалось изо рта. Угли в камине подернулись пеплом и остыли. В кухоньке, примыкающей к жилой комнате, было чисто, вся еда убрана. Вымытая посуда, оставленная в сушилке, давно высохла.

Бегли медленно повернулся на каблуках, вбирая в себя детали обстановки.

– Похоже, его давно уже здесь нет. Он не уехал на своем «Чероки» этим утром, иначе мы бы видели какие-то следы на снегу. Есть идеи насчет того, где мистер Тирни провел ночь, Филин?

– Никаких, сэр.

– Как насчет подружки из местных?

– Насколько мне известно, таких нет.

– Родственники?

– Нет, в этом я твердо уверен. Он был единственным ребенком. Родители умерли.

– Тогда где, черт побери, он провел ночь? И на этот вопрос у Филина не было ответа. Он последовал за Бегли в спальню.

Окинув беглым взглядом помещение, старший спецагент Бегли указал на двойную кровать.

– Миссис Бегли сочла бы, что кровать застелена небрежно. Она сказала бы, что так застилает кровать мужчина. Если он вообще ее застилает.

– Да, сэр.

Филин был мужчиной, но никогда не оставлял кровать незастеленной. Он даже всегда проверял, ровно ли спускаются края покрывала. Более того, он никогда не оставлял посуду в сушилке: он вытирал ее полотенцем и убирал в кухонный шкаф. Он систематизировал свои компакт-диски по алфавиту, но не по названиям песен, а по фамилиям и именам исполнителей, и складывал чистые носки в ящик по цвету: от светлых к темным, слева направо.

Но он скорее дал бы отрезать себе язык, чем посмел противоречить мнению миссис Бегли.

В отличие от жилой комнаты, комната, в которой Тирни спал, выглядела обжитой. В углу была брошена пара забрызганных грязью ковбойских сапог. Посреди комнаты валялся открытый рюкзак, из которого вываливалась одежда. Письменный стол под окном был завален журналами. Филин поборол в себе желание выровнять их, пока просматривал глянцевые обложки.

– Порнография? – подозрительно осведомился Бегли.

– Приключения, спорт, туризм, здоровье. Для таких изданий он пишет, сэр.

– Вот дерьмо, – в голосе Бегли послышалось разочарование. – Судя по той комнате, можно

подумать, что у Тирни бзик на чистоту и порядок.

– Что соответствует психологическому портрету разыскиваемого нами злоумышленника. – Филин сообразил, что выдает свою собственную одержимость чистотой и порядком.

– Верно. Но это… черт побери, – проворчал Бегли. – Это похоже на комнату моего старшего сына. Так который из них Тирни? Гребаный псих или именно то, на что он похож? Нормальный парень, любитель туризма, у которого встает без всяких там пособий по онанизму?

Вопрос был риторический, и этому можно было только радоваться, потому что определение порнографии как «пособия по онанизму» лишило Филина дара речи.

Дверь стенного шкафа была открыта. Бегли заглянул внутрь.

– Спортивный стиль, но качество хорошее, – заметил он.

– История его кредитной карты это подтверждает. Он не ходит в магазины, где торгуют со скидками.

Бегли повернулся и вышел из спальни. Он стремительно пересек жилую комнату и открыл дверь во вторую спальню, но замер, не сделав и двух шагов.

– Есть, Филин!

Филин бросился к нему и тоже остановился в открытых дверях.

– Вот это да! – тихо присвистнул он.

К стене над столом были приклеены скотчем фотографии пяти пропавших женщин. Филин сообразил, что это стол, перенесенный сюда из кухни. Он и не заметил его отсутствия на кухне, пока не увидел стол здесь.

На столе стоял персональный компьютер и лежал целый ворох печатных материалов. Газетные заметки о пропавших женщинах из «Клири Колл» были скреплены вместе, как и заметки из других изданий, печатавшихся в разных местах, даже таких далеких, как Роли и Нашвилл, Некоторые абзацы были помечены цветными маркерами.

Были здесь и большие, так называемые «адвокатские» блокноты с желтой линованной бумагой. Некоторые заметки были вымараны, другие подчеркнуты или помечены для дальнейшего рассмотрения или запоминания. Всего было пять скоросшивателей, по одному на каждую из пропавших женщин, и в каждом содержались заметки, написанные от руки, вырезки из газет, фотографии с объявлений о пропавших без вести или из прессы.

И всякий раз, когда встречалось упоминание о неизвестном похитителе, оно было подчеркнуто синим маркером.

Бегли указал на одну такую пометку.

– Синий.

– Я обратил на это внимание, сэр.

– Его фирменный цвет.

– Похоже на то.

– С тех пор как он взял Торри Ламберт.

– Да, сэр.

– Компьютер…

– Наверняка закодирован и требует пароля пользователя.

– Сможешь расколоть его, Филин?

– Я, безусловно, попытаюсь, сэр.

– Та-а-ак, стоять смирно, а не то обоим бошки снесу к чертовой матери! – Голос звучал, как работающая на холостом ходу бетономешалка. – Руки вверх! Поворачиваемся медленно и плавно. Очень медленно и плавно.

Бегли и Филин выполнили приказ и заглянули прямо в сдвоенные стволы дробовика. Заговорил Филин:

– Здравствуйте, мистер Элмер! Вы меня не узнаете. Я Чарли Уайз.

Он стоял посреди комнаты, вскинув дробовик к плечу. Филин назвал его по имени, он прищурился, словно прицеливаясь. Лицо у него было красное и сморщенное, как виноградина, слишком долго пролежавшая на солнце. На нем была старая, побитая молью лыжная шапочка, из-под которой выбивались клочки редких волос, таких же грязно-белых, как и его кустистая жесткая борода. Губы, густо измазанные табачной жижей, растянулись в улыбке, обнажив почти беззубые десны. Зубов было ровно три.

– Матерь божья! Да я ж вас чуть не пристрелил. – Он опустил дробовик. – Вы приехали отдать мистеру Тирни его премию?

Филину пришлось напрячься, чтобы вспомнить им же самим придуманную историю, объясняющую его интерес к Бену Тирни.

– Э-э-э… нет, не совсем. Это специальный агент Бегли. Мы…

– Гас? Ты там? – послышался голос.

– О черт… – протянул Гас Элмер. – Я ж полицию вызвал. Думал, кто-то сюда забрался, хочет спереть вещи мистера Тирни, пока его нет.

Бегли испустил пулеметную очередь ругательств себе под нос.

Полицейский просунул голову во входную дверь и, сжимая в руке пистолет, с любопытством оглядел агентов ФБР.

– Это воры?

– Мы не воры! – Филин по голосу Бегли понял, что тому осточертел весь этот балаган и он собирается взять ситуацию под контроль. Он толкнул Филина вперед и плотно закрыл дверь во вторую спальню, чтобы остальные двое не Увидели их находки. – Мы агенты ФБР, – продолжал Бегли, – и я просил бы вас зачехлить оружие, пока вы кого-нибудь не застрелили. Например,

меня.

Полисмен был молод, по оценке Филина, ему не было и тридцати. Взгляд под кодовым названием «яйцерез», брошенный на него старшим спецагентом Бегли, привел парня в смятение. Только спрятав пистолет в кобуру он вспомнил, что надо поинтересоваться их удостоверениями. Они предъявили документы.

Удостоверившись, что они те, за кого себя выдают, он четко отсалютовал:

– Харрис, полиция Клири.

На полях его форменной шляпы таял снег. Его форменные штаны были заправлены в высокие резиновые сапоги. Короткая кожаная куртка из стриженой овчины была ему явно маловата и жала под мышками, поэтому он не мог нормально опустить руки по швам.

Гас Элмер почесал бороду, глядя на Филина.

– Вы агент ФБР? Без дураков?

– Без дураков, – ответил за Филина Бегли.

– И что вам тут надо? Что вам надо от мистера Тирни?

– Поговорить.

– О чем? Его арестуют или что? Что он сделал?

– Я тоже хотел бы это знать, – сказал Харрис. – Вы предъявите ему ордер на арест?

– Ничего подобного. У нас просто есть к нему несколько вопросов.

– Несколько вопросов. – Харрис задумался, с сомнением переводя взгляд с одного на другого. – А у вас есть ордер на обыск этих помещений?

«Не такой уж он зеленый», – подумал Филин. Бегли пропустил вопрос мимо ушей.

– Фамилия вашего шефа Бертон? – спросил он.

– Так точно, сэр. Датч Бертон.

– Где мне его найти?

– Прямо сейчас?

Это был до того идиотский вопрос, что Бегли не удостоил его ответом. На шкале времени старшего специального агента Бегли не было иных делений, кроме «прямо сейчас».

Осознав свой грубый промах, Харрис пробормотал:

– Ну… я только что слышал по рации, что шеф едет к Кэлу Хокинсу – Хокинс у нас посыпает город песком в гололедицу – и отвезет его в «Аптеку Ритта» выпить кофе.

– Филин, ты знаешь, где «Аптека Ритта»? – спросил Кегли. Филин кивнул. Бегли повернулся к Харрису. – Передайте шефу Бертону, что я хотел бы присоединиться к нему в «Аптеке Ритта»

через полчаса. Ясно?

– Я ему передам, но ему срочно нужно…

– У него нет и быть не может более важных дел. Передайте ему, что я так сказал.

– Да, сэр, – ответил Харрис. – А все-таки, как насчет ордера?

– Позже. – Бегли пальцем поманил к себе молодого офицера, и тот затопал к нему. В отличие от куртки, сапоги у него были, видимо, на размер больше, чем требовалось. Бегли наклонился к нему и торопливо заговорил вполголоса. – Когда будете передавать мое сообщение шефу Бертону по полицейской рации, скажите только одно: нам с ним необходимо повидаться сегодня утром. Никаких имен не упоминайте. Ясно? Речь идет о деле сверхсрочном и сверхсекретном. Конфиденциальность жизненно необходима. Могу я рассчитывать на ваше умение держать язык за зубами?

– Безусловно, сэр. Я понимаю.

Харрис снова отсалютовал и выбежал из коттеджа. Когда Филина переводили в отделение ФБР в Шарлотте, он обрадовался возможности поработать под началом знаменитого директора этого подразделения, но до сих пор ему не приходилось работать с Бегли непосредственно. Это дело стало для Филина первым шансом увидеть своего шефа в деле, понаблюдать за его приемами, снискавшими ему славу живой легенды, причем как среди агентов, так и среди преступников. Сослуживцы учились у него. Нарушители закона тоже учились у него, но лишь себе на гибель.

Хотя он никогда не рассказывал о своей службе на ближнем Востоке, знающие люди говорили, что однажды Бегли, захваченный в плен в Ираке еще при Саддаме Хусейне и обвиненный в шпионаже против режима, красноречием добился избавления от виселицы для себя и трех своих подчиненных. Хотя занимались они не чем иным, как шпионажем, то есть сбором разведданных, Бегли ухитрился убедить иракские власти, что они взяли не тех, что речь идет об ошибочной идентификации, что расплата за плохое обращение с ними, причинение вреда здоровью или смерть будет страшной.

Через пять дней после захвата четверка покрытых пылью и умирающих от жажды мужчин ввалилась в вестибюль отеля «Хилтон» в центре Багдада к великому изумлению коллег, дипломатов и журналистов, уже считавших их мертвыми.

История обрастала подробностями при каждом пересказе, но Филин не сомневался, что, по сути, в ней все верно. Бегли был человеком кристально честным, но при этом обладал душой и умом мошенника высшей пробы. Он феноменально умел манипулировать людьми.

Он не сообщил юному Харрису ничего существенного, но польстил ему, сделав причастным к их «сверхсрочному и сверхсекретному делу», и тем самым заставил его забыть, что у них нет ордера на обыск и что их, в сущности, застали на месте преступления – вторжение со взломом, как ни повернуть, нарушение серьезное.

Бегли также подчеркнул, что Харрис должен связаться со своим шефом без дальнейших проволочек, и тем самым избавился от него. Это давало им возможность допросить Гаса Элмера без посторонних.

– Я не отказался бы от чашки кофе, а ты, Филин? —вдруг сказал Бегли. – Мистер Элмер, вы не против, если мы злоупотребим вашим гостеприимством?

Старик недоуменно прищурился.

– А?

– У вас есть кофе? – перевел Филин.

– А, да, есть. И натоплено отлично. Осторожней на ступеньках. Поскользнетесь, как на соплях.

Через несколько минут они уже восседали в креслах-качалках с решетчатыми спинками перед потрескивающим в камине огнем. В ботинках у Филина таял снег.

Ноги у него промокли и замерзли, ему хотелось их отпилить. Он протянул их как можно ближе к огню.

Кофейные кружки, которые предложил им Гас Элмер, были все в трещинах и в пятнах, как его три зуба, но зато сам кофе оказался крепким, обжигающе горячим и чудесным на вкус. А, может быть, он только показался Филину чудесным, потому что ему до смерти хотелось кофе.

Хотя Гас Элмер буквально умирал от желания принять участие в расследовании ФБР, он сообщил им ненамного больше, чем Филин успел выкачать из него раньше. Бен Тирни был тихим и приятным гостем, платежи по его кредитной карте всегда проходили безотказно. Его единственная странность заключалась в том, что он категорически отказывался от услуг уборщицы, работавшей на турбазе, и она никогда не убирала в коттедже, который он занимал. Агентов эта странность не удивила: она объяснялась тем, что они обнаружили во второй спальне.

– Ну, других закидонов у него нет, так что мне грех жаловаться, – подытожил Гас. – По мне, так лучше его гостя нет. Всегда оставляет коттедж в хорошем состоянии, свет выключает, отходы складывает в бак и крышкой закрывает, чтобы медведи да еноты их не потаскали. А в день выписки к полудню его уже нет в коттедже. Да уж, правила он соблюдает, это точно.

– Весьма внушительный трофей, мистер Элмер, – заметил Бегли, указывая на голову оленя с раскидистыми рогами, прикрепленную к каменной стене над камином. – Ваша работа?

Это была фирменная тактика Бегли. Во время допроса он время от времени бросал какую-нибудь не относящуюся к делу реплику. Он утверждал, что это способствует спонтанности ответов. Внезапно переключаясь на посторонние предметы, он не давал человеку, которого допрашивал, возможности предугадать следующий вопрос и мысленно подготовиться к ответу. Таким образом, он добивался «непричесанной» реакции при ответах на существенные вопросы.

– Мистер Тирни когда-нибудь говорил с вами о женщинах?

Элмер, занятый созерцанием своего охотничьего трофея, повернул голову и озадаченно взглянул на Бегли.

– О каких еще женщинах?

– О женах, бывших женах, подружках, любовницах? – Понизив голос, Бегли добавил: – Он когда-нибудь упоминал о своей сексуальной жизни?

Старик усмехнулся.

– Не припоминаю. А уж я бы такого не забыл. Я как-то раз спросил его, не приедет ли к нему

его хозяйка, а он говорит, нет, в том смысле, что он в разводе.

– А как вы думаете, он нормальный? У старика сам собой открылся рот.

– То есть вы мне хотите сказать, что он извращенец?

– Он?

– У нас нет причин подозревать, что он гомосексуалист, – ответил Бегли. – Но, согласитесь, это несколько странно, что такой красавец, да притом холостяк, ни разу не упомянул при вас о прекрасном поле.

И опять Филин ощутил невольное восхищение. Бегли совершенно незаметно прощупывал память Гаса Элмера. Он точно рассчитал, что Элмер окажется гомофобом. Такой, как он, не хотел бы, чтобы его постоянный клиент, с которым он сдружился, оказался таким мужчиной. Теперь, если Тирни хоть раз упоминал женское имя в разговоре, старый Элмер мозги себе сломает, но вспомнит его.

– Вот я тут подумал, – сказал Элмер, задумчиво ковыряя мизинцем в ухе, – и вспомнил: было такое дело. Вот прям позавчера дело было: спрашивал он меня про ту девчонку, что последняя пропала.

– Можно мне налить еще чашку? – Не дожидаясь ответа, Бегли встал и подошел к кофеварке на столе.

– Приходит он сюда, в приемную, газету забрать, а сам просматривает первую полосу. Я и говорю: «Вот вы меня спросите, так я вам скажу: видать, много нагрешил этот город, раз бог наслал на нас какого-то психа ненормально! – А он мне говорит, что ему жаль родителей этой девочек. Через что им приходится пройти, и все такое.»

Бегли вернулся в кресло-качалку, дуя на свой кофе.

– Превосходный кофе, мистер Элмер. Специальный агент Уайз, прошу вас записать марку кофе.

– Разумеется.

– Я хотел бы захватить немного в Шарлотт для миссис Бегли. Это все, что сказал мистер Тирни о пропавшей девушке?

– Дайте подумать. А, да, – оживился старик, – он сказал, что видел ее как раз за день до исчезновения.

– Он сказал, где он ее видел? – спросил Филин.

– В магазине, где он покупает себе снаряжение. Зашел худа купить себе пару носков, а она сидела за кассой. Она ему чек пробила.

– И когда же это было?

– Когда он был в магазине? Не говорил. Сложил газету, взял карту и говорит, что будет подниматься на вершину. Я ему говорю: «Глядите, – говорю, – как бы вас медведь не задрал». А он засмеялся и говорит, что постарается, и потом, говорит, разве они не спят в это время года? Купил парочку этих, ну, батончиков с мюсли вон в том автомате и ушел.

– Он когда-нибудь упоминал о других пропавших женщинах?

– Не-а. Что-то не припоминаю… – Вдруг Элмер оборвал себя на полуслове. Он с хитрым прищуром покосился на Бегли, потом перевел старчески слезящиеся глаза на Филина, который тут же придал своему лицу непроницаемое выражение. Когда Элмер вновь перевел взгляд на Бегли, Филин вздохнул с облегчением. – Думаете, это мистер Тирни ворует женщин?

– Вовсе нет. Мы просто хотим поговорить с ним и кое-что уточнить, чтобы вычеркнуть его из списка возможных подозреваемых.

Бегли говорил совершенно бесстрастно, но провести Гаса Элмера ему не удалось. Старик покачал головой, почесал грудь под бородой.

– Вот уж никогда бы не подумал, что он на такую гнусность способен.

Филин подался вперед всем телом.

– Он когда-нибудь в вашем присутствии отпускал уничижительные замечания о женщинах?

– Как-как? Уничтожительные?

– Нет, уничижительные. В смысле, неодобрительные или нелестные.

– А-а. Насчет женщин?

– О женщинах вообще или о какой-нибудь женщине в частности, – уточнил Филин.

– Да нет, я ж говорю, он только раз и заговорил… – Опять Элмер смолк, достал пустую жестянку из-под газировки и сплюнул в нее. – Погодите. Одну минуточку. Я кое-что вспомнил. – Он закрыл глаза. – Да, теперь припоминаю. Прошлой осенью дело было. Сидели мы вон там, на веранде, любовались листвой. Вот он и говорит, не хочу ли я выпить. А я ему: почему бы и нет? Согреться, понимаете, а то осенний воздух, он, знаете… пробирает. И тут уж не знаю, как, а только зашел у нас разговор про Датча Бертона.

– Шефа полиции? – удивился Филин.

– Вот-вот. Датча тогда только назначили шефом, всего с месяц как, не больше, вот мы с мистером Тирни и толковали, как он ну вроде отхватил кусок не по зубам: все эти пропавшие женщины, и все такое.

– И что же именно сказал мистер Тирни?

– Да ничего. Только это. – Элмер опять сплюнул в жестянку, вытер рот тыльной стороной ладони и улыбнулся им. – Вот вы меня спросите: он больше интересовался женой Датча. Теперь уже бывшей женой.

Бегли бросил взгляд на Филина, словно хотел убедиться, что тот слушает внимательно.

– А что насчет нее?

– Похоже, мистер Тирни познакомился с ней прошлым летом. – Ухмылка Гаса Элмера стала еще шире. О как будто почувствовал облегчение. – Вот что я вам скажу – он точно не гомик. Вот вы меня спросите, он прямо-таки втрескался в бывшую Датча.

mir-knigi.org

Бегли перестал покачиваться в кресле.

– Втрескался?

Старик разразился хриплым хохотом.

– У него на нее встает, а вы уж как хотите называйте.

Глава 14

Лилли проснулась от холода. Она не сразу сообразила, где находится. Полностью одетая, она лежала под тремя одеялами, подтянув колени к груди, но от пробирающего по костей холода это не спасало.

Она лежала лицом к камину, но камин больше не грел. Угли, которые тлели, когда Тирни выключил свет, давно превратились в золу. Лилли откинула одеяло от лица и выдохнула через рот. Ее дыхание образовало облачко белого пара.

Должно быть, цистерна с пропаном опустошилась где-то посреди ночи. Теперь камин станет для них единственным источником тепла. Надо встать и подбросить поленьев в камин, разжечь огонь. Движение поможет ей согреться. Но она никак не могла заставить себя покинуть относительное тепло постели.

В комнате все еще было темно, тусклый серый свет еле пробивался из-за занавесок. Ветер ничуть не ослаб со вчерашнего вечера. То и дело раздавался стук обледенелых сучьев по крыше. Идеальный день, чтобы поваляться в постели.

Пожалуй, надо было соглашаться на предложение Тирни. Прими она тогда это предложение, возможно, ей бы не пришлось сейчас дрожать от холода.

Нет-нет, она приняла правильное решение. Такая близость, да еще в условиях полной изоляции, осложнила бы ситуацию бесповоротно. Она и без того осложнилась простым поцелуем.

Простым? Ну уж нет.

Он был захватывающим, хотя и коротким. Тирни сразу ее отпустил. Повернувшись к ней спиной, он продол разговор как ни в чем не бывало, словно никакого поцелуя не было. Он сказал, что теперь может лечь спать без особого риска, так как после сотрясения мозга прошло уже несколько часов.

Стараясь держаться так же естественно, Лилли признала его правоту.

Он еще раз предложил ей поесть, но она отказалась. Тирни кусок тоже не лез в горло.

Он предложил ей первой воспользоваться ванной. Пока она была в ванной, он перетащил матрац с кровати в гостиную.

К тому времени, как он вышел из ванной, она уже свернулась клубочком под одеялами. Тирни погасил свет и лег на диван, набросив на себя оставшиеся, правда, в меньшем количестве, чем у Лилли, одеяла.

Целый час Лилли не могла заснуть и не сомневалась, что он тоже не спит. Более того, она думала, что Тирни так и не уснул, когда ее наконец сморил сон. Все это время – с того

момента, как он погасил свет, и до того, как она заснула, – Лилли пролежала в тревожном ожидании. Чего? Она сама не знала.

После поцелуя напряжение между ними возросло так, что его можно было резать ножом. Разговор начал спотыкаться. Они перестали встречаться взглядами, зато стали чрезмерно вежливы друг с другом.

Напрасно они так старались сделать вид, что поцелуя как бы и не было. Уж лучше бы посмеялись, уж лучше бы сказали что-то вроде: «Уф! Наконец-то с этим покончено. Ну, теперь, когда наше любопытство удовлетворено, можно успокоиться и заняться вопросами выживания».

Вместо этого они сделали вид, что ничего не произошло. Каждый боялся ошибиться, сказать или сделать что-то такое, что могло бы разрушить хрупкое равновесие. И вот к чему это привело: после их наигранных и неуклюжих попыток проигнорировать поцелуй Лилли стала ждать, что вот сейчас Тирни скажет «Ерунда все это», соскочит с дивана и заберется к ней на матрац, под одеяла. Потому что это был не просто поцелуй. Это была прелюдия.

«Я не настолько цивилизован», – сказал он тогда.

Еще миг, и вот он уже обхватил ее лицо своими сильными руками – она любовалась ими весь вечер – и прижался губами к ее губам. Ни минуты не колебался и разрешения не спросил. Он не казался ни виноватым, ни робким. Ни в малейшей степени! С той минуты, как их губы соприкоснулись, его рот был требовательным и жадным.

Он расстегнул ее пальто и сунул руки внутрь. Его руки обвились вокруг нее, он слегка согнул колени и притянул ее к себе и крепко прижал. Одно это без всяких слов говорило: «Я хочу тебя».

Теплая, текучая волна желания прихлынула к ее животу и бедрам. Какое это было блаженство – вновь ощутить прилив чувственности! Никакое вино, никакой наркотик не могли его вызвать или заменить. Никакое другое волнение не могло сравниться с этим пьянящим, щекочущим ощущением сексуального желания.

Боже, как давно с ней этого не было! Уж точно с тех пор, как Эми умерла. Ни у нее, ни у Датча просто не было эмоциональных сил на секс. Они пытались, но безуспешно. Ей трудно было притворяться, не ощущая ни малейшего желания, а отсутствие отклика с ее стороны нанесло новый удар по самолюбию Датча, и без того ущемленному. Он попытался придать себе уверенность самым простым способом: стал ходить на сторону. Это она могла бы простить. Ну… возможно, могла бы. Он искал у других женщин то, что она больше не могла ему дать.

Но вот чего она не могла ему простить, так это его похождений на стороне, которые начались задолго до рождения и даже до зачатия Эми.

Лилли потребовалось немало времени, чтобы понять, почему Датч начал ей изменять в первые годы брака, когда их сексуальная жизнь была такой насыщенной и бурной.

Но в конце концов ей стало ясно, что он постоянно нуждается в поддержке и ободрении. И в постели, но и в еще в высшей степени вне ее. И еще Лилли поняла, как это утомительно – обеспечивать эту поддержку бесконечно и поминутно. Сколько она ни старалась, все было мало.

Они познакомились на торжественном благотворительном банкете по сбору средств в фонд

полиции Атланты. На волне общественной популярности после успешного раскрытия убийства Датч стал плакатным героем департамента полиции, и ему было предоставлено слово на банкете.

На трибуне он смотрелся необыкновенно импозантно, был хорош собой, обаятелен и красноречив. Он вообще казался неотразимым: вчерашний герой футбола, превратившийся в героя убойного отдела полиции. Его речь подвигла важных гостей, почтивших банкет своим присутствием, проявить щедрость, а Лилли – подойти к нему после банкета и представиться. К концу вечера они договорились о свидании.

Через шесть месяцев они поженились, и в течение года жизнь их была прекрасна. Они оба много работали, оба отдавали много сил карьере, но и любви предавались с такой же силой. Они купили коттедж в горах и уединялись в нем на выходные, частенько при этом не покидая спальни.

В то время Датч чувствовал себя уверенно, и это чувствовалось в постели. Это проявлялось в том, как он занимался любовью. Он был чутким и щедрым партнером, страстным и великодушным любовником, заботливым мужем.

А потом начались ссоры. Его злило, что Лилли зарабатывает гораздо больше, чем он сам. Она уверяла, что это не имеет никакого значения, они же теперь – одно целое. Он выбрал стезю общественного служения, говорила она, где самая трудная работа часто недооценивалась, причем не только в денежном выражении.

Она говорила искренне, но Датч слышал в ее словах лишь подтверждение того, что считал своим личным провалом. Он считал, что никогда не достигнет такого положения в полиции, какого она добилась в своем журнале.

Со временем его ощущение собственной неполноценности превратилось в какую-то манию, в беду, которую он сам на себя накликал, в сбывшееся пророчество. А звезда Лилли меж тем всходила все выше. Ее успех все больнее бил по его ущемленной гордости, и он пытался восполнить ущерб, заводя романы с женщинами, которые видели в нем того самого удалого героя, каким он так хотел казаться.

Всякий раз, когда Лилли уличала его во лжи, он выражал глубокое раскаяние и уверял, что его измены – всего лишь ничего не значащая мелочь. Но для Лилли эта мелочь значила очень много, в конце концов она пригрозила оставить его. Датч поклялся, что, если она его бросит, он умрет, обещал хранить ей верность, твердил, что любит, умолял простить его. Она простила, потому что уже ждала Эми.

Ожидание ребенка сплотило семью, но лишь до тех пор, пока ребенок не появился на свет. Пока Лилли приходила в себя после родов, Датч начал встречаться с женщиной-полицейским. Когда Лилли обвинила его в измене, точно зная, что измена имела место, он стал все отрицать, утверждал, что ее подозрения вызваны переутомлением, послеродовой депрессией, приливами молока и гормональной нестабильностью. Эти издевательские утверждения оскорбили ее куда больше, чем его неуклюжая ложь.

Посреди этих супружеских баталий Эми представляла собой как бы нейтральную территорию, на которой они могли сосуществовать. Она порождала столько любви, что рядом с ней их жизнь казалась почти нормальной. Радуясь дочке, они забывали прошлые ссоры и обиды. В разговоре они избегали тем, вызывавших трения. Их уже нельзя было назвать счастливой парой, но, по крайней мере, их отношения обрели некую устойчивость.

А потом Эми умерла. Ослабленные опоры брака быстро рухнули под грузом горя. Их отношения стали стремительно ухудшаться. Лилли показалось, что хуже уже не будет.

Она ошиблась. Стало гораздо хуже.

Теперь, вспоминая случай, нанесший, по ее мнению последний удар по их браку, Лилли вздрогнула, инстинктивно сжалась в комок и зарылась лицом в подушку.

Через несколько секунд она опомнилась и сказала себе что ее брак с Датчем остался в прошлом. И нечего опять перебирать все обиды. Вчерашний день стал знаменательным в ее освобождении от Датча. Она больше не была с ним связана ни чувствами, ни по закону и могла смело смотреть в будущее, не оглядываясь на прошлое.

И в этот самый момент в ее жизни вновь появился Бен Тирни. Лилли чудилось, что в этом есть какая-то ирония. Он появился в тот самый день, когда она официально стала свободной. Прошлым вечером он пробудил в ней не просто глубоко уснувшую чувственность, а сексуальный голод. От его поцелуя у нее звенело в ушах.

При первой встрече она ощутила влечение в тот самый миг, как он улыбнулся ей со своего сиденья в скрипучем, проржавевшем старом автобусе. В тот день на реке все в нем приводило ее в восхищение. Его внешность? Еще бы! Что там могло не понравиться? Но ей понравился он сам: его ум, непринужденность в общении, та легкость, с которой он говорил на любую тему.

Она была не одинока в своем интересе, другие члены их группы быстро признали в нем лидера. Девчонки из колледжа не скрывали своей влюбленности, говорливый хвастун-всезнайка – такие бывают в любом походе, – поначалу не скрывавший своей зависти к мастерскому обращению Тирни с веслом, к концу дня уже спрашивал у него совета. Тирни умел располагать к себе людей, не прикладывая никаких видимых усилий. Все быстро стали его приятелями.

А вот сам он оставался загадкой.

Он сближался с людьми, приглашая их поговорить о них самих, но сам о себе ничего не рассказывал. Может быть, именно этот парадокс делал его таким загадочным и неотразимым.

Лилли вздрогнула, когда слово «неотразимый» пришло ей на ум. В нем ей вдруг почудилось нечто зловещее. Но это как нельзя лучше выражало самую суть привлекательности Тирни. Дважды случай свел ее с ним, и уже во второй раз что-то в ней отзывалось на его неотразимое обаяние, отзывалось с такой силой, что она сама пугалась своей реакции.

С первого взгляда, которым они обменялись, Лилли и Тирни двигались к вчерашнему поцелую на ночь. Разными путями, но неумолимо. И когда он поцеловал ее, это показалось ей неизбежностью, просто отложенной на несколько месяцев.

Такого поцелуя стоило дожидаться. Она и сейчас будто ощущала на своих щеках прикосновение его крупных пальцев, когда он запрокинул ей лицо, его дыхание у себя на губах, его язык, проникнувший в ее рот. Вот и сейчас она снова почувствовала, как волна желания начала подниматься у нее внутри.

Стараясь производить как можно меньше шума, Лилли повернулась и посмотрела на него. И невольно улыбнулась. Диван был слишком мал для него. Его колени лежали на диванном валике, ноги свисали почти до пола. Ему пришлось скатать подушку и подложить ее себе под шею, чтобы немного приподнять голову.

mir-knigi.org

Тирни был укрыт одеялами до подбородка, за ночь потемневшего от щетины. Его кожа годами подвергалась воздействию ветра и солнца, но суровая закалка пошла ему на пользу. Ей нравились морщинки, лучиками расходившиеся от его глаз. Губы у него были немного обветренные. Это ей хорошо запомнилось, когда он ее поцеловал.

Кстати, а почему он не продолжил то, что начал? Почему хотя бы не спросил у нее разрешения поцеловать ее еще раз? Она же ясно дала понять, что больше не питает романтических чувств к Датчу! Он мог бы догадаться, что у нее больше никого нет, но…

Ее мысли соскочили с рельсов.

У нее-то больше никого нет, а как насчет самого Тирни?

Он не носил обручального кольца. При первой встрече он не упоминал о жене, о какой бы то ни было женщине что-то значившей для него. Правда, она не спрашивала. Он пригласил ее на свидание в тот день, но это тоже ничего не значило. Женатые мужчины сплошь и рядом назначали свидания другим женщинам.

Вчера вечером он тоже не упоминал о жене или подруге, которая стала бы о нем беспокоиться, если бы он не вернулся к ужину. Но откуда ей было знать, может, кто-то отчаянно мечется из угла в угол, гадая, где он и с кем, точно так же, как она когда-то металась, поджидая Датча. Это бывало так часто, что она сбилась со счета.

До чего же она была наивна, полагая, что в его жизни нет женщины! Мужчина с такой внешностью? Лилли, спустись на землю!

Ее взгляд переместился с Тирни на рюкзак, все еще лежавший под столом, куда он забросил его вчера вечером, сказав, что там нет ничего такого, что могло бы им пригодиться.

Что ж, надо посмотреть, не найдется ли там чего-нибудь такого, что может прояснить ситуацию с этим интересным свободным мужчиной.

* * *

– Скотт!

– Что?

– Вставай!

– Что?

– Я сказал, вставай!

Скотт перевернулся на спину и с трудом разлепил глаза. Уэс стоял в дверях его спальни, глядя на сына с неодобрением. Скотт приподнялся на локте и посмотрел в окно. Белым-бело. Даже забора, огораживающего задний двор, не было видно.

– Разве занятия в школе не отменили?

– Конечно, отменили. Но ты напрасно думаешь, что будешь весь день валяться, отлеживая себе зад. Поднимайся. Жду тебя в кухне. У тебя есть три минуты.

Уэс оставил дверь открытой, давая понять сыну, что не даст ему снова заснуть. Скотт,

mir-knigi.org

выругавшись, откинулся на подушку. Даже в такой день ему отказывают в праве на отдых. Все в этом чертовом городе могут отсыпаться сколько душе угодно, но только не он, тренерский сынок.

Скотту хотелось укрыться одеялом с головой. Он мог бы проспать целый день, если бы только его оставили в покое. Но если он не появится в кухне через три минуты, ему придется дорого за это заплатить. Несколько лишних минут в постели не стоили таких мучений.

Еще раз выругавшись от всего сердца, он откинул одеяло.

А ведь старик и вправду засек время, черт бы его подрал. Когда он вошел в кухню, Уэс глянул на настенные часы и бросил на сына взгляд, ясно дававший понять, что тот не успел вовремя. Мать пришла ему на помощь:

– Доброе утро, сынок! Яичницу с беконом или вафли?

– Что попроще. – Скотт сел за стол и, широко зевая, налил себе стакан апельсинового сока.

– Ты когда вчера лег? – спросил отец.

– Точно не знаю. Тебя еще не было.

– Я был с Датчем.

– Так долго?

– Нам потребовалось время.

– Ну и как? Поднялись на гору?

К тому времени, как Уэс изложил им все события вчерашнего вечера, Дора поставила перед Скоттом тарелку с поджаренным беконом, яичницей из двух яиц и двумя вафлями. Он улыбкой поблагодарил ее.

– Это было настоящее приключение, – сказал Уэс. – Особенно пока мы добирались до той забегаловки, где мы подобрали Кэла Хокинса. Нам повезло, что вовремя убрались оттуда, пока нас не долбанула в задницу тройка мужланов.

– Уэс! – покосилась на него жена.

Уэс расхохотался.

– Да брось, Дора, Скотт уже не маленький, знает, что к чему. Правда, сынок?

Скотту было мучительно стыдно. Не смея взглянуть в глаза матери, он низко нагнул голову и продолжал есть. Старик считал, что это клево – сквернословить в его присутствии, как будто тем самым приобщал сына к компании взрослых мужчин, которым все можно, в том числе и ругаться. Конечно, все это была «липа», потому что на самом деле старик обращался с ним как с двухлетним несмышленышем. Всего через пару месяцев ему стукнет девятнадцать, а ему как маленькому говорят, что есть, когда спать ложиться, когда вставать.

В своем выпускном классе он был старше всех остальных учеников. Старик оставил его на второй год в шестом классе. А почему, спрашивается? Не потому, что он провалил какой-то предмет, или плохо себя вел, или что-то сделал не так, а только потому, что старик хотел дать

mir-knigi.org

ему лишний год подрасти и войти в физическую форму, прежде чем записать его в продвинутую спортивную группу старших классов.

Скотту стыдно было чувствовать себя второгодником, но старик принял решение, не спросив ни его, ни маму, и настоял на своем, не слушая их возражений.

– В университетских командах есть свои «смотрящие», и они начинают выискивать будущих игроков уже в седьмом-восьмом классе, – объяснил он. – Лишний год роста даст тебе преимущество. Школьный округ у нас маленький, тебе надо пользоваться любой форой, какая только есть.

Старик по-прежнему принимал за него все решения. По закону Скотт уже считался мужчиной. Он мог вступить в армию и погибнуть за свою страну. Но он не мог перечить отцу.

Словно прочитав его мысли, Уэс сказал:

– Заполнишь анкеты сегодня. У тебя больше нет причин отлынивать.

– Всех пригласили к Гэри.

Гэри был одним из одноклассников Скотта. Скотту он не особенно нравился, но у него дома была игровая комната с бильярдным столом. Погонять шары в свободный день было куда приятнее, чем заполнять анкеты для поступления в колледж.

– Сперва заполни анкеты, – отрезал Уэс. – Я сам их проверю. А после обеда отвезу тебя в зал, чтобы ты не пропускал тренировку.

– Я сам могу поехать. Уэс покачал головой.

– Тебя еще занесет на льду, врежешься во что-нибудь и ногу сломаешь. Нет, я сам тебя отвезу.

Дора встала на защиту сына:

– Думаю, ничего страшного не случится, если он пропустит одну тренировку.

– Ты так думаешь? Это лишь показывает, как мало ты понимаешь, Дора.

Зазвонил телефон.

– Я возьму, – сказал Скотт.

– Я возьму. – Уэс выхватил трубку у него из рук. – А ты иди заполняй анкеты.

Скотт отнес свою тарелку к раковине и предложил матери помочь с посудой, но она отказалась.

– Лучше сделай, что он велел. Чем скорей закончишь, тем скорей сможешь уйти к своим друзьям.

Уэс положил трубку.

– Это был Уильям Ритт.

У Скотта волосы шевельнулись на затылке.

mir-knigi.org

– Он сказал, что мне срочно надо ехать в аптеку.

– Зачем? – спросил Скотт.

Дора бросила взгляд в окно.

– Разве он сегодня торгует?

– Еще как торгует! Вы не представляете, кто только что приехал на встречу с Датчем. – Уэс перевел взгляд с Доры на Скотта, потомил их неизвестностью еще несколько секунд и наконец изрек многозначительно: – ФБР!

– Что им нужно от Датча? – удивилась Дора.

Скотт знал ответ, но предпочел промолчать. Пусть старик скажет.

– Держу пари, это насчет Миллисент. – Уэс уже натянул свою куртку. – Поскольку я председатель городского совета, Ритт решил, что я должен быть в курсе. – Он открыл заднюю дверь и обернулся уже на пороге: – Может, у них есть след.

Скотт проводил его взглядом и еще долго смотрел на дверь, когда она закрылась.

Глава 15

Обычно Линда Векслер приходила на работу ровно в шесть утра и тут же начинала варить кофе и готовить завтраки для завсегдатаев, приходивших в семь утра поесть овсянки с отрубями и жареного бекона.

Но этим утром она не смогла приехать. Она позвонила на рассвете и сказала Уильяму, что ее участок похож на Аляску.

– И снег все еще валит со страшной силой. Пока Хокинс не посыплет песком наши проселки, считайте, я тут завязла.

Уильям сказал об этом Мэри-Ли. Она попыталась уговорить и его остаться дома и не открывать аптеку.

– Кто высунет нос из дому в такую погоду? По крайней мере, подожди несколько часов, пока дороги посыплют песком.

Но он был полон решимости открыть аптеку в урочный час.

– Я уже расчистил подъездную аллею. И потом, мои клиенты рассчитывают на меня, а я никогда их не подводил.

Их машины стояли под навесом, примыкавшим к дому-Мэри-Ли наблюдала через кухонное окно, как Уильям забирается в свою машину, включает двигатель и показывает ей большой палец сквозь ветровое стекло в знак того, что он завелся. Он осторожно вывел машину задом из-под навеса и уехал.

Хотя Мэри-Ли искренне пыталась отговорить его от поездки на работу, она обрадовалась, оставшись дома одна. На целый день быть предоставленной самой себе! Она сочувствовала себя свободной и счастливой. Вернувшись в спальню, она сняла халат, забралась обратно в свою теплую постель и предалась воспоминаниям о том, что творила со своим любовником

прошлой ночью.

Он, конечно, никогда не оставался на всю ночь, но и не бросал ее сразу после того, как они занимались любовью. Еще какое-то время, увы, недолгое, но упоительное, они просто лежали рядом в постели и перебрасывались волнующе-непристойными репликами. Склонившись друг к другу головами, перешептываясь, используя язык поэзии или сточных канав, они предавались своим фантазиям, которые вогнали бы в краску даже самых смелых любовников. А потом они частенько воплощали эти фантазии в жизнь.

Она ни в чем ему не отказывала. С самого начала она дала ему безграничный, ничем не стесненный доступ к своему телу. До его появления ее сексуальная жизнь была подобна нетронутой пустыне. В тот раз, когда они впервые были вместе, она, не раздумывая и ничего не стыдясь, разрешила ему не только исследовать, но и эксплуатировать свое тело.

К тому первому разу они шли постепенно. Они были знакомы много лет, но вдруг в какой-то момент стали воспринимать друг друга по-новому. Казалось, это произошло с ними обоими одновременно. Они вдруг как будто увидели друг друга в ином свете. Ни один поначалу не был уверен, является ли это новое восприятие взаимным. Они медленно дрейфовали навстречу друг другу, сближаясь, пока наконец сексуальное влечение не стало очевидным и молчаливо признанным обоими.

Как только это случилось, они оба стали изобретать предлоги для встречи. Их разговоры наполнились намеками. Хотя любому стороннему наблюдателю они показались вполне невинными. Случайно встречаясь взглядами, даже в общественных местах, в толпе людей, они глазами телеграфировали друг другу свое желание. Позже они признались друг другу, что этот тайный обмен сигналами заставляет их вспыхнуть и вызывает слабость.

Однажды вечером они получили то, чего независимо друг от друга так долго желали: время наедине.

Уильям поднялся в горы ремонтировать старый дом, поэтому Мэри-Ли не нужно было спешить домой после школы. Она решила проверить тетради, оставшись одна в классной комнате, а не тащить их домой в портфеле только для того, чтобы назавтра нести обратно в школу.

Он заметил ее машину на школьной стоянке и вернулся в здание, сделав вид, что ему нужно поговорить с кем-то из учителей. Не с ней.

Он появился в открытых дверях ее класса, и она вздрогнула: ей казалось, что она была одна во всем здании. Поначалу они вели обычный разговор – вежливый и приличный. Он спросил, не видела ли она того, кого он якобы ищет, и она ответила, что нет, не видела. При этом каждый знал, что этот разговор – сплошное притворство.

Он все не уходил. Она взяла в руки дырокол и принялась изучать его, словно это было бог весть какое невиданное и непонятное изобретение, потом поставила его на то же место. Он снял куртку и перебросил ее через руку. Она потрогала свою жемчужную сережку. Они обменялись еще несколькими словами.

Вскоре они исчерпали весь набор тем для разговора, кроме разве что совершенно идиотских. А он все не уходил. Он стоял, глядя на нее с голодной тоской в ожидании сигнала, разрешающего утолить тот физический голод, который толкал их друг к другу.

В конце концов он предоставил инициативу ей. Он не был вправе завести себе любовницу. Все понимая, Мэри-Ли этим пренебрегла. Раз в жизни она решила действовать эгоистично и взять

то, что хотела, не спрашивая ничьего разрешения. И к черту все последствия!

Это был самый смелый поступок в ее жизни. Она покосила его помочь ей перенести в класс коробку книг из кладовой.

– На следующей неделе мои пятиклассники начинают читать «Айвенго», – объяснила она, пока они пересекали недлинный коридор и их шаги эхом отдавались от тянущихся по обеим стенам металлических школьных шкафчиков. – Книжки хранятся здесь.

Она отперла дверь кладовой и вошла впереди него. Дернув одной рукой за шнур, зажигавший свет под потолком, она одновременно протянула другую руку мимо него, захлопнула и заперла дверь. Затем, повернувшись к нему лицом, она опустила руки и стала ждать. Она довела ситуацию до этой точки. Следующий ход за ним.

Он выждал, должно быть, секунды три, потом рывком притянул ее к себе и впился губами в ее губы с ненасытным жаром. Он грубо тискал ее груди, мял ягодицы. Он сорвал круглую резинку, стягивающую ее волосы, схватил рассыпавшиеся пряди в кулаки, намотал их себе на пальцы.

До сих пор Мэри-Ли о таких огненных всплесках страсти только в романах читала. Она и поверить не могла, что может стать объектом чьих-то столь сильных желаний.

Он полез ей под свитер, но она облегчила ему задачу: стащила свитер через голову и сняла лифчик, впервые в жизни обнажив грудь перед мужчиной. Потом она стянула с себя колготки вместе с трусиками и призывно раздвинула ноги, прислонившись к груде коробок.

– Делай со мной, что хочешь, – прошептала она. – Все, о чем мечтал, о чем фантазировал. Смотри, сколько хочешь. Трогай, где хочешь.

Он провел ладонями вверх по внутренней стороне ее бедер. Она уже была влажной. Когда его пальцы скользнули внутрь, она запрокинула голову.

– Все, что хочешь. Все.

Его глаза были затуманены страстью, но когда он расстегнул ширинку и натянул презерватив, ему хватило ума спросить, не девственница ли она. Мэри-Ли рассказала ему о своем единственном опыте. Она была на последнем курсе колледжа. Он учился с ней в одной группе по философии. Это случилось только раз, без всяких ухаживаний без нежностей, если не считать одного торопливого поцелуя.

– Чертовски неудобно ломать целку на переднем сиденье машины.

Вот уж от кого он не ожидал услышать подобные слова, так это от мисс Мэри-Ли Ритт. Произнесенные ее чопорным голосом, они так его завели, что он больше не в силах был сдерживаться. Все опасения вылетели у него из головы. Он овладел ею стремительно и грубо и кончил раньше, чем она.

– Ты ведь не кончила, да? – спросил он, отодвигаясь от нее.

– Это неважно.

– Черта с два это неважно.

Он пустил в ход пальцы.

Она была так потрясена, что с трудом сумела одеться. Ему пришлось ей помочь. Они оба смеялись над его неуклюжестью, вздыхали, когда, бросив одевание на полпути, он принимался гладить ее. Она шутливо бранила его, когда он отпускал восхитительно неприличные замечания. Он помог ей натянуть трусики, а потом начал ласкать ее прямо сквозь влажную ткань. Она снова кончила, цепляясь за его плечи и задыхаясь.

В кладовой стало душно и жарко. Выходя из помещения, Мэри-Ли рассеянно подумала, не почует ли тот, кто следующим войдет в кладовую, запах секса. Она надеялась, что почует. Эта греховная мысль заставила ее улыбнуться.

Атмосфера тайны, царившая в кладовой, добавила остроты их первой встрече, но с практической точки зрения помещение было непригодно для постоянного использования. Риск, что их накроют, был слишком велик.

– С северной стороны моей спальни есть балкон, – пояснила она ему. – Я каждую ночь буду оставлять дверь открытой для тебя. Приходи, когда сможешь.

Ему этот план показался сомнительным, но она развеяла его опасения насчет того, что Уильям может их застукать.

– Он рано ложится спать и не выходит из комнаты до самого утра.

В первую ночь, когда он прокрался к ней в дом, они согласились, что заниматься любовью лежа, полностью раздевшись, стоит любого риска. Он расхваливал каждый дюйм ее тела такими словами, что она краснела в темноте. Но и его тело вызывало у нее жгучее любопытство. Она поражала его своим неприкрытым интересом.

– Мой прекрасный любовник, – шептала она теперь, повторяя слова, которые говорила ему ночью, втягивая его пенис губами. Ему это нравилось. Нравилось, когда она обхватывала губами одну лишь головку, напоминавшую упругую и гладкую сливу.

Телефон зазвонил, прерывая ее сладкие воспоминания.

Перевернувшись на бок, Мэри-Ли взглянула на определитель номера. Оказалось, что это Уильям звонит из аптеки. Может, не стоит отвечать? Она всегда может сказать, что была в ванной. Но вдруг ему действительно нужна помощь? Если она не снимет трубку только из-за того, что ей хочется помечтать о своем тайном любовнике, сможет ли она потом простить себя? Чувство вины победило.

* * *

– Что тебе, Уильям?

Голос у Мэри-Ли был сонный и в то же время раздосадованный. Может, она вернулась в постель, когда он ушел из дому после завтрака? Не исключено, решил Уильям. Ей почти не удалось поспать прошлой ночью. Что ж, такова цена страсти. Она, видимо, решила, что имеет право весь день проваляться в постели после вчерашнего. Что ж, она ошиблась. Так ей и надо.

Вообще-то, надо отдать ей должное за выносливость Кто бы мог подумать, что его сестра еще способна ползать после своего ночного секс-марафона? Ее любовник тоже достоин восхищения. Два чемпиона по выносливости.

Уильяма частенько так и подмывало устроить засаду и накрыть их обоих. Он буквально облизывался в предвкушении заветного момента, когда выложит им все, что ему известно об их лихорадочной случке. Они уставятся на него в ужасе, когда поймут, что их будущее в его руках.

О, какой это будет триумф! Конечно, приятно сознавать, что такой триумф неизбежен, в том-то вся и сласть. Что ж, он подождет. Он дождется самого подходящего момента и только тогда захлопнет ловушку. А пока пусть спариваются до потери пульса. Пусть думают, что разоблачение им не грозит.

Трудно было удержаться от злорадства, прорывавшегося в ее голосе.

– Мэри-Ли, мне нужна твоя помощь. Немедленно приезжай в аптеку.

– Но почему? Что случилось?

– Ничего не случилось. У меня клиенты. Важные клиенты, – добавил он, понизив голос. – Два агента ФБР. Они уже ждали, когда я подъехал. Они тут встречаются с Датчем, хотят обсудить исчезновение Миллисент Ганн. Я должен предложить им завтрак, а Линда не может сюда попасть, ты же знаешь.

– Я не знаю, как пользоваться этой плитой.

– Неужели трудно сообразить? И не тяни. Ты мне нужна тут немедленно. Я позвонил Уэсу…

– Почему Уэсу?

– Он председатель городского совета. Я решил, что он имеет право знать. Словом, он уже выехал. Скоро ты здесь будешь?

– Дай мне десять минут.

Уильям повесил трубку с ухмылкой и самодовольным смешком.

* * *

Колокольчик над дверью звякнул, когда Датч вошел в аптеку. Веселый звук вызвал у него зубовный скрежет. Он волок за собой Кэла Хокинса, держа его за руку чуть выше локтя, как уличного вора, пойманного с поличным. Подтащив своего пленника к стойке бара, Датч взгромоздил его на табурет в надежде, что встряска поможет Кэлу проснуться.

– Налей ему кофе, пожалуйста, – обратился Датч к Уильяму Ритту, чья жизнерадостная улыбка раздражала его не меньше, чем дурацкий колокольчик над дверью. – Покрепче и без молока. Мне тоже.

– Уже на подходе, – бодро отозвался Ритт и кивнул на булькающую кофеварку.

Подъехав этим утром к развалюхе Кэла Хокинса, Датч ничуть не удивился, убедившись, что тот оказался, мягко говоря, не готов. Хокинс не отозвался на стук, поэтому Датч вошел в дом, не дожидаясь, когда ему откроют. Дом был так захламлен, что хозяина можно было смело сажать за нарушение правил пожарной безопасности. Пахло засорившимся водопроводом и скисшим молоком. Он застал Хокинса полностью одетым и храпящим в постели, в которой постеснялся бы умереть бродячий пес. Датч извлек его оттуда и протащил по всему дому к своему

mir-knigi.org

«Бронко».

Всю дорогу к центру города Датч втолковывал Хокинсу, что он во что бы то ни стало должен взять себя в руки и поднять свой грузовик с песком на гору. Но, хотя Хокинс на все его увещевания отвечал кивками и утвердительным хмыканьем, Датч сомневался, что до него дошло.

А теперь – будто мало ему возни с Хокинсом! – пришлось любезно договариваться с этим гребаным ФБР. Ему было бы противно иметь дело с ФБР при любых обстоятельствах, а уж после нынешней веселенькой ночки просто с души воротило.

Вчера, высадив Уэса у его дома, Датч не поехал прямиком в участок. До участка он добрался очень поздно, и дежурный вместо приветствия протянул ему целую кипу записок с телефонами звонивших.

Все это были жалобы, с которыми он ничего не мог поделать, пока погода не наладится. Ледяному сугробу, намерзшему перед входом в банк, пропавшей дойной корове отломившемуся под весом налипшего льда суку, пробившему навес над пристроенной к дому ванной-джакузи придется подождать, пока буря не утихнет. «Какого черта! Разве это мои проблемы?» Потом был звонок от миссис Крамер, у которой денег было больше, чем у господа бога, потому что ее дед был мудр и в свое время купил по дешевке акции кока-колы. Тем не менее сам господь бог не сумел бы создать вторую такую зловредную и скупую старушонку. Она позвонила, чтобы сообщить о подозрительной личности, которую якобы заметила у себя на парадном дворе. Датч перечитал сообщение, записанное дежурным.

– Тут сказано – Скотт Х.?

– Ну да, она говорит, что Хеймеров мальчишка прогуливался мимо ее дома, будто это был майский вечер. Замышлял что-то недоброе, по ее мнению.

– Ну, я ее мнения не спрашивал, – ответил тогда Датч. – У нее не все дома. Я сам был в доме Хеймера. Скотт был у себя в комнате, у него там стерео надрывалось так, что стены прогибались. Да и не отпустил бы его Уэс на улицу в такой вечер.

Дежурный пожал широкими плечами, не отрывая взгляда от Джона Уэйна, [19] палившего в плохих парней на экране маленького черно-белого телевизора.

– Чего еще ждать от старой колотушки, роющейся в помойках?

Весь город знал об удивительном пристрастии миссис Крамер: под покровом темноты она натягивала резиновые перчатки и рылась в мусорных баках. Мало ли что могло прийти ей в голову?

Датч скомкал листок с запиской и бросил его в уже переполненную мусорную корзинку. Остальные записки он спрятал в нагрудный карман рубашки, чтобы разобраться с ними позже, после того, как заберет Лилли и доставит вниз с пика Клири. Вот все, что интересовало его этим утром: подняться с Кэлом Хокинсом в его грузовике с песком на пик Клири и спасти Лилли.

Правда, снег все еще сыпал. А под снегом скрывалась наледь в дюйм толщиной. Такие возражения, хоть и был нетрезв, выдвинул Хокинс, и это были веские возражения. Но все-таки обстановка была не такая ужасная, как вчера вечером, когда против них работала темнота. Во всяком случае, именно такой контраргумент выдвинул Датч.

Случайно взглянув на свое отражение в зеркале над баром, Датч увидел то, что, несомненно, бросится в глаза агентам ФБР: неудачника, никчемного забулдыгу. До рассвета он прикорнул за своим письменным столом, и его недолгий сон то и дело прерывался тревожными мыслями о Лилли. Что она там делает? Что делает Бен Тирни? Что они там делают вдвоем?

Перед уходом из участка он умылся и побрился в мужском туалете, а это означало тупую бритву, казенное мыло и чуть теплую воду в неглубокой раковине. Знай он загодя, что придется предстать перед агентами ФБР, он поехал бы домой, принял душ и надел чистую форму.

Теперь об этом оставалось только вздыхать.

– Ну и где кофе? – повернулся он к Ритту.

– Еще минутку. Я принесу, как только будет готов. Исчерпав все предлоги, чтобы оттянуть встречу, Датч направился к кабинке, в которой два агента ждали, как стервятники над умирающим животным. Старший демонстративно посмотрел на часы.

«Сволочь!» – в сердцах выругался про себя Датч. Что он им – мальчик на побегушках? Судя по всему, они именно так и думали. Устроили эту встречу без всякого предупреждения, поставили его перед фактом.

Звонок от Харриса поступил в тот самый момент, когда он выруливал от дома Хокинса. Голос у молодого полисмена был запыхавшийся и заикающийся от возбуждения, но Датч, хоть и с трудом, сумел разобрать, что фэбээровцы будут ждать его в аптеке.

– Он сказал, через полчаса.

– Кто сказал? Специальный агент Уайз?

– Нет, – ответил Харрис. – С ним другой приехал, постарше. Представился старшим спецагентом.

«Только этого не хватало, мать их».

– Где ты на них напоролся?

– Э-э-э… не могу сказать. Он велел мне не упоминать имен по радио.

– И зачем это я ему понадобился?

– Об этом я тоже не должен говорить по радио.

Датч выругался. Что случилось с Харрисом, черт бы его побрал? Его как будто подменили.

– Ну что ж, если они еще будут в аптеке, когда я подъеду, прекрасно. Но я не собираюсь их дожидаться.

– Вряд ли вы захотите с ним ссориться, сэр.

Датч терпеть не мог, когда ему указывали на границы его власти, особенно его же подчиненные.

вернуться

19

Киноактер, снимавшийся в фильмах-вестернах.

– Он тоже вряд ли захочет ссориться со мной.

– Нет, сэр, – уступил Харрис. – Но старший спецагент сказал мне, что ему необходимо встретиться с вами сегодня утром. И он так это сказал… ну… как будто он очень разозлится, если вы не приедете. Всего лишь мое мнение, сэр.

Теперь, когда Датч увидел старшего спецагента своими глазами, он согласился с мнением Харриса. С первого взгляда было видно, что перед ним профессиональный крушитель яиц. Датчу не раз приходилось сталкиваться с такими чугунными задницами, когда он служил в полиции Атланты. Он мгновенно возненавидел фэбээровца.

Он не спеша подошел к кабинке и опустился на сиденье напротив агентов.

– Доброе утро.

Уайз представил их друг другу.

– Начальник полиции Датч Бертон – старший специальный агент Кент Бегли.

Они обменялись кратким рукопожатием над пластиковой столешницей.

Бегли был сух и нелюбезен, даже когда обронил в знак приветствия:

– Бертон!

Одного этого хватило, чтобы дать понять Датчу, сколь низкого мнения о нем придерживается старший спецагент Кент Бегли. Бегли ясно показал, что ни во что его не ставит, еще до того, как они успели поздороваться. В представлении старшего спецагента вся эта встреча была не более чем формальностью, соблюдением протокола, после чего он просто отпихнет локтем тупого местного копа.

Эти сукины сыны федералы уверяли, что вовсе не третируют местных полицейских. Официальная политика бюро строилась как раз на обратном: на глубочайшем якобы уважении ко всем, кто носит полицейский жетон. Чушь собачья! Может, среди рядового состава и попадались исключения, но их надо было долго искать, а в основном эти гады фэбээровцы были убеждены, что только они все знают, все могут, все умеют, а остальные – пустое место.

– Извините, что не предупредили заранее, – сказал Уайз.

Датча познакомили с Уайзом вскоре после того, как он вернулся в Клири и принял должность шефа местной полиции. Когда они впервые пожали друг другу руки, Уайз сказал, что рад видеть человека, владеющего профессией, на месте следователя по делам о пропавших женщинах. Но обмануть Датча ему не удалось. Датч сразу понял, что Уайз просто льстит ему.

Ритт принес кофе. Бегли не обратил внимания на свою чашку. Уайз открыл пакетик искусственного сахара. Датч отхлебнул из своей чашки и спросил:

– К чему такая срочность?

– Вы хотите сказать, что после исчезновения пяти женщин спешить уже некуда? – уточнил Бегли.

Он как будто крупнозернистым наждаком скреб нервы Датча. С первой же минуты Датчу хотелось дать ему в морду. Вместо этого он скрестил взгляд со взглядом старшего спецагента. Каждый сумел выразить другому свое презрение.

Уайз тактично кашлянул в кулак и поправил сползающие на нос очки.

– Сэр, я уверен, что шеф Бертон не хотел умалить важность поисков пропавших женщин.

– Это погода временно застопорила мое расследование, – добавил Датч.

– Которое сводится к чему? – спросил Бегли. Неизменно дипломатичный Уайз и на этот раз поспешил смягчить резкость Бегли:

– Не могли бы вы познакомить нас с результатами вашего расследования, шеф Бертон?

Терпение Датча уже висело на волоске, но чем скорее он ответит на их вопросы, тем раньше сможет двигаться дальше.

– Как только я узнал об исчезновении Миллисент Ганн, я собрал поисковые группы – всех, кого мог выделить из своего департамента, из полиции штата, из конторы окружного шерифа, и множество добровольцев – и начал прочесывать местность. Но места тут тяжелые, дела шли медленно, тем более что я приказал им смотреть под каждым камушком. Вчера, когда нас накрыло бурей, мне пришлось отозвать поиски. Мы стреножены, пока погода не переменится. И не мне вам рассказывать, что эта погода сделает с вещественными уликами.

Повернувшись к витрине, он увидел Уэса Хеймера и Мэри-Ли Ритт, подходивших к аптеке с разных сторон. Она сошлись прямо у входа. Уэс распахнул перед ней дверь и быстро вошел за нею следом. Они остановились у двери принялись отряхивать снег с одежды и топать ногами чтобы стряхнуть снег.

Уэс снял шляпу и перчатки. Мэри-Ли стянула с головы вязаную шапочку, и он засмеялся, увидев, как ее наэлектризованные волосы встали копной. Кончик носа у нее покраснел на морозе, но Датч был поражен тем, какой хорошенькой и оживленной она выглядит этим утром.

Уильям окликнул ее, и она поспешно прошла к нему за прилавок. Уэс бросил взгляд на кабинку, где Датч сидел с агентами ФБР. Судя по всему, компания его не удивила. Должно быть, это Ритт, добровольно взявший на себя роль человека, которому до всего есть дело, позвонил Уэсу и доложил о встрече.

Прошлой ночью они с Уэсом обменялись парой откровенных слов и расстались в ссоре. Когда он отпустил то свое последнее замечание об Уэсе и женщинах, Уэс распахнул пассажирскую дверцу «Бронко» и вышел.

– Не зли меня, Датч, ты не можешь так рисковать. Я твой единственный друг и союзник, других у тебя не осталось. – Он захлопнул дверцу, и его поглотил снежный вихрь.

Теперь они поздоровались кратким кивком, потом Датч вновь перевел взгляд на Уайза и Бегли.

– Вчера вечером я говорил с мистером и миссис Ганн, – продолжал он, умолчав о том, что родители Миллисент сами пришли к нему. Он был рад, что может доложить хотя бы об этом.

Так он мог предстать перед ними активным следователем, владеющим обстановкой. – Я поставил их в известность о ходе расследования. Мы опрашиваем людей, видевших Миллисент в день ее исчезновения: сначала в школе, потом по месту работы. Мы составили целый список, но не успели опросить всех до начала бури. У меня мало людей, силы ограничены. Я работаю на нищенском бюджете.

Датч почувствовал, что его доводы начинают походить на жалобы. Он умолк и отпил еще глоток кофе. Бросив взгляд на стойку бара, он увидел, что Хокинс сидит, ссутулившись, и держит чашку кофе обеими руками, словно боясь ее выронить. Уэс держал речь перед Уильямом и Мэри-Ли. Говорил он тихо, но они ловили каждое его слово.

«И что, черт побери, такого захватывающего он может сказать?» – раздраженно подумал Датч.

Вернувшись к делу, он обратился к Уайзу:

– Вы узнали что-нибудь из дневника Миллисент? «Пусть тоже попотеют», – решил он, не ему же одному отдуваться. Они тоже работают над этим делом. И они тоже не смогли его раскрыть, несмотря на все свои ресурсы и возможности.

– Кое-что из записей привлекло мое внимание, – ответил Уайз. Он добавил в кофе еще один пакетик подсластителя и рассеянно помешал его ложечкой. – Но, скорее всего, они не имеют отношения к похищению.

– Не имеют отношения? – возмутился Датч. – Если бы они не имели отношения, вас бы здесь не было. А уж старшего спецагента Бегли тем более. Что же вас так заинтересовало?

Уайз бросил взгляд на Бегли. Бегли продолжал молча сверлить Датча «яйцерезкой» – своим фирменным взглядом. Уайз снова откашлялся и посмотрел на Датча сквозь толстые линзы очков.

– Вам знаком человек по имени Бен Тирни?

* * *

Тирни проснулся словно от толчка.

Секунду назад он был погружен в глубокий сон без сновидений и вдруг оказался бодрствующим и настороженным. Его как будто огрели хлыстом.

Он резко откинул одеяла и попытался сесть. Его захлестнула волна боли, и он ахнул. Слезы сами собой навернулись на глаза. Голова закружилась. Тирни замер, делая легкие, неглубокие вздохи, пока боль не стала терпимой. Когда головокружение прошло, он осторожно спустил ноги на пол и сел.

Лилли уже встала. Наверное, она ушла в ванную.

Хотя в комнате было темно, Тирни знал, что уже рассвело. Он попытался включить лампу на тумбочке, и она зажглась.

Значит, в доме все еще есть электричество. Но в комнате было так холодно, что его пробрала дрожь. Видимо пропан кончился где-то среди ночи. Прежде всего надо разжечь огонь.

При обычных обстоятельствах он начал бы действовать медленно, но этим утром даже попытка

сесть показалась невыполнимой задачей. Мышцы болели, суставы одеревенели оттого, что всю ночь пришлось проспать в одной на Тесном диване. Даже дышать было больно: ребра ныли при каждом вздохе.

Задрав куртку и свитер, Тирни осмотрел свое туловище. Весь левый бок был цвета баклажана. Он с опаской ощупал ребра. Вроде бы ни одно не сломано, но присягать в этом он не стал бы. Впрочем, будь у него сломано ребро, вряд ли ему было бы намного больнее. К счастью, внутренних кровотечений у него не было, иначе за ночь он уже истек бы кровью.

Рана на голове оставила следы крови на наволочке, но их было немного: так, несколько пятен. И не было больше стреляющих болей в голове, просто тупое гудение, то и дело сопровождаемое тошнотой, с которой он мог совладать. Главное – не делать резких движений.

К счастью, его не тошнило, как вчера вечером. По правде говоря, он чувствовал голод, и это был, безусловно, положительный знак. При мысли о кофе у него слюнки потекли. Он решил выделить из их запаса питьевой воды по чашке для них обоих.

Тирни бросил взгляд на закрытую дверь спальни. Что-то Лилли долго там возится, а ведь в ванной еще холоднее, чем здесь. Что ее там так задержало? Деликатный вопрос. Такой вопрос не задашь женщине.

Все-таки это было черт знает что – остаться с ней наедине в этом домике. Это было черт знает что.

Осторожно поднявшись с дивана, Тирни прохромал к окну.

Ветер так и не улегся, хотя задувал уже не так сильно, как вчера вечером. И это было единственное улучшение.

Шел снег – такой густой, что у вертикальных плоскостей уже стало наметать сугробы. На земле лежал покров по колено глубиной. В этот день им явно не суждено спуститься с горы. Ему с большим трудом дались ходки в сарай, но хорошо, что он заставил себя туда сходить. Им понадобятся дрова.

Он отпустил занавеску, прошел к двери в спальню и тихонько постучал.

– Лилли?

Он приложил ухо к филенке двери, но не услышал ни движения, ни звука. Что-то не так.

Он это не просто чувствовал, он это знал. Знал так же точно, как и то, что у него замерзли ноги, а голова опять остро заболела, наверное, от поднимающегося давления. Тирни снова постучал в дверь, на этот раз громче.

– Лилли?

Он толкнул дверь и заглянул внутрь. Ее не было в спальне. Дверь ванной была закрыта. Он стремительно подошел к ней и стукнул с такой силой, что заболели костяшки пальцев.

– Лилли?

Не услышав ответа, он распахнул дверь. Ванная была пуста.

Он в тревоге повернулся и замер на месте, увидев ее в углу за дверью спальни. Там она и

пряталась, когда он вошел.

– Черт!

Содержимое его рюкзака лежало на полу у ее ног. А в руках у нее, нацеленный прямо на него, был его собственный пистолет.

Глава 16

Тирни сделал шаг к ней.

– Стой на месте, или я тебя пристрелю. Он указал на вещи, разбросанные на полу.

– Я все могу объяснить. Но не буду, пока ты держишь меня под прицелом. – Тирни сделал к ней еще шаг.

– Остановись, или я стреляю.

– Лилли, положи пистолет, – проговорил он с возмутившим ее спокойствием. – Ты в меня не выстрелишь. По крайней мере, с умыслом.

– Богом клянусь, выстрелю.

Ее дрожащие руки держали пистолет, как учил ее Датч. Не слушая ее возражений, он когда-то настоял, что она должна научиться стрелять. Он говорил, что нажил за время работы в полиции немало врагов и кое-кто из них захочет с ним поквитаться, выйдя из тюрьмы, куда он их засадил. Он потащил ее в тир и обучал, пока не убедился, что она сможет защитить себя в неожиданной ситуации.

Эти уроки проводились скорее для очистки его совести, чем для ее безопасности. У нее в голове не укладывалось, что когда-нибудь ей придется пустить эти навыки в ход. Тем более наставить пистолет на Бена Тирни.

– Кто ты? – спросила Лилли.

– Ты знаешь, кто я такой.

– Нет, я только думала, что знаю.

– Любой мужчина старше двенадцати в этих краях носит огнестрельное оружие.

– Верно, – согласилась Лилли. – Пистолет в походном рюкзаке не вызывает подозрений.

– Тогда объясни, почему ты наставляешь его на меня.

– Ты знаешь почему, Тирни. Ты же не дурак. А вот я, похоже, полная дура.

Многое из того, что он сказал и сделал за последние восемнадцать часов, показалось ей странным, но ни в коем случае не пугающим. Теперь, после того, что она обнаружила в его рюкзаке, ее отношение коренным образом переменилось.

– Лилли, положи пи…

– Не двигайся! – Она вскинула пистолет, когда он сделал нерешительный шаг вперед. – Я умею

стрелять, и я выстрелю.

Ее голосу не хватало убедительности. Она оказалась в безвыходном положении, наедине с человеком, которого теперь подозревала в похищении, а может быть, и убийствах пяти женщин. К тому же она уже пропустила два приёма лекарства, поэтому ее дыхание становилось все более затрудненным.

Это не укрылось от внимания Тирни.

– У тебя неприятности.

– Нет, Тирни, это у тебя неприятности.

– У тебя началась одышка.

– У меня все в порядке.

– Это ненадолго.

– Со мной ничего не случится.

– Ты сказала, что стресс может вызвать приступ. Страх может вызвать стресс.

– Страх? Чего мне бояться? Пистолет у меня, не забыл?

– Ты не должна бояться меня.

Она презрительно хмыкнула и мысленно приказала себе не опускать глаз под его пронизывающим взглядом.

– Думаешь, я поверю тебе на слово?

– Я никогда не причиню тебе зла. Клянусь.

– Извини, Тирни, тебе придется придумать что-нибудь поубедительнее. Что ты делал вчера на вершине?

– Я же тебе говорил, я…

– Не делай из меня дуру. Вчера был паршивый день для экскурсии по горам. Кто будет любоваться видами с горной вершины, когда синоптики предупреждают о снежном шторме? Только не человек с твоим опытом походной жизни.

– Признаю, это было непродуманное решение.

– Непродуманное? Только не для тебя. Попробуй еще что-нибудь.

Его губы сжались в тонкую жесткую линию, и Лилли вспомнила, что он не любит, когда его слова оспаривают.

– Снежный шторм пришел раньше, чем я ожидал. Моя машина не завелась. Мне пришлось спускаться пешком. Другого выхода не было.

– Ну, допустим.

mir-knigi.org

– Я срезал путь, не хотел кружить по дороге. Я заблудился…

– Заблудился? – Лилли ухватилась за это слово. – Это ты заблудился? Ты, с твоим шестым чувством ориентации?

Застигнутый на лжи, он растерялся и сменил тему:

– Ты заразилась манией.

Манией?

– Из-за пропавших женщин. Любая женщина в Клири боится стать следующей жертвой. Все в городе и вокруг охвачены тревогой. Ты пробыла здесь неделю, вот и поддалась общей панике. Любой мужчина вызывает у тебя подозрение.

– Не любой мужчина, Тирни. Только один. Который не может объяснить, зачем он шатался целый день по горам под ледяным дождем. Который знал, где находится мой коттедж, хотя никто ему об этом не рассказывал. Который вчера вечером отказался открыть свой рюкзак, и я только сейчас поняла почему.

– Обещаю, я все объясню, – вздохнул он, – только не держи меня на мушке.

– Объясни все это Датчу.

Черты его лицо заострились и окаменели, словно кожа вдруг туго натянулась на костях. Лилли извлекла свой сотовый телефон из кармана пальто. Он по-прежнему показывал отсутствие связи.

– Ты совершаешь ошибку, Лилли. – От этих слов, произнесенных тихим, но грозным тоном, у нее кровь застыла в жилах. – Ты даешь волю воображению, и эта ошибка будет стоить дорого.

Она не желала слушать, не желала поддаваться. Он лгал ей с самого начала, с той первой обезоруживающей улыбки в автобусе. Он всего лишь играл роль, должно быть, сослужившую ему хорошую службу в прошлом. Все, что он говорил и делал, было ложью. Он сам был ложью.

– Прошу тебя, вспомни хотя бы о презумпции невиновности.

– Ладно, Тирни, – сказала она, – я вспомню о презумпции невиновности, если ты объяснишь вот это.

У ее ног лежали наручники, найденные в одном из застегнутых на «молнию» отделений рюкзака вместе с пистолетом. Лилли поддала их ногой. Они скользнули по деревянным половицам, натолкнувшись на его ноги, и остались лежать на полу. Он долго смотрел на них, потом поднял голову и взглянул на нее. Его взгляд был непроницаем.

– Я так и думала. – Держа пистолет правой рукой Лилли левой набрала на телефоне номер Датча. Телефон был мертв, как камень, но она сделала вид, что звонок прошел на его голосовую почту.

– Датч, мне грозит страшная опасность от Тирни. Приезжай скорей.

– Ты ошибаешься, Лилли.

Она сунула телефон обратно в карман и опять схватила пистолет обеими руками.

– Я так не думаю.

– Выслушай меня. Умоляю.

– Хватит, я уже наслушалась. Подними наручники.

– Неужели ты думаешь, что я и есть Синий? Только из-за пары наручников и ленточки?

Лилли приходилось слышать, как Датч называет неизвестного подозреваемого Синим. И вот теперь, услыхав эту кличку, так запросто слетевшую с губ Тирни, она почувствовала, как страшно застучало ее сердце. Но не это привело ее в ужас.

Должно быть, ужас отразился у нее на лице.

– Да брось, Лилли, – тихо продолжал Тирни. – Да, я знаю, как копы называют похитителя. Тебя это не должно удивлять. Это же маленький город. Все в Клири знают.

– Дело не в этом. – В голосе Лилли ясно слышались астматические хрипы. – Я ни словом не упомянула о ленточке.

* * *

Вопрос специального агента Уайза настолько не отношения к делу, что Датч совершенно растерялся.

– Бен Тирни?

Они обсуждали проводимое им расследование исчезновения Миллисент Ганн, и вдруг Уайз ни с того ни с сего спрашивает, знает ли он Бена Тирни.

Датч перевел недоуменный взгляд с Уайза на Бегли и, но таким же успехом он мог бы всматриваться в лица манекенов. Их глаза были столь же пустыми и невыразительными.

– Какое отношение к чему бы то ни было имеет Бен Тирни?

– Вы его знаете? – повторил Уайз.

– Лицо, к которому приложено имя, больше ничего. – И вдруг Датча пронзил холод, ничего общего не имевший с температурой на улице. Его охватило тяжкое предчувствие, знакомое любому копу, когда-либо входившему в здание, где мог скрываться преступник. Любой коп в таком случае знает, что должно случиться нечто скверное, не знает только, что именно и насколько это будет скверно. – А при чем тут Бен Тирни?

Уайз заглянул в свою кофейную чашку и осторожно положил ложечку на край блюдца.

Такая уклончивость показалась Датчу более красноречивой, чем любые слова. У него сжалось сердце.

– Слушайте, если Тирни в этом замешан…

– Ваша бывшая жена хорошо с ним знакома?

Кровь бросилась в голову Датчу. Он метнул взгляд на Бегли, задавшего ему этот вопрос.

– О чем, черт побери, вы говорите?

– Нам известно, что они знакомы.

– Кто вам сказал?

– Насколько хорошо они знакомы? Что их связывает?

– Ничего их не связывает, – угрюмо буркнул Датч. – Она только раз с ним встречалась. А в чем дело?

– Просто уточняем. Мы исследуем несколько аспектов…

Датч грохнул кулаком по столу с такой силой, что посуда и приборы звякнули. Ложечка Уайза свалилась с блюдца и запрыгала по столу.

– Хватит кормить меня дерьмом с ложечки! Что вам известно об этом типе? Может, вы крупные шишки в ФБР, но я коп, мать вашу, и я имею право на уважение. И на любую информацию, если она касается моего расследована А теперь: что насчет Бена Тирни? Иначе, богом клянусь…

– Возьмите себя в руки, – приказал Бегли. – К вашему сведению, я не терплю сквернословия, как и упоминания имени божьего всуе. Впредь воздержитесь от этого в моем присутствии.

Датч выскочил из кабинки, схватил свою парку и перчатки, натянул их порывистыми, сердитыми движениями. Потом он наклонился над столом и придвинулся к самому лицу Бегли.

– Во-первых, катись ты к той самой матери! Во-вторых, слушай сюда, лицемерный говнюк. Если ты хочешь знать, связан ли Бен Тирни с исчезновением этих женщин я тоже должен это знать, потому что прямо сейчас, пока вы тут рассиживаетесь, моя жена заперта с ним в нашем доме в горах.

Наконец-то ему удалось добиться от них хоть какой-то реакции! Впрочем, радоваться было нечему. Вслед за первоначальным удивлением на их лицах проступила явная тревога, заставившая Датча попятиться на шаг.

– Боже милостивый! Вы хотите сказать, что Бен Тирни и есть Синий?

Бросив настороженный взгляд на группу, застывшую по обе стороны стойки и жадно впитывающую каждое слово, Уайз понизил голос:

– Мы обнаружили кое-какие косвенные улики, требующие дальнейшего расследования.

Это был классический уклончивый ответ. Датч и сам не раз отвечал точно так же, когда работал детективом в убойном отделе. Такие вещи говоришь, когда знаешь, что подозреваемый виновен, как сам грех, но не хватает всего лишь крупицы неопровержимых доказательств, чтобы пригвоздить его задницу.

Он ткнул пальцем в Бегли:

– Я и без «дальнейшего расследования» знаю, что тот долбаный псих провел ночь с моей женой. Если он тронет хоть волосок на ее голове, молитесь богу, чтобы дал вам добраться до него раньше меня. – Повернувшись к ним спиной, Датч подошел к стойке, сгреб Кэла Хокинса за шкирку и сдернул его с табурета. – Пора за работу!

* * *

– Если этот долбаный ублюдок сорвет мне дело, я сверну его гребаную шею. – Эти слова произнес старший спецагент ФБР, меньше минуты назад заявивший Датчу, что он не терпит сквернословия.

Когда он в сопровождении агента помоложе подошел к стойке бара, выражение их лиц было таким угрожающим, а походка такой решительной, что Мэри-Ли чуть было не попятилась от них в страхе.

– Кто из вас знает, куда его понесло?! – рявкнул старший.

– На гору, спасать Лилли. – Уэс встал и протянул руку. – Уэс Хеймер, председатель городского совета, старший тренер школьной футбольной команды. – Он пожал руки обоим, отклонив протянутые ими черные «корочки». – Нет нужды в удостоверениях. Мы знаем, что у вас документы в порядке. Я уже видел вас в городе пару раз, – повернулся он к Уайзу. Указав на пару за прилавком, он представил их: – Уильям Ритт и его сестра Мэри-Ли Ритт.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – спросил Уильям. – Еще кофе? Завтрак?

– Нет, спасибо. – Мэри-Ли ясно видела, что тому, которого назвали Бегли, уже опротивели любезности. – Насколько я понял, Бертон развелся с женой и она теперь зовется Лилли Мартин.

– Он с этим так и не смирился, – сказал Уильям.

– Несколько лет назад они потеряли ребенка. Девочку. – объяснил Уэс. – Люди по-разному реагируют на такие трагедии.

Бегли бросил взгляд на своего напарника, словно мысленно приказывая ему это запомнить. Мэри-Ли поняла, тот и без приказа все удержит в голове.

– Что вам известно о ней и Бене Тирни? – спросил Бегли. – Как это получилось, что они застряли в горах? У них там была встреча?

– Я точно не знаю, но вряд ли у них было назначено свидание. – Уэс рассказал им, что домик, недавно принадлежавший Бертонам, как раз вчера был продан. – Они поднялись туда вчера, вывозили последние вещи. Датч уехал в город раньше ее. Похоже, пока она спускалась с горы, произошла авария, и в ней пострадал Тирни. Она позвонила Датчу на сотовый, оставила загадочное послание, сказала, что они с Тирни в коттедже и ему нужна помощь. Просила Датча приехать как можно скорее.

– Как он пострадал?

– Она не сказала. Других сообщений не было. В коттедже телефон уже отключен, а сотовая связь здесь, в горах, хреновая… Извините, мистер Бегли. В хорошую погоду связь тут паршивая, но спасибо и на этом. В плохую погоду о ней вообще можно забыть. – Молчание Бегли Уэс принял за сигнал продолжать. – Датч зашел ко мне вчера, просил помочь ему разыскать Кэла Хокинса. Ну, того парня, которого он отсюда выволок. Он у нас единственный посыпает дороги песком. – Он рассказал о вчерашней неудавшейся попытке въехать на гору по обледеневшему шоссе. – В конце концов даже Датчу пришлось признать, что это невозможно. Но он вбил себе в голову, что надо попытаться еще раз этим утром. Вот туда он и отправился.

– Я бы и сегодня свои деньги не поставил на успех предприятия, – сухо заметил Бегли.

– Это вы ему скажите.

– Я бы и сам хотел добраться до этого коттеджа, – продолжал Бегли, натягивая пальто. – Меньше всего нам надо, чтобы этот полоумный Бертон ворвался туда как бешеный бык.

– А вы и вправду думаете, что Бен Тирни – это Синий?

– С чего вы это взяли?

Взгляд, брошенный старшим спецагентом Бегли на Уильяма, задавшего столь опрометчивый вопрос, мог о остановить на бегу разъяренного носорога. Он, безусловно остановил маленького аптекаря, не дав высказать очевидное: только будучи глухим, он смог бы не услышать их разговора с Датчем. Вместо этого Уильям нервно облизнул губы и промямлил:

– Ну, это как-то само собой напрашивается.

– Как это, мистер Ритт?

– Ну. – всех остальных в городе мы более-менее знаем. Мистер Тирни – приезжий. Мы о нем мало что знаем.

– А все-таки, что конкретно вы знаете о нем? – спросил спецагент Уайз.

– Только то, что наблюдаю всякий раз, как он заходит в аптеку.

– И как часто это бывает?

– Когда он в городе, заходит часто. Он всегда… – Уильям опасливо покосился на слушателей. – Это, скорее всего, неважно.

– Что, мистер Ритт? – Бегли нетерпеливо хлестнул сжатыми в кулаке перчатками по ладони другой руки. – Предоставьте нам решать, что из подмеченного вами важно, а что неважно.

– Ну, дело в том, что всякий раз, как он заходит сюда, он привлекает к себе внимание.

– Внимание? – Бегли опять обменялся взглядом с Уайзом. – Чье внимание?

– Женское, – простодушно отвечал Уильям. – Он их притягивает, как магнит. – Бросив взгляд на Уэса, он добавил: – Я слышал, как вы с Датчем и вашими друзьями говорили о нем. Кто-то назвал его павлином.

– Виновен, – Уэс вскинул правую руку. – Я думаю, парень знает, что бабы вешаются на таких вот грубоватых, обветренных красавцев.

Все глаза обратились к Мэри-Ли, а она почувствовала, что розовеет от смущения.

– Я видела мистера Тирни всего несколько раз, но я читала его статьи. Они очень хорошо написаны и читаются с интересом, если, конечно, вы увлекаетесь такими вещами. Очевидно, Бегли такими вещами не увлекался. Он повернулся к Уильяму.

– Он заводит разговоры с женщинами?

– Всю дорогу.

– О чем они говорят?

– Я не имею привычки подслушивать разговоры моих клиентов.

«Факты свидетельствуют об обратном, – подумала Мэри-Ли. – Сам же только что признался, что подслушал разговор Уэса с Датчем».

Бегли тоже отнесся к заявлению Уильяма скептически но оставил его без комментариев.

– Что покупает Тирни, когда заходит сюда? Если вы можете мне сказать, не нарушая профессиональной этики, – иронически добавил он.

Уильям улыбнулся ему, давая знать, что понял шутку.

– Вовсе нет, поскольку он ни разу не заказывал лекарства по рецепту. Он покупает бальзам для губ, защитный крем от солнца, зубную пасту, одноразовые бритвенные лезвия. Ничего особенного, если вы это имеете в виду.

– Именно это я и имею в виду.

– Ничего особенного. Только одно любопытно: он, как правило, покупает одну вещь зараз. Один раз – это пластырь, другой раз – лосьон от солнца, третий раз – роман в бумажной обложке.

– То есть он изобретает предлоги, чтобы зайти сюда еще раз? – предположил Бегли.

– Да, вы навели меня на мысль. Да, похоже на то. И, похоже, он всегда заходит в такой час, когда у меня полно посетителей. В послеобеденное время. Многие заходят по дороге домой.

– Миллисент Ганн?

– Конечно. Многие школьники заходят попить содовой после школы. Пока они ведут себя смирно, я разрешаю им…

– Бен Тирни и Миллисент Ганн когда-нибудь бывали в аптеке в одно и то же время?

Уильям уже собирался ответить, когда до него дошел скрытый смысл вопроса. Он закрыл рот, так ничего и не сказав. Поглядел на каждого из агентов в отдельности и медленно кивнул. При этом он ссутулился и стал как будто 6ще меньше ростом.

– На позапрошлой неделе. Всего за пару дней до ее исчезновения.

– Они говорили? – спросил Уайз.

Уильям опять кивнул.

Бегли повернулся к Уэсу.

– Где нам найти этот грузовик с песком?

– Следуйте за мной, я вас отвезу.

Бегли не стал ждать, пока Уэс покажет ему дорогу. Он повернулся и стремительно вышел за

дверь, на ходу натягивая перчатки.

– Он всегда такой скорый? – обратился Уильям к Уайзу, который рылся в многочисленных слоях своих теплых одежек, отыскивая бумажник.

– Нет. Он не спал всю ночь, это несколько снизило его реакции, так что этим утром он немного заторможен. Сколько мы вам должны?

Уильям покачал головой.

– За счет заведения.

– Спасибо.

– Ну что вы, был душевно рад.

Уайз кивнул Уильяму, взял под несуществующий козырек, салютуя Мэри-Ли, и вышел следом за Бегли. Уэс уже тронулся было за ними, когда Мэри-Ли окликнула его и передала ему пару кожаных перчаток, забытых на стойке.

– Они тебе понадобятся.

Уэс взял у нее перчатки и шутливо хлопнул ее ими по кончику носа.

– Спасибо! Увидимся позже.

Провожая Уэса взглядом, Мэри-Ли заметила в зеркале, что Уильям смотрит на нее с подленькой всезнающей усмешкой. Не обращая внимания на усмешку, она сказала:

– Как выяснилось, никто не захотел позавтракать.

– Я собираюсь сделать яичницу. – Он повернулся к сковородке на плите. – Хочешь?

– Нет, спасибо. Тебе не следовало упоминать о Синем.

– Почему это?

– Потому что это кодовое имя. Ты же видел, как отреагировал Бегли. Никто, кроме полиции, не должен знать о синей ленте. Ты рассказал мне. Тебе рассказал Уэс. А кто рассказал Уэсу?

Уильям бросил кусок масла на сковородку, и оно тут же зашипело.

– А он узнал из первых рук.

– От Датча?

– Ну, разумеется, от Датча, от кого же еще!

– Он – шеф полиции! – воскликнула Мэри-Ли. – Уж ему ли не знать, что нельзя раскрывать Уэсу тайну следствия!

– Они закадычные друзья. Их водой не разольешь. – Уильям разбил два яйца над сковородкой. – У них нет секретов друг от друга. Да и что тут такого страшного?

– Это может повредить следствию.

– Не понимаю, каким образом.

– Если ты знаешь и я знаю, сколько еще народу знает?

– Да какая теперь-то разница? Ведь они уже узнали, кто такой Синий.

– Наверное, никакой.

– Однако, – он ловко перевернул яичницу, – отсюда можно извлечь хороший урок, Мэри-Ли.

– Какой урок?

– Никто в этом городе ничего не может удержать в секрете.

Он улыбнулся ей, но у Мэри-Ли возникло неприятное ощущение, что улыбка у него вышла вовсе не такой сердечной, какой сам Уильям хотел ее изобразить.

Глава 17

Лилли носком ноги подтолкнула вперед кусок синей бархатной ленточки на полу. Она нашла ленточку в одном из застегнутых на «молнию» отделений рюкзака Тирни, пока искала доказательства присутствия другой женщины в его жизни. Когда она подняла на него взгляд, слова стали не нужны.

– Я ее нашел, – сказал он.

– Нашел?

– Вчера.

– Где?

Тирни дернул подбородком в сторону вершины пика Клири.

– Она что, просто лежала на земле в лесу? Кусок синей ленты?

– Она зацепилась за куст, – сказал Тирни. – Развевалась на ветру. Вот так я ее и заметил. – Должно быть, ее недоверие говорило само за себя. – Слушай, – добавил он, – я понимаю, почему ты так распсиховалась, когда ее увидела. Я знаю, что это значит.

– Откуда ты знаешь?

– Все знают о ленточке, Лилли.

Она яростно покачала головой:

– Только полиция и виновный.

– Нет, – решительно возразил Тирни, – все знают. Местная полиция во главе с Датчем не умеет хранить секреты. Кто-то дал утечку, что синюю бархатную ленточку находили каждый раз на месте предполагаемого похищения.

Именно об этом рассказал ей Датч, но по секрету.

– Они специально утаили эту деталь.

– Ничего они не утаили. Я сам слышал, как об этом говорили в аптеке. И не только там. Как-то раз, пока я забирал вещи из чистки, владелец посоветовал даме, стоявшей передо мной в очереди, опасаться Синего, и она прекрасно поняла, о ком идет речь. Все знают. – Тирни указал на отрезок ленты на полу. – Я не знаю, та ли это лента, которую оставляет Синий, но чертовски странно было наткнуться на нее в лесу. Поэтому я снял ее с куста, спрятал в рюкзак и собирался отвезти в город, чтобы передать властям.

– Вчера ты об этом не упомянул.

– Это не имело отношения к нашему разговору.

– Уже два с лишним года в Клири только и разговору что об этих пропавших женщинах. Если бы я нашла такую важную улику, я бы об этом сказала.

– У меня вылетело из головы.

– Я спросила, нет ли у тебя в рюкзаке чего-нибудь полезного. Ты сказал – нет. Почему же ты тогда не упомянул о ленте? Почему не сказал: «Нет, ничего полезного у меня там нет, но смотри, что я нашел сегодня на кусте в лесу»?

– А если бы я сказал? Подумай об этом, Лилли. Если бы я показал тебе ленту вчера вечером, это помешало бы тебе поверить, что я Синий?

На этот вопрос у нее не было ответа. У нее на многое не было ответа. Ей отчаянно хотелось поверить, что он именно тот, кем кажется: обаятельный, талантливый, веселый, остроумный, интеллигентный мужчина. Однако ни одно из этих качеств не помешало бы ему совершить преступления против женщин. Напротив, все эти личные качества работали бы на него, будь он преступником.

Он не объяснил, почему у него в рюкзаке были наручники. Помимо садомазохистского секса и правоохранительных органов, где еще применяются наручники? При одной мысли об этом ей стало дурно.

– Миллисент Ганн объявили в розыск неделю назад.

– Я в курсе этой истории.

– Она еще жива, Тирни?

– Я не знаю. Откуда мне знать?

– Если ты ее взял…

– Я ее не трогал.

– А я думаю, это был ты. Я думаю: именно поэтому ты прячешь отрезок синей ленты и пару наручников у себя в рюкзаке.

– Между прочим, с какой это стати ты обыскивала мой рюкзак?

Этот вопрос Лилли пропустила мимо ушей.

– Вчера на вершине ты делал что-то такое, с чем тебе надо было покончить до наступления бури. Может быть ты спешил избавиться от тела? Рыл могилу Миллисент?

И опять его лицо как будто окаменело.

– Всю прошлую ночь ты проспала в паре футов от меня. И ты действительно веришь, что всего за несколько часов до этого я копал могилу?

Ей не хотелось думать о том, как она в нем ошиблась и насколько была уязвима прошлой ночью, поэтому она покрепче ухватилась за пистолет.

– Подбери наручники.

Тирни помедлил, но потом наклонился и поднял с пола наручники.

– Надень «браслет» на правое запястье.

– Ты совершаешь ужасную ошибку.

– Допустим. Но если я ошибаюсь, ты проведешь день в неудобном положении и будешь страшно зол на меня. А если я права, если ты и есть Синий, я спасу свою жизнь. Если уж выбирать, я предпочитаю разозлить тебя на всю жизнь. – Лилли чуть-чуть вскинула пистолет. – Защелкивай «браслет» на правом запястье. Живо.

Протекли секунды, показавшиеся им обоим веками. Наконец он выполнил приказ.

– На случай, если дом загорится или у тебя начнется приступ астмы, ключи у тебя под рукой?

– Они у меня в кармане. Но я тебя не выпущу, пока не придет помощь.

– На это может уйти несколько дней. Ты выживешь несколько дней без своих лекарств?

– Это не твоя забота.

– Нет, черт побери, это моя забота. – Его голос стал резким и хриплым. – Мне небезразлично, что с тобой будет, Лилли. Мне казалось, мой поцелуй ясно об этом сказал.

Сердце затрепетало у нее в груди, но она заставила себя этого не замечать.

– Залезай на кровать. Да, прямо на пружины. Продень правую руку в орнамент изголовья.

В орнаменте кованого железа были просветы, позволившие ему просунуть руку между ними.

– Вчера, когда я тебя поцеловал…

– Я не собираюсь об этом разговаривать.

– Почему нет?

– Залезай на кровать, Тирни.

– Поцелуй потряс тебя не меньше, чем меня.

– Предупреждаю, если ты этого не сделаешь…

– Этот поцелуй не просто удовлетворил наше любопытство. Я давно мечтал тебя поцеловать, но я и…

– Залезай на кровать.

– Это было в миллион раз лучше всех моих фантазий.

– Повторяю в последний раз.

– Я не стану приковываться к этому изголовью! – сердито закричал он.

– А я не буду больше просить.

– Ты вчера долго не могла заснуть, верно? Я знал, что ты не спишь. И ты знала, что я не сплю. Мы думали об одном и том же. Мы вспоминали этот поцелуй и жалели…

– Заткнись, а не то я выстрелю!

– …что не пошли дальше.

Лилли спустила курок. Пуля просвистела у самой его щеки и ударила в стену. Вид у него был скорее шокированный, чем испуганный.

– Я хорошо стреляю, – предупредила Лилли. – Следующий выстрел – в тебя.

– Ты не убьешь меня.

– Если я прострелю тебе колено, ты пожалеешь, что я тебя не убила. Забирайся на кровать, – отчеканила она.

Глядя на нее со смешанным чувством изумления и уважения, Тирни попятился, пока его ноги не коснулись кровати. Он сел и подался назад. Лилли знала, что гримасы боли у него на лице непритворны, но не позволила им себя разжалобить. Когда он вот так, пятясь задом, добрался до изголовья, ему пришлось просунуть правую руку сквозь железные завитушки.

– Теперь застегни второй «браслет» на левом запястье.

– Лилли, умоляю тебя, не принуждай меня к этому. Она молча; глядела на него через короткий ствол пистолета, пока он не сдался и не приковал себя к кровати.

– Дерни в разные стороны со всей силы, чтобы я убедилась, что они защелкнулись.

Тирни несколько раз энергично дернул руками, скрежеща металлом о металл. Он был прикован.

Лилли уронила руки по швам, словно они весили тысячу фунтов. Она привалилась спиной к стене и соскользнула по ней вниз, пока не села на пол. Ее голова опустилась, она прижалась лбом к коленям. До этой самой минуты она не замечала, как ей холодно. А может быть, эта дрожь била ее от страха?

Ей было страшно, что ее предположение насчет Тирни окажется верным. Неужели он и есть Синий? В то же время она боялась ошибиться. Приковав Тирни к кровати, она могла обречь себя на смерть от удушья.

Нет, она не должна думать о том, что может случиться. Смерть отняла у нее дочь, отняла у ее дочери долгую жизнь. Будь она проклята, если даст смерти отнять и свою собственную жизнь.

mir-knigi.org

Через несколько секунд она заставила себя подняться на ноги и, не глядя на Тирни, ушла в гостиную.

– Тебе надо принести побольше дров, пока у тебя еще есть силы! – крикнул он ей вслед.

Лилли не желала вступать с ним в разговоры, но и сама подумала именно об этом. Ее кожаные сапожки так и не просохли окончательно и были холодны, как лед, но она заставила себя втиснуть в них ноги.

Шапочка Тирни хрустела от засохшей крови, но легче было надеть ее, чем накрывать голову громоздким одеялом. Лилли натянула шапочку на уши и спустила до самых бровей. Она взяла и его шарф: обмотала горло и закрыла всю нижнюю часть лица до самого носа. Ее перчатки на кашемировой подкладке, конечно, не спасали от таких холодов, но все-таки были лучше, чем совсем ничего.

Когда все было надето, она направилась к входной двери. Тирни, следивший за ней из спальни через открытую дверь, заговорил:

– Лилли, ради всего святого, дай мне сделать это для тебя. Можешь всю дорогу держать меня на мушке. Мне все равно. Только дай мне сделать это.

– Нет.

– Холодный воздух…

– Замолчи.

– Черт, – выругался он, – не уходи с крыльца. Занеси бревна внутрь, прежде чем колоть.

Разумный совет. Навыкам выживания у него можно было поучиться. Интересно, завоевывать доверие женщин он так же здорово умеет? Праздный вопрос. Пять дур ему доверились. Нет, шесть. Надо и себя считать.

В коттедже было холодно, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось снаружи. Холодный воздух леденил щеки, не давал открыть глаза. Брезент, которым Тирни накрыл поленницы, был покрыт слоем снега в несколько дюймов толщиной.

Лилли вытащила полено из-под брезента. Оно оказалось таким тяжелым, что она не удержала его обеими руками. Полено звонко стукнулось о крыльцо, едва не попав ей по пальцам. Лилли неуклюже подхватила его на руки, как ребенка, открыла дверь и внесла полено внутрь. Дверь она захлопнула ногой.

Сбросив полено перед камином, она остановилась. Дышать приходилось через рот. Лилли дышала с трудом, изо всех сил стараясь наполнить легкие воздухом и в то же время внушая себе, что дышится ей легко.

– Лилли, ты в порядке?

Пытаясь не прислушиваться, она сосредоточилась на том, чтобы протолкнуть воздух.

– Лилли?

Он вроде бы был искренне встревожен. Наручники стукнулись о металл. Лилли отошла от камина.

– Хватит орать. Я в порядке.

– Черта с два ты в порядке!

– В полном порядке, если не считать того, что я заперта тут с серийным убийцей. Что ты с ними делаешь, когда они закованы в наручники, Тирни? Ты их пытаешь и насилуешь, перед тем как убить?

– Если я такой, почему же я не пытал, не насиловал и не убил тебя?

– Потому что я позвонила Датчу и оставила сообщение, что я здесь с тобой. – Ее вдруг осенило. – Теперь я понимаю, почему тебя корежило всякий раз, как я упоминала его имя, почему ты забрасывал меня вопросами о наших с ним отношениях.

– Потому что я хотел понять, не влюблена ли ты в него до сих пор.

Именно так она тогда и подумала. Он обошел ее, как дуру, заставил думать, что его настойчивые расспросы о Датче, ее бывшем муже, продиктованы ревностью. Ему удалось ее одурачить, и за это она рассердилась на себя не меньше, чем на него.

– Я больше не буду тратить силы на разговоры с тобой. Он яростно рванул наручники – раз, другой, третий.

К счастью, они выдержали.

Лилли снова вышла. Битый час она трудилась, перенося по одному полену за раз, и каждое новое полено казалось ей тяжелее предыдущего. С каждым разом ей становилось все труднее и приходилось делать все более длинные интервалы для отдыха между ходками.

К счастью, некоторые поленья оказались настолько невелики, что сразу занялись, когда она разожгла под ними щепки. Топорик, как она и опасалась, не годился для колки больших поленьев.

Не сходить ли в сарай за колуном, которого не нашел Тирни? По зрелом размышлении, Лилли решила отказаться от этой мысли. Она не была уверена, что у нее хватит сил на обратный путь. Вместо этого она пустила в ход топорик и наколола столько щепок, что хватило бы на несколько часов.

Остался не проясненным только один вопрос: проживет ли она сама эти несколько часов?

* * *

– Лилли?

Полчаса она сидела на матраце, прислонившись спиной к дивану, набираясь сил и стараясь выровнять дыхание.

– Лилли, ответь мне.

Она опустила голову на валик дивана и закрыла глаза.

– Что?

– Как у тебя дела?

Велик был соблазн не отвечать, но он то и дело звал ее по имени на протяжении последних пяти минут. Очевидно, он не сдастся, пока она не ответит.

Отбросив вязаный плед, Лилли встала и прошла к открытой двери в спальню.

– Чего тебе?

– О господи, Лилли!

Ужас, отразившийся на его лице, подтвердил ее худшие опасения. Должно быть, она выглядит, как зомби. Ей уже приходилось видеть себя раньше во время приступа астмы. Не самое приятное зрелище.

– Тебе тут не холодно? – нелюбезно осведомилась она.

– У тебя кислородное голодание.

Лилли уже собиралась повернуться и уйти, когда он торопливо добавил:

– Мне хотелось бы укрыть ноги одеялом.

Она взяла с матраца одно из одеял. Шерстяная ткань хранила тепло камина. Встав в изножий кровати, Лилли развернула одеяло и бросила его на вытянутые ноги Тирни.

– Спасибо.

– На здоровье. – Лилли заметила, что его запястья натерты до красноты дерганьем наручников.

– Это тебе не поможет. Ты только сделаешь себе больно.

Тирни взглянул на свою содранную кожу.

– Методом проб и ошибок я пришел к тому же заключению. – Он несколько раз сжал и разжал пальцы. – У меня руки немеют от недостатка кровообращения. Я плохо рассчитал, когда приковывал себя к изголовью. Надо было поместить руки ниже, на уровне пояса. Тогда мне не пришлось бы сидеть в таком неудобном положении.

– Да, не повезло.

– Ты, конечно, и не подумаешь расковать меня на минуту, чтобы…

– Нет.

– Я так и думал.

Тирни переменил положение, морщась от боли, но она не поддалась жалости, которую он пытался вызвать.

– Ты голоден? – спросила Лилли.

– У меня урчит в животе.

– Я тебе что-нибудь принесу.

– Кофе?

– Ладно.

– Это надо будет учесть как порцию воды.

Как всегда, благородный бойскаут. Всегда и ко всему готовый.

Пять минут спустя Лилли вернулась в спальню с кружкой свежего кофе и тарелкой крекеров, намазанных арахисовым маслом.

– Я оставила пистолет и ключ от наручников в гостиной. – Она встала так, чтобы не загораживать ему вид на кофейный столик. – Если ты собираешься ошпарить меня кипятком, или прижать ногами, или еще каким-то образом взять верх, пользы тебе от этого не будет никакой. Тебе все равно не добраться до пистолета и до ключа.

– Что ж, разумно.

Поставив кружку кофе и тарелку на пол, Лилли размотала шарф на его шее и отбросила его подальше.

– Это что? Еще одно оскорбление? – нахмурился Тирни.

– Ты мог бы использовать его как оружие.

– Я был бы не прочь тебя придушить, но к чему это приведет? Ты умрешь, а я так и останусь прикованным. Не больно-то умно, верно?

– Я не желаю рисковать.

– Зачем ты вообще взяла мой шарф?

– Сумеешь удержать кружку?

– Попробую. Но не обещаю, что не пролью. Почему ты надела мой шарф?

– Для тепла, Тирни. Никаких других причин. Я не твоя дама, а ты не мой рыцарь.

Лилли вложила кружку ему в руки. Он обхватил ее ладонями, наклонил голову и отпил глоток.

– Пожалуй, все же к лучшему, что руки у меня прикованы не ниже. Иначе я не смог бы ни есть, ни пить.

– Я не дала бы тебе умереть от голода и жажды.

– Ты великодушная тюремщица, Лилли. Не увлекаешься жестокими и необычными наказаниями. Однако… – Он выждал паузу, чтобы убедиться, что ее внимание приковано к нему, и только потом добавил: – Будет чертовски жестоко с твоей стороны, если ты умрешь у меня на руках.

– Я не собираюсь умирать.

– Да уж постарайся.

Его голос был полон скрытого смысла, как и устремленный на нее взгляд. Лилли старательно игнорировала и то и другое.

mir-knigi.org

– Как насчет крекеров?

– Я сначала допью кофе.

Она попятилась от него и села в кресло-качалку на безопасном расстоянии от кровати, демонстративно отвернувшись от него.

– Датч часто говорил с тобой о пропавших без вести? Удивленная неожиданным вопросом, Лилли резко повернулась к нему.

– Кто же еще мог рассказать тебе о синей ленте и о прозвище Синий?

– Я никогда не расспрашивала его о делах, но слушала, когда он сам рассказывал.

– Что еще он тебе рассказывал о пропаже женщин в Клири?

Лилли ответила ему лишь холодным и твердым взглядом.

– Да будет тебе, Лилли. Если ты убеждена, что я – Синий, ты не откроешь мне ничего такого, чего я сам не знаю. Датч знал, какое значение имеет синяя лента?

– Ты хочешь сказать, какое значение она имеет для Синего?

Тирни кивнул.

– У Датча была теория на этот счет.

– Какая теория?

Лилли не хотелось делиться с Тирни тем, что ей было известно о ходе следствия по делам об исчезновении женщин. Но, с другой стороны, если она расскажет, возможно, ей удастся что-нибудь узнать от него.

– Только Торри Ламберт, первая из пропавших, не была местной жительницей.

– Она проводила каникулы в Клири со своими родителями, – кивнул он. – Они отправились в групповой поход с проводником, это было осенью. Она поссорилась с матерью и поступила очень типично для пятнадцатилетнего подростка – ушла куда-то избывать свою обиду. Больше ее никто не видел.

– Все верно.

– Перестань смотреть на меня так, Лилли. Я приехал в Клири вскоре после исчезновения девочки. Эта история неделями не сходила с первых страниц всех газет. Я их читал. Как и все вокруг. Любой мог рассказать тебе то, что я только что сказал. Что означает лента, по мнению Датча?

– Это единственное, что от нее осталось, – ответила Лилли. – Остальные участники похода, включая ее родителей, решили, что рано или поздно она их нагонит, но она так и не появилась, и тогда они встревожились. К ночи они были уже в панике. Через сутки все были убеждены, что речь не идет о подростковой выходке, что она отсутствует не по своей воле. Либо она расшиблась и не смогла вернуться сама, либо безнадежно заблудилась, либо ее похитили.

– Поисковые группы искали ее месяцами, но в тот год зима настала рано, – подхватил он ее

mir-knigi.org

рассказ. – Девочка…

– Перестань называть ее девочкой, – раздраженно прервала его Лилли. – Ее зовут Торри Ламберт.

– Торри Ламберт исчезла, словно ее поглотила земля. От нее не осталось ни следа.

– Если не считать синей бархатной ленточки, – уточнила Лилли. – Она зацепилась за кусты, там ее и нашли. За границей штата Теннесси.

– Именно это и навело полицию на мысль о похищении. Чтобы добраться до места, где была найдена лента, ей пришлось бы пройти десять миль по самой труднопроходимой местности к востоку от Миссисипи, – сказал Тирни.

– Ее мать опознала ленточку. Она была в волосах Торри в тот день. – Лилли помолчала, слепо глядя куда-то вдаль. – Миссис Ламберт, должно быть, прошла через сущий ад, когда увидела эту ленту, – проговорила она тихо. – У Торри очень длинные волосы, почти до талии. Чудесные волосы. В то утро она вплела в косу эту ленту. – Вновь переведя взгляд на Тирни, Лилли добавила: – Не знаю, что еще ты с ней сделал, но тебе хватило времени расплести ее косу и вынуть ленточку.

– Это сделал Синий.

– Хотела бы я знать, – продолжала она, словно он ее не прерывал, – что это было? Неосторожность с твоей стороны, или ты нарочно оставил ленту для полиции?

– С какой стати кто бы то ни было стал оставлять ее нарочно?

– Чтобы сбить со следа поисковые группы. Если такова была цель, уловка сработала. Когда ленту нашли, по следу пустили служебных и охотничьих собак. Но они так и не взяли след. – Лилли опять задумалась. – Я хочу знать, почему ты не забрал ленту как трофей.

– Синий забрал свой трофей. Он забрал Торри Ламберт. Его голос заставил Лилли содрогнуться.

– Значит, лента – всего лишь символ успеха. Тирни быстро проглотил остатки кофе.

– Я все выпил. Спасибо.

Лилли забрала у него кружку и вложила в пальцы обеих рук по печенью с арахисовым маслом. Первое Тирни проглотил в один присест. Когда он наклонил голову, чтобы съесть второй крекер, ее внимание привлекла повязка.

– Рана болит?

– Терпимо.

– Вроде бы не кровоточит.

Лилли протянула ему еще один крекер, но вместо этого Тирни схватил ее запястье и стиснул его, как тисками.

– Я выживу, Лилли. Меня больше беспокоит твое выживание.

Она попыталась высвободить руку, но он держал ее крепко.

– Отпусти руку.

– Сними наручники.

– Нет. – Она безуспешно пыталась высвободиться.

– Я спущусь к твоей машине и достану лекарства.

– Ты сбежишь.

– Сбегу? – Тирни едко рассмеялся. – Ты же выходила из дома. Ты знаешь, что там творится. И как, по-твоему, далеко я убегу? Я хочу спасти твою жизнь.

– Без тебя обойдусь.

– У тебя лицо посерело. Я мог пересчитать каждый твой вздох, пока ты была в гостиной. Ты еле держишься.

– Это ты меня держишь! – На этот раз, когда она дернула руку, он отпустил запястье. Ей пришлось сделать несколько громких свистящих вздохов. – Есть будешь? – спросила она, протягивая ему последнее печенье.

– Буду.

На этот раз, вместо того чтобы вложить крекер ему в руку, Лилли поднесла его ко рту Тирни.

– Не вздумай меня укусить.

Он бросил на нее оскорбленный взгляд, вытянул шею и схватил печенье зубами. Лилли тут же отдернула руку. Тирни зубами вобрал крекер в рот. Она забрала пустую кружку и тарелку и направилась в гостиную.

– Если не хочешь меня отпустить, по крайней мере, переведи меня туда, чтоб я мог за тобой присматривать.

– Нет.

– Если я буду там, ты тоже сможешь за мной присматривать.

– Я сказала: нет.

– Лилли.

– Нет!

– Ты мне так и не сказала, как Датч объясняет появление ленты. Что она значит для Синего?

Лилли заколебалась, но после некоторого размышления ответила:

– Датч говорит, что Синий использует ленту как символ своего успеха и как вызов властям.

– Я согласен. И это, пожалуй, единственное, в чем я когда-нибудь соглашусь с Датчем. У меня есть множество причин считать его дураком, и одна из них в том, что вчера он оставил тебя

здесь, на этой горе, хотя знал, что буря вот-вот разразится. О чем он только думал?

– Это была не только его вина. Я сама попросила его уехать раньше меня.

– Почему?

– Я не собираюсь рассказывать тебе о своих отношениях с Датчем.

Тирни долго смотрел на нее молча.

– За это я тебя уважаю, – сказал он наконец. – Честное слово, уважаю. Я бы тоже не хотел, чтобы ты говорила с ним о нас.

– Никаких нас нет, Тирни.

– Это неправда. Полнейшая неправда, и ты сама это знаешь. Пока ты не вбила себе в голову, что я извращенец, мы были уже на полпути к тому, чтобы стать нами.

– Не придавай слишком большого значения одному поцелую.

– При обычных обстоятельствах я бы не стал, – возразил Тирни. – Но то был не обычный поцелуй.

Лилли знала, что надо немедленно уйти от него. Заткнуть уши. Не смотреть ему в глаза. Но они приковали ее к месту. Словно заворожили.

– Можешь спорить сколько хочешь, Лилли, но ты прекрасно знаешь, что я говорю правду. Это началось не вчера вечером. Это продолжается с той самой минуты, как ты вошла в тот автобус. С тех пор каждую секунду каждого дня я хотел тебя.

Лилли заставила себя не слышать того зова, который все громче звучал в ней.

– Вот так ты это делаешь?

– Что?

– Заговариваешь зубы женщинам, чтобы шли с тобой, не пикнув?

– Ты думаешь, я тебе зубы заговариваю?

– Да.

– Чтобы ты потеряла бдительность, сняла с меня наручники, после чего я… что? Изнасилую тебя? Убью?

– Что-то в этом роде.

– Тогда объясни, почему вчера вечером я ограничился одним поцелуем.

Он пытливо заглядывал ей прямо в глаза, ожидая ответа. Ответа так и не последовало. В конце концов он сказал:

– Я остановился, потому что не хотел пользоваться ситуацией. Мы попали в опасное положение. Мы отрезаны от мира. Мы говорили об Эми. Ты была эмоционально ранима,

mir-knigi.org

уязвима. Ты нуждалась в утешении. Тебе нужна была нежность. И это еще не все. Мы изголодались друг по другу. Если бы мы продолжали целоваться… Я знаю, к чему это могло бы привести. И еще я знаю, что позже ты могла бы пожалеть, передумать, а главное, усомниться в моих мотивах. Я не хотел, чтобы впоследствии ты испытывала какое бы то ни было разочарование, Лилли. Только по этой причине я не залез к тебе в постель.

Казалось, он говорит искренне.

– Это было великое самопожертвование. Святой Тирни.

– Вовсе нет. – Его глаза пронизывали ее, как два острых синих луча. – Если бы ты сама меня позвала, я трахнул бы тебя, не раздумывая ни минуты.

Его слова заставили Лилли резко втянуть в себя воздух, и ее легкие отозвались болезненным хрипом.

– Браво, Тирни, у тебя отлично получается. – Ее голос дрожал и прерывался, причем отнюдь не только от астмы. – То романтичный, то эротичный. Ты всегда находишь верные слова.

– Сними наручники, Лилли, – прошептал он.

– Пошел ты к черту!

Вчера ее жизнь зависела от доверия к нему. Сегодня – от недоверия.

Глава 18

– Какого черта, Уэс?

– Пока у тебя еще не сорвало резьбу, остановись и подумай.

Датч стоял перед электронагревателем. Нагреватель был не в силах изменить атмосферу в похожем на пещеру гараже, но казалось, что, стоя рядом с красными спиралями накаливания, можно разогнать пронизывающий холод. Это было обманчивое впечатление. Холод шел от цементного пола сквозь башмаки и шерстяные носки Датча прямо вверх по его ногам.

Уэс подошел к нему. Датч притоптывал на месте, стараясь восстановить кровообращение. Впрочем, он притоптывал и от нетерпения. С той минуты, как они приехали в гараж, Кэл Хокинс скрылся в туалете, да так и не вышел оттуда. В последний раз, когда Датч его проверял, он все еще блевал в унитаз.

– Они все равно поехали бы за тобой, – объяснил Уэс, кивая на агентов ФБР, которые подъехали вслед за ним к гаражу в своей машине.

Они так и остались в седане. И мотор не заглушили. Из выхлопной трубы вырывалось голубоватое облачко газов. Датчу оно казалось дыханием зверя, гонящегося за ним по пятам.

– Этот Бегли хочет добраться до Тирни не меньше твоего, – продолжал Уэс. – Какого черта тебе карабкаться на гору одному? Пусть они тоже за что-нибудь отвечают.

Датчу до смерти не хотелось это признавать, но в словах Уэса был свой смысл. Случись что плохое там, на горе, – ну, получи, к примеру, Тирни смертельную огнестрельную рану при попытке к бегству, – начнется дознание, следственная комиссия, целый воз объяснительных записок. И в самом деле, почему бы не скормить фэбээровцам этот кусок дерьма?

– Если это не сработает, – Уэс кивнул на Хокинса, который в эту минуту выполз из уборной с видом ходячего мертвеца, – у федералов есть вертолеты, опытные поисковые группы, навороченная техника слежения и все такое.

– Но если я их задействую, мне перед ними отчитываться, – возразил Датч. – Меня это бесит, причем по-крупному. И потом, когда я доберусь до Тирни…

– Я тебя слышу, и я с тобой на все сто по этому поводу, приятель, – понизил голос Уэс. – Особенно если он и есть наш похититель. Я что хочу сказать…

– Надо использовать ФБР до определенного момента.

Уэс шлепнул друга по спине и ухмыльнулся, как когда-то на футбольном поле, когда игра шла по их плану, а команда противника оставалась без штанов.

– Все, поскакали. – Но когда они подошли к грузовику, Уэс нахмурился. – Как ты думаешь, он в порядке?

Хокинс уже сидел за рулем, но его руки обхватили баранку, как спасательный круг.

– Надеюсь, что в порядке. Это в его же интересах. Если он лопухнется, я с него шкуру спущу, а потом буду держать в тюрьме, пока не сдохнет. – Датч открыл пассажирскую дверцу и забрался на сиденье.

– Если понадоблюсь, учти, я еду прямо за тобой! – прокричал Уэс.

Когда Уэс захлопнул дверцу, Хокинс болезненно поморщился.

– И нечего так хлопать, – проворчал он.

– Заводи, Хокинс, – приказал Датч.

Хокинс повернул ключ в зажигании.

– Да я-то заведу, только все равно ничего не выйдет. Тысячу раз говорил и еще раз скажу: гиблое это дело.

Датч уставился на него с подозрением.

– Чем это от тебя пахнет? Уж не выпивкой ли?

– Это еще со вчерашнего. Вторичной переработки, – ответил Кэл Хокинс, проверяя боковые зеркала.

Датч заглянул в боковое зеркальце с пассажирской стороны и увидел, как спецагент Уайз задом выводит свой седан на улицу. Затем Уэс точно так же вывел свою машину, освободив дорогу Хокинсу.

Стоило им выехать из гаража, как через десять секунд ветровое стекло уже замело снегом. Хокинс бросил на Датча взгляд, в котором ясно читалось: «Я же говорил». Что-то бормоча себе под нос, он включил «дворники» и переключил скорость. С большой неохотой, как показалось Датчу, старый грузовик двинулся вперед.

К переднему бамперу грузовика крепился бульдозерный отвал, расчищавший дорогу и самому

грузовику, и идущим сзади машинам. Кроме того, Хокинс щедро разбрасывал из боковых сопел смесь песка с солью. Это помогало, но всякий раз, заглядывая в боковое зеркальце, Датч видел, как мучаются Уайз и Уэс, стараясь найти сцепление с дорогой. Поэтому он перестал смотреть.

Свой сотовый телефон он настроил на вибрацию, а не на звонок. Зная, что телефон не звонил, он тем не менее проверил, нет ли голосовой почты. Ее не было. Он набрал номер Лилли в безумной надежде поймать сигнал, но получил лишь ожидаемое сообщение на панели: «Связи нет».

Она позвонила бы, если бы могла, твердил он себе. Ее телефон сейчас так же бесполезен, как и его собственный. В противном случае она связалась бы с ним.

Он наклонился к ветровому стеклу, вытянул шею, пытаясь разглядеть вершину пика Клири. Видно было не дальше нескольких футов над крышей грузовика. Отдельные снежинки, словно безумные летчики-камикадзе, расплющивались о ветровое стекло, а дальше начиналась сплошная непроглядная белизна.

Если тут, внизу, так скверно, значит, наверху, в горах, просто ад кромешный. Датч не хотел говорить об этом вслух, чтобы вконец не напугать своего водителя, но Хокинс, видно, прочел его мысли.

– Чем выше, тем будет хуже, – заметил он.

– Будем продвигаться шаг за шагом.

– Уж скорее дюйм за дюймом, – проворчал Хокинс. – Вот что я хотел бы знать… – начал он, немного помолчав.

Датч покосился на него.

– Что?

– Твоя хозяйка сама-то хочет, чтоб ее спасли?

* * *

– Что скажешь, Филин?

– О чем, сэр? Поясните. – Филин пристально вглядывался в середину капота, стараясь удержать машину в проходе, открытом для них грузовиком.

– О Датче Бертоне. Что ты о нем думаешь?

– Крайне болезненно реагирует на критику. Даже когда она только подразумевается, он тут же встает на дыбы.

– Типичная реакция вечного неудачника с заниженной самооценкой. Что еще, Филин?

– Он хочет держать свою бывшую жену подальше от Бена Тирни, и это объясняется скорее тяжелым случаем ревности, чем убеждением в том, что он – Синий. Он реагирует как мужчина, а не как служитель закона.

Бегли одарил Филина сияющей улыбкой, словно первого ученика и учительского любимчика,

давшего правильный ответ на особенно заковыристый вопрос на экзамене.

– Что нарыл Перкинс насчет этой дамы?

Пока они дожидались прибытия шефа Бертона в «Аптеке Ритта», Филин воспользовался платным телефоном, чтобы позвонить в представительство ФБР в Шарлотте. У него, разумеется, был с собой портативный компьютер, но компьютеры в Шарлотте были, разумеется, мощнее и имели лучший доступ к широким информационным ресурсам. Он попросил Перкинса разузнать все, что можно, о бывшей жене Бертона и предупредил, что эта информация требуется в срочном порядке.

– Черт, – выругался Перкинс. – Ладно. Дай мне десять.

Он перезвонил через пять минут. И теперь у Филина был готов ответ для Бегли.

– Она главный редактор журнала «Тонкая штучка».

– Иди ты! – воскликнул Бегли. – Ты что, шутки со мной шутишь?

– Никак нет, сэр.

– Миссис Бегли молится на этот журнал. Я видел, как она провела выходные, изучая один из номеров. Переделала всю нашу гостиную, чтобы было точь-в-точь похоже на картинку, которую она там увидела. Ты женат, Филин?

Неожиданный вопрос заставил спецагента Уайза вздрогнуть.

– Сэр? Ах да… Нет, сэр.

– Почему нет?

Он был вовсе не против женитьбы. Наоборот, он был всей душой за. Вся загвоздка состояла в том, чтобы найти женщину, которая не померла бы со скуки от него самого и его упорядоченной жизни. У него уже выработался определенный сценарий в отношениях с женщинами. Несколько свиданий, пара из них с ночевкой, а потом они мирно расходились в разные стороны из-за отсутствия взаимного интереса друг к другу.

Недавно он начал обмениваться по электронной почте письмами с женщиной, с которой познакомился в Интернете. Она жила в Лексингтоне, [20] и с ней было приятно пообщаться. Она не знала, что он работает в ФБР. Уайз давно уже понял, что женщины частенько влюблялись не в него, а в образ идеального, мужественного героя-фэбээровца. О его работе Карен – так ее звали – было известно только одно: она связана с компьютерами. Как ни странно, Карен до сих пор не утратила к нему интереса.

Их последний «разговор» продолжался час тридцать восемь минут. Невероятно, но факт: ей удалось его рассмешить. Он сидел дома в своем идеально убранном кабинете и хохотал в голос над ее историей о том, как в первый и в последний раз в жизни она попыталась сэкономить, самостоятельно окрасив себе волосы. Она красочно описала, как плачевный результат ее трудов и надежд был исправлен в салоне красоты, и дело стоило каждого затраченного цента. Эта история заставила Филина задуматься о том, что, пожалуй, его жизни не хватает толики легкомыслия.

Не раз она говорила ему в письмах, как хорош Массачусетс весной. Если это приглашение,

решил Филин, пожалуй, он поймает ее на слове и воспользуется им. Правда, его бросало в дрожь при мысли о встрече с ней лицом к лицу, но это была приятная дрожь.

вернуться

20

Город в штате Массачусетс.

От души надеясь, что Бегли не заметит румянца у него на щеках, Филин заговорил сухим, официальным тоном:

– Последние несколько лет я целиком посвятил себя карьере, сэр.

– Отлично, прекрасно, превосходно, Филин, но это твоя работа, а не жизнь. Подумай об этом.

– Да, сэр.

– Миссис Бегли заботится о моем здоровье и душевном благополучии. Не знаю, что бы я без нее делал. Хотел бы познакомить тебя с ней.

– Спасибо, сэр. Это будет честью для меня.

– Лилли Мартин. Мы можем предположить, что она – женщина неглупая?

Филин с трудом поспевал за быстрой, как ртуть, мыслью Бегли.

– Да, сэр. У нее две ученые степени – по искусству и по журналистике. Начиная девочкой на побегушках в другом журнале, пробилась с самого низа и вот теперь по праву занимает свое нынешнее положение. Перкинс переслал несколько электронных сайтов, мы потом сможем их изучить. Он говорит, что на фотографиях она выглядит весьма привлекательно. – Прежде чем продолжить, он бросил взгляд на Бегли.

– Есть кое-что еще, сэр. Насчет Бена Тирни. Перкинс сказал, что его кредитной карточкой был оплачен счет по каталогу военизированного оборудования. Он купил радиолокационную рацию военного образца с функцией перехвата и наручники.

– Боже милостивый. Давно?

– Счет оформлен в августе.

Бегли задумчиво прикусил нижнюю губу.

– Мистер Элмер сказал нам, что Тирни познакомился с Лилли Мартин прошлым летом.

– И что он был увлечен ею.

– Чего мы не знаем, так это было ли влечение взаимным, – заметил Бегли. – Может, они встречались после знакомства прошлым летом. А бывший ее, Датч Бертон понятия не имеет что и как.

– Совершенно верно.

– А с другой стороны… – начал Бегли.

– Если мисс Мартин не увлеклась Беном Тирни и если он и есть Синий…

– Вот именно, – вздохнул Бегли. – Ему не понравится отсутствие взаимности. – На несколько минут он погрузился в мрачное молчание, потом ожесточенно стукнул кулаком по колену. – Черта с два! Нет, это все не то, Филин. Согласно показанием Ритта – и Уэс Хеймер их подтвердил! – женщин влечет к Тирни, как магнитом. Ну, так объясни мне, какого хрена ему их похищать? А, Филин? Мысли есть?

Хотя Бегли нетерпеливо ждал ответа, Филин тщательно все продумал, прежде чем заговорить.

– Когда я учился на юридическом…

– Кстати об этом, – перебил его Бегли. – Я совсем недавно узнал, что у тебя есть юридическая степень. Почему ты не стал адвокатом?

– Я хотел быть агентом ФБР, – не колеблясь, ответил Филин. – С тех пор как себя помню, ничего другого я не хотел.

В школе крутые ребята смеялись над его мечтой. Даже родители советовали наметить какой-нибудь запасной путь, если его выбор не осуществится. Но он не позволил скептикам лишить себя решимости.

– Проблема была в том, сэр, что я не служил в армии у меня не было полицейской подготовки. Глядя на меня, никто бы не подумал, что я подходящий кандидат для лучшего агентства уголовных расследований в мире. Я не подхожу под стереотип федерального агента, сложившийся у большинства людей. Я думал, агентство меня не примет, если у меня не будет каких-то других отличий, и решил, что правовая степень мне поможет. Очевидно, так оно и вышло.

Он бросил взгляд на Бегли, которого в свое время взяли в ФБР как лучшего из лучших за его отличную службу в армии, блестящие лидерские качества, а также – не в последнюю очередь – за его чугунную задницу. До Бегли ему было далеко, как до звезды. Их даже смешно было сравнивать.

Все это время Бегли оценивал его – вдумчиво, но не враждебно. Филин надеялся, что с божьей помощью ему удалось пройти проверку в глазах Бегли. Это было немалым достижением. По правде говоря, это было грандиозно. Если Бегли его одобрил, значит, он первый в списке.

– Вы спросили, почему Тирни похищает женщин, сэр. Я как раз собирался рассказать вам историю для сравнения. Она может кое-что прояснить. С первого семестра на юридическом факультете у меня началось жесткое состязание с одним моим однокурсником за право считаться лучшим на курсе. Он был похож на Джона Кеннеди в молодости. Спортивный. Харизматичный. Встречался с манекенщицей, которая демонстрировала купальники для «Спортс Иллюстрейтед». И плюс ко всему этому у него были блестящие способности. Просто блестящие. Но он жульничал. Безудержно. На каждом экзамене, по всем предметам. Он списывал каждую контрольную. Он получил зачетный балл чуть выше моего и окончил первым на курсе.

– Его так и не засекли?

– Нет, сэр.

– Должно быть, тебе трудно было с этим смириться.

– Вовсе нет, сэр. Наверное, он все равно превзошел бы меня. Но дело в том, что ему совершенно не было смысла жульничать.

– Тогда зачем он жульничал?

– Учиться на юридическом ему было слишком легко. А вот жульничать и не попасться – это была достойная его задача.

Перед ними замигали хвостовые огни машины Уэса Хеймера – один раз, другой, третий…

Филин понял это как предупреждающий сигнал: скоро ему придется тормозить. Он снял ногу с акселератора. Перед Хеймером загорелись тормозные огни грузовика с песком, а затем включился сигнал правого поворота. Филин плавно нажал на тормоз и столь же плавно замедлил ход. Бегли, казалось, не замечал, что творится за ветровым стеклом. Он все еще размышлял о мотивах Тирни.

– Значит, здесь у нас еще один любитель преодолевать трудности, которому всегда найдется задача по плечу. Стало быть, он их убивает, чтобы убедиться, что может это сделать. Но почему именно этих женщин? Почему не…

Вдруг он отстегнул ремень безопасности и повернулся к заднему сиденью. Филин занервничал. Протянув руку между сиденьями, Бегли схватил пять папок с материалами по делу, собранными Филином на каждую из пропавших женщин. Вновь повернувшись вперед, Бегли сложил папки у себя на коленях. Филин вздохнул с облегчением, когда он опять пристегнулся.

– Вчера, когда я просматривал эти досье, у меня возникло ощущение, будто я пять раз подряд читаю одну и ту же историю, – заметил Бегли. – И только теперь я понял почему.

– Простите, сэр, но я не улавливаю.

Филин осторожно провел седан через поворот. Следуя за Хеймером на безопасном расстоянии, он смог вовремя остановиться и не врезаться Хеймеру в задний бампер при торможении. Впереди, сразу за поворотом, грузовик с песком с трудом брал крутой подъем: колеса пробуксовывали.

Бегли хлопнул ладонью по верхней папке. Хлопок заставил Филина подпрыгнуть на месте от неожиданности.

– Между этими женщинами есть что-то общее, Филин.

– Никто из работавших над делом не нашел связующего звена между жертвами, сэр. Ни по месту работы, ни по телосложению, ни по их прошлому…

– Эмоциональная неудовлетворенность.

Филин решил, что ослышался, и рискнул повернуть голову, чтобы взглянуть на Бегли.

– Сэр?

– Все они так или иначе нуждались в поддержке. Миллисент, как нам известно, страдала анорексией, а это симптом эмоциональных проблем и заниженной самооценки, не так ли?

– Насколько я понимаю, да, сэр. Бегли перечислил всех по убывающей.

– До нее была Кэролин Мэддокс. Мать-одиночка, работала уборщицей, прихватывая сверхурочные, чтобы обеспечить сына, страдающего диабетом. Лорин Эллиотт. – Бегли открыл ее дело и пробежал глазами содержимое. – Рост пять футов три дюйма, а вес – двести сорок фунтов. Гм… Что поставить, что положить. Держу пари, если мы копнем поглубже, мы обнаружим, что избыточный вес – ее пожизненная проблема, и она перепробовала все дурацкие диеты, какие только существуют. Она работала медсестрой. В медицинской среде ей постоянно напоминали, что ожирение связано с риском для здоровья. Не удивлюсь, если на нее давили: либо сбрось вес, либо попрощайся с работой.

– Я понимаю, к чему вы клоните, сэр.

– Муж Бетси Кэлхаун умер от рака поджелудочной железы за полгода до ее исчезновения. Они были женаты двадцать семь лет. Она была домохозяйкой. О чем все это говорит тебе, Филин?

– Ну…

– Депрессия.

– Да, конечно.

– Бетси Кэлхаун вышла замуж сразу после окончания школы. Ни дня не работала. Все их проблемы решал муж. Она, вероятно, ни разу в жизни даже чека не подписала, пока он не умер. И вдруг ей приходится самой заботиться о себе, да плюс к тому она потеряла любовь и смысл своей жизни.

Бегли так увлекся, что Филин решил молчать. Ему не хватило духу напомнить начальнику, что все это домыслы. Домыслы, основанные на здравой логике, но все-таки домыслы, не подкрепленные вещественными доказательствами и не пригодные для судебного слушания.

– В этом ключ, Филин, – продолжал Бегли. – Он не взял ни одной женщины в хорошей физической форме, успешно делающей карьеру, эмоционально стабильной и имеющей прочные сексуальные отношения. Перед своим исчезновением все эти женщины, так сказать, противостояли пращам и стрелам. [21] Одна в депрессии, другая страдает ожирением, третья сработалась до косточки, стараясь прокормить больного сына, четвертая объедается всякой дрянью, а потом сует два пальца в горло, чтобы ее рвало. И тут, – добавил Бегли после драматической паузы, – на сцене появляется наш злодей. Обходительный, все понимающий и полный сочувствия. И выглядит как сказочный принц, черт его дери.

Филин тоже увлекся этой теорией.

– Он заводит с ними дружбу, завоевывает их доверие.

– Подставляет им широкое плечо, на котором можно поплакать, обнимает их своими сильными загорелыми руками.

– Его modus operandi [22] в том, чтобы приходить на помощь эмоционально неудовлетворенным женщинам.

– Он не просто приходит им на помощь, Филин, он их спасает. Избавляет от мук. При такой внешности неотразимого пирата он мог бы иметь сколько угодно секса по первому требованию. Это, конечно, тоже фактор, дополнительная льгота, но это не главное. Больше всего его

заводит то, что он их спаситель.

Тут в голову Филину пришла мысль, опрокинувшая Всю гипотезу.

– Мы забыли Торри Ламберт. Самую первую. Она была красивой девочкой. Училась на «отлично». Пользовалась успехом у мальчиков в классе. Никаких особых «пунктиков» или проблем. К тому же, – продолжал Филин, – Синий ее не искал. Он наткнулся на нее случайно, когда она отбилась от группы туристов. Он не знал, что она будет бродить по лесу одна в тот день. Он схватил ее, потому что она попалась ему под руку, а не потому, что она была эмоционально неудовлетворенной.

Бегли, нахмурившись, открыл папку с ее делом и начал просматривать содержимое.

– Что насчет мужчин в этой группе туристов?

– У всех полное алиби на весь период ее исчезновения. Их допрашивали часами. Никто не покидал группы, кроме Торри.

– А она почему покинула?

– На допросе миссис Ламберт, мать Торри, призналась, что в то утро у них вышла ссора. Ничего серьезного. Типичные подростковые комплексы и бунтарство. Я бы сказал, ей не нравилось, что ее заставили проводить каникулы с родителями.

– Вот на этом самом месте и мы с миссис Бегли споткнулись с нашей пятнадцатилетней. Она нас стесняется. Под землю провалиться готова, если мы поздороваемся с ней в общественном месте. – Бегли задумался. – Итак, Синий наткнулся на Торри, обозленную на весь мир пятнадцатилетнюю дурочку. Он заводит разговор, сочувствует, берет ее сторону против матери, говорит, что сам помнит, как его доставали предки…

– И она в его руках.

– В одну минуту, – решительно подвел итог Бегли. – *Потом*, конечно, ей стало с ним не по себе, она захотела вернуться к родителям. Он ее спрашивает: с какой стати тебе к ним возвращаться, когда у тебя есть такой друг, как я? Тут уж ей становится жутко, она пытается сбежать. Он теряет терпение. Душит ее. Возможно, он не хотел ее убивать, – признал Бегли. – Может, ситуация вышла из-под контроля и он слишком поздно понял, что она уже не дышит. Но все равно, изнасиловал он ее или нет, бьюсь об заклад, он на этом деле словил свой кайф.

Бегли закрыл глаза, словно следуя за действиями и мыслями преступника.

– Теперь дальше. Его не поймали и даже не заподозрили. И тут он понял, как это просто. Теперь он вошел во вкус. Доминирование – вот высший пилотаж мужского эго. Самый кайф – держать судьбу женщины в своих руках. И хотя он продолжает заниматься скалолазанием и всякой такой дребеденью, он осознает, что его это больше не волнует, как когда-то. Нет уже того адреналина. Он начинает вспоминать, как было клево, пока он убивал эту девочку, и у него встает. Он хочет повторить.

Он решил вернуться в Клири и посмотреть, какую помощь он может оказать какой-нибудь другой женщине, нуждающейся в участии. Может, удастся словить тот же кайф. Он возвращается сюда, потому что риск разоблачения практически равен нулю. Местных полицейских он считает мужланами, по уму они против него – тьфу. Тут полно мест, где можно спрятаться, целые акры дикого леса, где можно хоронить трупы. Ему здесь нравится.

mir-knigi.org

Идеальное место для его последнего и самого увлекательного хобби.

К тому времени, как Бегли завершил воображаемый сценарий, его настроение резко изменилось. Он рассердился. Его глаза открылись.

– Что за дела, почему стоим? – Он протер рукавом запотевшее ветровое стекло. – Какого хрена они там застряли?

* * *

Датч в кабине грузовика тоже терял терпение.

– Поднажми, Кэл, ты же можешь.

– Я бы смог, если б ты на меня не орал. – В голосе Хокинса уже слышались слезы. – Ты меня нервируешь. Как мне вести машину, если ты под руку чертыхаешься на каждом шагу? Забудь, что я сказал про твою хозяйку. Ну, что надо ли ее спасать. Я же не со зла, я просто так спросил.

– Лилли – это мое дело.

Хокинс что-то пробормотал себе под нос. Что-то вроде «Уже не твое», но Датч не стал спорить, потому что по существу Хокинс был прав. К тому же они приближались ко второму крутому повороту, к тому самому, который так бесславно пытались взять вчера вечером. Датч решил не отвлекать Хокинса, чтобы тот целиком сосредоточился на коварной «шпильке».

Хокинс переключил передачу, и Датч заметил, как у него трясутся руки. Пожалуй, надо было дать ему опохмелиться. Датч и сам сильно пил совсем недавно, он прекрасно помнил, что иногда даже один глоток виски поутру может снять дрожь и укрепить руку. Но теперь было уже слишком поздно. Хокинс вошел в поворот.

Точнее, сделал попытку.

Передние колеса повиновались команде руля. Они повернули вправо. Но грузовик не повернул. Он продолжил движение вперед, прямо к обрыву глубиной – Датч это знал – не меньше восьмидесяти футов.

– Поворачивай!

– Я пытаюсь!

Когда прямо перед ветровым стеклом выросли вершины деревьев, Хокинс вскрикнул и инстинктивно нажал на тормоз, отпустил руль и закрыл лицо руками.

Датч ничего не мог поделать, чтобы остановить инерцию скольжения. Бульдозерный отвал, прикрепленный к радиатору, ударил по ограждению, и оно сложилось, как бумажное, не выдержав давления нескольких тонн. Передние колеса соскользнули за край и как будто зависли на несколько секунд. А потом грузовик рухнул вниз.

Датч вспомнил фильм «Поединок», где в кульминационной сцене восемнадцатиколесный тягач с прицепом срывается с шоссе в горную пропасть. Это было снято в замедленном темпе. Вот точно так же он видел все сейчас, словно со стороны наблюдая за их неудержимым и неумолимым скольжением вниз. Все происходило мучительно медленно. Перед глазами все

mir-knigi.org

расплывалось. Все сливалось воедино. Зато звуки раздавались совершенно отчетливо. Звон разбивающегося стекла. Стук камней под днищем. Треск ломающихся сучьев. Скрежет металла на разрыве. Вопли ужаса из глотки Хокинса. Его собственный звериный рев, полный бессильной ярости поражения.

Вообще-то, деревья, наверное, спасли им жизнь, замедлив движение вниз. Не будь склон таким лесистым, не миновать бы им смерти. Казалось, миновала вечность, но вот грузовик наткнулся на какую-то недвижимую громаду. Удар был такой силы, что Датч явственно ощутил колыхание мозга в черепной коробке. Инерция подбросила их, после чего грузовик задрожал и замер уже навсегда.

вернуться

21

Скрытая цитата из знаменитого монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира.

вернуться

22

Образ действий, почерк преступника (лат.).

Каким-то чудом мозг Датча остался цел. Он с удивлением понял, что жив и даже почти не пострадал. Очевидно, Хокинс тоже уцелел. Датч слышал, как он жалобно скулит. Датч отстегнул ремень безопасности и, нажав плечом на дверцу, открыл ее. Он выкатился и упал несколькими футами ниже. Снег, когда он поднялся, доходил ему чуть ли не до пояса.

Он попытался понять, где находится, но снег, подхваченный ветром, целил как будто прямо ему в глаза. Он не видел даже, что именно остановило падение грузовика. Перед глазами расстилался только лес – черные стволы на фоне бескрайней белизны.

Впрочем, ему и не надо было видеть. Он услышал.

Он почувствовал вибрацию этого через землю, через древесный ствол, на который оперся для равновесия. Он почувствовал эту вибрацию своими яйцами.

Он не крикнул, чтобы предупредить Хокинса об опасности, не попытался вытащить его из разбитого грузовика. Он даже не сделал попытки бежать и спастись самому. Поражение приковало его к месту, лишило воли.

Вся бессмысленность его жизни нашла свое высшее средоточие в этой минуте. Он решил, что лучше умереть здесь и сейчас, потому что все его попытки добраться до Лилли потерпели крах.

* * *

Уэс следил, не веря своим глазам, как грузовик с песком исчезает за краем дороги. Он выскочил из машины и встал на подножке, словно, находясь снаружи, можно было яснее понять, как все это произошло.

Он слышал, как грузовик с хрустом и треском пропахивает подлесок по дороге вниз с откоса. Слышал страшный грохот и последовавший за ним странный звук, похожий на металлический вздох. Грузовик задребезжал на последнем издыхании. Потом наступила жуткая тишина, пугавшая больше, чем самый громкий шум. Тишина была такой полной, что Уэс слышал, как снежинки натыкаются на его одежду.

Тишину нарушили Бегли и Уайз, приближавшиеся со всей возможной скоростью, какую только позволяла развить обледенелая, идущая в гору дорога. Их седан остался слишком далеко от машины Уэса, они не видели того, что увидел он со своей выгодной позиции. Бегли подошел первым, отдуваясь и пуская облака пара изо рта.

– Что произошло?

– Они сорвались.

– Мать твою… – ахнул Филин.

Бегли даже не попрекнул его за произнесенное, впрочем, тихим шепотом, ругательство. Потому что в этот самый миг все трое услышали новый звук. Они не могли его определить, но твердо знали, что он возвещает катастрофу.

Они обменялись озадаченными взглядами.

Позже они пришли к выводу, что поразивший их звук был всего лишь треском ломающейся древесины. Деревья, которые трем взрослым мужчинам было бы не под силу обхватить, ломались, как зубочистки. Но в тот момент они не могли видеть, как это происходит: снег слепил их.

Уэс выразил общее недоумение, спросив:

– Что это такое, черт возьми?

А потом они увидели. Это вывалилось из низких туч, из снега и тумана, все еще мигая тревожными красными огоньками, как приземляющийся звездолет, и грохнулось о землю со страшной силой, которой даже глубокий слой снега не смог смягчить. Позже, когда Уэс рассказывал всем, кто хотел слушать, об удивительных событиях этого дня, он уверял, что от сотрясения его машина подпрыгнула на всех четырех колесах.

Это упала опора ЛЭП.

Вместе с двумя агентами ФБР он несколько секунд стоял, онемев, не в силах осмыслить то, чему они стали свидетелями, не в силах поверить, что они остались живы. Упади ажурная стальная башня на тридцать ярдов ближе, она раздавила бы их.

А какая судьба постигла Датча? Уэс мог лишь надеяться, что он и Хокинс выжили. Зато пострадало горное шоссе. Теперь оно было блокировано тоннами стали и обломков древесины, образовавшими баррикаду двухэтажной высоты и почти такой же ширины. Никто не смог бы теперь подняться по этой дороге.

Она была столь же непригодна для каждого, кто захотел бы спуститься.

Глава 19

mir-knigi.org

Лилли подбросила полено к тем, что уже тлели в камине. Она расходовала дрова скупо, добавляя по одному полену за раз, да и то лишь когда огонь грозил угаснуть.

Несмотря на всю ее бережливость, запас дров, заранее перенесенных ею в дом, сократился до нескольких чурочек, которые она наколола из более крупных поленьев. Если дрова будут сгорать с такой скоростью, ей хватит часа на два, не больше.

Что ей делать, когда дрова кончатся, Лилли не знала. Даже под защитой стен и крыши дома, без огня она, скорее всего, замерзнет. Скоро ночь. Необходимо было любой ценой поддерживать огонь, чтобы выжить. Но – вот она, злая насмешка судьбы! – если она попытается занести в дом новый запас дров, напряжение убьет ее.

– Лилли?

Она сжала губы и зажмурила глаза. Вот если бы и уши можно было заткнуть! Его голос был слишком убедительным, его доводы – слишком разумными. Стоит ей позволить ему себя убедить, она станет жертвой номер шесть. Они бесконечно говорили об одном и том же, ходили кругами, не приходя ни к чему. Она не собиралась его освобождать, у него находились все новые и новые доводы в пользу того, что она должна его освободить. А тут еще астма. Разговор усиливал хрипы в груди, поэтому она вообще перестала отвечать ему.

– Лилли, скажи что-нибудь. Если ты еще в сознании, я знаю, ты меня слышишь.

В его голосе слышались сердитые нотки, еще более обостренные ее отказом отвечать ему. Она покинула свое место у камина и подошла к окну, но по пути невольно бросила взгляд в спальню.

– Почему бы тебе не помолчать?

Лилли отодвинула занавеску и выглянула. Ей хотелось верить, что снегопад пошел на убыль. Куда там! Снег шел так густо, что она ничего не видела дальше навеса крыльца. Знакомая горная вершина превратилась в какой-то лунный пейзаж, белый и пугающе безмолвный.

– Стихает непогода?

Покачав головой, Лилли отвернулась от окна. Она обхватила себя руками, чтобы удержать тепло. Стоило ей на два шага отойти от камина, как холод проник сквозь все слои одежды. Она натянула все носки, какие были у нее с собой, но все равно ноги у нее замерзали. Ей хотелось подуть на руки, чтобы их согреть, но приходилось беречь дыхание.

Тирни не жаловался на холод. Его отчаянные попытки вырваться из наручников помогали ему согреться. Очевидно, он решил, что содранная кожа и кровоточащие запястья – адекватная плата за свободу. Он даже не пытался как-то замаскировать свои усилия. Лилли постоянно слышала скрежет металла о металл, стук изголовья кровати о стену и бессильные проклятия, потому что «браслеты» не поддавались.

– Как дела с дровами? – спросил он.

– Пока нормально.

– Пока. А что будет дальше? Через час?

Лилли шагнула в открытую дверь.

mir-knigi.org

– Я позабочусь об этом, когда будет нужно.

– Тогда будет уже слишком поздно.

Он выразил вслух ее худшее опасение, поэтому она не стала тратить дыхание на споры.

– Хочешь… еще одно… одеяло? – Ей приходилось делать паузы между словами, чтобы перевести дух.

– Когда ты в последний раз принимала лекарство?

– Таблетку? – прохрипела она. – Вчера утром.

– Что-то ты не слишком в этом уверена. «Боже, неужели он читает мои мысли?»

Он угадал: она не помнила, принимала ли таблетку вчера утром. Вспоминая тот день, она никак не могла выделить в уме воспоминание о приеме лекарства.

Утро выдалось суетливое. У нее были дела в городе. Она зашла в местную компанию по перевозкам и купила несколько коробок для упаковки. Потом остановилась у банкомата, чтобы взять разменные деньги на обратную поездку в Атланту.

Последняя остановка перед возвращением в коттедж была у нее в аптеке. Таблетку она приняла накануне вечером и убедилась, что надо покупать новый запас. К счастью, когда она начала регулярно посещать Клири, Лилли заставила местного врача выписать ей постоянно возобновляемый рецепт на теофилин, лекарство, которое она принимала для предотвращения приступов астмы. Дополнительный рецепт служил ей мерой предосторожности, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не оставаться без лекарства.

Вчера Уильям Ритт отпустил ей лекарство по рецепту. С этого момента ее воспоминания становились туманными. Она не помнила, приняла ли таблетку, когда остановилась у стойки бара, чтобы купить стакан содовой у Линды Векслер. А может, она выпила таблетку позже, уже в коттедже?

Нет, она не могла вообще забыть о лекарстве. Она никогда не забывала о лекарствах. Это была часть привычного ежедневного распорядка. Но вчера у нее выдался необычный день, и дело было не только в распорядке. Датч заставил ее понервничать.

Он поджидал ее, когда она вернулась в коттедж. Он сидел на краю дивана, ссутулив плечи и глядя в пространство с видом обиженного ребенка.

«Как ты могла так со мной поступить?» – спросил он ее вместо приветствия.

С учетом того, что за этим последовало, не приходилось удивляться, если она забыла о лекарстве.

– Лилли, ты уверена, что приняла его вчера? Пришлось вновь сосредоточиться на Тирни.

– Конечно, уверена, – солгала она.

– Но прошло уже больше суток. «А может быть, и больше полутора».

– Действие лекарства закончилось, – сказал он. – Ты в расстройстве.

– Такое бывает… когда оказывается… что твой попутчик… серийный убийца… И никуда… от него… не деться.

– Ты прекрасно знаешь, что я не убийца. Открой наручники. Я пойду и принесу твое лекарство.

Она покачала головой.

– Твое время истекает.

– Нас… могут спасти…

– Никто не поднимется на эту гору, по крайней мере до завтра. А может, и до послезавтра. А если ты рассчитываешь на какой-нибудь вертолетный десант в стиле Рэмбо лучше забудь об этом. Даже самый отчаянный храбрец не поднимет машину в воздух в такую бурю, рискуя врезаться в невидимую гору.

– Как-нибудь…

– Этого не будет, – отрезал он с растущей враждебностью. – Может, ты и готова играть своей жизнью, но я свою ставить на кон не собираюсь. Дай сюда ключ.

– Они могут… прийти… пешком.

– Таких сумасшедших нет.

– Кроме тебя.

Это заставило его замолчать, но лишь на несколько секунд.

– Ладно, кроме меня. Я пойду на любой риск, лишь бы спасти тебе жизнь. Я не хочу, чтобы ты погибла, Лилли.

– Я сама… не в восторге… от этой мысли…

– Отпусти меня.

– Не могу.

Губы у него побелели от гнева.

– Позволь тебе разъяснить, чего ты не можешь. Ты не можешь себе позволить держать меня на привязи. Каждая секунда, потраченная на споры, отнимает у тебя время и дыхание, которого нет. А теперь возьми ключ и отопри эти…

– Нет!

– …гребаные наручники!

Свет в доме погас.

* * *

Дора Хеймер подошла к закрытой двери спальни Скотта. Теперь, когда стены перестали сотрясаться от его стереосистемы, наступившая в доме тишина казалась жуткой Она дважды

mir-knigi.org

стукнула в дверь.

– Скотт, ты в порядке?

Он сразу открыл дверь, словно ждал, что она постучит.

– Все нормально, только электричество отключилось.

– Я думаю, это по всему городу. У соседей ни огонька не видно. Тебе тут не холодно?

– Я надел второй свитер.

– Это может помочь только на время. Боюсь, скоро весь дом выстудится. Нам придется зависеть только от камина. Ты не принесешь немного дров из гаража?

– Конечно, мам.

– И захвати там фонарь. Ну, тот, что вы с папой берете в походы. У нас есть для него керосин?

– Я думаю, есть. Проверю.

Он пошел по коридору, и она сделала вид, что идет за ним, но вскоре отстала и торопливо вернулась в его спальню. Анкеты для поступления в колледж были разбросаны у него на письменном столе. Дора не стала терять время на чтение, но даже беглый взгляд помог ей убедиться, что Скотт работал над ними, как и велел ему Уэс.

Дора подошла к ближайшему окну и проверила, на месте ли устройство охранной сигнализации. Два магнита – один на оконной раме, другой на косяке – создавали контакт, который при прерывании включал сигнал тревоги. Все компоненты были правильно соединены. Она убедилась, что и со вторым окном все в порядке.

Ей не хотелось, чтобы Скотт застал ее врасплох, поэтому она остановилась и прислушалась. В стене гостиной, выложенной из природного камня, возле камина была проделана специальная ниша. Было слышно, как Скотт укладывает в ней дрова. Потом Дора услышала, как он отряхивает ладони и направляется в гараж за новой ношей.

Она подошла к третьему окну. Два магнита были в контакте, все как надо. Но один из них не был стандартным магнитом охранной сигнализации! Скотт выковырял его из детской игрушки и заменил стандартный, чтобы сохранить контакт даже при открытом окне.

– Мама?

Когда он окликнул ее, Дора подскочила, словно ее застигли на месте преступления. Она выскользнула из спальни и прошла в гостиную, надеясь, что лицо не выдаст ее душевного смятения.

– Может, сложить еще немного дров на полу перед камином? – спросил Скотт, заполнив нишу.

– Отличная мысль. Не придется потом бегать еще раз.

– Ладно. Хочешь, я зажгу фонарь?

– Давай прибережем его на вечер.

– Бак с керосином практически полон. Я оставлю его в кухне вместе с фонарем.

– Отлично. А пока у нас есть свечи. И полно запасных батареек для электрических фонариков.

Дора прошла за ним до кухни, где он скрылся за дверью, ведущей в гараж. Ей хотелось пойти за ним, обнять его и крепко-крепко прижать к себе. Уэс ругал ее за то, что она нянчит сына. Ну, допустим, и что с того? Скотт – ее ребенок. Даже если ей суждено дожить и увидеть его стариком, он все равно будет ее ребенком, а она будет его защищать.

С ним что-то происходило в последнее время, и это «что-то» приводило ее в ужас. Она была больна со страху: это выражение она понимала буквально. Ее буквально мутило от страха после того, что она минуту назад увидела в его спальне.

Он переделал охранную систему на окне своей спальни, чтобы сигнал тревоги не включался, когда он тайком ускользал из дома. Разве этому есть какое-нибудь другое объяснение? С каких пор это продолжается? И как она могла не заметить? Неужели она оглохла и ослепла?

А ведь она заподозрила неладное по чистой случайности: принесла чистое постельное белье в его комнату этим утром и заметила его башмаки на полу у кровати.

Это были высокие водонепроницаемые башмаки на меху – идеальная обувь для снежной погоды. Но Скотт был не в этих башмаках, когда вчера вечером вернулся к ужину вместе с Уэсом. Считалось, что он не покидал дома до самого утра.

Но его башмаки свидетельствовали об обратном. С них натекли лужицы растаявшего снега. У Доры вертелся на языке вопрос, куда он ходил, но она заставила себя промолчать.

Она решила, что ей требуется больше доказательств, прежде чем обвинять сына в том, что он исчезает из дому тайком. Отключение электричества дало ей возможность провести следствие.

Но вот теперь, когда она увидела раскуроченную охранную систему и могла припереть его к стенке этими доказательствами, у нее не хватало духу задать сыну решающий вопрос. По возрасту он, безусловно, имел право приходить и уходить, когда вздумается. Правда, Уэс навязал ему казарменную дисциплину, но если бы Скотт захотел уйти из дома, Уэс не смог бы ему помешать. Разве что вступил бы в драку.

Так почему же он просто не ушел через дверь назло Уэсу? Почему улизнул тайком? Он вообще изменился до неузнаваемости. Ее милый, добрый, чуткий, покладистый Скотт помрачнел, у него даже появились приступы раздражения. Он стал замкнутым, враждебным и непредсказуемым.

Отчасти в этом был виноват Уэс, безжалостно давивший на него со спортивной подготовкой. Конечно, мальчик нервничает. Но Дора слишком хорошо знала своего сына и опасалась, что эти изменения в поведении вызваны более серьезными причинами, чем придирки Уэса. Скотт был сам не свой, и она хотела знать почему.

Мысленно Дора стала припоминать весь прошедший год, стараясь определить, когда она начала замечать эти перемены.

Прошлой весной.

Примерно в то время…

Внутри у Доры все похолодело.

Скотт начал меняться примерно в то время, когда перестал встречаться с Миллисент Ганн.

Тут зазвонил телефон, и она подскочила на месте от неожиданности.

– Я отвечу, – сказал Скотт. – Это, наверное, Гэри.

Он только что вернулся из гаража. Поставив керосиновый фонарь на кухонный стол, он потянулся к телефону. Это был старомодный настенный телефон без определителя номера и других опций, требующих электричества. – о привет, пап. – Скотт послушал несколько секунд, потом спросил: – Как же так? Да, она здесь. – Он передал трубку Доре. – Он звонит из больницы.

* * *

Бегли не питал теплых чувств к Датчу Бертону, и это было еще мягко сказано. Если уж говорить начистоту, ему хотелось вогнать Датчу в задницу свой ботинок одиннадцатого размера. За неимением лучшего, он решил высказаться откровенно.

– Ваше лицо напоминает сырой гамбургер.

– Это поверхностные порезы. – Шеф полиции, сидевший на краю смотровой кушетки, был похож на пятидесятифунтовый мешок картошки, заполненный на три четверти. – Осколки док вытащил. Я жду медсестру. Сейчас она вернется и обработает мне лицо каким-то антисептиком. Не самое приятное зрелище, но я выживу.

– Вам повезло больше, чем Хокинсу. У него сломана рука, но это чистый перелом. Они вправили ему вывих плеча. А вот с лодыжками придется повозиться. Обе раздроблены.

– Лучше бы это был его череп, – пробормотал Бертон.

– Мистер Хокинс был в алкогольном опьянении, – вставил Филин. Он стоял возле одной из перегородок, отделявших друг от друга смотровые боксы в приемном отделении неотложной помощи местной больницы. По другую сторону матерчатой перегородки слышались стоны Кэлз Хокинса. – Количество алкоголя в крови гораздо выше допустимого законом.

– Значит, он мне солгал, – с облегчением заметил Бертон. – Я спросил, пил ли он, но он сказал…

– Я думаю, вы слышите только то, что хотите слышать. – перебил его Бегли.

Бертон бросил на него злобный взгляд.

– Восстановление его лодыжек потребует тонкой хирургической операции, – продолжал Филин. – Они не могут оперировать его здесь. Из-за погоды, возможно, придется ждать несколько дней, прежде чем его можно будет транспортировать в больницу, где есть бригада хирургов-ортопедов. А пока он мучается.

– Послушайте, – сердито начал Бертон, – я не виноват, что он пьяница.

– Да будь он трезв, хрен бы он поперся по этой горной дороге! – взревел Бегли. – А теперь по вашей милости весь это гребаный округ остался без электричества. Скажите спасибо, что в больнице есть аварийный генератор, а не то сидеть бы вам здесь в темноте и в холоде с вашей

расквашенной рожей и выковыривать из нее стекло на ощупь.

Грузовик Хокинса столкнулся с одним из четырех креплений опорной башни ЛЭП. При обычных обстоятельствах она могла бы выдержать такой удар. Но под тяжестью льда и снега она стала неустойчивой и опрокинулась, увлекая за собой десятки вековых деревьев и множество электропроводов. А главное, она упала поперек горной дороги и заблокировала доступ к вершине.

Датч Бертон позволил эмоциям взять верх над разумом. Недопустимое поведение для любого человека и совершенно непростительное для государственного служащего. Его подогреваемое ревностью стремление добраться до горного коттеджа как можно скорее привело к многочисленным тяжелым последствиям. Хокинс, вероятно, останется инвалидом на всю жизнь; город лишился грузовика с песком во время одной из самых страшных снежных бурь за несколько десятилетий; перерыв подачи электричества затронул несколько окружающих округов. Все это само по себе было катастрофой.

Но больше всего старшего спецагента Бегли возмутило то, что идиотизм Бертона уничтожил всякую возможность добраться до Тирни. Он не мог предпринять новой попытки, пока не расчистят всю эту чертовщину на дороге, а на это потребуется несколько недель, или пока погода не прояснится настолько, чтобы можно было доставить его к вершине на вертолете. Так или этак бесценное время было потеряно впустую. А потеря времени была для Бегли не просто одним из худших раздражителей: потерю времени он считал смертным грехом.

Его утешало только одно соображение: не он один оказался стреноженным ситуацией. Бен Тирни тоже никуда не мог уйти.

– Прошу прощения. Шеф? – Харрис, молодой коп, с которым они познакомились утром на турбазе, просунул голову за матерчатую перегородку.

– В чем дело?

– Дежурный только что связался со мной по рации. Мистер и миссис Ганн прибыли в участок.

– Черт, – прошипел Бертон. – Только их мне не хватало. Передай дежурному… кто там сейчас… Передай ему, чтоб сказал им, что я в больнице и чтобы шли домой. А я вернусь в участок и приму их, как только смогу.

– Он уже пытался, – возразил Харрис. – Они с места не сдвинулись. Потому что они не с вами хотят увидеться и поговорить, а… – он кивнул в направлении Бегли. – Они хотят знать, правда ли, что Бен Тирни – это Синий.

Тут Бегли пришел в ярость. Он сумел удержаться от крика, но его голос завибрировал от бешенства.

– Надеюсь, это шутка.

– Нет, сэр.

Бегли надвинулся на молодого полицейского.

– Кто им сказал? Кто им сказал, что мы интересуемся Беном Тирни? Если это вы им сказали, офицер Харрис, я пришпилю вам ваш жетон на головку члена и запаяю.

– Это не я! Клянусь! Это был Гас Элмер. Старик с турбазы.

– Мы ему велели никому не рассказывать о нашем расследовании, – напомнил Филин.

– Я думаю, он не хотел, – пояснил Харрис. – Он не говорил напрямую с мистером и миссис Ганн. Он позвонил своей кузине проверить, как она пережидает бурю: у нее дымоход плохо тянет. И у него как-то нечаянно вырвалось.

– Нечаянно вырвалось?

Рык Бегли заставил даже Хокинса очнуться от наркотического забытья: он громко застонал. Харрис опасливо попятился.

– Его кузина обычно гладит белье для миссис Ганн, – виновато продолжил он свои объяснения. – Я думаю, она решила, что это ее долг – их известить, понимаете? – Он дрогнул и замолчал под убийственным взглядом Бегли.

– Для кого еще кузина мистера Элмера гладит белье? – Его сарказм не дошел до Харриса. Пока молодой коп всерьез обдумывал свой ответ, Бегли повернулся к Датчу Бертону. – Я хотел бы воспользоваться вашим кабинетом для беседы с супругами Ганн.

– Прекрасно, но я тоже еду.

– А как же ваше лицо?

– Ничего, есть у меня одна мазь, намажу.

Они один за другим вышли из смотровой. Проходя мимо, Бегли бросил взгляд на лежащего в постели Кэла Хокинса. Весь утыканный внутривенными иголками, он снова впал в забытье. Бегли не испытывал к нему ни малейшей жалости, хотя и защищал его перед Бертоном.

Как только они забрались в машину и тронулись, Филин заговорил:

– Я думал, вы так и так хотели поговорить с Ганнами, сэр.

– Я собирался нанести им визит, как только мы покинем больницу.

– Тогда почему вы так расстроились?

– Я собирался их запугать, чтоб поняли, как важно держать наше расследование в секрете. Нам нужно взять Тирни под охрану, пока местные не прознали, что мы его разыскиваем.

– Вы же видите, как быстро распространяются сплетни.

– Вот то-то и оно, Филин. Если мы не доберемся до Тирни в самом скором времени, боюсь, целая шайка местных обормотов под предводительством шефа полиции возьмет дело в свои руки. Они его уже приговорили, для них он Синий. В таких случаях праведный гнев всегда берет верх над законом. Эти славные местные парни, защищая своих женщин, могут прибегнуть к неписаному закону гор. Если они доберутся до Тирни раньше нас, он покойник. Ему крупно повезет, если ему зачитают права, прежде чем утопят в собственной крови. А уж газеты натешатся от души. Разнесут весть от Род-Айленда до Калифорнии. Фанатики по контролю над оружием накинутся на это дело. У нас на руках, Филин, останется такая хрень, что мало не покажется.

– А также множество вопросов.

– Вот именно. Например: где закопаны пять тел? Несколько минут они ехали в молчании. Потом заговорил Филин:

– Вы опасаетесь, как бы они не устроили охоту на Тирни, думая, что он Синий. А если он не Синий?

Бегли нахмурился.

– Этого я тоже опасаюсь.

Глава 20

Занавески на всех окнах были задернуты, чтобы хоть в малой степени удержать тепло. Когда свет погас, спальня погрузилась в темноту.

– Это было неизбежно, – сказал Тирни.

Лилли выждала несколько секунд, давая глазам привыкнуть, потом подошла к окну и отодвинула одну из штор. Сгущающиеся за окном преждевременные сумерки дали Тирни новый довод в споре.

– Часам к трем-четырем совсем стемнеет, – сказал он. – Значит, у нас осталась всего пара часов светового дня. Мне именно столько потребуется, если не больше, чтобы добраться до машины и вернуться сюда, если я уйду прямо сейчас.

Лилли прижала пальцы к вискам.

– Я… больше… не могу… спорить.

– Ну и не спорь. Просто открой наручники.

– Ты меня убьешь.

– Я пытаюсь спасти твою жизнь.

Она покачала головой, с трудом стараясь вдохнуть.

– Я могу… доказать… что ты Синий.

– Ты ничего не сможешь доказать, если задохнешься.

– Записка.

– А, понятно. Ты оставишь записку и в ней скажешь им, что я Синий. Ты поместишь ее в такое место, где они ее обязательно найдут.

Она кивнула.

– А я в таком случае скажу, что у тебя начались галлюцинации от кислородного голодания, и ты видела здесь танцующих слонов. И мне поверят. А что касается этого, – он кивнул на синюю ленточку, лежавшую на сиденье кресла-качалки, – я скажу то же самое, что сказал тебе: я ее нашел и как раз собирался отнести в город и отдать властям.

mir-knigi.org

Лилли кивком указала на его руки.

– Да, объяснить «браслеты» будет трудновато, но у меня в запасе день или два, чтобы выдумать правдоподобное объяснение. И потом, кто знает, может, мне удастся освободить руки еще до того, как кто-нибудь сюда доберется.

– Я так не думаю, – возразила Лилли, глядя на его окровавленные запястья. – Даже если… я умру… они возьмут тебя.

С этими словами она повернулась, чтобы уйти и тем самым положить конец спору.

– А что страшнее всего, как ты думаешь?

Лилли остановилась, но не обернулась. Тирни упрямо продолжил:

– Если ты меня выпустишь, что, по-твоему, страшнее всего, Лилли? Допустим, я Синий. Допустим, я убью тебя чтобы ты не указала на меня властям. Но ты так и так умрешь. Это вопрос нескольких часов. Так не все ли тебе равно, как умереть – с моей помощью или без нее?

Лилли повернулась к нему лицом.

– Спасти… новую… жертву…

– А, понял. Ты не хочешь меня отпустить, чтобы я не напал на какую-нибудь другую женщину и не сотворил с бедняжкой то, что, по-твоему, я с ними со всеми творю. Все дело в этом?

Она кивнула.

– Отлично. Вполне разумно. И очень альтруистично. Ты ставишь жизни других людей выше своей собственной. – Он немного подумал и добавил: – Когда я вернусь с твоим лекарством, когда принесу новую порцию дров, чтобы нам хватило еще на сутки, я дам тебе снова меня приковать. Просижу в наручниках, пока нас не освободят.

Лилли попыталась засмеяться, но у нее не хватило дыхания.

– Я еще… не… настолько… наивна… не настолько… лишена… кислорода…

– Ты не веришь, что я сдержу слово?

– Нет.

– Можешь мне поверить, Лилли. Клянусь, ты можешь мне доверять.

– Приведи… мне… хоть… один довод. – Лилли твердо решила не плакать, но тут слезы невольно навернулись ей на глаза.

– Не плачь, – сердито прошептал он. Завороженная его неистовым взглядом, воспоминанием об их поцелуе, она подошла на шаг ближе.

– Назови… хоть… один довод… почему… я должна… верить тебе… Тирни.

Только он открыл рот, как зазвонил ее сотовый телефон.

Секунду или две она не могла сообразить, что это за звук и откуда он доносится. Она так и

mir-knigi.org

стояла, глядя на Тирни, который, казалось, не меньше ее самой был поражен неожиданным шумом.

Когда до Лилли наконец дошло, что это звонит ее сотовый, она лихорадочно нащупала его в кармане пальто, вытащила и открыла.

– Датч? Датч!

Вместо голоса из ее рта вырывался жалкий хрип, но дело было даже не в этом. Телефон заглох, панель погасла. Соединение продлилось не дольше секунды. Судьба как будто насмехалась над ней.

Она с рыданием рухнула на колени, прижимая к груди мертвый телефон.

– Лилли, не плачь.

– Оставь… меня… в покое…

– Ты не должна плакать. Будет только хуже.

Ее рыдания вызвали приступ кашля. Спазмы сотрясали все ее тело, мышцы свело судорогой, драгоценный воздух уходил из легких. Пока она боролась за новый вздох, ее разум машинально отмечал изощренную ругань Тирни и его удвоенные попытки сломать замок наручников.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы справиться с кашлем, но в конце концов кашель перешел в громкие хрипы.

– Лилли.

Она подняла голову и отерла слезы с глаз. Сбросив одеяло с ног, Тирни рвал наручники, как животное, готовое отгрызть себе лапу, лишь бы вырваться из капкана.

– Я дал тебе мало поводов мне доверять, это верно, – сказал он. – И много причин не доверять. Но я думаю, ты знаешь, знаешь, что я не тот, кого тебе надо бояться. Доверься своим инстинктам. Доверься им, если не хочешь доверять мне. – Он посмотрел на нее долгим взглядом, прежде чем добавить: – Не умирай.

Лилли пристально и жадно вглядывалась в его лицо, стараясь отыскать какую-нибудь предательскую черточку, выдающую натуру преступника. Будь он и впрямь коварным похитителем женщин, неужели она ничего не почувствовала бы? Неужели не распознала бы затаенную злобу?

Сколько она ни вглядывалась, ей не удавалось найти ни единого признака двуличия. А если эти признаки и были, значит, он научился их ловко скрывать. Он казался таким искренним, достойным доверия, что она начала сомневаться в себе самой.

Но ведь его прежние жертвы тоже не заметили обмана. Они доверились ему.

Должно быть, ее решимость не поддаться на обман отразилась на лице, потому что он сердито сказал:

– Ладно, забудь о своих инстинктах, забудь о здравом смысле. Забудь наш день на реке. Забудь о вчерашнем поцелуе на ночь. Отбрось все это, но взвесь шансы.

– Шансы?

– Если ты останешься жива, у тебя есть шанс поймать Синего. Если умрешь, у тебя и этого не будет.

«Я не знаю, что мне делать!» – кричал ее разум, но из горла вырвался лишь жуткий булькающий звук.

– Даже один шанс лучше, чем совсем ничего, Лилли.

Все его доводы звучали разумно. Но стоит ей его выпустить, он, скорее всего, ее убьет. И ее единственный шанс изобличить его умрет вместе с ней.

Воспользовавшись ее нерешительностью, Тирни продолжал:

– Самый веский довод я припас под конец. Пистолет. Он все еще у тебя, и ты знаешь, как им пользоваться. Чем я могу тебе навредить, пока ты держишь меня на мушке?

Лилли обдумала его слова. Он был прав. Если отбросить все аргументы и контраргументы, все сводилось к одному: она должна была рискнуть. Медленно, чтобы оградить себя от головокружения, вызванного нехваткой кислорода, она поднялась на ноги, так же медленно повернулась и вышла в гостиную.

– Лилли! Черт бы тебя побрал!

Она сразу вернулась, держа пистолет в одной руке и ключ от наручников в другой.

У него плечи опустились от облегчения.

– Слава богу!

Лилли положила пистолет на стул как можно дальше от него. Подойдя к кровати, она протянула ему ключ.

– Ты… сам.

Как только он взял ключ, она торопливо попятилась и, схватив пистолет, прицелилась в него.

Цепочки, соединяющей «браслеты», как раз хватало, чтобы он мог поднять одну руку и опустить другую. С поразительной ловкостью Тирни вставил ключик в крошечную скважину и повернул его. «Браслет» на левом запястье распался. В мгновение ока он освободил второе запястье.

А затем одним стремительным текучим движением он вскочил с кровати и выхватил пистолет из рук Лилли. Это случилось прежде, чем она успела хотя бы моргнуть, ее мозгу не хватило времени сообразить, что надо нажать на курок. Она повернулась волчком и бросилась бежать, но Тирни обхватил ее за талию и прижал ее правую руку к боку. Он подхватил ее на руки и прижал к груди.

– Прекрати! – приказал он, когда она начала кричать.

– Я знала, – истерически захлебывалась Лилли. – Я знала. Это ты. Это был ты! – Локтем свободной руки она ударила его по ребрам и вцепилась ногтями в тыльную сторону его ладони.

– О черт!

Тирни отволок ее в гостиную, бросил на диван, потом поднес руку ко рту и принялся высасывать кровь, сочившуюся из глубоких царапин.

Лилли осталась на диване ровно столько, чтобы несколько раз схватить ртом воздух, а потом бросилась на него, стараясь ударить по голове. Увы, нехватка кислорода сказалась на ее координации. Беспомощно взмахивающие руки казались тяжелыми и как будто резиновыми. Сколько она ни пыталась попасть кулаками ему по голове, все ее попытки были тщетными. Большинство ударов не достигло цели, а те, что достигли, были слишком слабы.

Когда Тирни схватил ее за плечи и опять толкнул на диван, она уже совершенно обессилела и откинулась на подушки. Он заткнул пистолет за пояс джинсов и провел все еще кровоточащей рукой по штанине. Глубокие царапины вновь мгновенно налились кровью.

Тирни запыхался почти так же, как она. Он вдыхал ртом огромные глотки воздуха и часто-часто моргал, словно пытаясь отогнать головокружение. Стоял согнувшись и не мог распрямиться – очевидно, из-за удара по больным ребрам, который она ему нанесла.

«Вот и хорошо, – мстительно подумала Лилли. – Надеюсь, тебе очень больно». Она сказала бы это вслух, но у нее не хватало дыхания и сил.

Зато у нее хватило сил бросить на него злорадный и вызывающий взгляд. Если он собирается убить ее прямо сейчас, пусть смотрит ей прямо в глаза. Пусть видит, что она не сдается, что она не боится его. Пусть заберет этот вызов с собой прямо в ад и помнит о нем целую вечность.

Казалось, он хочет что-то сказать, но нет, он молча вышел за дверь. Через несколько секунд он вернулся, нагруженный дровами, и свалил их на пол у камина. Опустившись на колени, он помешал угли в камине, чтобы тлеющие в нем поленья снова занялись. Это ее озадачило.

– Ты… не будешь… меня… убивать?

– Нет, – сухо бросил Тирни, поднимаясь на ноги, и указал на поленья, только что принесенные с крыльца. – Дай им подсохнуть и клади в огонь. Они дадут тебе продержаться часа два.

Только теперь Лилли поняла, что он задумал. Ему не было нужды убивать ее. Все, что ему требовалось, это оставить ее здесь биться в муках рокового приступа астмы. Вот и все. Досадная проблема по имени Лилли Мартин разрешится сама собой. Зачем прибавлять к длинному списку его преступлений еще одно убийство, когда в этом нет никакой необходимости?

Он не растерялся: ему хватило ума забрать из спальни доказательства, уличающие его в предыдущих преступлениях. Он спрятал наручники и ленточку обратно в рюкзак. Стараясь не встречаться с ней глазами, застегнул «молнии на кармашках. Оставляя Лилли в живых, он обрекал ее на самое страшное. Пока она раздумывала, отпустить его или нет, только на один сценарий у нее не хватило воображения. Ей и в голову не пришло, что он оставит ее в одиночку бороться с кошмаром последнего астматического приступа пока приступ не убьет ее. У нее сжалось сердце.

– Ты же обещал…

– Я знаю, что я обещал, – грубо оборвал ее Тирни.

Он натянул куртку и лыжную шапочку. Накинул на голову одеяло, скрестил концы на груди и заправил их под куртку, прежде чем застегнуть „молнию“. Потом он обмотал шарфом шею и нижнюю часть лица по самый нос, надел перчатки. Наконец он подхватил рюкзак и вскинул его на плечо. Каждое движение заставляло его морщиться и ахать от боли, но он продолжал действовать решительно и быстро.

Пока он шел к двери, Лилли хотела позвать его обратно и попросить, чтобы он ее пристрелил. Это была быстрая и безболезненная смерть в отличие от долгой и мучительной агонии, которая ей предстояла. Она больше боялась ожидания и страха смерти, чем самой смерти.

Но она была слишком горда, чтобы просить его о чем бы то ни было, да и инстинкт выживания не позволял ей соглашаться на добровольную смерть. Поэтому она проводила его взглядом, когда он ушел, оставляя ее бороться за каждый вздох, пока силы не иссякнут, и умереть в одиночестве.

У самой двери он остановился, уже взявшись за ручку, и обернулся. Одни глаза виднелись между шарфом и шапочкой. Они встретились с ее глазами, но только на миг, не больше.

Он открыл дверь, и его поглотил снежный вихрь. А потом и вихрь исчез так же быстро, как и Тирни.

* * *

Сотовый телефон Лилли прозвонил дважды, прежде чем связь прервалась, и от этого Датчу стало еще хуже, чем если бы он совсем не звонил. Несостоявшийся звонок усушил его состояние, и без того близкое к отчаянию.

Приемная полицейского участка была забита такого скопления он не мог припомнить с тех пор, как стал шефом полиции. Фэбээровцы были уже на месте. Агент Уайз торжественно – неужели этот парень никогда не улыбается? – представлял Бегли родителям Миллисент Ганн. Миссис Ганн казалась еще более изможденной, чем вчера.

По неизвестным Датчу причинам Уэс был уже на месте, когда они прибыли. Он попивал кофе и как ни в чем не бывало болтал с дежурным офицером. Уэс, конечно, был председателем городского совета, но с каких это пор представители гражданских властей суют нос в полицейское расследование?

Харрис поехал за ними от больницы в патрульной машине. На Уайза и Бегли он смотрел восторженными глазами мальчишки, которому довелось повстречать национальных героев, щенячьи следовал за каждым их шагом и буквально с ног сбивался в своем желании помочь. Почему он не патрулирует улицы, как ему положено? И почему он, Датч, не приказывает Харрису вернуться к своей машине и отправиться по маршруту, где от него будет хоть какой-то толк, вместо того чтобы путаться тут у всех под ногами, загромождая и без того тесное помещение?

Сам не зная почему, Датч чувствовал, что у него нет сил поставить на место молодого полицейского. Отдавать приказы да еще подкреплять их своим авторитетом… Ему казалось, что это не стоит усилий. Им овладела странная апатия, отстраненность от всего, что творилось вокруг, он лишь спрашивал себя, в какой момент потерял контроль над происходящим и с каких пор это перестало его волновать.

С тех пор, как на сцене появилось ФБР в лице шишки на ровном месте – старшего спецагента Бегли?

Или с тех пор, как Уэс Хеймер, его пресловутый „лучший друг“, начал лизать задницу спецагенту Бегли?

А может быть, с тех пор, как Кэл Хокинс задал ему вопрос, не выходивший у него из головы: „Твоя хозяйка сама-то хочет, чтоб ее спасли?“

Такого упадка духа он не ощущал со времени своего последнего провала в Атланте. Ошибка оказалась слишком серьезной, чтобы отделаться дисциплинарным взысканием вроде временного отстранения или испытательного срока. Только увольнение могло служить ему достойным наказанием. Когда наводишь табельное оружие на девятилетнего пацана, приняв алюминиевую бейсбольную биту у него в руке за пистолет, потому что ты пьян в дупель, у департамента полиции Атланты нет другого выхода, кроме как вышвырнуть тебя вон. Катись отсюда, парень. Пенсия тебе не светит. Тебя тут не стояло. Ты никто, и звать тебя никак.

Вот таким же раздавленным он чувствовал себя сегодня. Все его предали: жена, погода, звезды, лучший друг, его подчиненные, судьба или кто там еще в ответе за его никчемную жизнь…

Ему хотелось выпить.

Офицер Харрис вел супругов Ганн и агентов ФБР по короткому коридору к кабинету Датча. Бегли, замыкавший шествие, повернулся и обратился к нему:

– Вы к нам присоединитесь, шеф Бертон?

– Сейчас буду. Только узнаю, кто мне звонил.

Бегли кивнул и скрылся за дверью кабинета, которую Харрис почтительно для него придерживал. Когда все скрылись из глаз и дверь закрылась, Уэс повернулся к Датчу и осмотрел порезы на его лице:

– Как ты?

Датч выхватил у дежурного пачку розоватых листочков с записанными телефонными сообщениями.

– Спасибо, просто отлично.

– Лицо болит?

– Как чертова мать.

– Разве они не должны были чем-то его смазать?

– И так заживет.

– Я могу сбегать в аптеку, взять что-нибудь у Ритта.

Датч пожал плечами.

– Как хочешь. – Он двинулся по коридору, но Уэс его за локоть.

– Ты уверен, что с тобой все в порядке, Датч?

mir-knigi.org

Датч оттолкнул руку Уэса.

– Нет, черт побери, со мной не все в порядке! – Заметив, что подчиненный ему дежурный офицер навострил уши, он понизил голос до шепота: – На случай, если ты не заметил, напоминаю: у меня выдалось паршивое утро.

Уэс вздохнул и провел пятерней по короткому ежику волос.

– Извини, это был дурацкий вопрос. Слушай, Лилли в порядке, я уверен.

– Угу.

На самом деле Датч опасался, что Лилли больше чем в порядке.

– Вот что я тебе скажу, – продолжал Уэс. – Я сбегаю в аптеку, пока ты там перетираешь с предками Миллисент, возьму какую-нибудь мазь для твоей физии, попрошу Ритта или Мэри-Ли сделать нам бутербродов.

Датч заглянул в лицо Уэсу и не увидел в нем фальши. Давно знакомое красивое лицо его друга. На нем была написана искренняя озабоченность. Вот только Датч в последнее время перестал ему доверять.

– Толковое предложение. Спасибо.

– Без проблем. А теперь дуй туда. Не забывай, это твое шоу.

Последние слова Уэса пробили себе дорогу сквозь толщу безнадежности, в которую погрузился Датч. Уэс прав, это его шоу, но все, включая его самого, казалось, забыли об этом. Что ж, пора им напомнить.

Направляясь по коридору к своему кабинету, Датч расправил плечи и перешел на строевой шаг. Харрис стоял у двери, как часовой. Датч ткнул пальцем в сторону входной двери.

– Твоя машина мерзнет.

Харрис глупо вытаращился на него.

– Сэр?

– Перекур окончен, Харрис. Приступай к своим обязанностям.

– Есть, сэр. – Молодой коп бегом бросился к дверям.

Датч вошел к себе в кабинет в тот самый момент, когда миссис Ганн рассказывала Уайзу и Бегли, что у них не было никаких серьезных проблем с Миллисент, если не считать неправильного питания, но от этого она вылечилась.

– У меня сердце не на месте, как подумаю, что она где-то там в такую погоду, – сказала она.

– Вот почему нам так важно поговорить с вами, миссис Ганн.

Бегли говорил участливым отеческим тоном, и Датчу очень не понравилось, как Ганны реагируют на него. Ничего, пусть Бегли поработает над этим делом денька два-три, и они начнут сомневаться в нем и в эффективности его методов, как сейчас сомневаются в Датче.

– Вы думаете, Бен Тирни – это и есть тот самый Б. Т. из ее дневника? – спросил мистер Ганн.

– Мы в этом пока не уверены, – ответил Бегли. – Агент Уайз рассматривает несколько возможностей. Мистер Тирни – только один из вариантов. Мы должны все тщательно проверить, прежде чем делать выводы.

– Но старый Гас Элмер говорит, что вы опечатали комнаты этого Тирни на его турбазе. Вы там что-нибудь нашли? Что-то из вещей Миллисент?

Датч заметил, как агенты переглянулись в тревоге. На этот раз к мистеру Ганну обратился Уайз:

– Мы опечатали его комнаты, чтобы сохранить возможные улики на случай, если мистер Тирни как-то связан с ее исчезновением. Но это еще не означает, что мы уверены в его причастности.

– Но ничьих других комнат вы не опечатали, – упрямо гнул свое Эрни Ганн. – Сколько еще мужчин в округе имеют инициалы Б. Т.?

Бегли уклонился от ответа, задав встречный вопрос:

– Миллисент когда-нибудь рассказывала о нем?

– Она упоминала о нем.

– В каком контексте?

– Она работает в магазине моего брата, там есть такая знаете, доска объявлений. Вот, допустим, мой брат продав кому-нибудь удочку или, скажем, ружье, а они поймают большую рыбу или свалят оленя, сфотографируют свою добычу и приносят ему снимок, а он его прикрепляет к доске объявлений. Ну, вроде как бесплатная реклама. Вот и статьи Тирни тоже там приколоты, ясное дело. Он у них там самый популярный покупатель. Я думаю, Миллисент видела в нем знаменитость, раз он в журналах печатается, и все такое. Она прямо загоралась всякий раз, как он приходил в магазин. Может, у нее подростковая влюбленность.

– Она когда-нибудь встречалась с ним вне магазина? – спросил Уайз.

– Насколько нам известно, нет. Но теперь мы начали сомневаться. Хорошенькая молодая девушка вроде Миллисент могла увлечься парнем много старше… – Ганн бросил обеспокоенный взгляд на жену. Она всхлипывала в платочек. – Ну, вы меня поняли. – Он откашлялся, прикрывая рот рукой. – А вы узнали, он имел отношение к другим пропавшим женщинам?

– Над этим работает мой коллега в Шарлотте, – ответил Уайз.

– Я заранее извиняюсь за прямоту вопросов, которые собираюсь вам задать, – обратился Бегли к родителям девушки. – Дипломатия – дело долгое, но ведь никто из нас не хочет терять время, верно?

– Верно, сэр. Спрашивайте, что вам нужно. И без того уже слишком много времени даром потрачено.

Датч сделал вид, что не замечает критического взгляда, брошенного на него Эрни Ганном.

– Чем вызваны проблемы с питанием у Миллисент? —спросил Бегли. – Причину установили?

– Мы думаем – давление со стороны сверстников. – Мистер Ганн обращался к ним обоим. – Знаете, как девчонки с ума сходят из-за своего веса.

– У меня дочь-подросток немного моложе Миллисент, – улыбнулся Бегли. – Вечно ей кажется, что она слишком толстая, а весу в ней – фунтов сто, не больше.

– Миллисент довела свой вес до восьмидесяти семи, – слабым голосом проговорила миссис Ганн. – Дальше некуда. Нам пришлось вмешаться.

По просьбе Бегли они изложили ему всю историю болезни дочери и ее предполагаемого выздоровления.

– С ней все в порядке, – заключил мистер Ганн. – Нет, она, конечно, могла сбросить еще пару фунтов, но это из-за тренировок: она же в группе поддержки. Мы почти уверены, она больше не вызывает у себя рвоту. Она от этого избавилась.

Датч не был в этом твердо уверен и видел по глазам Бегли и Уайза, что они тоже не уверены.

– Как насчет мальчиков? – осведомился Бегли.

– У нее есть мальчики. То с одним встречается, то с другим. Ну, вы понимаете, это же подростки. Они увлекаются и теряют интерес так же быстро, как меняют прически, – улыбнулся мистер Ганн.

– Постоянного дружка у нее нет?

– После Скотта никого.

Датч невольно вздрогнул, и агенты это заметили. Они с любопытством взглянули на него и снова повернулись к Ганнам.

– Какого Скотта? – спросил Уайз.

– Хеймера, – пояснил мистер Ганн. – Это Уэсов парнишка. Они с Миллисент встречались весь прошлый год, хотя теперь они не так это называют. Они были вместе, – Добавил он с презрительным смешком к молодежному языку.

– „Были“? – уточнил Уайз.

– Они расстались как раз перед весенними каникулами.

– Вам известно, почему?

– Устали друг от друга, я полагаю, – пожал плечами мистер Ганн.

– Нет, дорогой, – вмешалась миссис Ганн, – между ними что-то произошло, и они из-за этого расстались. Я всегда так думала.

Бегли подался вперед.

– Что именно между ними произошло, миссис Ганн?

– Я не знаю. Миллисент мне не рассказывала. Сколько я ни старалась заставить ее об этом поговорить, она молчала и продолжает молчать. В конце концов я перестала спрашивать,

mir-knigi.org

потому что она расстраивалась и начинала отказываться от еды. Я так боялась, что она уморит себя голодом, мне было не до ее ссор с мальчиками.

Прокричи она во весь голос, что две проблемы взаимосвязаны, и тогда эта связь не стала бы более очевидной как для Датча, так и для агентов ФБР.

Первым нарушил молчание Уайз:

– Я ничего не нашел в дневнике по поводу Скотта Хеймера или их разрыва.

– Она начала вести дневник только после больницы. Это часть текущей терапии, – объяснил мистер Ганн. – Психолог сказал, что она должна начать писать. Положительный опыт. – Его губы горько сжались. – Наверно, она думает, что Бен Тирни – это положительный опыт.

– На данный момент у нас нет причин думать иначе, мистер Ганн, – предупредил Бегли более строгим тоном, чем раньше.

– Думайте что хотите, мистер Бегли. – Ганн встал и бережно помог жене подняться со стула. – Я ставлю свои деньги на него. Всех, кто живет в Клири и трех соседних округах, я знаю всю свою жизнь. Поверить не могу, что кто-то из местных способен похитить пять женщин. Это должен быть кто-то пришлый. Но он знает здешние места, и у него инициалы Б. Т. Бен Тирни отвечает всем требованиям.

Глава 21

– Тут умеючи надо, – сказал Уильям. – Это не каждый умеет.

– Думаю, я справлюсь. По-моему, никакой особой хитрости тут нет.

Уильяма возмутил до глубины души снисходительный тон Уэса Хеймера. Думает, раз он футбольный тренер и эталонный призовой жеребец, так он и инъекции делать умеет.

– Я заеду к тебе по дороге домой и…

– Я и сам справлюсь, Ритт.

Еще одно оскорбление. Уильям терпеть не мог, когда его называли Риттом. Уэс называл его Риттом с тех самых пор, как они вместе учились в начальной школе. Уэс уже тогда был хамом, да так хамом и остался. Они были ровесниками, а он выказывал Уильяму не больше уважения, чем кому-нибудь из пацанов, которых гонял с мячом по полю. Уильяма это бесило.

Велик был соблазн забрать обратно пластиковый мешочек, в котором лежал набор шприцев и маленькая коробочка с запасом ампул на несколько дней. Но он удержался от соблазна. Положение поставщика Уэса давало ему определенное преимущество и огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Это что такое?

Внезапное появление Мэри-Ли в провизорской ошеломило их обоих. Уэс опомнился первым. Он спрятал пакетик в карман куртки и одарил ее одной из своих фирменных улыбок.

– Мой заказ готов?

Сестра Уильяма ответила на двусмысленный вопрос Уэса жеманной улыбочкой. Как и любая

другая женщина, облученная его подкупающей улыбкой, она мгновенно лишилась остатка мозгов.

А ведь они оба перестали бы улыбаться, если бы знали то, что знал он. Уильям мог бы в один миг смахнуть с их физиономий эти идиотские улыбки. Сказал бы, например: „Да, кстати, насчет прошлой ночи и воплей случки, доносившихся из спальни Мэри-Ли…“ Но он промолчал. Ему больше нравилось держать свою осведомленность в секрете. По крайней мере, пока.

– Я пришла сказать, что не могу поджарить для вас гренки, электричества нет, – обратилась она к Уэсу. – Линда всегда делает бутерброды с пряным сыром на гренках.

– Я уверен, что все поймут.

– Свежих огурцов или маринованных?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Картофельной соломки или чипсов?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Дай мне еще пять минут.

Она оставила их. Уэс повернулся обратно к Уильяму и похлопал себя по карману.

– Сколько я тебе должен?

– Я впишу тебе в счет.

– Только без спецификации.

– А то я не знаю! Так ты говорил – Датчу нужно что-то для лица?

Уэс рассказал про порезы, и Уильям дал ему тюбик антисептической мази, бесплатный образец фармацевтической компании.

– Это должно помочь от воспаления. Если не поможет, у меня найдется что-нибудь посильнее.

Уэс прочел этикетку.

– Смотри, погоришь ты на отпуске лекарств без врачебных рецептов.

– О, я так не думаю. Кто же меня выдаст? – простодушно осведомился Уильям.

– Пожалуй, ты прав, – засмеялся Уэс.

Уильям сделал ему знак выйти из провизорской. Пока они шли по полутемной аптеке, Уэс рассказал ему о последних событиях.

– Просто чудо, как их обоих не сплющило в лепешку. Нам пришлось спускать носилки на веревке, и Датч приторочил к ним Хокинса. Никогда не слышал, чтобы взрослый мужик так вопил, пока мы его поднимали. Бедняге плохо пришлось. Датч не пострадал, только рожа расцарапана, но его впору связывать, потому что Лилли все еще там, наверху, с Тирни. А тут еще пожаловали агенты ФБР. Мало ему личных проблем, так Датч должен иметь дело с ними,

да еще и с родителями Миллисент.

– Что новенького по делу?

– Это и я могу тебе сказать. – Мэри-Ли повернулась, когда они подошли к прилавку, за которым она заворачивала бутерброды, и кивком указала на радиоприемник, работавший на батарейках и настроенный на местную станцию. – Прямо сейчас сообщили, что ФБР опознало Синего. Это Бен Тирни.

Никогда еще Тирни не чувствовал себя таким ослабевшим.

Его лихорадило – отчасти от голода, отчасти от сотрясения. Все тело болело: раны и царапины горели, ушибы ныли. От холода он так крепко стискивал челюсти, что зубы тоже заломило.

Но со всем этим ничего нельзя было поделать. Чтобы выжить, приходилось полагаться только на силу воли.

К несчастью, снегопад его воле не подчинялся. Снег стер границу между небом и землей, уничтожил все ориентиры. Тирни оказался в плену у этой бесконечной белизны. Не видя горизонта, он с легкостью мог потерять ориентировку и безнадежно заблудиться.

И все же он упорно шел вперед, пробираясь сквозь снег, местами доходивший ему до колен. Прежде чем отойти от коттеджа, он завернул в сарай и захватил там лопатку для разгребания снега, которую приметил раньше. Она помогала расчищать тропу, хотя чаще он собственным телом прокладывал себе дорогу сквозь заносы. Лопатка служила скорее тростью: он опирался на нее, когда головокружение грозило свалить его наземь.

Даже в самых крайних обстоятельствах человек цепляется за свои привычки. Ведомый такой вот упрямой привычкой, Тирни срезал крутой поворот и пошел напрямик, чтобы не петлять по дороге. Он не сомневался, что рано или поздно выйдет на шоссе, зато сэкономит несколько сотен ярдов пути. Но засыпанный снегом лес был полон скрытых опасностей. Он продирался сквозь лесную чащу спотыкался о камни, поваленные стволы и пни, похороненные под двухфутовым слоем снега. Вылезшие из земли корни превратились в силки: он цеплялся за них и падал.

Перелом ноги, падение в расселину, из которой он не смог бы выбраться, потеря ориентации в этом снежном море означали бы смертный приговор. Если бы Тирни дал себе время остановиться и подумать над тем, что ему грозит, он повернулся бы и пошел обратно. Поэтому он заставил себя не думать, сосредоточился на каждом следующем шаге, на том, чтобы вытянуть ногу из снежной ямы и поставить ее впереди другой.

О морозе он тоже не позволял себе думать, хотя не ощущать его было невозможно. Его одежда до смешного не соответствовала погоде. Покидая турбазу вчера утром, он был одет для холодного дня под открытым небом: куртка, шарф, шапка. Но сегодня само понятие о холоде обрело новое значение. Температура, по его прикидкам, опустилась почти до нуля, а с учетом ветра градусов до пятнадцати-двадцати ниже. Он много путешествовал, он сделал это своей профессией, но еще никогда не испытывал такой холод. Никогда за всю свою жизнь.

Очень скоро его дыхание и пульс участились до опасного уровня, сердце грозило вот-вот разорваться. Здравый смысл подсказывал, что нужно остановиться и передохнуть, но Тирни не прислушался. Если он остановится хоть на минуту, то, скорее всего, уже не сдвинется с места. Рано или поздно его замерзший труп найдут. Вместе с рюкзаком. Найдут ленточку.

Наручники.

Лилли будет найдена мертвой в коттедже. Организуют прочесывание всей близлежащей местности. И пойдут сенсационные находки одна за другой. В багажнике его брошенной машины обнаружат заступ. В конце концов найдут и пять могил. Тирни упорно шел вперед.

Его ресницы покрылись инеем, он почти перестал видеть, и это не просто раздражало, это было опасно. Выдыхаемый пар замерзал на шерстяном шарфе, он весь заледенел.

Его тело под одеждой обильно потело от напряжения. Он чувствовал, как ручейки пота стекают по груди и по спине. Левый бок болел от удара, нанесенного Лилли.

Обычно его внутреннее чувство ориентации было надежно, как компас, но на этот раз стоило ему на секунду остановиться и бросить взгляд на часы, как он начал опасаться, что шестое чувство изменило ему. Даже со скидкой на пересеченность местности и трудности пути, судя по времени, он давно уже должен был миновать первый поворот и достичь дороги.

Он огляделся в тщетной надежде понять, где он, но в круговороте снежинок один ствол выглядел совершенно точно так же, как другой. Естественные ориентиры – скальные выступы, гнилые пни – были покрыты глубоким, все нивелирующим слоем снега. Только дорожка его следов пятнала безупречный снежный покров.

Разум подсказывал ему, что нельзя доверять себе, что он мог ошибиться, что, вероятно, он ходит кругами. Но внутренний инстинкт, заглушая разум, твердил, что он на верном пути, а его единственная ошибка состоит лишь в неверной оценке расстояния. Он еще не миновал поворот и вскоре выйдет на дорогу. На этот инстинкт Тирни полагался так часто, что последовал ему и теперь. Ему приходилось низко наклонять голову против ветра, но он упорно шел вперед, твердя себе, что стоит только пройти еще немного, как он найдет дорогу.

Он ее нашел.

Только не совсем так, как ожидал.

Он приземлился на нее после падения с девятифутовой высоты.

Его правая нога нашла дорогу первой. С размахом молотобойца она пробила двадцатидюймовый слой снега и врезалась в обледенелое шоссейное покрытие, исторгнув из горла Тирни душераздирающий вопль.

* * *

После того как Эрни Ганн объявил Бегли, Филину и Бертону, что считает похитителем Бена Тирни, ему больше нечего было добавить. Не говоря ни слова, он решительно повел свою жену к двери. Их уход создал вакуум в тесном кабинете шефа полиции Бертона.

Неловкое молчание нарушил Бегли:

– Надо поговорить с этим Хеймеровым мальчишкой.

Филин заранее знал, что таков будет следующий ход Бегли.

– Любопытно будет пощупать его пульс по поводу исчезновения Миллисент.

– Минуточку, – вмешался Бертон. – „Пощупать его пульс“? Скотт хороводился с девчонкой год

назад, что тут такого?

– А то, что мы хотим с ним поговорить. Вы против? – Убийственный взгляд Бегли словно вопрошал, посмеет ли Бертон оспорить его решение.

– Я хотел бы предварительно уведомить Уэса.

– Зачем? – спросил Филин.

– Это уголовное расследование, – напомнил Бегли. – Имею право преследовать любую дичь. И плевать я хотел, кто его папаша.

– Что ж, тут мы расходимся, – воинственно заявил Бертон. – Мы не можем просто заявиться к ним домой и начать задавать вопросы об отношениях Скотта с пропавшей девушкой.

У Бегли его слова вызвали смех.

– А почему нет, черт побери?

– Потому, – возмущенно ответил Бертон, – что мы здесь так не работаем.

– Ну, вы здесь так работаете, что пропавших женщин так и не нашли, верно?

Изуродованное лицо Бертона побагровело еще больше, но Бегли вскинул руку, пресекая все дальнейшие возражения шефа полиции.

– Ладно, ладно, не кипятитесь. Не хочу, чтоб потом пошли слухи, будто ФБР нарушает местный этикет. Вроде бы Хеймер взялся принести нам бутербродов на ленч, разве не так?

– Так.

– Когда придет сюда, скажите ему, что мы хотим поговорить со Скоттом. В детали не вдавайтесь, просто скажите, что у нас есть к нему вопросы. Мы поедем к нему сразу, как перекусим.

Бертон вышел, даже не кивнув.

– Они близкие друзья, – объяснил Филин, когда шеф полиции скрылся за дверью.

– Придется нам учесть это обстоятельство.

После этих слов Бегли заявил, что ему нужна тишина. Филин оставил его одного в кабинете. Закрывая за собой дверь, он заметил, как старший спецагент вынимает Библию.

В прихожей Филин, игнорируя злобный взгляд, брошенный на него Бертоном, попросил дежурного предоставить ему работающую телефонную линию. Он сделал звонок Перкинсу в Шарлотте, но соединился только с его голосовой почтой. В кратком послании он сообщил своему товарищу об аварии с электричеством и о ненадежности сотовой связи.

– Если не сможешь связаться со мной по телефону здесь, в полицейском участке, сбрось мне на пейджер код три-три-три. Это будет мне сигналом проверить электронную почту.

В тот самый момент, когда он вешал трубку, Уэс Хеймер вошел в участок с коробкой, полной бутербродов. Но вместо ленча он преподнес им сообщение о том, что новость об опознании

Синего передали по местному радио.

– Вы, конечно, шутите, – растерялся Филин. – Этого не может быть.

– Это так же верно, как смерть и налоги, – подтвердил – Хотите, я съезжу туда и велю им тормознуть?

– Лошадь уже ускакала, – ответил Датч, опередив Филина. – Поздно запирать конюшню.

По мнению Филина, Бертон не выказал особого расстройства из-за того, что имя Тирни преждевременно попало на радио. Напротив, казалось, он втайне радовался. А вот старший спецагент Бегли наверняка взовьется под потолок, когда узнает, и весь его гнев выплеснется на голову Филину. Увы, именно ему выпало на долю несчастье сообщить своему начальнику о катастрофе.

Он постарался выяснить все возможные подробности, после чего предоставил остальным есть бугерброды, а сам пересек короткий коридор и постучал в закрытую дверь кабинета.

– Сэр?

– Входи, Филин. – Бегли дочитал главу из Библии, закрыл ее и сделал Филину приглашающий жест. – Где наш ленч? Я умираю с голоду.

Филин вошел и закрыл за собой дверь. Не тратя лишних слов, он напрямую выложил Бегли неприятные новости.

Старший спецагент стукнул кулаком по столу и вскочил на ноги. Он обрушил на стены комнаты град непристойностей. Филин благоразумно помалкивал, пока выброс лавы не сменился тихим клокотанием в жерле вулкана.

– Сэр, единственный положительный момент в том, что у местной станции очень маленькая аудитория, а приемники сегодня включены только у тех, кто запасся батарейками.

Потом Филин изложил всю информацию, какую сумел добыть у Датча и Уэса.

– Два диск-жокея – не знаю, как еще их назвать, – из местных. Бывшие лесники, пару лет назад вышли на пенсию и от нечего делать открыли программу местных новостей, что-то вроде доски объявлений. Поначалу выходили в эфир по субботам, но дело пошло, и теперь они вещают семь дней в неделю с шести утра до шести вечера. Передачи в основном разговорные.

– Нравится слушать собственные голоса.

– Видимо, да. Они транслируют музыку, главным образом, кантри, сообщают погоду и новости, но, по сути; они просто отъявленные сплетники. Все очень примитивно. Арендуют комнату на турбазе, оттуда и вещают. Но у них есть запасной генератор, и они смогли выйти в эфир, несмотря на обрыв электролинии.

Бегли обогнул письменный стол Датча, нажимая кулаком о ладонь другой руки.

– Вот найду, что за гад слил историю этим брехунам, он у меня такого пенделя в зад получит – из ушей пердеть будет.

На это Филин не нашел что ответить и выждал несколько секунд, прежде чем снова заговорить.

– Не думаю, что мы когда-нибудь узнаем, кто виновный, сэр. Это мог быть кто угодно.

– Ну, кто бы это ни был, он нашу секретную операцию распатронил к той самой матери.

– Да, сэр.

Бегли еще больше нахмурился.

– Филин, нам кровь из носа надо добраться до Тирни раньше всех.

– Совершенно с вами согласен.

– Перехвати бутерброд, а потом звони в Шарлотт и вызывай вертолет. – Протыкая воздух между собой и Филином указательным пальцем на каждом слове, Бегли добавил: – Мне нужен вертолет и спасательная команда. Срочно! И когда я говорю: „Срочно“, это значит СРОЧНО, мать твою!

Филин выразительно глянул в окно.

– Знаю, знаю, – раздраженно пробормотал Бегли. – Но я хочу, чтобы „вертушка“ была здесь, как только она сможет пролететь через все это дерьмо. Ясно?

– Ясно, сэр.

Бегли направился к двери, но на пороге остановился.

– И вот еще что, Филин. Всю связь с Шарлоттом держи в секрете. Чем меньше местные будут знать о наших планах, тем лучше.

– Даже полиция?

Уже открыв дверь, Бегли ответил уголком рта:

– Особенно полиция.

* * *

Боль высосала весь воздух из легких Тирни. Слезы замерзли, едва появившись на глазах. Лежа на спине, он громко и от души выругался.

Когда первая, самая оглушительная боль отступила и вдруг показалось, что хорошо бы просто так полежать на снегу, Тирни понял, что ему грозит серьезная опасность. Он мог замерзнуть до смерти. Именно так это и бывает. Замерзание дает жертве иллюзию покоя.

Потребовалось неимоверное усилие воли, но он все-таки заставил себя шевельнуть поврежденной щиколоткой. Боль, стрельнувшая вверх по ноге, заставила его ахнуть, но, по крайней мере, она вырвала его из обманчиво сладкого забытья, в которое он начал соскальзывать.

Тирни сел. Голова кружилась так сильно, что ему пришлось обхватить ее обеими руками. Он еле успел сдернуть шарф со рта, и его вырвало в снег. Его рвало одной желчью, а желудочные спазмы напомнили ему, как сильно болят ребра.

Он несколько раз глубоко вздохнул и, перенеся весь вес на левую ногу, встал. Потом проверил

mir-knigi.org

лодыжку правой ноги, медленно вращая ею. Болело адски, но он решил, что лодыжка не сломана. Что ж, это уже кое-что. На этом этапе все, что не было настоящей катастрофой, казалось неслыханным везением.

Тирни снова тронулся в путь, используя лопату как костыль.

Сосредоточившись на продвижении вперед любой иеной, он совершенно утратил представление о времени и расстоянии. Лодыжка отвлекала его. Он чувствовал, как она распухает в башмаке. Вообще-то, это к лучшему: тугой башмак, наверное, сведет опухоль к минимуму. А может наоборот, перекроет кровообращение и приведет к обморожению? К гангрене? Почему он не помнит основных правил первой помощи? А что он вообще помнит? Сои почтовый индекс? Домашний телефон в Виргинии?

Боже, как ему хотелось есть! И в то же время его мучила тошнота, время от времени проявлявшаяся позывами к рвоте на пустой желудок. Он промерз до костей, но кожа горела, как в лихорадке.

А хуже всего было головокружение.

Может быть, прямо сейчас какой-нибудь роковой сгусток крови, сдвинутый с места падением, прокладывает себе путь по его кровеносным сосудам к мозгу, к легким или к сердцу.

Вот такие случайные и странные мысли искрами проносились в его мозгу и гасли, прежде чем он успевал их ухватить и осмыслить. Но он еще настолько сохранил ясность мысли, чтобы сознавать: это признаки надвигающегося бредового состояния.

В сущности, многочисленные боли были его друзьями. Если бы не они, он мог бы впасть в эйфорию, лечь, прижаться щекой к мягкой снежной подушке и умереть. Но боли не утихали. Как заостренные прутья, они толкали и подгоняли его к движению вперед. Они не давали ему заснуть, держали его на ногах, заставляли чувствовать себя живым. А тем временем разум приказывал ему остановиться. Лечь. Уснуть. Сдаться.

Глава 22

– Почему? За что? Почему именно я?

– Может, ты, наконец, успокоишься? – Уэс повысил голос, чтобы перекричать Скотта. – Они не собираются тебя ни в чем обвинять.

– Откуда ты знаешь?

– В любом случае тебе нечего скрывать. Верно? Верно, сынок?

– Верно.

– Так чего ты психуешь?

– Ничего я не психую.

Доре казалось, что он не просто психует: новость о том, с ним хотят поговорить агенты ФБР, напугала Скотта до полусмерти. Он беспокойно переводил взгляд с Уэса на нее и обратно, вид у него был виноватый, а слова о том, что ему нечего скрывать, прозвучали откровенно фальшиво. Еще больше ее встревожила наигранная беззаботность Уэса.

– Они просто собирают информацию о прошлом Миллисент, – объяснил Уэс. – Датч говорит, что это обычное дело.

– Они могут собрать информацию о прошлом Миллисент из массы других источников, – возразила Дора. – Почему они выбрали именно Скотта?

– Потому что Миллисент была его постоянной подружкой.

– Это было в прошлом году.

– Я знаю, когда это было, Дора.

– Не смей разговаривать со мной таким тоном, Уэс. Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать: с Миллисент много чего случилось с прошлой весны, когда они со Скоттом расстались, и до прошлой недели, когда она пропала. Почему их заинтересовали именно ее отношения со Скоттом?

– Все эти отношения остались в прошлом, и Скотт именно так им и скажет. – Повернувшись к Скотту, Уэс добавил: – Они, наверно, спросят: долго ли вы с Миллисент встречались и почему порвали? – При этом он пристально взглянул на сына, и Скотт ответил ему таким же взглядом.

Дора посмотрела на них обоих и сразу же поняла, что они что-то от нее скрывают. Это возмутило ее.

– Скотт, а почему вы с Миллисент порвали?

– Он уже сказал нам почему, – встрял Уэс. – Новизна притупилась. Она ему надоела.

– Я думаю, это еще не все. – Глядя прямо в лицо сыну. Дора спросила уже мягче: – Что между вами произошло?

Скотт повел плечами, словно стряхивая тяжесть.

– Ну, понимаешь, как сказал папа, мы просто потеряли интерес друг к другу. – Дора покачала головой, давая понять, что сомневается в правдивости его слов. – Господи, ты что, мне не веришь? – закричал Скотт. – С какой стати мне врать?

– Может, по той же причине, по которой ты вчера ночью улизнул из своей комнаты.

Вид у него был такой, словно его огрели дубинкой между глаз. Он открыл было рот и тут же закрыл, сообразив, что отрицать бесполезно. Дора повернулась к Уэсу.

– Сегодня утром я обнаружила, что магнитный контакт сигнализации на окне его комнаты был отключен.

– Знаю.

Теперь настала очередь Доры почувствовать себя так, словно ее ударили.

– Ты знаешь? И ты мне не сказал?

– Я знаю обо всем, что происходит в этом доме, – невозмутимо заявил Уэс. – Например, я знаю, что он заменил магнит давным-давно, еще когда встречался с Миллисент. Он часто протаскивал ее к себе в комнату контрабандой, когда мы ложились спать.

„Он говорит правду“, – подумала Дора.

У Скотта горели щеки.

– Меня не удивляет, что он иногда сбегает из дома тайком, – продолжал Уэс. – Ничего тут особенного нет.

Дора смотрела на мужа в немом изумлении.

– Я так не думаю.

– Ему скоро девятнадцать, Дора. Юнцы в этом возрасте любят гулять допоздна. Вспомни свою молодость. Неужели ты забыла?

Его добродушно-презрительный тон привел ее в ярость. Она стиснула кулаки.

– Дело не в том, что он гуляет допоздна, Уэс. Мне не нравится, что он делает это тайком. – Дора повернулась к сыну. – Где ты был вчера ночью?

– Нигде. Я просто… гулял. Дышал. Не могу я круглые сутки сидеть взаперти в доме. Вот видишь?

Слова Уэса Дора пропустила мимо ушей.

– Скотт, ты принимаешь наркотики?

– Господи, мам, да ты что? Конечно, нет! Как тебе только в голову пришло?

– Наркотики могли бы объяснить твои перемены настроения, твою…

– Почему бы тебе не успокоиться, Дора? – перебил ее Уэс все тем же покровительственным тоном, который она ненавидела. – Как всегда, ты делаешь из мухи слона.

Но она не собиралась отступать.

– Если это не наркотики, значит, что-то еще. Что ты скрываешь от нас, Скотт? – Дора старалась говорить мягко, ласково, без осуждения, без угрозы в голосе. Подойдя к сыну, она ободряюще взяла его за руку. – Расскажи нам, что случилось. Что бы это ни было, мы с отцом на твоей стороне. В чем дело? Ты знаешь, что случилось с… – Дора замолчала, не в силах закончить страшный вопрос. Ей пришлось набрать воздуха в легкие. – В твоих отношениях с Миллисент было нечто большее, чем нам всем казалось? Может быть, власти узнали что-то такое…

– Заткнись к чертовой матери! – Уэс схватил ее за руку и рывком развернул лицом к себе. – Ты что, совсем обалдела? Он в этом не замешан. И наркотиков он не принимает. И вообще, он нормальный восемнадцатилетний парень.

– Отпусти. – Она высвободила руку. – С моим сыном что-то случилось, и я хочу знать, в чем дело, до того, как сюда придет ФБР. Я не желаю узнавать это от них. Что происходит?

– Ничего.

– Что-то есть, Уэс! – прокричала Дора. – Наш сын изменился, он не такой, каким был в прошлом году. И не говори мне, что ничего не случилось! Я не слепа, и я не дура, хотя ты, похоже, в этом уверен. Я имею право знать, что происходит с моим сыном.

Уэс придвинулся к ней вплотную.

– Ты хочешь знать, да?

– Папа, не надо!

– Хочешь знать, Дора?

– Папа!

Уэс сунул руку в карман куртки и вытащил шприцы и ампулы. Дора отшатнулась от его протянутой руки.

– Что это?

– Стероиды.

Она долго смотрела на него с открытым ртом, потом повернулась к Скотту:

– Ты колешься стероидами?

Скотт бросил вороватый взгляд на Уэса, потом опять на нее.

– Не я. Мистер Ритт.

Дора была так ошеломлена, что не нашлась с ответом. Наступавшее молчание нарушил громкий стук в дверь.

– А вот и наши гости. – Уэс невозмутимо спрятал шприцы и ампулы обратно в карман, снял куртку и повесил ее на крючок у задней двери. – Скотт, открой дверь и пригласи их в дом. Не нервничай. С ними придет Датч. Предложи им сесть в гостиной, скажи, что мы сейчас придем.

Скотт не двинулся с места. Он смотрел на мать виноватым, полным стыда взглядом.

– Ты меня слышал, Скотт? – Голос Уэса был тих, но грозен.

Раздался повторный стук. Скотт пошел открывать. Уэс опять подошел вплотную к жене, обдал ее лицо своим горячим дыханием.

– Ты будешь вести себя так, будто в этом доме все тип-топ. Тебе ясно? Это наше личное дело. Это останется в семье.

Дора бросила на него испепеляющий взгляд.

– Как ты мог так поступить со своим родным сыном? Это же отрава!

– Преувеличение, столь типичное для тебя.

– Уэс, ты хоть на минуту задумался о побочных эффектах?

– Недорогая цена за тот перевес, который они могут составить в его…

– Плевать я хотела на его спортивные достижения! – воскликнула Дора шепотом, помня о присутствии посторонних в соседней комнате. – Меня не интересуют его сила и выносливость на проклятом футбольном поле! Мне дорога его жизнь. – Она почувствовала, что теряет

самообладание, но сейчас было не время его терять. Ей пришлось несколько раз вздохнуть, чтобы успокоиться, но негодование по-прежнему бушевало в ее груди, когда она продолжила: – Ты что, не видишь, как эта отрава изменила нашего сына?

– Ну, допустим, он стал немного мрачноват. Возможно, это и есть побочный эффект.

– Агрессивность тоже может быть побочным эффектом.

Уэс равнодушно пожал плечами.

– Агрессивность – это не недостаток, она пойдет ему на пользу.

Казалось, Дора выслушала уже более чем достаточно, но этот последний довод своей абсурдностью просто убил ее.

– Ты чудовище.

Он презрительно фыркнул.

– Что? Я думал, ты вздохнешь с облегчением. Я думал, ты обрадуешься, узнав, что перемены, которые ты наблюдаешь у Скотта, вызваны стероидами, а не этой хитрозадой сучкой. А она была именно хитрозадой сучкой, поверь мне. Вертела им, как хотела.

– Была? Почему ты говоришь о Миллисент в прошедшем времени?

Уэс высился над ней, как башня. Он наклонился к самому ее лицу.

– Потому что для семьи Хеймер она в прошлом.

Теперь Дора не просто возмутилась его словами, она по-настоящему испугалась.

– Что ты такое говоришь?

– Хочешь знать, почему Скотт и Миллисент порвали? Что ж, я тебе скажу, но запомни: ты сама напросилась. Она мешала его тренировкам, названивала ему с утра до ночи таскалась за ним повсюду, поджидала его после занятий, давала, сколько он хотел. Он ни о чем другом не думал, только о ней. Я не мог допустить, чтобы эта драная кошка разрушила все мои планы. Я хотел, чтобы он думал об игре, и мне пришлось вмешаться. Хочешь знать, что за великая тайна стоит за их разрывом? Ты смотришь на нее прямо сейчас.

– Что ты сделал?

– Неважно. Главное, я положил конец их страстному роману. – Уэс больно ткнул ее пальцем в грудь. – И это тоже должно остаться в семье.

Потом он повернулся и ушел, оставив ее одну среди знакомых предметов, вдруг ставших чужими. Дора стояла в своем родном доме, не понимая, как она сюда попала.

До нее доносились голоса из соседней комнаты. Уэс, как всегда общительный и оживленный, приветствовал в своем доме агентов ФБР, пришедших поговорить с их сыном об исчезновении Миллисент Ганн.

* * *

mir-knigi.org

Уильям и Мэри-Ли покинули аптеку вместе. Без электричества не было смысла оставаться. Уильям не мог работать ни за кассой, ни за компьютером, в котором хранил все данные о клиентах и их рецептах. Впрочем, это не имело значения, поскольку никто не зашел в аптеку после того, как Уэс забрал бутерброды и отправился в полицейский Участок.

Мэри-Ли забрала домой продукты из холодильника в кафетерии, прекрасно понимая, что они испортятся, прежде чем аптека откроется и Линда вернется.

Они решили оставить ее машину у аптеки и вернуться домой на машине Уильяма.

– Нет смысла нам обоим пробиваться по этим дорогам, – сказал он.

Запирая аптеку, Уильям повесил на двери записку, уведомлявшую покупателей, что в экстренном случае его можно найти дома.

Как только машина тронулась, Мэри-Ли проговорила, стуча зубами:

– Если кто-нибудь узнает, что ты держишь рецептурные лекарства дома, ты потеряешь лицензию.

– Я держу их только на крайний случай и только для клиентов, которые, я это точно знаю, не будут злоупотреблять привилегией. И потом, я отпускаю лекарства, которые можно приобрести в открытой продаже везде, кроме Соединенных Штатов. – Уильям медленно повернул за угол. Вдруг он подался вперед и всмотрелся через ветровое стекло. – Интересно, что бы это значило?

Они ехали по улице, на которой жили Хеймеры. Перед их домом стояли две машины: ничем не примечательный седан и „Бронко“ Датча Бертона.

– Разве это не та машина, в которой приехали агенты ФБР? – спросила Мэри-Ли.

– По-моему, та. Этот Бегли – самый большой грубиян из всех, кого я когда-либо видел.

– Не думаю, что он грубил нарочно. Просто он умеет делать свое дело и пользуется авторитетом.

– Я тоже делаю свое дело и пользуюсь авторитетом, но я не матерюсь и не кричу на людей.

Управление аптекой, где работала только одна подчиненная, вряд ли можно было приравнять к руководству отделением ФБР, но Мэри-Ли решила держать свое мнение при себе. Ей не хотелось спорить с Уильямом, хотя он весь день только и делал, что подначивал ее.

Когда они поравнялись с домом Хеймеров, Уильям заметил:

– Ну, Датч еще ладно, это я могу понять, но что у них за дела с ФБР?

– Может быть, им захотелось побеседовать с Уэсом о том, что он спрятал в карман, когда я застала вас вдвоем в провизорской. – Мэри-Ли небрежно обронила это замечание, чтобы посмотреть, как отреагирует брат.

Он дал стандартный ответ:

– Кое-что для Доры. От головных болей.

mir-knigi.org

– Ты лжешь.

– В отличие от тебя, сестрица. Ты у нас никогда не лжешь. Ни словом, ни делом. – Уильям хитро прищурился на нее. – Разве не так? – Ее наигранное безразличие не обмануло его. Он усмехнулся. – Поскреби самую безупречную репутацию, Мэри-Ли, и найдешь двуличие. Это и тебя касается.

Мэри-Ли отвернулась от него к окну.

– Жаль, что ты не прав, Уильям. Хотелось бы мне иметь какую-нибудь темную тайну.

– Возможно, Хеймеры скрывают какую-нибудь темную тайну, а ФБР ее раскопало. Лично я ставлю на Скотта.

– Почему на Скотта?

– Наверняка эти федеральные гении уже докопались до его связи с Миллисент.

– Она когда-то была его возлюбленной. Ну и что?

– „Возлюбленной“, – презрительно усмехнулся Уильям. – Какое устаревшее слово. Теперь это называется по-другому. Она принимала противозачаточные пилюли.

– Многие девочки их принимают.

– Мне ли не знать! Мой бизнес на этом процветает. А ты знала, что Миллисент перестала их принимать?

– Когда?

– В начале прошлой весны. Сказала, что они способствуют удержанию жидкости в теле и увеличению веса. Может, у них со Скоттом случилась небольшая неприятность, когда они расстались?

– Ты хочешь сказать – она забеременела?

– Именно это я и хочу сказать.

– Я уверена, что ты ошибаешься, Уильям.

– Мне с моего места многое заметно, и я ничего не забываю. Однажды я видел, как Скотт и Миллисент заняли кабинку в кафетерии. Они лапались как ненормальные. Ее рука была у него между ног. Дальнейшие объяснения нужны?

– Нет.

– Я как раз собирался сказать им, что, если они не в состоянии себя контролировать, им придется уйти, но тут они, видимо, сами сообразили. Их из аптеки как волной смыло. Он даже забыл заплатить по счету.

– К чему ты клонишь?

– В следующий раз, когда они оказались в аптеке одновременно, всего неделю спустя, он и взглянуть на нее не захотел. За эту неделю что-то там у них произошло. Нечто непоправимое.

Могу предположить, что у нее была задержка.

Мэри-Ли покачала головой:

– Я думаю, ты заблуждаешься. Если бы Миллисент забеременела, Скотт не стал бы так себя вести. Во всяком случае, родители бы ему не позволили.

Уильям расхохотался.

– Уэс не дал бы никогда и никому помешать его планам на будущее Скотта. Никогда и никому. Даже своему собственному обсевку. А ведь мы знаем, как Уэс гордится своим семенем.

Последнее замечание неприятно кольнуло Мэри-Ли. Впрочем, она не сомневалась, что Уильям именно этого и добивался.

– Я уверена, что ни Скотт, ни Дора, ни даже Уэс не отмахнулись бы…

– Я не имел в виду, что они отмахнутся от нежелательной беременности. Просто Уэс сделал бы все от него зависящее, чтобы этой проблемы не было.

Мэри-Ли была вынуждена согласиться. Уильям прав. Уэс способен на все.

* * *

– Что, черт побери, там творилось? – тихо спросил Бегли, пока они с Филином осторожно пробирались к машине по обледеневшей дорожке перед домом Хеймеров.

– Не могу сказать, сэр.

Как только они оказались в машине и Филин завел двигатель, Бегли вновь заговорил:

– Но ты же что-то почувствовал, верно? Мне же не померещились эти подводные течения?

– Отнюдь нет. Мне казалось, что мы смотрим спектакль, где все актеры тщательно разучили свои роли.

– Удачное сравнение.

Бегли снял перчатки и энергично потер руки, наблюдая, как Датч и Уэс прощаются на крыльце. Затем шеф полиции прошел к своему „Бронко“ и забрался внутрь.

Оглянувшись на дом, Бегли начал рассуждать вслух:

– Мать, похоже, буквально разваливалась на куски. Уэс Хеймер говорил слишком громко. Слишком явно лез сотрудничать и вообще был чересчур боек. Я не поверил ни одному его гребаному слову. Бертон играл и нашим и вашим, всеми силами старался защитить от нас своего закадычного друга, и плевать он хотел на Миллисент Ганн, потому что думал только о своей бывшей жене. А сам мальчишка…

– Врал.

– Почем зря.

Филин выждал, пока „Бронко“ не отъедет, а затем вывел седан на дорогу и последовал за

машиной шефа полиции на безопасном расстоянии. Бегли направил на себя шторку обогревателя, хотя из него все еще шел холодный воздух.

– Но почему он врал, Филин? Что он скрывает? Все, кроме нас, ходили вокруг да около, только хотел бы я знать, вокруг чего?

– Я не знаю, сэр, но мне кажется, Бертон тоже не посвящен в эту тайну.

– Вид у него был растерянный, верно?

После недолгого размышления Филин заметил:

– Хотя считается, что они с Уэсом Хеймером лучшие друзья, я ощущаю трения между ними. Подспудное соперничество.

Бегли повернулся на сиденье и выстрелил в своего товарища из воображаемого пистолета.

– Прямо в цель, Филин. Я тоже это уловил. Они говорят все слова, какие положено, разыгрывают закадычных дружков, но это все на поверхности. А в глубине что-то есть.

– Озлобленность, – предположил Филин. – Хеймер – председатель городского совета. Как ни крути, он начальник Бертона. Бертон очень не любит, когда им командуют.

– Пожалуй, так оно и есть, Филин. Очень может быть, то так оно и есть. – Бегли протер рукавом ветровое стекло.

– Все никак не прояснится, а?

– Нет, сэр. – Агенты одновременно услыхали тихий сигнал. Филин проверил пейджер, прикрепленный к брючному ремню. – Это Перкинс.

После этого в машине некоторое время был слышен только скрип „дворников“, шипение воздуха в обогревателе да хруст шин на снегу.

Наконец Бегли прервал молчание.

– Парень особенно задергался, когда ты спросил его о причине разрыва с Миллисент. Отец и мать тоже насторожились, как будто им было жутко интересно, что он ответит.

– Особенно миссис Хеймер.

– Потому что она верит во все это дерьмо, типа „Они друг другу надоели“, не больше, чем мы, насколько я могу судить.

– А как насчет мистера Хеймера?

– Я еще не пришел к однозначному выводу, Филин. Но я нутром чую: тренер знает куда больше, чем говорит.

– Насчет их разрыва?

– Насчет всего. Видел его улыбку? Если ты не кинозвезда, не продавец подержанных машин и не сутенер, ты не будешь так улыбаться.

Филин запарковал седан рядом с „Бронко“ возле полицейского участка. Они вошли в здание вслед за Датчем Бертоном. В помещении пахло пригорелым кофе, влажной шерстью и мужчинами, которым давно пора было принять душ, но там хоть было тепло.

Дежурный сказал Филину:

– Вы должны немедленно позвонить Перкинсу в Шарлотт.

– Да. Вы позволите еще раз воспользоваться вашим телефоном?

Дежурный указал ему на незанятый аппарат.

Бегли, вынужденный ждать, пока Филин поговорит с Перкинсом, за неимением лучшего присоединился к Бертону, наливавшему себе кружку кофе.

– Как вам показался наш визит к Хеймерам?

– Никак не показался, – буркнул Бертон.

– Совершенно незачем раздражаться.

Бертон фыркнул в свою кофейную кружку, отпил глоток и наконец спросил:

– А как он показался вам?

– Уэс и Дора Хеймер не производят впечатления счастливой супружеской пары, а с их сыном явно что-то не в порядке.

– Вы все это вычислили, проведя с ними тридцать минут?

– Нет, мне хватило трех минут.

– Ну, сколько бы это ни заняло, время было потеряно зря. И нечего было понапрасну их тревожить. Мы уже нашли нашего человека. Это Бен Тирни.

– На данный момент мы хотим только допросить мистера Тирни. Не более.

– Черта с два! – возмутился Бертон. – Вы обыскивали его комнаты на турбазе Гаса Элмера. Харрис мне сказал. Что вы там нашли? Почему сделали стойку?

Бегли проигнорировал вопрос.

– Не хотите отвечать – не надо, – сердито проговорил Бертон. – Я сам туда поеду и посмотрю.

– А теперь послушайте меня. – Бегли говорил тихо, но от этого его голос казался особенно грозным. – Попробуйте только вмешаться, попробуйте только нос сунуть в эти комнаты, и я лично позабочусь, чтобы вам в правоохранительной системе не досталось даже должности лесного сторожа. Поверьте, полномочий у меня хватит.

– Почему вы не пытаетесь забраться туда и задержать Тирни?

– Потому что один ревнивый идиот сегодня утром лишил нас последнего шанса туда забраться, – невозмутимо ответил Бегли.

mir-knigi.org

Бертон был в таком бешенстве, что у него задергался глаз.

– Как это похоже на ваше чертово ФБР – изводить моего лучшего друга и его семью из-за никчемных подростковых шашней, не имеющих ни малейшего отношения к делу и бросать мне пустые угрозы. А тем временем вероятий преступник…

– Извините. – Филин практически втиснулся между ними. – Вас обоих порадует эта новость. Нам гарантировали прибытие вертолета и небольшую тактическую группу спасателей, как только погода прояснится, что, по прогнозу, произойдет завтра утром.

– Я хочу спасти Лилли. Я хочу арестовать Тирни, – объявил Бертон. – У вас есть всякое навороченное оборудование, но это все еще моя юрисдикция, а он мой главный подозреваемый.

– Похищение людей – это федеральное преступление. Мы можем…

Бегли вскинул руку, прерывая Филина.

– Все ясно, шеф Бертон, – сказал он, сам удивляясь своему спокойствию.

Он не отступал, он просто старался успокоить самоубийцу, стоящего на карнизе. Рано или поздно Датч Бертон уничтожит себя сам, случайно или намеренно, это только вопрос времени. В любом случае Бегли не хотел еще больше его провоцировать, пока Тирни не будет взят под стражу, а бывшая миссис Бертон не окажется в безопасности.

– Пока не прибыл вертолет, – продолжал Бегли, – предлагаю вам обратиться к медику-профессионалу, чтобы он обработал вам порезы на лице, а затем отправляться домой и отдохнуть. Вид у вас не ахти. Что бы ни случилось завтра, мы должны быть готовы ко всему.

Казалось, Бертон готов был плюнуть ему в лицо, но он промолчал.

Бегли натянул перчатки и спросил у Филина, что сказал Перкинс.

– Вот, сэр, – Филин протянул ему блокнот. – Я все записал.

– Отлично. Я готов к горячему пуншу и зажженному камину. Держу пари, Гас Элмер может предоставить и то и другой.

У самой двери он обернулся и бросил на Бертона взгляд-„яйцерезку“, словно предупреждая, чтобы тот не пытался обыскать коттедж Тирни на турбазе Уистлер-Фоллз… Он, Бегли, будет стоять на страже.

Через несколько минут они с Филином снова катили в холодной машине по пустынным улицам Клири.

– Датч Бертон – это катастрофа, вот-вот готовая разразиться, – заметил Бегли. – Я бы сказал, очень скоро он сгрызет ствол собственного пистолета. – Старший спецагент провел рукой по лицу, словно отгоняя тревожную мысль. – Дай мне короткую версию твоего разговора с Перкинсом. Если детали, то только жизненно важные.

– Перкинс пытался установить хоть какие-нибудь связи между Тирни и другими пропавшими женщинами.

– И?

– Кэролин Мэддокс…

– Мать-одиночка.

– Совершенно верно. Она работала в двух местных мотелях до того, как перешла на последнее место работы, откуда и пропала. На данный момент неизвестно, останавливался ли Тирни в этих местах. Перкинс все еще проверяет счета по его кредитной карточке.

– Он мог платить наличными.

– В этом случае нам придется опираться на журналы регистрации мотелей.

– Где он мог подписаться, как Тинкербелл.

Филин озабоченно кивнул.

– Полагаю, она никогда не работала на турбазе мистера Элмера.

– Нет, сэр. Это Перкинс проверил первым делом.

– Продолжай.

– Лорин Эллиотт, медсестра. Ее единственный родственник – это брат. Живет с женой в Бирмингеме. Они тоже завязли в снегу, но Перкинс сумел связаться с ним по сотовому. Если его покойная сестра и знала кого-то по фамилии Тирни, она никогда о нем не упоминала.

– Фамилию Тирни Лорин запомнила бы обязательно: так уж часто она встречается.

– Я тоже так думаю, сэр.

– Как насчет вдовы?

– Бетси Кэлхаун. Ее дочь живет здесь, в Клири. Перкинс не смог с ней связаться.

– Адрес есть?

– Мы едем мимо. Это в следующем квартале.

– Отлично, – кивнул Бегли. – А последняя?

– Торри Ламберт, девочка-подросток.

– Скорее всего, это был случайный выбор.

– Скорее всего. Мне бы очень не хотелось думать что между ними существовала предшествующая связь, которую мы пропустили. Перкинс все еще пытается связаться с ее матерью.

– А тем временем…

– Да, сэр?

– Мы сосредоточимся на Тирни, отбросив всех остальных?

– Например, Скотта Хеймера?

– Стоит ли нам прислушаться к Бертону, Филин? Стоит ли нам принять на веру все, что сказали Хеймеры, к больше об этом не задумываться? Разумеется, у Скотта был мотив убрать Миллисент. Любовь-морковь и все такое. Можно даже предположить, что именно он случайно столкнулся в тот день в лесу с Торри Ламберт. Но что может быть общего у такого интересного парня с ожиревшей медсестрой, с матерью-одиночкой, надрывающейся на работе ради больного ребенка, и уж тем более с вдовой, которая годами старше его матери?

– Что возвращает нас обратно к Тирни…

– К которому все эти вопросы в равной степени применимы. Допустим, Тирни падок на несовершеннолетних девочек. Даже Кэролин Мэддокс можно втиснуть в этот список, если пренебречь парой лет. Но две остальные разрази меня гром! Почему мы не можем найти связь? Бегли мысленно поблагодарил Филина за то, что тот воздержался от попытки дать ответ на этот вопрос, чтобы заполнить паузу.

Потом старший спецагент вздохнул.

– Пока этот общий знаменатель не найден, дай квалифицированную догадку, Филин. Тирни – этот человек?

Филин остановил машину возле дома, номер которого значился в записанном им адресе. Деревянный дом предал собой коттедж с маленьким двориком. Палисадник сейчас был наполовину завален снегом. Дым вился из каменной трубы, увитой засохшими виноградными лоза. Толстая рыжая кошка сидела на подоконнике и глядела на них сквозь тюлевые занавески.

Мужчины посидели в молчании, глядя на дом, принадлежащий дочери Бетси Кэлхаун. „Дом выглядит так мирно, – думал Бегли, – так похож на картинку Нормана Рокуэлла, [23] что невозможно связать его с трагедией. И тем не менее дочь Бетси Кэлхаун каждый вечер ложилась спать, не зная, какая судьба постигла ее мать“.

– Должно быть, это сущий ад. – Бегли сам не заметил, что говорит вслух, пока не увидел белый парок собственного дыхания у себя перед носом. – Мы должны взять ублюдка, Филин.

Филин, казалось, уловил ход его мыслей.

– Безусловно, сэр. Мы должны его взять.

– Итак, несмотря на дерганье и уклончивость ответов семейства Хеймер, Бен Тирни по-прежнему кажется тебе перспективным?

– Да, сэр, – ответил Филин, – Тирни по-прежнему кажется мне перспективным.

– Черт… Мне он тоже кажется перспективным. – Бегли толкнул дверь машины и вышел, поглядывая на окутанную тучами вершину пика Клири. Мысленно он произнес короткую молитву за Лилли Мартин.

Глава 23

Лилли видела, что с каждым выдохом завитки пара, в превращалось ее дыхание, становятся все тоньше.

Она промерзла до костей, но у нее не осталось ни сил ни воли, чтобы подняться и подбросить

новое полено в тлеющие угли. Какой смысл?

Она была не из тех, кого преследуют навязчивые мысли о смерти, об умирании, не из тех, кто своими тревогами и страхами приближает кончину. Но смерть Эми неизбежно: заставила ее задуматься о переходе от одной формы жизни к другой. Она ни минуты не сомневалась, что другая форма жизни существует. Та нежная и прелестная звездочка, излучавшая энергию и сияние жизни, которая была ее дочерью, не могла просто так исчезнуть, погаснуть, прекратить существование. Эми просто перешла из одного измерения, управляемого законами физики, в другое – в царство духа.

Эта вера в царство духа помогла Лилли пережить утрату. Но переход из одного мира в другой вызывал у нее мучительные раздумья. Как совершила его Эми? Может быть, она перенеслась с легкостью, плавно скользя в облаке света? Или ее переход был мучительным и страшным?

Именно в ту пору Лилли начала задумываться о своей собственной смерти. Будет ли переход легким для нее? Или тяжелым? Но лишь в самых страшных своих кошмарах она умирала от удушья в одиночестве.

Что ж, по крайней мере, она уйдет, зная, что Синего поймают. Пока силы не покинули ее окончательно, она взяла острый кухонный нож и вырезала на дверце одного из кухонных шкафов: ТИРНИ = СИНИЙ. Она могла бы оставить записку на одном из пустых чеков, но листок могли бы и не заметить в суете, которая наверняка поднимется, когда ее тело обнаружат и будут выносить из коттеджа. Нет, так надежнее.

Тирни.

Одно лишь воспоминание об этом имени исторгло дыхание из ее сдавленной спазмом груди. Она негодовала на себя, она чувствовала себя виноватой. С презрением к себе она вспоминала о том, как легко поддалась его чарам в тот день на реке, как жалела в эти прошедшие месяцы о невозможности увидеть его вновь.

С самого начала это удивительное сочетание грубоватой мужественности и душевной тонкости показалось ей неправдоподобным.

Запомни, Лилли: что кажется, то обычно и бывает правдой.

Поздновато она усвоила этот ценный урок, и – увы! – применить его на практике у нее случая уже не будет, но все-таки запомнить стоило. Может быть, и его следовало вырезать на дверце кухонного шкафа, как заключенные оставляют послания на стенах камер?

Но у нее уже не было сил удержать в руке нож. Приступы кашля настолько измучили ее, что она не могла даже сесть. Запас ее жизненной энергии иссяк, не говоря уж о времени.

В умирании было, по крайней мере, одно преимущество: неразрешимые, казалось, вопросы наконец-то обрели ответы. Например, теперь она точно знала, что человек не переходит в мир иной в ослепительной вспышке света. Напротив, смерть подкрадывается как медленно наступающие сумерки. Тьма сгущается незаметно, обозрение сужает постепенно, пока не останется крошечная, как булавочный укол, точка света и жизни.

вернуться

23

Норман Рокуэлл (1894–1978) – американский художник, прославившийся сельскими и провинциальными пейзажами, типичными из жизни «одноэтажной» Америки.

А потом абсолютная чернота поглощает все.

Лилли отчаянно всматривалась в непроглядную тьму, стараясь разглядеть Эми, но так и не увидела ее. Она вообще ничего не видела. Зато у нее обострился слух, и она услышала доносящийся издалека голос.

Это был голос ее отца. Она играла по соседству, а он звал ее домой:

– Лилли! Лилли!

Я иду, папочка.

Ей нетрудно было вообразить, как он стоит на их крыльце, приложив руки рупором ко рту, и взволнованно зовет ее, пока она не откликнулась и не сказала ему, что возвращается домой.

– Лилли!

Голос у него был испуганный. Он был в панике. В отчаянии.

Неужели он ее не слышит? Почему он ее не слышит? Она же ему отвечает!

Я иду домой, папочка. Разве ты меня не видишь? Разве ты меня не слышишь? Я же здесь!

* * *

– Лилли! Лилли!

Одной рукой Тирни приподнял ее за плечи, а другой стукнул по спине. Сгусток слизи вылетел у нее изо рта и упал на одеяло, укрывавшее ее. Он снова ударил ее между лопаток и вытолкнул новый сгусток, потекший изо рта. Когда он отпустил ее, она опрокинулась обратно на диван. Ее голова безжизненно склонилась набок.

Тирни сорвал с себя перчатки и стал хлопать ее по щекам, успокаивая себя тем, что лицо у нее теплое. Это его рука была холодна, а не ее посеревшая кожа.

– Лилли!

Он дернул „молнию“ на кармане куртки, в котором спрятал мешочек с ее лекарствами, бархатный зеленый мешочек, расшитый бисером, в точности, как она описала. Когда он распустил горловину, пузырек с таблетками упал на пол и куда-то закатился, но он не стал наклоняться: его в первую очередь интересовали ингаляторы. Тирни лихорадочно просмотрел этикетки. С таким же успехом инструкции могли быть написаны по-гречески.

Из ее объяснений он помнил, что один из ингалятора предотвращает приступы, а другой обеспечивает незамедлительное облегчение пациенту, страдающему тяжелым припадком. Но он не знал, который из них для чего предназначен.

Он протолкнул один короткий наконечник сквозь обескровленные губы, заставил ее разжать зубы и на вакуумную крышечку.

mir-knigi.org

– Лилли, дыши.

Она лежала совершенно неподвижно, не отвечая, серая, как смерть.

Тирни снова подхватил ее за плечи, снова поднял и яростно встряхнул.

– Лилли, дыши! Вдыхай. Я тебя очень, очень, очень прошу! Ну, давай, вдохни.

И она вдохнула. Лекарство сделало свое дело: мгновенно сняло мышечные спазмы, которые блокировали ее дыхательные пути.

Она сделала свистящий вдох. Еще один. Когда она вдохнула в третий раз, ее глаза открылись. Она взглянула на него и обхватила руками его руки, все еще державшие ингалятор у нее во рту. Он опять нажал на крышечку. Ее дыхание булькало, свистело. Это были ужасные звуки.

– Музыка для моих ушей, – прошептал Тирни. Вдруг она оттолкнула ингалятор, закрыла рот руками и закашлялась.

– На. – Тирни схватил с другого дивана полотенце, которое прошлой ночью подкладывал себе под голову, и подал ей.

Лилли стала кашлять в полотенце. Кашель сотрясал все ее тело. Тирни, стоя перед ней на коленях, что-то ободряюще шептал.

Наконец пароксизм миновал. Лилли опустила испачканное полотенце, и Тирни забрал его. Она смотрела на него как завороженная, и он только теперь сообразил, что выглядит как пугало.

Тирни стряхнул снег, налипший на брови и ресницы, стащил заледеневший, стоящий колом шарф с подбородка.

– Это не привидение. Это я.

– Ты вернулся? – Ее голос был еле слышен. – Почему?

– Я сделал то, что хотел сделать. Я вернулся. Я принес твои лекарства. Ты думала, я сбегу и брошу тебя умирать?

Она кивнула.

– Если бы я поклялся тебе, что вернусь с твоим лекарством, ты бы мне поверила?

Она тихонько покачала головой.

– Вот именно. Пытаться тебя убедить было бы пустой тратой времени. Вот я и оставил тебя с этими ужасными мыслями. У меня не было иного выбора. Но мне нелегко было уйти.

Он тяжело поднялся с колен и распрямился. Двигался он так, словно вдруг состарился лет на сорок. Он не чувствовал ног внутри башмаков, не чувствовал пола под ними пока шел к камину и подкладывал в него поленья. Пришлось наклониться и подуть на угасающие угли, чтобы они разгорелись. Наконец они вспыхнули, и вскоре жадные языки огня начали лизать поленья.

Тирни спустил с плеч лямки рюкзака, поставил его на пол и носком башмака задвинул под столик. Он размотал шарф, снял с головы плед и шапочку. Все это вместе с курткой он повесил сушиться на спинку стула. Потом он осторожно ощупал затылок и осмотрел пальцы, проверяя,

mir-knigi.org

нет ли свежей крови. То ли его рана перестала кровоточить, то ли кровь замерзла.

Он сел на диване напротив Лилли и расшнуровал ботинки. Снимать правый было страшно: лодыжка могла так опухнуть, что его потом невозможно будет надеть. Но если он не восстановит кровообращение в ступне, не исключено, что ему придется попрощаться с обмороженными пальцами.

Стискивая зубы от боли, Тирни высвободил ногу из башмака и стянул носок. Лодыжка слегка опухла и выглядела не так плохо, как можно было предположить, судя по адской боли. Признаков обморожения он не увидел, но принялся безжалостно массировать пальцы. Когда к ним прилила кровь, боль стала нестерпимой, но это означало, что капилляры не отморожены безвозвратно.

Пока Тирни проделывал все эти операции, Лилли продолжала сидеть с широко раскрытыми глазами, лишившись дара речи и глядя на него, как на привидение. Было ясно, что она по-прежнему боится его.

Двигаясь медленно, чтобы не испугать ее еще больше, Тирни поднялся, подошел и опять опустился на колени перед диваном рядом с ней. Когда он попытался заговорить, его голос прозвучал хрипло.

– Теперь тебе лучше?

У нее еле хватило сил наклонить голову.

– О боже, я забыл про твои таблетки.

Тирни нашел на полу коричневый пластиковый пузырек, закатившийся под одно из кресел. Он принес ей воду из кухни. Лилли воспользовалась вторым ингалятором, потом проглотила таблетку. Пока она пила, Тирни заметил, что ее губы розовеют. Значит, в легкие поступает достаточно кислорода, хотя ее дыхание по-прежнему напоминало по звуку расстроенную волынку.

– Этот ингалятор отлично работает, – заметил Тирни. – Я не знал, который из них пустить в ход в первую очередь. Вроде бы выбрал тот, что надо.

Лилли опять чуть заметно кивнула.

Тирни пытливо вглядывался в ее лицо. Она двигалась и дышала, краска возвращалась, но он опасался, что у него начинается новая галлюцинация вроде тех, что мучили его на обратном пути от машины. В центре каждой из них была Лилли. В одних он, вернувшись, находил ее посиневшей от холода и нехватки кислорода, неподвижной, мертвой. В других она была сияющей и полной жизни, сексуально изголодавшейся, страстно втягивающей его в себя.

В действительности она оказалась не безжизненной и не страстной, скорее заторможенной.

– Должно быть, ты потеряла сознание как раз перед моим приходом, – объяснил Тирни. – Я несколько раз окликал тебя по имени, но ты не отвечала, даже не двигалась. Твоя грудь была совершенно неподвижна. Перепугала меня до полусмерти, – признался он. – Я подумал, что пришел слишком поздно.

– Я тоже так думала, – еле слышно прошелестела Лили.

mir-knigi.org

И тут гримаса плача исказила ее лицо, эмоции прорвав ненадежную плотину самообладания и выплеснулись наружу безудержным потоком слез.

Тирни отреагировал чисто по-мужски. В миг, равные биению сердца, он был уже рядом с ней на диване, обхватил ее вздрагивающие от рыданий плечи.

– Все хорошо, все в порядке. Я вернулся, и ты жива.

Лилли рухнула ему на грудь. Он усадил ее к себе на колени и начал укачивать как ребенка, обнимая обеими руками и склонившись к ней головой. Он чувствовал, как ее руки комкают его свитер.

– Тихо, тихо, – шептал Тирни, проводя губами по ее волосам. – Не плачь, Лилли. Тебе же нельзя плакать, разве ты забыла? Ты же не хочешь вызвать новый приступ? – Он запрокинул ее голову, откинул назад спутанные волосы. Слава богу, ее лицо больше не было мертвенно-серым. Обхватив ее голову ладонями, он провел большими пальцами по щекам, чтобы вытереть слезы. – Ничто не могло помешать мне вернуться, разве что смерть там, в лесу.

Его взгляд скользнул к ее губам. Эти полные мягкие губы теперь порозовели, они были полураскрыты и влажны после того, как она пила воду, а может быть, от слез. У основания горла под нежной кожей билась жилка в такт биению сердца.

Сдерживая обуревающие его страсти, Тирни встал и перенес ее на матрац, опустился на него рядом с ней. Он сел, опираясь спиной на валик дивана, вытянув ноги к огню и держа Лилли на коленях.

Он положил ее голову к себе на грудь, она прижалась щекой к его свитеру. Он укрыл ее и себя одним из одеял, обнял ее крепче и прижался подбородком к ее макушке.

Всему этому она не воспротивилась. Тирни не питал иллюзий, будто Лилли ведет себя, как кроткая овечка, потому что доверяет ему. Он видел послание, выцарапанное на дверце шкафа. Она позволила ему обнять себя только потому, что пережитая травма истощила ее силы.

Долгое время после того, как она уснула, он сидел, глядя на огонь, и наслаждался ощущением ее близости, тяжестью ее груди, прижимавшейся к его животу. Было и больно, и сладко. Иногда ее пальцы зарывались в шерсть его трикотажного свитера. Ему хотелось верить, что таким образом она хочет удостовериться в его присутствии.

Но это мог быть чисто рефлекторный жест, выдающий подсознательное беспокойство.

Тирни старался не вспоминать, каким неуловимым движением ее язык скользнул ему навстречу, когда он целовал ее вчера на ночь, как восхитительно выглядели ее груди, обтянутые мокрым черным эластиком, в тот день на реке, как страстно ему хотелось обладать ею безраздельно.

Разумеется, его старания не думать обо всех этих вещах дали обратный результат: только о них он и думал. Он так жаждал прикоснуться к ее коже, что, поддавшись соблазну, просунул руку ей под свитер.

А потом он уснул.

* * *

Она проснулась в кольце его рук и сразу почувствовала, что он не спит. Она села, но в смущении отвернулась от него.

– Надо подбросить дров в огонь. – Вот и все, что он сказал.

Стараясь по возможности сохранить достоинство, Лилли слезла с его колен и села на матраце.

Ему пришлось опереться на валик, чтобы встать. Она заметила гримасу боли и сказала об этом вслух.

– Я чувствую себя разбитым.

– Не надо было позволять мне спать так долго, – сказала Лилли. – Тебе же было неудобно.

– Я тоже спал. Я проснулся всего несколько минут назад.

– Сколько же мы проспали?

Тирни взглянул на часы.

– Четыре часа.

Четыре часа! Четыре часа? Неужели она смогла проспать так долго, так мирно, так крепко в объятиях человека, которого считала убийцей? Должно быть, пребывание на грани смерти начисто лишило ее способности соображать.

Тирни оглядел ее с головы до ног.

– Как ты себя чувствуешь?

– Гораздо лучше. Я даже не думала, что можно так быстро оправиться после такого тяжелого припадка. – Лилли помолчала и добавила тихо: – Я тебя так и не поблагодарила.

– Поблагодарила.

– Нет. У меня был эмоциональный срыв и истерика со слезами.

– Ничего, я и так все понял.

– Но я так ничего и не сказала, а должна была сказать. Спасибо, Тирни.

– На здоровье.

Протекло несколько томительных секунд. Потом он отвернулся и прошел к стулу, на котором оставил свою куртку.

– Ты стал еще больше хромать.

– Растянул лодыжку по дороге к машине. Слава богу, не сломал.

– Как это случилось?

– Я не видел, куда иду, и… – Тирни отмахнулся, давая понять, что подробности значения не имеют. – Все пройдет.

mir-knigi.org

– Он был на полу, как мы и думали? – спросила Лилли, указывая на бархатный мешочек, лежащий на столе.

Тирни рассказал ей, как наконец добрался до ее машины, хотя уже почти потерял надежду.

– Ее не было видно из-под снега, а под снегом она вся обледенела. Я боялся, что не сумею открыть дверь.

Но он сумел открыть дверь. Труднее всего, объяснил он, было удержаться от соблазна сесть и передохнуть. Он знал, что если поддастся соблазну, то может уснуть и замерзнуть.

– Забравшись в машину, я дал себе не больше минуты на то, чтобы отдышаться, и тут же принялся за дело. Трудно было просунуть руку между приборным щитком и сиденьем, пришлось шарить в темноте. – Тирни еле протиснул руку в узком пространстве смятого автомобиля, чтобы нащупать бархатный мешочек. – Я ухватил ткань двумя пальцами, – объяснил он ей, демонстрируя, как это было.

– Я боялся оттолкнуть его еще дальше, тогда бы вообще не достал. Но мне удалось подтащить его поближе, и тогда уж я схватил его.

– А потом тебе пришлось проделать обратный путь. С сотрясением мозга и растяжением лодыжки.

– Я успел вовремя, вот что главное. – Тирни бросил взгляд на камин. – Нам понадобятся еще дрова, чтобы продержаться до утра.

– Ты собираешься выйти босиком?

Тирни натянул куртку, но двинулся к двери, так и не надев башмаков.

– Ничего, я быстро.

Он вышел на крыльцо и сразу же закрыл за собой дверь. Лилли открыла ему, когда он вернулся с охапкой поленьев.

Сложив дрова у камина, он сказал:

– Я видел послание на дверце шкафа в кухне.

Лилли не знала, что ответить, и сочла за лучшее промолчать. Тирни распрямился и повернулся к ней.

– Не ты одна так думаешь. Я завел двигатель твоей машины и включил радио в надежде услышать прогноз погоды.

У Лилли упало сердце.

– Меня разыскивает ФБР, – напрямую выложил он и опять прошел мимо нее на крыльцо. – Очевидно, один из твоих звонков Датчу все-таки достиг цели. – Он захлопнул за собой дверь.

Лилли рухнула на диван как подкошенная. Она даже не знала, чем вызвана слабость: облегчением или досадой. Если он Синий, хорошо, что ей удалось дозвониться. А если нет, значит, она взвела напраслину на невиновного.

mir-knigi.org

Он вошел, нагруженный еще одной охапкой дров, внеся с собой вихрь снежинок, и захлопнул дверь ногой.

– По прогнозу, снегопад должен прекратиться завтра. Температура по-прежнему будет ниже нуля, но погодные условия улучшатся. – Тирни начал складывать дрова у камина.

Его голос звучал как обычно, без малейшей озабоченности. – Дороги останутся непроходимыми на много дней, но, если повезет, можно надеяться, что завтра тебя спасут.

– Тирни…

– Однако эту ночь нам еще предстоит прожить, – решительно перебил ее Тирни. Он повернулся к ней лицом отряхивая руки. – Тебе такая перспектива должна казаться кошмаром. – Он кивком указал на рюкзак под столом. – Пистолет, наручники… Ты знаешь, где их найти, если решишь, что они тебе необходимы. Теперь, когда у тебя есть лекарства и запас дров, ты можешь справиться сама, пока помощь не подоспеет.

– Ты уходишь? – Лилли сама поразилась тому, как испугала ее мысль о его уходе.

Он горько рассмеялся.

– Искушение велико, но нет. Теперь, когда обо мне объявили по радио, любой местный охотник с дробовиком может на законных основаниях объявить меня оленем. Моя шкура будет главным охотничьим трофеем этого сезона, а в моем нынешнем состоянии я стану легкой добычей. Нет, пока я не поем и не отдохну, придется тебе со мной мириться. Но я не хочу, чтобы ты шарахалась от меня всякий раз, как я к тебе подхожу. Поэтому, если хочешь снова приковать меня к постели, я готов. Не то чтобы я был в восторге, но сопротивляться не буду.

Лилли опустила голову и посмотрела на пол, на свои ноги в носках, а потом на его босые ноги, выглядывающие из-под мокрых джинсов. Ей не пришлось долго раздумывать, чтобы принять решение.

– В этом нет необходимости, Тирни.

– Как, ты больше меня не боишься? Она взглянула на него и ответила просто:

– Будь ты Синим, ты не вернулся бы.

– Но как же ты не понимаешь, Лилли? Мне пришлось бы вернуться ради своего собственного выживания. Так или иначе, я бы там погиб.

– Но ты мог бы меня не оживлять. Синий оставил бы меня умирать.

– А где же тут кайф? Наблюдать, как ты умираешь, это совсем не то, что отнять у тебя жизнь. Нет, это совсем не то.

Лилли долго смотрела на него, вглядываясь ему в глаза в поисках ответов на вопросы, от которых он так ловко уклонялся при помощи встречных вопросов, или молчания, или лжи, или игры в адвоката дьявола. Он превосходно умел играть в эту игру, а вот она устала от игр.

Тирни принял стойку „вольно“. Выражение его лица смягчилось.

– Ты правильно делаешь, что доверяешь мне, Лилли.

– Я тебе совершенно не доверяю. Но ты спас мне жизнь.

– Что ж, это чего-то да стоит.

– По меньшей мере, это избавит тебя от наручников.

– Но не вернет нас туда, где мы были в тот день на реке. Что я должен сделать? Что нужно, чтобы вернуть нас туда, Лилли?

Он не двинулся с места. Она тоже. И все-таки ощущение было такое, будто расстояние между ними сокращается. Это зачарованное состояние тянулось, пока не треснуло полено в камине, выбросив целый сноп искр.

Тирни кивком указал на дверь.

– Мне проще, когда ты придерживаешь для меня дверь. Лилли помогала ему с дверью, пока Тирни делал еще несколько ходок на крыльцо за дровами. В последнюю ходку он взял с собой ведро, которое они позавчера наполнили питьевой водой. Теперь оно было пустым.

Когда он вернулся, ведро было набито снегом.

– Мне необходимо вымыться. – Он выскреб совком горящие угли из камина, разложил их на выложенном из камня фартуке перед очагом и поставил на них ведро. Снег мгновенно начал таять. – Увы, придется довольствоваться сухой баней.

– Сухой баней? – переспросила Лилли.

– Это обтирание. Ты что, никогда не слышала о сухой бане?

– Нет, с тех пор как умерла моя бабушка.

– Я тоже услышал это выражение от бабушки. Дедушка сказал мне, что это называется „шлюхиной“ баней. Бабушка на него набросилась, как коршун. Ей не нравилось, когда он при мне говорил что-то, хоть немного отдающее сальностью.

– И часто такое бывало?

– Каждый день, – улыбнулся Тирни. – Они меня вырастили.

Пока Лилли осмысливала это, он скрылся в спальне и вернулся с эпонжевыми рукавичками и двумя полотенцами.

– Остались всего два полотенца, не запачканные кровью.

– Как твоя голова?

– Уже лучше. Сотрясение доставило мне несколько неприятных минут, пока я был там. – Тирни кивнул на дверь. Он окунул палец в воду. – Ну, я думаю, теплее уже не будет. Ты как, выдержишь?

– Я думала, это для тебя.

– Первое ведро тебе.

– Спасибо, не надо.

Ее резкий отказ разозлил его.

– Я подожду в спальне, войду только по твоему сигналу. Надеюсь, ты не будешь бояться изнасилования? – Тирни тяжело вздохнул, стараясь успокоиться, и покачал головой. – Я думал, ты обрадуешься возможности вымыться.

Пристыженная Лилли взялась за сумку и нашла среди содержимого пластмассовую бутылочку жидкого мыла для рук. Она протянула ее как знак примирения.

– „Южная магнолия“. Я поделюсь.

– Принимаю. „Южная магнолия“ куда лучше того, чем я пахну сейчас. – Тирни ушел в спальню. – Не спеши. – Он закрыл за собой дверь.

Лилли разделась и торопливо вымылась. Ее влажная кожа покрылась мурашками, хотя она стояла чуть ли не в самом камине. Зубы выбивали неудержимую дробь. Тем не менее она щедро воспользовалась чуть теплой водой, мылом и рукавичкой, быстро вытерлась и оделась, после открыла дверь спальни.

– Готово. Это было чудесно.

Тирни был закутан в одеяло, которое взял с кровати, но все-таки его била дрожь. Он не пустил ее в спальню и закрыл за собой дверь.

– Там для тебя слишком холодно. У тебя может начаться новый приступ.

– Я приняла лекарства.

– Ты туда не пойдешь, – упрямо повторил он. – Один раз я уже видел тебя на грани смерти. Спасибо, с меня довольно.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты лишился своей сухой бани.

– Ни за что. Я не стеснительный.

Тирни вынес ведро с мыльной водой на крыльцо, выплеснул ее и вернулся с новой порцией снега. Пока он ждал, чтобы снег растаял и вода согрелась, Лилли осмотрела их припасы.

– У нас есть кастрюли. Как ты думаешь, мы сможем разогреть банку супа в камине?

– Конечно.

Лилли оглянулась через плечо и увидела, как он снимает свитер в дурацкой, типично мужской манере: сперва через голову со спины вперед, так что волосы встают дыбом, и только потом вытягивает руки из рукавов.

Ей не хотелось думать о нем со снисходительной ласковой усмешкой, как обычно женщины думают о чудачествах противоположного пола, поэтому она подошла к окну гостиной и отдернула занавеску.

– Может, это только мое воображение, – сказала Лили, но вроде бы снегопад ослабевает.

– Ну, значит, синоптики не соврали.

– Да, наверное.

Она услышала, как звякнула пряжка его ремня о каменный пол у камина. Значит, он снял джинсы. Тихий шелест ткани, трущейся о кожу. Тихий плеск воды, когда он сунул в ведро и отжал эпонжевую рукавичку.

Лилли прижала указательный палец к заиндевевшему окну и провела вертикальную черту.

– Вряд ли Датч получил хоть одно из моих посланий.

Она почувствовала, что Тирни замер у нее за спиной и стоит совершенно неподвижно, глядя ей в спину. Так прошло несколько напряженных секунд. Потом до нее снова донесся плеск воды, и она поняла, что он возобновил обтирание.

– Значит, Датч не от меня узнал, что ты Синий. То есть, если не Датч указал на тебя агентам ФБР, значит, они ищут тебя сами. Почему, Тирни?

– Спроси их, когда они сюда доберутся.

– Я бы хотела, чтобы ты мне сказал.

Он так долго молчал, что она перестала ждать ответа. Но в конце концов он заговорил:

– Эта девочка, Миллисент Ганн… Я ее знаю, она подрабатывает продавщицей в магазине спортивных товаров. Я был там, покупал носки… чуть ли не в тот самый день, когда она исчезла. Наверняка они проверяют всех, кто вступал с ней в контакт.

– Это по радио так сказали, что они проверяют всех, кто вступал с ней в контакт? Или назвали только твое имя?

– Может, я последний, кого еще не опросили. Разумное объяснение. Но если оно верно, почему он так расстроен? Да и вряд ли об этом стали бы упоминать по радио, если бы ФБР хотело только опросить его.

– Если бы мне не удалось вырезать твое имя на шкафу, наверно, я написала бы его на оконном стекле.

И вдруг она поняла, что именно это и сделала: написала на стекле его имя, как глупая школьница, машинально выписывающая в тетради имена своих кавалеров.

Смутившись и сердясь на себя, Лилли стерла имя со стекла… а чего добилась? В очищенном от инея участке стекла отразился Тирни. Голый, освещенный сзади камином, с блестящей мокрой кожей.

Ее губы раскрылись в невольном вздохе. Желание, спрятанное где-то глубоко внутри, развернулось и заполнило ее. Не замечая, что Лилли следит за ним, он нагнулся, окунул рукавичку в ведро, отжал ее и начал растирать грудь, плоский живот, темный треугольник внизу…

Лилли закрыла глаза и прижалась лбом к холодному стеклу. Кровь тяжко и горячо пульсировала в ее теле. Гул крови в ушах был так громок, что она едва расслышала его слова:

– Ты могла бы это сделать. Наша кожа выделяет жир, который остается на стекле, пока его не смоют.

О чем он говорит? Лилли даже вспомнить не могла. Она подняла голову и, чтобы удержаться от соблазна еще раз на него посмотреть, задернула штору, перед тем как открыть глаза.

– Я почти закончил.

Опять до нее донеслось звяканье пряжки: значит, он поднял джинсы. Через несколько секунд он сказал:

– Все, можешь поворачиваться.

Повернувшись, Лилли не стала смотреть прямо на него, но краем глаза увидела, как он натягивает свитер через голову. Она двинулась в кухню.

– Пойду разогрею суп. – Каким-то чудом ей удалось сдержать дрожь в голосе.

– Отлично. Я ужасно голоден.

Тирни вышел, чтобы выплеснуть ведро. Когда он вернулся и прошел в кухню, Лилли уже вылила банку концентрированного супа в кастрюлю и добавила немного питьевой воды.

– Спасибо за „Южную магнолию“, – сказал Тирни.

– На здоровье.

– Ужасно неловко еще раз тебя об этом просить, но не могла бы ты посмотреть рану на голове?

Она должна прикоснуться к нему? Прямо сейчас?

– Конечно.

Как и раньше, он оседлал один из кухонных табуретов. Лилли зашла ему за спину и развела в стороны его влажные волосы. Влажные? У него влажные волосы? Должно быть он вымыл голову, а она и не заметила. К своему стыду она не замечала ничего выше шеи.

– Больше не кровоточит, – объявила Лилли, – но надо, наверное, сменить наклейки из пластыря.

Она промыла рану антисептическими салфетками, потом пришлось пройти через тот же скрупулезный ритуал что и накануне: нарезать пластырь маникюрными ножницами на полоски и заклеить ими рану крест-накрест. Лилли старалась действовать со всем возможным безразличием, но из-за этого ее движения стали неуклюжими. Несколько раз она чувствовала, как он вздрагивает, и извинялась за причиненную ему боль.

Они нагрели кастрюлю на огне камина и съели суп, сидя по-турецки на матраце. Оказалось, что одной банки им мало, и они подогрели вторую.

Посреди второй порции Тирни спросил:

– Лилли, с тобой все в порядке?

Она удивленно подняла голову.

mir-knigi.org

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты какая-то ужасно тихая.

– Я просто устала, – солгала она и вернулась к супу.

Они растянули ужин насколько возможно, но, когда все было съедено, у них все равно остался долгий вечер впереди, а делать было решительно нечего. Несколько минут прошли в молчании, нарушаемом лишь потрескиванием поленьев в камине. Наконец он заговорил:

– Если хочешь спать, говори, не стесняйся.

– Я не хочу спать.

– Ты же говоришь, что устала.

– Я устала, но спать не хочу.

– Вот и у меня то же самое. Устал, как собака, а спать не хочу.

– Мы долго спали днем…

– Гм.

Опять наступило молчание. На этот раз его нарушила Лилли:

– Почему тебя растили бабушка с дедушкой?

– Мама и отец погибли в автомобильной аварии. Водитель грузовика превысил скорость, не заметил предупреждающего знака „Ремонт дороги“, не смог вовремя затормозить и буквально переехал их. Сплющил их.

Пришлось часами вырезать части тел из того, что от нее осталось.

Его спокойно-деловитый тон не обманул Лилли. Ему не удалось скрыть свои эмоции.

– Когда это случилось, подробности от меня, конечно, скрыли, – продолжал Тирни. – Но много лет спустя, когда я уже стал настолько взрослым, чтобы задавать такие вопросы, дедушка позволил мне прочесть, что писали газеты об этой аварии. Они с бабушкой потеряли дочь. Я остался сиротой. А неосторожный водитель грузовика вышел из передряги без единой царапины.

– Сколько тебе было лет?

– Когда это случилось? Восемь. Мама с отцом уехали на долгие выходные – отметить десятую годовщину своей свадьбы, а меня оставили у бабушки с дедушкой. – Тирни взял кочергу и помешал огонь. – После похорон, когда я понял, что это не дурной сон, что они и вправду умерли, я не захотел возвращаться в наш дом. Бабушка с дедушкой взяли меня домой, чтобы упаковать мои вещи, но я устроил истерику во дворе и наотрез отказался даже зайти в дом. Я просто не мог снова увидеть эти комнаты, зная, что мамы с папой там нет и никогда не будет.

– Ты их очень любил, – тихо сказала Лилли. Тирни смущенно пожал плечами.

– Я был ребенком. Все, что они для меня делали, принимал как должное, но… Да, я любил их.

Бабушку с дедушкой я тоже любил. Им, конечно, пришлось со мной нелегко, но они никогда не давали мне почувствовать, что я для них обуза. Честно говоря, я никогда не сомневался, что они меня любят.

– Ты так и не вернулся в свой дом?

– Нет.

Лилли положила подбородок на поднятые колени и задумчиво взглянула на его профиль.

– Ты и теперь никогда не бываешь дома. У тебя такая работа, что ты вечно в разъездах.

Он криво усмехнулся.

– Держу пари, для промывателей мозгов этот факт стал бы просто праздником души.

– Это был подсознательный выбор карьеры? Или сознательный?

– Моя жена думала, что сознательный.

– Жена?

– В прошедшем времени. Мы были женаты аж целых тринадцать месяцев.

– Когда это было?

– Давно. Я только-только получил право голосовать, ну и вступать в брак, конечно, тоже. Мне не следовало этого делать. Я не был готов остепениться и уж тем более не хотел ни перед кем отчитываться. Больше всего ей не нравилась во мне жажда к перемене мест, но это была не единственная претензия. Далеко не единственная. И все ее упреки были справедливы, – признал Тирни с горькой усмешкой.

Потеря родителей все еще сказывалась на нем, хотя он давно стал взрослым человеком. Эта утрата влияла на его решения, она разрушила его брак. Какие еще травмы, какие эмоциональные и психологические раны нанесла эта трагедия восьмилетнему Бену? Может быть, она изуродовала его душу? Он больше не закатывал истерик, но подавленный в душе гнев мог найти другую отдушину.

Неужели он – Синий?

Ленточка, наручники, непоследовательные и уклончивые ответы – от всего этого нельзя было просто отмахнуться. Если бы по радио передали, что его разыскивает полиция Клири, можно было предположить, что один из ее звонков к Датчу достиг цели. Но ФБР? Он чего-то недоговаривал. С какой стати им интересуется ФБР? Нет, он чего-то недоговаривал.

И все же, глядя на него, Лилли в тысячный раз спрашивала вала себя: разве он может быть похитителем и убийцей женщин? Нет, она почувствовала бы, по глазам распознала бы психопата. Да, в нем чувствовалась напряженность. Часто в его глазах вспыхивало раздражение или даже гнев.

Но в них не горел огонечек фанатизма, не тлело безумие серийного убийцы.

Самым убедительным аргументом в его пользу было то, что он не причинил ей вреда. Наоборот, в этот день он пискнул своей жизнью, чтобы спасти жизнь ей. Это его голос –

сорванный, хриплый от волнения и страха – вернул ее из небытия. А потом он часами, не обращая внимания на собственные неудобства, держал ее на руках, пока она спала, он прикасался к ней с такой нежностью и…

Ее мысли кристаллизовались вокруг внезапного озарения. Ласки, казавшиеся ей частью чудесного сна, вовсе не были сном. Словно подключившись к ее мыслям, Тирни повернул голову и устремил на нее пристальный взгляд своих синих глаз.

– Я думаю, нам пора в постель.

Глава 24

Дочь Бетси Кэлхаун мало что могла предложить агентам Бегли и Уайзу, помимо горячего чая и домашнего овсяного печенья с изюмом. Она объяснила, что ее муж уехал из города делать оптовые закупки для их магазина канцелярских принадлежностей на Главной улице. Она заплакала, рассказывая, как в последний раз видела свою мать.

– Я заехала к ней домой, хотела проверить, как она побивает. Было три часа дня, а она все еще была в ночной рубашке.

Как и предполагал Бегли, после смерти мужа у Бетси Кэлхаун началась клиническая депрессия, вызванная утратой.

– Она перестала выходить из дома, – рассказывала ее дочь рассеянно поглаживая рыжую кошку, променявшую подоконник на ее колени сразу же после их прихода. – Уговаривала ее принять участие в жизни церковной общины, в добровольческой благотворительной работе, убеждала заняться хоть чем-нибудь. Но, оставшись без папы она потеряла всякий интерес к чему бы то ни было.

– Если не ошибаюсь, – напомнил Филин, – ее машина была обнаружена на автомобильной стоянке банка?

– Для меня это загадка. Она месяцами не бывала в банке. С тех пор как умер папа, обо всех ее денежных делах заботилась я. Не могу объяснить, почему ее машину нашли именно там. Могу лишь предположить, что она последовала моему совету чаще выходить из дому. – Она промокнула глаза вышитым платочком. – Когда машину нашли с этой ужасной синей лентой, привязанной к рулю, я сразу поняла, что случилось нечто ужасное.

– Она могла назначить встречу с кем-то на этой стоянке?

– Это с кем же?

– Вот потому-то мы и спрашиваем, – пояснил Бегли с несвойственным ему терпением. – Надеемся узнать, кто бы это мог быть.

– Да я себе мозги сломала, можете мне поверить. Ничего не приходит в голову. Мама ни с кем не общалась. Она была довольно замкнутым человеком.

И в самом деле, как уже установили агенты, круг друзей Бетси Кэлхаун ограничивался дамами из воскресной школы.

– Со всем подобающим уважением к ней и к памяти вашего отца, – осторожно спросил Филин, – можно ли предположить, что у вашей матери была связь с джентльменом, которую она

скрывала?

Дочь решительно покачала головой.

– Только не у мамы. Папа был любовью ее жизни. Вы не поверите, но она стеснялась мужчин. Мне кажется, она и на свидании-то в жизни ни с кем не была, кроме папы. Мама ходит только в салон утром по пятницам, в церковь по воскресеньям, ну и иногда на рынок.

Насколько было известно дочери, у Бетси Кэлхаун не было причин заходить в магазин спортивного инвентаря.

– Ради всего святого, зачем?

Агенты спросили, знает ли она Бена Тирни.

– А кто это?

Филин дал ей краткое описание, но она в ответ сказала, что может поручиться: ее мать ни с кем таким не была знакома.

– Я хочу только одного: чтобы ее нашли и вернули домой, – всхлипнула она в платочек. – Если бог не ответит на мою молитву, на худой конец я хотела бы знать, что с ней случилось. – Она смотрела на них полными слез глазами. – Как вы думаете, вам удастся когда-нибудь ее найти?

– Мы сделаем все, что в наших силах, – заверил ее Бегли, сжимая ее руку обеими руками.

Через насколько минут, когда они отъехали от уютного домика, он заметил:

– Славная леди.

– Да, сэр. – Опять Филин почувствовал, что дрожит в своей куртке, дожидаясь, пока обогреватель в седане согреет воздух. О том, чтобы обогреть и просушить ноги, он уже и мечтать забыл. – „Уистлер-Фоллз“, сэр?

– За неимением лучшего.

При обычных обстоятельствах перспектива провести ночь в одном из коттеджей Гаса Элмера без какой-либо связи с внешним миром показалась бы Филину тоскливой, чтобы не сказать ужасающей, но на этот раз он так устал, что буквально воспрянул духом, услышав ответ Бегли.

– Как вы думаете, он сможет предложить нам ужин?

Вопрос об ужине проскользнул мимо сознания Бегли: он был погружен в размышления.

– Все дело в том, – заговорил он, размышляя вслух, – что мы убедили себя, будто Тирни и есть наш главный подозреваемый.

– А зачем еще ему собирать данные о пропавших женщинах, о ходе следствия, зачем он накапливал всю эту информацию, что мы нашли в его коттедже?

– Вот именно, Филин. У тебя были подозрения насчет него, а эта находка сразу придала им вес. Мы также предположили – и тут, я думаю, не промахнулись, – что он мнит себя спасителем женщин, попавших в беду. Верно?

– Да, сэр. – Вообще-то, авторство этого предположения принадлежало Бегли, но Филин с ним согласился, и до сих пор они не получили никаких данных, опровергающих эту теорию.

– Вот в чем затруднение, – продолжал Бегли. – Где застенчивая, замкнутая леди, посещавшая только парикмахерскую да воскресную школу, могла пересечься с Тирни? На байдарках она не плавала, это уж как пить дать.

– Нет, сэр.

– Круг знакомств миссис Кэлхаун был чрезвычайно узок, а ее дочь понятия не имеет, кто такой Тирни. Тогда каким образом он умудрился узнать Бетси Кэлхаун настолько хорошо, что сделал ее своей жертвой? Между ними нет ничего общего, где же их пути пересеклись?

– Я думаю, тот же вопрос можно задать насчет всех остальных жертв, за исключением Торри Ламберт, на которую он мог наткнуться случайно, и Миллисент Ганн.

– Кэролин Мэддокс тоже не исключается, – возразил Бегли. – Возможно, это натяжка, но правдоподобная. Он мог встретить Лорин Эллиотт в клинике, где она работала. Может, у него был грипп или что-то в этом роде. Но искатель приключений и робкая вдовушка? – Бегли покачал головой. – Не клеится.

Филин придерживался того же мнения.

Несколько минут он раздумывал.

– Допустим, Тирни прочел сообщение о смерти ее мужа в местной газете. Помните, он заказал по каталогу перехватывающую рацию? Может быть, он вел наблюдение за миссис Кэлхаун, прослушивал ее и понял – она одинокая и несчастная женщина.

Это объяснение показалось нелепым и несостоятельным даже ему самому. Бегли уничтожил его, не задумываясь.

– Он слишком динамичен, чтобы вести наблюдение за кем-то. Он не выслеживает женщин подобным образом, это не его стиль. К тому же на это понадобилась бы чертова уйма времени, а он не живет здесь круглый год. Пожалуй, он мог бы столкнуться с ней случайно на автомобильной стоянке у банка. Может, у нее мотор заглох и он предложил свою помощь. Что-то в этом роде. Сразу понял, что она одинока и несчастна. Она стала еще одной случайной жертвой, как и эта Ламберт.

Версия звучала правдоподобно, но в голосе Бегли не чувствовалось убежденности. Он рассеянно смотрел сквозь ветровое стекло, выбивая дробь пальцами по панели между сиденьями.

– Вы сомневаетесь, что это он, сэр?

– Я не знаю, Филин.

– Если он не Синий, как вы объясните собранные им досье по похищениям?

– Это первый вопрос, который я ему задам. – Бегли с досадой прищелкнул языком и что-то пробормотал насчет проклятого дела и какого хрена оно ему никак не дается. Филин не все разобрал, но суть была такова. Вдруг Бегли повернулся к нему. – Есть что-то новое от Перкинса?

– Нет, сэр. Но, поверьте мне, он копает. И как только что-нибудь нароет, свяжется с нами.

Бегли поглядел на небо.

– Черт, я надеюсь, „вертушка“ будет здесь завтра. Не знаю, как долго мне удастся держать на поводке ревнивого шефа полиции. – Он презрительно фыркнул, вспомнив Датча Бертона. – Ну, правда, пока дорога блокирована, он не сможет подняться на гору. Как и мы, впрочем.

– А Тирни не может спуститься.

– Верно, Филин. В этом смысле нам повезло. И больше у меня нет ни одного доброго слова обо всей это гребаной заварухе.

* * *

Уэс вошел в школьный гимнастический зал и придержал дверь для Скотта. В их распоряжении был только тот свет, что проникал в окна. Полумрак казался гнетущим. В зале не было никаких мягких поверхностей, способных поглощать холод.

– Вот разомнешься и сразу согреешься. – Голос Уэса, гулко прокатившийся по пустому помещению, показался Скотту оглушительным.

Сохраняя угрюмое молчание, Скотт скинул пуховик, расстегнул и снял верх трикотажного тренировочного костюма, под которым была надета безрукавка. Уэс позволил себе полюбоваться телом сына. Это было тело прирожденного атлета. Тонкая талия, длинные руки и ноги. Жир составлял не больше десяти процентов телесных тканей, а может, и меньше. Как великолепно развиты мускулы, как выразительно они обозначены под гладкой кожей!

Уэс завидовал безупречному сложению Скотта. Вот ему самому куда меньше повезло с генетикой. Его ноги, унаследованные от матери, были коротковаты, а отец наградил его склонностью к артриту и ревматизму. Все его родичи с отцовской стороны к пятидесяти годам становились скрюченными и кривоногими.

То ли дело Скотт! Он унаследовал лучшие черты от отца и от матери. Силу и выносливость от него, Уэса, грациозность и координацию от Доры.

Глядя на него сейчас, пока он подходил к скамейке со штангой, Уэс подумал, что, будь у него такие данные и природные способности, как у Скотта, он пробился бы в профессионалы. Он стал бы большой звездой.

Скотт тоже мог бы, если бы захотел, но в том-то все и дело, что он не хотел, черт бы его побрал. Желание, азарт, кровожадный спортивный дух… Оказалось, что все это не наследуется автоматически вместе с физическим совершенством. Скотт не унаследовал характер, который делает хорошего спортсмена чемпионом. Ну, ничего, сказал себе Уэс, он позаботится, чтобы Скотт этот характер приобрел. Он пойдет на все, он разожжет костер на брюхе у мальчишки, если придется.

Вот сейчас, например, никакого огня в Скотте не было. Он вяло проделывал упражнения разминки, необходимые для разогрева перед поднятием тяжестей.

– Что ты дуешься? Можно подумать, эти гири тебя чем-то обидели, – заметил Уэс.

Скотт бросил на него взгляд через зеркальную стену за скамейкой, но ничего не ответил.

– Да что с тобой сегодня?

Скотт продолжал попеременно поднимать руки с гирями, разогревая бицепсы.

– Ничего.

– Ты разозлился, потому что я не пустил тебя к твоему другу Гэри и притащил сюда на тренировку?

– Гэри – ублюдок.

– Тогда в чем проблема?

Скотт положил легкую штангу с гирями себе на плечи и начал серию приседаний.

– Ни в чем. Все замечательно.

– Тогда чего ты дуешься, как четырехлетний?

– Черт, папа, я не знаю. – Скотт вернул штангу на держатель, не сводя глаз с отражения Уэса в зеркальной стене. – Думаешь, эта перемена настроения из-за того, что меня накачивают стероидами?

Уэс схватил его за руку, развернул лицом к себе и грубо толкнул назад, прямо на зеркальную стену.

– Ты мне не дерзи, а не то возьму ремень и выпорю.

Скотт лишь засмеялся в ответ:

– Плевать я на это хотел.

– Когда я с тобой покончу, плевать не будешь. – Уэс бросил на сына гневный взгляд и отступил. – Я тебя не понимаю, Скотт. Откуда такая неблагодарность? Думаешь, я ради собственного удовольствия с тобой тут парюсь? Думаешь, мне заняться нечем? Я все это делаю только ради тебя.

– Кому ты мозги пудришь? – вдруг заорал на него Скотт. – Ты все делаешь только для самого себя!

Уэс по опыту знал, что Скотт унаследовал от Доры не только пластичную мускулатуру, но и ослиное упрямство.

Не надо наседать на мальчишку, напомнил он себе, а то упрется, и с места его не сдвинешь. Ему хотелось врезать сыну за то, что посмел дерзить, но он обуздал себя и заговорил вполне миролюбиво:

– Ты ошибаешься, сынок. Да, конечно, – заторопился Уэс, не давая Скотту возразить, – мне приятно знать, что ты самый сильный, самый быстрый, самый лучший, но…

– Но тебе плевать на меня.

Уэс искренне обиделся:

mir-knigi.org

– Как ты можешь так говорить после всего, что я для тебя сделал?

– А что ты для меня сделал? Что ты сделал для меня сегодня, а? Ничего. Когда эти фэбээровцы стали спрашивать, почему мы с Миллисент порвали, это мне они поджаривали задницу, а не тебе. Это я заикался и молол всякую чушь, а не ты. А ты сидел там и слова не сказал, вот что ты делал.

Уэс заговорил очень тихо:

– А ты хотел, чтобы я выложил им всю правду-матку? – Он заметил промелькнувшую в глазах сына неуверенность и бросился в атаку. – Мы же об этом никогда не говорили. Думаешь, это удачная мысль – обсуждать такие вещи прямо при них? При твоей матери? Тебя бы это не смутило, если бы они узнали, что твоя девушка предпочла меня тебе?

– Ничего она не предпочла.

– Мне она не так говорила, – усмехнулся Уэс. – Ты же был там. Ты все видел. По-твоему, она не получала удовольствия? А по-моему, очень даже. Да она меня ухайдакала. Сама, заметь. Сама.

Он видел, как висящие по швам руки Скотта сжались в кулаки. Его лицо побагровело, но вовсе не от разминки. Дыхание участилось. Он был в бешенстве. Казалось, он вот-вот взорвется.

Уэс предпочел бы, чтобы он взорвался. Уж лучше бы Скотт набросился на него и врезал бы ему от души. Уэс, конечно, дал бы сдачи, но зато в парне проснулась бы наконец спортивная злость. И вообще, ему полезно выпустить пар. Пусть ведет себя как мужчина!

Увы, к его огромному разочарованию, даже отвращению, глаза Скотта наполнились слезами. Вот таким нытиком вырастила его Дора.

– Ты нарочно подстроил, чтобы я застал вас вдвоем, – бросил Скотт.

Уэс не стал это отрицать.

– Пора было кому-то ткнуть тебя носом в тот очевидный факт, что эта девица – шлюха, и нечего нюни распускать насчет нее.

– Это неправда! Ты… Ты…

– Я отпустил пару намеков, и она все правильно поняла. Она не была невинной овечкой, Скотт. Я ее ни к чему не принуждал. Черт, мне даже стараться не пришлось. Она прекрасно знала, за чем пришла ко мне в кабинет в тот вечер. Я влез к ней в трусы на раз-два-три. Сказать по правде, на ней и трусов-то не было, и уж она позаботилась, чтобы я об этом знал. Если перестанешь злиться хоть на минуту и задумаешься, ты поймешь, что она собой представляет. Она давно задумала поиметь нас обоих – и сына, и отца. Задолго до того, как я ее хоть пальцем тронул.

– Ты омерзителен.

– Я? Это я омерзителен? Почему я? Это она польстилась… ради острых ощущений. А я сделал это ради тебя.

– Это… это дерьмо! – взорвался Скотт. – Ты все это нарочно подстроил, чтобы мне показать, какой ты крутой.

Уэс хотел положить руку на плечо Скотту, но, когда Скотт стряхнул ее, сердито бросил:

– Если бы я пришел к тебе поговорить по-мужски, как отец с сыном, и сказал, что твоя милашка – шлюха, ты бы мне поверил? Черта с два бы ты мне поверил! Тебе надо было увидеть собственными глазами, чтобы поверить. Я знал, как положить этому конец. Ты должен был увидеть нас вместе.

– Миссия завершена, – саркастически заметил Скотт.

– Чертовски верно! Тебе надо было избавиться от нее по множеству причин. Считай, что я оказал тебе услугу.

– Ты трахал мою девушку, чтобы оказать мне услугу?

– Я не могу это обсуждать, когда ты извращаешь все мои слова, – вздохнул Уэс.

– Сколько раз?

– Что?

– Не коси под дурачка. Ты меня слышал. Сколько раз ты был с Миллисент? Только в тот раз на твоем столе? А может, я случайно вас застал, и ты только теперь придумал всю эту шикарную историю про то, что оказал мне услугу?

– Скотт.

– Сколько раз?

– Ну, ладно, несколько раз, доволен? – прокричал в ответ Уэс. – Я не считал. Это не имеет значения. Ты просто не хочешь…

Скотт взял куртку тренировочного костюма и всунул руки в рукава, потом подхватил пуховик и направился к выходу.

– Вернись, Скотт, – приказал Уэс. – Мы не закончили.

– О нет, закончили.

– Ты куда?

Скотт шел вперед, не останавливаясь.

– Если ты подобным образом пытаешься поквитаться…

Скотт остановился и повернулся кругом. Глядя прямо в глаза Уэсу, он улыбнулся:

– Я уже поквитался. С вами обоими.

Глава 25

Когда Тирни сказал, что им пора в постель, он говорил буквально. Оставив ее сидеть у огня, он встал, собрал все одеяла и свалил их на матрац. Он поймал на себе ее изумленный взгляд.

– Я не собираюсь спать на диване, – принялся он оправдываться. – Он мне мал. Я чувствую себя

так, будто меня переехал грузовик. Мне нужен весь мыслимый комфорт, какой возможен в этих условиях. Можешь взять лишнее одеяло и подоткнуть под себя, чтобы мы не соприкоснулись даже случайно.

– Ладно.

Лилли встала и прошла в ванную. Не было необходимости напоминать ей, что надо спешить: в спальне и в ванной стоял ледяной холод.

Когда она вернулась, он опять подкладывал дрова в камин.

– Ты ляжешь здесь, ближе к огню.

Лилли перешла, куда он указывал, но не легла, пока он не скрылся в ванной. Следуя его предложению, она подоткнула под себя одеяло. Тирни вернулся через несколько минут. Она увидела, что он медлит, поглядывая на мокрые снизу штанины джинсов.

– Хочешь их снять? – спросила Лилли.

– Да, но я этого не сделаю. – Тирни лег поверх одеяла, которым она укрыла себя, и накрыл остальными их обоих. Он застонал, укладываясь на матраце.

– Тебе больно?

– Только когда дышу. А ты как? Тебе удобно?

– Нормально.

– Ты не кашляла больше часа.

– Мне гораздо лучше.

– Похоже на то. Хрипов почти не слышно.

– Иногда становится хуже по ночам. Надеюсь, это не помешает тебе спать.

– Я тоже надеюсь не помешать тебе своим храпом. Если огонь будет угасать, просто разбуди меня. Я встану и подброшу еще дров.

– Хорошо.

Лежа на спине и не соприкасаясь, они смотрели в потолок. Огонь отбрасывал пляшущие отсветы на открытые стропила. При других обстоятельствах такая игра света и тени могла бы усыпить Лилли, но сейчас она лежала, напрягшись, ей было не до сна.

– Думаешь, они будут здесь завтра? – Она сама не знала, кого имеет в виду под словом „они“. Датча и местную касательную команду? Или агентов ФБР? Возможно, и тех и других.

– Я думаю, кто-нибудь попытается, – ответил Тирни. – Если, конечно, прогноз сбудется и снегопад прекратится.

– И если Датч получил мое первое сообщение. Может, он все это время думает, что я благополучно вернулась в Атланту?

mir-knigi.org

– Может быть.

– Если он не получил послания, он даже не знает, что ты здесь со мной.

– Нет.

Но интуитивно Лилли чувствовала, что Датч знает, а сухой тон Тирни вызван именно тем, что он тоже так думает.

– Если снег утихнет, – сказала она, – у нас опять будет сотовая связь.

– И кому ты тогда позвонишь, Лилли? Датчу или ФБР?

– Я об этом не думала.

– Ты позвонишь Датчу.

Они помолчали, прислушиваясь к треску поленьев в; камине, потом Лилли повернулась на бок лицом к огню, подложила руку под щеку и сказала:

– Спокойной ночи, Тирни.

– Спокойной ночи.

Будить его ей не пришлось бы, потому что он так и не уснул. Она это знала, потому что тоже не смогла заснуть, и для бессонницы у нее было несколько причин. Она долго спала днем. Даже сквозь сомкнутые веки она видела вспышки огня в камине. Неудобно было спать в одежде, да еще под несколькими тяжелыми одеялами. И еще ей мешали воспоминания о недавно пережитом ужасе во время последних минут приступа астмы.

Но главной причиной ее бессонницы был Тирни, лежавший на расстоянии вытянутой руки от нее. Сказав ей „Спокойной ночи“, он не произнес больше ни слова, не шевельнулся, и все же она знала, что он не спит, что он тоже остро ощущает ее присутствие.

Когда он тоже повернулся на бок лицом к огню, Лилли замерла в мучительном ожидании прикосновения, которого так и не последовало. Хотя ни один из них не шевельнулся, не издал ни звука, напряжение между ними каким-то непостижимым образом возрастало с каждой секундой.

Прошло, наверное, не меньше часа после того, как они неуклюже и фальшиво пожелали друг другу спокойной ночи, прежде чем Тирни заговорил. Он даже не спросил шепотом для начала, не спит ли она. Хотя Лилли лежала, повернувшись к нему спиной, он не сомневался, что она не спит. Ее не удивил его тихий голос. Ее потрясло то, что он сказал:

– Он бил тебя, да? Датч. Он тебя бил.

Лилли судорожно сглотнула, но не обернулась.

– Где ты это слышал?

– Нигде. Просто я довольно долго наблюдал за ним, и мне кажется, что это логичное предположение. Некоторые полицейские бьют просто так, для куража. Для них это обычное дело. Им начинает казаться, что это универсальное решение любых проблем. Это особенно типично для человека, эмоционально разбитого и пьющего.

Лилли промолчала.

– И мне кажется, – добавил Тирни еще тише, – что ты вряд ли могла бы расторгнуть свой брак по менее веской причине.

Лилли никогда никому не рассказывала. Ни своим друзьям и сослуживцам, которые видели, как она страдает, и убеждали ее поделиться, не держать все в себе, ни даже своему психоаналитику, которому рассказывала о себе все. Все, кроме этого. Но почему-то она почувствовала, что Тирни можно рассказать. Просто потому, что он оказался достаточно проницательным и сам обо всем догадался.

– Это было только один раз, – тихо сказала Лилли. – Он и раньше замахивался, как будто хотел ударить меня. Я его предупреждала: если он когда-нибудь посмеет, на этом наша совместная жизнь закончится. Я ему так и сказала. Я поклялась, что так и будет.

Она на минуту закрыла глаза и глубоко вздохнула. Даже сейчас нелегко было вспоминать о той страшной ночи.

– То ли он меня не слушал, то ли не поверил, то ли был слишком пьян и забыл мое предупреждение. В тот вечер он вернулся домой очень поздно. Настроен был воинственно. Не стал дожидаться моих упреков. Он буквально нарывался на ссору. А у меня в тот день было длинное заседание по бюджету, я страшно устала. Между нами и раньше бывали шумные ссоры, но в тот раз я пыталась этого избежать, только он мне не дал. Он искал ссоры и просто не угомонился бы, пока не добился своего.

Он загнал меня в угол в спальне. Загнал в угол в буквальном смысле слова и не давал пройти. Он заявил, что это я виновата в смерти Эми. Это из-за меня мы потеряли дочь. Бог послал ей раковую опухоль, чтобы наказать меня потому что я вернулась на работу после декретного отпуска, вместо того чтобы сидеть дома с ней.

– Это безумие.

Лилли с горечью рассмеялась.

– Вот так и я сказала. Этими самыми словами. Датч воспринял их болезненно. Он ударил меня по лицу кулаком с такой силой, что я стукнулась головой об стену. Чуть сознание не потеряла. Я съехала на пол и закрыла голову руками. И все это время я думала: „Этого не может быть. Только не со мной. Я, Лилли Мартин, не могу сидеть, съежившись, на полу собственной спальни, стараясь укрыться от собственного мужа“. Я думала, такое случается только с людьми, о которых читаешь в газетах. С бедными, невежественными людьми, выросшими в неблагополучных семьях и неспособными выйти из порочного круга насилия. Даже мой отец никогда меня не шлепал, не говоря уж о том, чтобы поднять руку на мою мать. Это было немыслимо.

Лилли покачала головой и помолчала немного, чтобы передохнуть.

– Датч протрезвел и опомнился мгновенно. Тут же начал извиняться, оправдываться… Даже слезу пустил. Он говорил, что это все из-за работы, где на него вечно давят, из-за тоски по Эми. Я могла бы возразить, что на меня тоже давят на работе, что я не меньше его тоскую по Эмми. Но я понимала, что спорить бесполезно. Стадию ссор объяснений мы уже давно миновали. И я уже миновала ту стадию, когда могла простить. Не сказав ни слова, я поднялась с пола, ушла из дома и ночь провела в гостинице. А потом наняла адвоката и подала на развод на следующий день. Для меня возвращение стало невозможным.

– Ты как-то пострадала?

– Переломов не было, если ты об этом. Были синяки.

– Ты подала на него жалобу?

– Адвокат уговаривал меня подать, но я отказалась. Я просто хотела выбраться, Тирни. Датч погружался в отчаяние, как будто к его ноге привязали жернов. Я не хотела чтобы он утащил меня за собой. А жалоба на побои, судебное разбирательство… Все это только затянуло бы решение вопроса. Я хотела освободиться от него как можно скорее. Неужели это непонятно?

– Понятно, хотя я не согласен. Ему место в тюрьме. Но я могу понять, почему ты решила не подавать в суд.

– Я сказала сослуживцам, что у меня грипп, и спряталась в гостиничном номере. Отсиживалась, пока не сошли синяки и отеки. Когда я выписалась из гостиницы, это был символический момент, начало новой жизни. Жизни без Датча Бертона.

– Я бы не сказал этого, – пробормотал Тирни так тихо, что Лилли даже не поняла, предназначено ли это замечание для ее ушей. Во всяком случае, она сделала вид, что не расслышала.

После краткого молчания он сказал уже громче:

– Мне очень жаль, что тебе пришлось через это пройти.

– Мне тоже жаль, но я больше жалею Датча. Я-то справилась, а вот он – нет. Мои синяки исчезли, а у него вся душа в синяках, и это навсегда. Он никогда не избавится от чувства вины.

– Только от меня не жди сочувствия. Мне его не жаль. Честно говоря, мне хотелось бы взгреть его как следует за что он сделал с тобой.

– Прошу тебя, не надо. Да и не станешь ты его бить.

– Черта с два я не стану. Как только представится случай.

– Прощу тебя, Тирни. Обещай, что не будешь.

– Ладно, не буду, – сказал он, немного помолчав. – Все равно, не завтра, так послезавтра я буду не в том положении, чтобы бросать кому-то вызов, не так ли?

На это Лилли ничего не ответила.

– Можно тебя попросить еще кое о чем?

– О чем?

– Никому об этом не рассказывай.

– С какой стати мне его покрывать?

– Не его, меня. Ради меня не говори никому. Пожалуйста.

– Ладно.

mir-knigi.org

– Обещаешь?

– Ты просишь никому не говорить, Лилли. Я не скажу.

Она ему поверила.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – сказал он. – А теперь спи.

Лилли устроилась поудобнее и подтянула одеяла к подбородку. Она наблюдала, как пламя пожирает полено, пока почерневший конец не отломился и не упал на угли. Она продолжала наблюдение. Обугленный конец полена раскалился докрасна, потом вдруг снова вспыхнул и запылал.

Она повернулась лицом к Тирни.

Его глаза были широко открыты, он наблюдал за ней.

– Я не хочу спать, – прошептала Лилли.

* * *

Скотт машинально нажал на кнопку звонка и только потом вспомнил, что электричества нет. Он громко стукнул несколько раз и услышал приближающиеся шаги. Дверь открылась.

– Здравствуйте, мисс Ритт.

– Скотт! – воскликнула Мэри-Ли, явно удивленная ее приходом. – Я что-то забыла? Разве у нас назначен урок.

– Я пришел поговорить с мистером Риттом.

Она оглянулась через плечо на кухню, где Скотт увидел Уильяма, сидящего за обеденным столом.

– Мы как раз заканчиваем ужин.

– Я могу прийти позже.

– Нет-нет, заходи. – Мэри-Ли отступила от двери, давая ему войти. Он потопал башмаками, стряхивая снег, прежде чем ступить в выложенную плиткой прихожую. Закрывая за ним дверь, Мэри-Ли выглянула наружу и, не увидев машины у тротуара, спросила: – Ты пришел пешком?

– Да, мэм.

– Кто там, Мэри-Ли? – крикнул Уильям из кухни.

– Скотт Хеймер.

Уильям вышел из кухни, как был – с салфеткой, заправленной за воротник и лежащей на его узкой груди, словно детский слюнявчик.

– Боже милостивый, Скотт, что тебя принесло в такую жуткую погоду? У твоей мамы опять

мигрень?

– Нет, – Скотт скосил глаза на Мэри-Ли и снова повернулся к Уильяму. – У меня к вам разговор с глазу на глаз.

Уильям пристально взглянул на юношу, озадаченный неожиданным визитом не меньше, чем его сестра.

– Разумеется. – Он жестом пригласил Скотта в гостиную, где пылал огонь в камине. – Извини нас, Мэри-Ли.

– Давай я возьму твою куртку, Скотт, – предложила она.

– Нет, спасибо, я сам.

– Хочешь чаю?

– Нет, спасибо, мисс Ритт, я ненадолго.

Она явно сгорала от любопытства, но любезно улыбнулась:

– Ну что ж, дай мне знать, если передумаешь.

Уильям дождался, пока за ней не закроется дверь, и сел на стул:

– Присядь.

– Я постою.

Ульям еще раз смерил его взглядом, вытащил из-за воротника салфетку, тщательно сложил ее и положил на кофейный столик.

– Ты, похоже, не в духе.

– Я больше не буду принимать стероиды.

Эта новость ошеломила Уильяма.

– Правда? Ты замечаешь побочные эффекты с тех пор как мы начали комбинировать?

Сначала они давали Скотту стероиды в таблетках, но это не удовлетворило Уэса, ему не терпелось поскорее видеть результат, и он настоял, чтобы Уильям дополнил их уколами. Хотя инъекции не нарушали обменного процесса и облегчали некоторые побочные эффекты, они все равно были опасны. Любое использование стероидов способно нанести вред телу и повлиять на поведение. Скотт прочитал об этом в специальной литературе. Он прочитал все, что смог найти, об особой опасности сочетания пилюль с инъекциями, которое Уильям называл словом „комбинировать“.

– Повышенное сексуальное желание при дисфункции эрекции, да, Скотт?

Скотта чуть не стошнило от этой хитроватой ухмылки. Он готов был придушить Уильяма. Что знает этот мерзкий коротышка о дисфункции эрекции?

Уильям подмигнул и злорадно рассмеялся:

– Судя по твоей популярности у дам, вряд ли речь идет о сексуальном расстройстве. Неужели ты тревожишься из-за пары прыщиков?

Скотт решил не поддаваться на провокацию.

– Я больше не буду их принимать. Ни уколы, ни пилюли. Мой отец платит вам за них кучу денег. Он платит вам еще больше, чтоб вы держали язык за зубами. С этой минуты договор не действует.

Уильям невозмутимо присел на мягкий подлокотник кресла.

– Ты обсудил это решение с Уэсом?

– А мне это не нужно. Я уже взрослый.

– То есть тебе уже исполнилось восемнадцать? Это еще не значит быть взрослым. – Один этот снисходительный тон мог кого угодно вывести из себя. У Скотта чесались вздуть хорошенько этого подлого слизняка. – Извини меня за банальность, Скотт, я говорю элементарные веши, но Уэс будет против твоего решения.

– Пусть только попробует меня заставить. Я его заложу.

– Кому?

– Ну, для начала сообщу в педсовет. В газеты. Поверьте я добьюсь, чтобы меня услышали.

– Это положит конец его тренерской карьере.

– Вот именно.

– Зачем ты это делаешь? Хочешь погубить отца?

– Он сам себя погубил.

Уильям вытянул губы трубочкой, как будто обдумывая слова Скотта.

– Да, я понимаю. – Уильям пожал плечами. – И в то же время ничего не понимаю. Мне кажется, это ваши с Уэсом проблемы. Зачем ты пришел ко мне?

– Одну из ваших сахарных кормушек вот-вот закроют. Вы потеряете доход. Я пришел сказать, чтобы вы не встревали.

– А, теперь я понял, – опять засмеялся Уильям. – Это угроза.

– Понимайте как хотите.

– Скотт, – заговорил Уильям покровительственным тоном, – Уэсу не нужен я, чтобы получать стероиды. Их нетрудно добыть. Если не у меня, он найдет их где-нибудь еще. Ради всего святого, их можно заказать по Интернету!

– Нет, это слишком рискованно. Его могут засечь. Останутся следы, записи. Вы облегчили ему задачу. Я пришел вам сказать: все, хватит.

– Полагаю, теперь ты скажешь: „А не то“.

– А не то я сообщу в комиссию штата, что вы распространяете контролируемые лекарства без рецепта.

– И ты можешь это доказать?

– Запросто. Стоит только порыться в аптечном шкафу моей мамы.

Этот удар пришелся в цель. Впервые Скотту удалось вызвать искорку тревоги в глазах Уильяма. Он не замедлил воспользоваться преимуществом:

– Если вы с отцом будете на меня давить, я выдам вас обоих. Ему больше не быть тренером, а у вас отнимут лицензию фармацевта.

– О, вряд ли ты зайдешь так далеко. – Скотту стало не по себе: голос Уильяма напоминал шипение змеи, ползущей в высокой траве. – Последствия были бы слишком катастрофичными.

– Плевать я хотел на последствия.

– Правда? Ты уверен? – Уильям поднялся с подлокотника и заглянул в глаза Скотту с сочувственной улыбкой. – А как же твоя мама?

Только это его и смущало, когда он решил противостоять отцу. Как это отразится на его матери, если Уэс Хеймер предстанет перед глазами публики в своем истинном виде, лишенный притворства, уловок и всяческих заморочек? Все будут насмехаться над ней, в лучшем случае, жалеть, а она будет страдать, ей будет больно.

Но Скотт решил, что, спасая себя от Уэса, он спасет и ее тоже. Наверняка она знала об изменах старика, но притворялась, что ничего не видит, лишь бы сохранить семью. А может, ей просто было все равно? Вот сегодня, к примеру, она узнала о стероидах и встала на его сторону против Уэса. У его мамы характер круче, чем люди думают. Особенно старик.

– Моя мама – это не ваша забота.

Уильям задумчиво взглянул на него, потом вдруг потянулся и взял его за руку. Скотт брезгливо отдернул руку. Уильям лишь улыбнулся, но это была далеко не дружеская улыбка. Скорее она вызывала дрожь омерзения.

– Советую тебе хорошенько подумать, Скотт. Если ты начнешь раскрывать секреты, тебе же самому будет хуже. Разоблачение тайн имеет свойство снежного кома. Стой раскрыть одну, за ней последует другая, и чем дальше, тем хуже. Ты действительно хочешь, чтобы снежный ком покатился в твою сторону?

Скотт всеми силами старался не выдать своей тревоги, но видимо, ему это не удалось, потому что Уильям самодовольно усмехнулся. Наклонившись вперед, он прошептал:

– Ведь у тебя есть своя маленькая грязная тайна, правда, Скотт?

– Нет.

– Конечно, есть. Насчет Миллисент Ганн.

Глава 26

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Скотт повернулся, собираясь уходить, но Уильям схватил его за руку и развернул лицом к себе. При обычных обстоятельствах у маленького аптекаря не было ни единого шанса против Скотта с его атлетической фигурой и накачанными мышцами. Скотт мог бы сломать его, как прутик. Но сейчас он был так изумлен внезапным выпадом Уильяма, что не оказал сопротивления.

– Тогда позволь мне объясниться, Скотт, чтобы между нами была полная ясность. Я говорю о романе Миллисент с Уэсом, хотя слово „роман“ придает их шашням вводящую в заблуждение романтическую окраску.

Кровь бросилась в голову Скотту.

– Вы не знаете…

– Конечно, знаю, Скотт. Я все прекрасно знаю. Видишь ли, у твоего дорогого папочки есть две взаимосвязанные навязчивые идеи. Во-первых, он готов спать с любой женщиной, какую только сможет уложить. Во-вторых, он не может удержаться, чтобы этим не похвастать. Удивительно, не правда ли? Удивительно и весьма неосторожно с его стороны, но он так и не понял, что эти две склонности несовместимы. Весьма занимательный и достойный изучения психологический феномен.

Но я отвлекся. На чем я остановился? Ах да. Если бы его связывала с Миллисент романтическая любовь, это была бы древнегреческая трагедия. На худой конец, мелодрама. Классический любовный треугольник. На самом же деле, если послушать Уэса, их отношения были чисто животными. Он как-то раз сказал, что она все время „в течке“. – Уильям сладко усмехнулся. – Представляешь? И это происходило, пока она официально считалась твоей девушкой. Практически у тебя под носом.

У Скотта стучало в висках. Его железы производили слюну с такой чудовищной скоростью, что он не успевал ее сглатывать. Вспышка жара охватила его тело, он весь покрылся испариной.

– Итак, Скотт, советую тебе никогда больше не приходить ко мне домой с угрозами разоблачения. Ты сам рискуешь куда больше, чем я. – Склонив голову набок, Уильям добавил: – Знаешь, ты очень похож на Уэса, хотя вроде бы так сильно его не любишь. Я только сейчас понял, насколько вы с ним похожи. Как и он, ты считаешь, что твоя смазливая физиономия и накачанные мускулы дают тебе, право помыкать людьми. Очнись, сынок. Разные вещи дают одним людям власть над другими, и один из самых надежных способов – знать о людях такое, что не должно выйти на свет.

Я, например, не думаю, что тебе или Уэсу очень понравится, если я расскажу агентам ФБР – кстати, они сегодня побывали у вас дома, – что он трахал твою подружку одновременно с тобой. Они могут решить, что такая нездоровая ситуация породила злобу между заинтересованными сторонами. Боже сохрани, но они могут даже подумать, что такое первобытное соперничество между отцом и сыном могло привести к насилию, включая ликвидацию проблемы как таковой, а таковой в данном случае является Миллисент.

– О боже, – простонал Скотт. Повернувшись, он зацепился носком башмака за ковёр и споткнулся по дороге в прихожую. Он стал рвать на себя дверь, не соображая, в какую сторону она открывается, и в концов вылетел на улицу, даже не потрудившись закрыть ее. Ледяной воздух немного успокоил его, но все-таки не остановил тошноту. Он едва добежал до живой изгороди, отделявшей участок Риттов от соседнего, и его вырвало.

Спазмы были так сильны, что он опустился на четвереньки, низко наклонив голову. Они долго не утихали, даже когда желудок опорожнился. Наконец все прошло. Скотт сунул пригоршню

снега в рот, подержал, пока снег не растаял, и выплюнул. Он набрал еще одну пригоршню и растер снегом пылающее в лихорадке лицо. Выступивший пот охладился, и Скотт начал замерзать. Его колотил неудержимый озноб, ему приходилось стискивать челюсти, чтобы зубы не щелкали.

– Скотт?

Он поднял голову и оглянулся на голос. Мэри-Ли Ритт стояла на пороге заднего крыльца, уже готовая спуститься по заснеженным ступеням.

– Уходите! – крикнул Скотт.

– Тебе плохо?

Ноги у него дрожали, как студень, когда он попытался подняться. Мэри-Ли была уже на середине лестницы.

– Уходите в дом!

В его охрипшем голосе звучала паника. Повернувшись к ней спиной, ломая густой кустарник живой изгороди, он пошел прочь по цельному снегу через соседский двор. Его вел слепой инстинкт, велевший ему только одно: бежать.

* * *

– Эй!

Датч, дремавший в кресле, вздрогнул, просыпаясь, снял ноги со стола и машинально встал.

– Ну, что еще? – спросил он, готовясь к худшему.

Уэс махнул ему, чтобы он снова сел.

– Ничего, насколько мне известно. – Он вынул булку виски из кармана куртки и поставил ее на стол Датчем. Потом снял промокшую куртку и повесил ее на крючок возле двери. Дуя на свои замерзшие руки, он сел у напротив Датча.

– Снег перестал, – сообщил Уэс. – Но ветер не утих температура все еще ниже нуля. Говорят, еще больше похолодает, когда тучи разойдутся. Сегодня будет установлен погодный рекорд.

– Кофе хочешь? – спросил Датч.

– Нет, спасибо. Я сегодня столько кофе выпил, боюсь, до июня не усну. Я принес свое питье. – Он кивнул на бутылку „Джека Дэниэлса“. – Давай сюда свою кружку.

Датч толкнул через стол свою кофейную кружку. Уэс открыл бутылку, налил виски в кружку и подвинул ее обратно к Датчу. Сам он выпил из горлышка. Когда оба сделали по нескольку глотков, Уэс окинул друга критическим взглядом.

– Выглядишь хреново.

Датч это знал. Его изрезанное, опухшее, воспаленное лицо выглядело так, словно его рвала стая бешеных собак.

mir-knigi.org

– Эта мазь, что ты мне принес от Ритта, никуда не годится.

– Эти порезы, если их не обработать, скоро загноятся. Хочешь, подвезу тебя до больницы?

– Нет.

– К Ритту домой?

– Черт, только этого не хватало!

– Он говорил, у него есть кое-что покрепче, если это не поможет.

Датч покачал головой.

– Ты хоть что-нибудь ел?

– Так, хватал куски то тут, то там.

– Дора могла бы…

– Да я не голоден.

Хорошо зная Уэса, Датч понял, что тот пришел неспроста и рано или поздно перейдет к цели своего визита. А пока ему хотелось, чтобы Уэс ушел и оставил его в покое. Датч терпеть не мог так называемой „отеческой заботы“. Он был не в настроении „просто поболтать“. Ему хотелось упиваться своим горем в одиночестве. И если это кому-то казалось паранойей или саморазрушением, тут уж ничего не поделаешь, извините, так уж он устроен.

И разве у него нет поводов для горя? У него же ничего не получается. За что бы он ни взялся, все выходит наперекосяк. Можно смело сказать: за что бы он ни взялся, все кончается катастрофой. Его безуспешная попытка поднять на гору грузовик Кэла Хокинса окончилась тем, что ему теперь грозит несколько судебных исков. А сам Хокинс может предъявить ему даже уголовное обвинение.

Но мало ему этого – окружающие словно сговорились подрывать его авторитет. Он пренебрег запретом Бегли и поехал-таки на турбазу „Уистлер-Фоллз“, но его тормознули, прежде чем он успел добраться до коттеджа номер восемь и своими глазами увидеть, что за улики против Тирни нарыли федералы.

Он был здесь главным, он был начальником полиции города, но этот Бегли выскочил из уютного кабинетика Гаса Элмера и наорал на него, обвинил в попытке сорвать федеральное расследование, обращался с ним так, будто он – ничто, ноль без палочки. Даже его подчиненные стали огрызаться всякий раз, как он отдавал приказ.

– Датч?

Он очнулся от своих горьких дум и устремил глаза на Уэса.

– Что ты тут делаешь? – спросил он ворчливо. – Что тебе дома не сидится? Шел бы к жене, отымел бы ее.

Уэс презрительно фыркнул и снова отпил из горлышка.

– Да я лучше отымею вон тот флагшток на крыше. Он куда теплее моей жены.

– А в чем дело?

Уэс отмахнулся.

– Да черт ее разберет. То у нее месячные, то голова болит. Какая разница? Не одно, так другое.

– Как поживает Скотт? Что он сказал насчет встречи с Бегли и Уайзом?

– А почему ты спрашиваешь?

Судя по тому, как окрысился Уэс, разговор с агентами ФБР был больной мозолью.

– Да так просто. Хотел знать, как Скотт к этому отнесся. – Датч отхлебнул виски, глядя на Уэса поверх кружки. – Скотт как-то неуверенно отвечал на некоторые вопросы. Может, он врал? – Взяв канцелярскую скрепку, Датч разогнул ее, перекрутил и протянул Уэсу. – Или просто немного исказил правду?

– А ты поставь себя на его место, – хмуро ответил Уэс. – Его окружают пятеро взрослых, все над ним начальники, все задают вопросы о нем и его девушке. В его возрасте ты был бы с ними откровенен насчет своей сексуальной жизни?

– Я и сейчас не был бы с ними откровенен.

– Ну, вот видишь, – усмехнулся Уэс. Он заложил руки за голову, вскинул одну ногу на другую и откинулся на спинку кресла, словно у него не было в жизни никаких забот.

Датч ему не поверил. Уэс не затем сюда пришел, чтобы время провести. И его не волновал ни сепсис, начинающийся на лице у Датча, ни то, когда он в последний раз ел. Бутылку виски можно было счесть жестом дружеского участия, но Датч знал, что на самом деле Уэс вовсе не такой внимательный и чуткий друг. У него был скрытый мотив, иначе его бы здесь не было.

У Датча свело судорогой желудок, когда ему пришло в голову, что это мог быть за мотив. Может быть, бутылке виски предназначалась роль обезболивающего. В таком случае Датч предпочел бы пострадать. Чем скорее, тем лучше.

– Уэс, ты пришел меня уволить?

Смех Уэса прозвучал искренне.

– Что?

– Ты сам себя уполномочил от имени городского совета?

– Господи боже, Датч! Тебе известно, что ты самый настоящий параноик? Откуда у тебя такие бредовые мысли?

– Ты мне сам об этом напомнил вчера вечером. Ты что, забыл? Ты сказал, что сам сунул голову в петлю, когда нанял меня. Ты сказал, что мой провал плохо отразится на тебе.

– О черт! Мы были раздражены, мы устали. У нас обоих нервы были ни к черту. Ты потихоньку сходил с ума из-за Лилли, из-за того, что она там, в горах, с этим парнем. Как твой друг, я всего лишь старался помочь тебе увидеть вещи под другим углом. Вернуть тебя на верный путь. Но, знаешь, – заторопился Уэс, увидев, что Датч собирается его прервать, – по ходу дела я начал склоняться к твоей точке зрения.

Датч настороженно покосился на него.

– Что ты имеешь в виду?

Уэс бросил взгляд через плечо на закрытую дверь. Потом он подался вперед и заговорил вполголоса:

– Ты думаешь, как и я думаю… черт, как федералы думают, что этот Тирни – тот самый человек, верно? Он похитил пять женщин, и один бог знает, что он с ними сделал. А что это за дерьмо с синей лентой? Полный шиз!

Датч ответил лишь ничего не значащим кивком, не желая ни в чем соглашаться, пока не станет ясно, куда клонит Уэс.

– А твоя жена – замнем для ясности, что бывшая, это несущественно, – женщина, которую ты любишь, оказалась в снежной ловушке там, на горе, один на один с этим парнем. Я восхищаюсь твоей выдержкой, приятель. Честное слово, кроме шуток. На твоем месте я убил бы всякого, кто стал бы на моем пути к этой вершине.

– Я чуть было не убил.

– Хокинс не считается.

Датч выпил еще виски. Каждый следующий глоток давался легче и казался слаще.

– К чему ты ведешь, Уэс? Пойдем достанем Тирни. Ты и я.

– У Бегли будет вертолет…

– Забудь об этом, – нетерпеливо перебил его Уэс. – Они возьмут его раньше нас, мы его больше не увидим. Его тут же увезут в Шарлотт и посадят под замок. Даже если ему предъявят обвинение, его адвокат пустит в ход разные уловки и проволочки, и – вот попомни мои слова! – мы и через пять лет будем тыкаться, как слепые щенята, стараясь призвать этого психа к суду, чтобы наши несчастные женщины и их семьи получили хоть какое-то право на справедливость. Это не закон гор. Не в такой закон верили наши отцы и деды.

Уэс говорил правду. Еще по своей работе в полиции Атланты Датч знал, как медленно проворачиваются колеса судебной процедуры, как редко торжествует правосудие.

– Я вообще не понимаю, как это дело попало к федералам, – добавил Уэс.

– Похищение людей является федеральным преступлением.

– Да-да, но это же формальность.

– Довольно-таки существенная.

Уэс придвинулся ближе. Положив локти на стол, он наклонился к Датчу.

– Но это же твоя юрисдикция, Датч. Это твой город, твои люди, и победа должна по праву принадлежать тебе, а не Бегли и его очкастому подпевале. Протащи Тирни по Главной улице, проведи его перед Ганнами и родственниками других жертв, предай его суду в этом округе, и ты будешь местным героем. Ты будешь крутым копом, никому не позволяющим бесчинствовать в твоем городе, ты раскроешь самое страшное преступление в истории города. – Уэс откинулся

на спинку кресла, чрезвычайно довольный собой. – А я буду тем умником, который нанял тебя на эту работу.

Пропагандистская речь возымела действие. Уэс нарисовал волнующую картину и в центре этой картины поместил Датча. Больше всего на свете Датчу хотелось, чтобы эта картина воплотилась в жизнь. Но его мечты так часто разбивались в прах, что он не посмел довериться захватившему его приливу энтузиазма. На этот раз ему страшно было даже надеяться. Неужели ему повезет именно сейчас, ставки так высоки?

– Только безумец может арестовать человека без доказательств, – напомнил он. – У меня нет никаких улик против Тирни. Все основано на слухах и домыслах.

– Федералы…

– Не желают делиться игрушками. Бегли пригрозил запереть меня в моей собственной тюрьме, если я попытаюсь проникнуть в коттедж Тирни на турбазе старого Гаса Элмера.

– Он не может тебя арестовать.

– Да какая разница, может он или не может! Я не знаю, что у них есть на Тирни. Как же я могу его арестовать? На каком основании?

– Думаешь, Бегли охранял бы его комнаты, как цепной пес, если бы там не было чего-то уличающего Тирни? Ты, главное, арестуй его и брось за решетку, а уж потом будешь беспокоиться о доказательствах.

– У нас есть конституционные права, которые нельзя нарушать, Уэс.

– Знаю, но разве нельзя задержать кого-то… Как это называется? Ну, как бы предварительно?

– По обоснованному подозрению.

– Точно! – воскликнул Уэс. – Допустим, в банке прозвонил сигнал тревоги, и ты видишь парня в маске, выбегающего из здания. Мешка с деньгами ты не видишь, но все равно начинаешь его преследовать. Ты же не будешь ждать, пока соберут все доказательства.

Датч вскочил и прошелся вокруг стола. Виски помог притупить пульсирующую боль в лице, но он решил – еще одна порция таблеток ибупрофена не помешает.

– Я с тобой согласен, Уэс, ты все говоришь правильно, но всё равно это невозможно. Бегли заказал вертолет на завтрашнее утро. Если тучи разойдутся, если ветер утихнет, пилот доберется до Клири, у Бегли есть хорошие шансы добраться до вершины. А вот нам надо собирать людей, снаряжение, да еще неизвестно, сколько дней нам потребуется, чтобы расчистить завал на дороге.

– Завал на главной дороге. – Уэс сиял, словно только что извлек из рукава козырный туз. – А как насчет другой?

Датч не сразу понял, о чем говорит Уэс, а когда до него наконец дошло, он расхохотался.

– Дорога на западном склоне? Да это козья тропа, а не дорога.

– Козья тропа, покрытая слоем снега в полтора фута толщиной, который ее выравнивает и облегчает движение.

– Если ты пингвин.

– Или снегоход.

Это заставило Датча замолчать. Он задумался.

– Разве снегоход может подняться по такому крутому склону?

– Стоит попробовать. Да и не такие там крутые склоны. Дорога все время петляет.

Это было правдой. Датч живо вспомнил, как однажды, еще в выпускном классе школы, повез девушку на свидание по западной дороге к панорамной парковке на вершине. К тому времени, как они добрались до точки обзора, девчонку страшно укачало на бесчисленных поворотах, и ему ничего не обломилось: все свидание полетело псу под хвост.

– Ну, допустим, а где мы возьмем снегоходы?

– У Кэла Хокинса.

Датч так расхохотался, что его лицо разболелось еще сильнее.

– Да, это замечательно! Это просто превосходно! Как раз мое анафемское везение. Уж кто-кто, а Кэл Хокинс ни за что не даст мне воспользоваться его снегоходом.

– А это не ему решать. Его отец приобрел четыре снегохода несколько лет назад: думал сдавать напрокат туристам в зимний сезон. Банк их секвестировал, когда Хокинс выставил их как обеспечение по займу, а деньги не вернул.

– И опять-таки замечательно.

Но торжествующая улыбка не сходила с лица Уэса.

– Погоди, я еще не дошел до самого главного. Банк держит их на хранении. Угадай где? В гараже, вместе со школьными автобусами.

Перед Датчем наконец забрезжил свет.

– От которого у тебя есть ключ.

– Вер-р-р-р-но! – прогремел Уэс. Он чокнулся с Датчем бутылкой виски и отхлебнул из нее. – А еще у меня есть ключи от кабинета, в котором хранятся ключи от всех средств передвижения, приписанных к школьному округу Клири.

– А почему ты вспомнил о них только сейчас? – с подозрением спросил Датч.

– Слушай, не наседай, а? – Уэс громко рыгнул. Голос у него был обиженный. – Слишком много всего сразу случилось.

– А почему сам Кэл не посоветовал нам взять снегоходы?

– Потому что у него голова набита требухой. И потом, они стоят себе под замком, о них больше года никто не вспоминал. Наверно, он тоже забыл. Да и банк, скорее всего, не помнит, чем владеет.

mir-knigi.org

– Давай не будем им напоминать, – сказал Датч. Его охватывало все нарастающее возбуждение. – Это надо держать в секрете. Если Бегли пронюхает, он нас остановит.

Уэс кивнул с важным видом.

– Сегодня же собери все, что тебе может понадобиться. У тебя есть лыжный костюм? Отлично. Давай встретимся у гаража перед рассветом. В полной экипировке. Мы начнем подъем, как только рассветет, пока Бегли не запустил свой вертолет.

– Нам придется ехать через весь город, чтобы добраться до западного склона. Вдруг нас кто-нибудь увидит или услышит? У снегоходов шумные моторы. Как мы объясним, что взяли их из гаража без разрешения банка?

– Ты что, совсем обалдел? Датч, ты же начальник полиции! – с досадой воскликнул Уэс. – Если кто-то спросит, скажешь, что ты конфисковал их, чтобы оценить ущерб, нанесённый дороге, осмотреть порванные провода, спасти чью-то кошку. Господи, откуда мне знать? Сам придумай!

Датч пожевал нижнюю губу, оценивая предложенный план с разных сторон, и не нашел в нем изъянов. Отъем и использование чужой собственности, которые Уэс изящно назвал „конфискацией“, на самом деле были обычным воровством, но в общем Уэс был прав. Кто посмеет критиковать шефа полиции за действия, направленные на задержание подозреваемого?

А делать – даже что-то сомнительное, за что его потом могут наказать, – было куда лучше, чем сидеть тут, глядя как его лицо гноится, и позволять фэбээровцам его унижать.

Впервые за два дня Датч почувствовал себя хозяином положения, и, черт побери, это было прекрасное ощущение.

Он поднял свою кружку.

– Встретимся в четыре тридцать.

Глава 27

– Должно быть, это был очень неприятный разговор, – сказала Мэри-Ли брату.

– Сколько раз я должен тебе повторять…

– Пока я тебе не поверю, Уильям.

Она сварила кофе в старомодном кофейнике, который надо было подогревать на газовой плите, и теперь они пили его в гостиной, сидя в креслах, придвинутых к камину для тепла и света. Вот уже полчаса Мэри-Ли пыталась выяснить у брата, о чем шла речь в его секретном разговоре со Скоттом Хеймером. Но ей так и не удалось добиться от него внятного ответа.

– Скотта вырвало, когда он выбрался во двор. О чем таком ужасном вы говорили?

– Если бы это хоть каким-то образом касалось тебя, Скотт не попросил бы о разговоре со мной наедине. Улови наконец намек, Мэри-Ли, и перестань ко мне приставать. Ты становишься занудой.

– А ты лжец.

– Я тебе не солгал, – невозмутимо парировал Уильям.

– С какой стати Скотту просить о приватном разговоре с тобой?

– Ты хочешь сказать, почему из всех людей он меня?

– Не извращай мои слова, Уильям. Я вовсе не хотела сказать.

– Конечно, хотела. – Он взглянул на нее, прищурившись.

– На мой взгляд, знаешь, что тебя точит? Ревность.

– Ревность?

– Тебя просто убивает, что для одного из твоих учеников я оказался важнее, чем ты.

– Это просто абсурд!

С минуту Уильям пристально изучал ее, ухмыляясь и всем своим видом давая понять, что он убежден в обратном.

– Ну, причина твоего интереса на самом деле значения не имеет, потому что, как я уже не раз тебе повторял, наш разговор был частным и тебя он не касается.

– Когда одного из моих учеников рвет у меня во дворе, меня это, безусловно, касается. – Мэри-Ли помедлила, но все-таки задала вопрос, которого страшилась: – Речь шла о Миллисент?

Выражение Уильяма изменилось. Он взглянул на сестру с интересом, как будто видел впервые, и медленно проговорил:

– Как странно, что ты решила о ней упомянуть.

– Ничего странного. Ты сам сегодня гадал о причине их разрыва.

– Но Скотт об этом не знал.

– Так вы говорили о Миллисент или нет?

Уильям помедлил, но в конце концов ответил:

– Ее имя всплыло в разговоре.

– В каком контексте?

– В контексте взаимоотношений Скотта с Уэсом.

– С Уэсом? Какое отношение он…

– Я больше ничего не могу сказать, не нарушая конфиденциальности, Мэри-Ли. – Уильям поставил чашку на столик и объявил, что идет спать. – Завтра я рано уйду отдать аптеку. Можешь не вставать и не провожать меня.

– Я и не собиралась вставать и провожать тебя.

Это прозвучало как мелкая колкость, недостойная ее. Уильям вышел из комнаты, даже не

mir-knigi.org

удостоив ее ответом.

Школьные занятия на завтра были отменены из-за отсутствия электричества. Мэри-Ли следовало радоваться лишнему выходному дню, но ее снедала тревога.

„Уэс, Скотт и Уильям. Что связывает эту троицу?“ – с беспокойством спрашивала себя Мэри-Ли. Помимо того что все они жили в одном городе, между ними не было ничего общего, если не считать тайных разговоров, содержанием которых Уильям с ней не делился, хотя обычно обожал приносить всяческие новости и сплетни. Его скрытность выводила ее из себя. Ей было даже страшно, потому что в этом таинственном деле играла какую-то роль пропавшая без вести Миллисент Ганн.

Мэри-Ли легла, но тревога не давала ей уснуть. Она сама не заметила, как в конце концов забылась тревожным сном. Ее разбудил любовник. Он забрался в постель и стал гладить ее сквозь рубашку.

– О, как я рада, что ты здесь! – прошептала она, легко касаясь его лица.

Не успела она оглянуться, как он сорвал с нее рубашку и крепко обнял. Его пенис уже отвердел и рвался в бой. Она обхватила его ногами, взяла рукой его возбужденную плоть и направила в себя. В эту ночь ему не хотелось фантазий и изощренных игр. Он опрокинул ее на спину. Его удары были мощными и быстрыми, почти жестокими.

Потом он рухнул прямо на нее, тяжелый, утомленный, и опустил голову ей на грудь. Она тихонько гладила его по затылку, разминала сведенные напряжением шейные мышцы.

– У тебя был тяжелый день.

Он кивнул.

– Расскажи мне, что случилось.

– Мне просто нужен покой. Мне нужна ты.

– Я у тебя есть, – прошептала она, обвивая руками его шею.

* * *

– Нет, это черт знает что такое!

– Не ори, Датч. Этак ты весь город перебудишь.

– Ну и что? Плевать я хотел на тех, кто меня слышит! Нас поимели! – Датч стукнул кулаком по раскрытой ладони. – Мое проклятое везение.

Уэс вполне разделял досаду Датча, но кто-то из них должен был сохранить голову на плечах, а на Датча в этом смысле надежды не было никакой. Он цеплялся за свой ускользающий разум ногтями. Последнее препятствие могло толкнуть его за грань.

Уэс не мог этого допустить. Ему был нужен Датч. Еще больше ему был нужен полицейский жетон Датча и та власть, которую он символизировал. Ему было необходимо подняться с Датчем на проклятую гору и арестовать Тирни. А еще лучше убить его. У Уэса были свои причины добиваться этой цели, не менее веские, чем у Датча.

И вот теперь им встретилось затруднение, но Уэс решил, что оно вовсе не так катастрофично, как кажется Датчу, и нечего впадать в панику.

Они встретились, как и договорились, у школьного гаража в четыре тридцать, оба с воспаленными от недосыпа глазами, взвинченные кофеином и опасающиеся отморозить себе яйца, хотя одеты оба были, как эскимосы.

Снегоходы оказались на месте, там, где Уэс видел их в последний раз: укрытые темно-зеленым брезентом, они стояли в дальнем углу гаража, чтобы не мешать школьным автобусам. Все вроде бы в порядке.

Трудности начались, когда они стали искать ключи от снегоходов. Датч с Уэсом перевернули гаражную контору вверх ногами, но ключей так и не нашли. Ключи от всех Других средств передвижения, принадлежащих школьному округу Клири, были на месте, все они были снабжены ярлыками с указанными на них автомобильными номерами, от снегоходов не было.

Наконец Уэс прекратил поиски.

Если они здесь, значит, хорошо спрятаны, и мы зря теряем время на поиски. Выбора у нас нет, придется идти Моррису и спрашивать, куда, черт побери, подевались эти ключи.

Карл Моррис был президентом единственного в Клири банка.

– В такой час?

– Отсюда до его дома тебе придется придумать убедительную историю, шеф. Изобрести экстренный случай, не терпящий отлагательства до рассвета.

Им пришлось долго стучать в дверь, прежде чем ее открыла миссис Моррис, закутанная от подбородка до щиколоток в нечто, напоминающее конскую попону. Ничего страшнее Уэс в жизни своей не видел. И лицо у нее было под стать, а хмурое, заспанное выражение тем более ее не красило.

Датч извинился за вторжение и сказал, что им нужно немедленно переговорить с мистером Моррисом по экстренному делу. Она закрыла дверь и отправилась звать мужа, оставив Датча и Уэса ждать на морозе.

В конце концов к двери подошел сам Моррис. Вид у него был не более приветливый, чем у его жены. Датч изложил ему историю некой семьи, застрявшей в машине, и сказал, что ему необходимо воспользоваться снегоходами, которые банк конфисковал у Кэла Хокинса.

– Я бы с радостью отдал их вам, шеф Бертон, если бы они принадлежали банку, как раньше. Но мы их продали, гм… дайте вспомнить… еще до Рождества. Мы поместили объявление об аукционе. Видимо, вы его не заметили.

– Видимо, да. Кто их купил?

– Уильям Ритт. Он получил разрешение оставить их в школьном гараже, пока не найдет возможность их перевезти, но он забрал ключи вместе с квитанцией о продаже.

Уэс и Датч еще раз извинились за то, что вытащили его из постели, и поблагодарили за информацию.

Пока они брели по снегу обратно к „Броню“, Датч закатил целую истерику. Опять ему казалось, что все кончено. Уэс почувствовал, что его терпение на исходе. Хроническое паникерство Датча истрепало ему все нервы.

– Слушай, тебе не надоело, а? Возьми себя в руки! Это еще не конец света. Обратимся к Ритту.

– Да, конечно. К первому местному сплетнику.

Они забрались в „Бронко“, и Датч переключил двигатель, все это время работавший на холостом ходу, на первую скорость.

– А какой у тебя выбор? – спросил Уэс. – Хочешь, чтобы старший спецагент Бегли украл у тебя из-под носа подозреваемого вместе со славой?

Проклиная все на свете, Датч задом вывел машину с подъездной аллеи у дома банкира. Через пять минут они уже подъехали к „Аптеке Ритта“. Внутри, разумеется, было темно, но машина Уильяма стояла на парковке рядом с машиной Мэри-Ли, оставшейся там со вчерашнего дня.

– Я же тебе говорил, что он здесь, – обрадовался Уэс.

Колокольчик над дверью весело зазвенел. Уильям стоял за прилавком и кипятил воду в кастрюльке на газовой плите. Источником света служили голубое пламя под кастрюлькой и церковная свеча, которую Уильям поставил на прилавок. От нее пахло ладаном.

Он жизнерадостно пожелал им доброго утра.

– По-моему, кроме меня и вас, никто сегодня утром еще не встал. Хотите кофе? Растворимый, но это единственное, что я могу предложить.

Уэс сел на один из хромированных круглых табуретов и снял перчатки.

– Я с удовольствием, по мне, был бы горячий.

– Я тоже. – Датч сел рядом с Уэсом.

– Твое лицо скверно выглядит, Датч.

– Да, мне понадобится мазь с антибиотиками посильнее той, что ты мне дал.

– Ну, значит, ты пришел по адресу. Принесу мазь, как только кофе поспеет. – Их необычный наряд не ускользнул от его внимания. Размешивая кристаллы растворимого кофе в трех кружках, он спросил: – Вы собрались покайся на лыжах?

Уэс бросил взгляд на Датча, уступая ему слово. Перед приездом сюда он проинструктировал Датча, как лучше подобраться к Уильяму Ритту.

– Он болван, – говорил Уэс. – Всегда был болваном. Он чужак и всегда хотел втереться в нашу компанию, хотя у него не было ни единого шанса. Ну, так польсти ему. Дай ему почувствовать, что он член команды и его сотрудничество для нас жизненно важно.

– Оно для нас действительно жизненно важно, – с горечью признал Датч. – В том-то весь и ужас.

Датч не пришел в восторг от необходимости подлизываться к этому хорьку Уильяму Ритту. И

вот теперь, когда настал час изложить Уильяму их просьбу, Уэс затаил дыхание.

Датч откашлялся, прикрывая рот ладонью, и напустил на себя важный вид.

– Я пришел сюда не ради кофе или мази с антибиотиком.

– Вот как?

– Тебе эта просьба может показаться странной, Уильям, – продолжал Датч тем же официальным тоном. – Я не могу даже высказать ее, не доверив тебе конфиденциальную информацию по секретному делу.

Большего удовольствия Ритту Датч не мог доставить. Лицо Ритта стало серьезным.

„Превосходно“, – подумал Уэс, мысленно одобряя такое начало.

– Ты же знаешь, я никогда не предам твое доверие, – наконец проговорил Уильям.

– Нам нужны твои снегоходы.

– А я все ждал, когда же вы спросите?

Скажи он, что в юности был дублером героя в фильмах о Тарзане, они и тогда не были бы так ошеломлены. Датч первым обрел дар речи:

– Что ты имеешь в виду?

Уильям улыбнулся:

– Ехал я сюда этим утром, а про себя все сетовал, как дороги плохи и сколько же еще ждать, пока я смогу вернуться в родительский дом на горе и возобновить ремонт. И тут вдруг меня осенило: мне не нужен автомобиль, чтобы туда подняться. Я же могу взять один из моих новых снегоходов. Ну а потом подумал: почему бы не предложить их старшему спецагенту Бегли…

– Только не Бегли.

Уэсу хотелось положить руку на локоть Датча, чтобы его сдержать, но это все равно не помогло бы. Уильям уже навострил уши. Им нужен был мгновенный отвлекающий маневр, но у Датча, как всегда, не хватило сообразительности.

– Вот это и есть конфиденциальный момент, – вмешался Уэс. – Никто не должен этого знать, но Бегли заказал на сегодняшнее утро вертолет.

– А почему никто не должен знать?

– Черт, вчера эти павианы на радио сорвали ему все дело. Я тебе даже передать не могу, какой он хай поднял, когда узнал. Представляешь, что будет, если просочится информация о вертолете? Это ж не просто вертолет, он оборудован всякими там штучками-дрючками, какие есть только у ФБР, и в нем будут парни в камуфляже и в масках с автоматами. Если об этом узнают, Бегли окружит толпа зевак. Они и себя подставят под удар, и всю его спасательную операцию.

– Да, я понимаю.

mir-knigi.org

– Этим утром Бегли и Уайз будут заняты организацией своей миссии, – подхватил Датч, до которого наконец-то Дошел смысл тактики друга. – Мы с Уэсом послужим передовым отрядом. Если, конечно, сможем воспользоваться твоими снегоходами.

– Безусловно. Жаль, что я вчера о них не вспомнил. Мы могли избежать этого несчастья с Хокинсом.

– Вчера ехать на снегоходах было бы небезопасно. Был сильный снегопад, а эта дорога коварна даже в ясный день.

– Я рад предоставить их в ваше распоряжение сегодня.

Уэс расслабил плечи.

– Они на ходу?

– Перед покупкой я нанял механика провести полный осмотр. Они в отличном состоянии. Ключи у меня дома. Мы можем их захватить по пути в гараж. Пока я буду, переодеваться, Мэри-Ли приготовит нам кофе в термосе чтобы взять с собой.

– Ты не поедешь.

Уэс пнул ногу Датча под стойкой бара, чтобы он держал язык за зубами, и одновременно ослепил Уильяма своей лучшей улыбкой.

– Мы бы не посмели просить тебя об этом. Это будет тяжелая поездка, там, наверху, куда холоднее, чем здесь. И потом… – Он бросил взгляд на Датча, сочувственно скривился и понизил голос, обращаясь к Уильяму: – Мы сами не знаем, что мы там найдем.

– Да, конечно. Это верно. – Уильям послал Датчу улыбку, которую даже слепец не смог бы счесть искренней. – Я уверен, что она в порядке.

– Угу. Спасибо. Но Уэс прав. Мы не знаем, что там найдем, когда доберемся доверху. Мы должны исходить из предположения, что этот Тирни вооружен и опасен. Я не могу просить тебя идти на такой риск.

– Ты не просил. Я сам предложил. Добровольно.

– Я это понимаю, но…

– Я знаю дорогу, Датч. Лучше тебя знаю. Лучше всех. Я по ней езжу несколько раз в неделю. Я по ней ездил, с тех пор как научился водить.

– И тем не менее…

– Это мои снегоходы.

Это заявление прозвучало как угроза. Замаскированная, но, безусловно, угроза. Уэс прямо-таки чувствовал, как ощетинился Датч, и поспешил вмешаться:

– Это верно, но я могу их изъять за то, что они загромождают школьный гараж, за который платят налогоплательщики.

– У меня есть разрешение.

– Не от меня, – парировал Уэс. Слова на этого маленького педика не действовали. Может, на него подействует рука правосудия? Две руки, если на то пошло. – Я попрошу прошу Датча арестовать твои снегоходы.

– Школьный комитет дал мне разрешение держать их там сколько угодно.

– У меня больше власти, чем у школьного комитета. Они делают то, что я им велю.

Уильям перевел рассерженный взгляд с Уэса на Датча. Было видно, что он весь кипит. Уэс глянул на него свирепо, как когда-то на своих полузащитников, если они не поспевали за ним к штрафной линии. У Датча был столь же грозный вид.

Наконец Уильям сдался.

– Вы не оставляете мне выбора.

Датч слез с табурета.

– Мы поедем за тобой к твоему дому.

Уильям выключил конфорку под кастрюлькой, где вода уже выкипела почти досуха.

– Я попрошу Мэри-Ли сварить кофе. Она лучше умеет.

– Нет нужды будить Мэри-Ли, – сказал Уэс.

– Она не будет возражать.

Датч и Уэс вышли и забрались в „Бронко“.

– Поздравляю, шеф – ухмыльнулся Уэс. – Ты получил свои снегоходы.

Они проследили, как Уильям Ритт садится в свою машину и выводит ее со стоянки. Датч последовал за ним по Главной улице. Барабаня кулаком по рулю, он прорычал:

– Ну, если после всей этой чертовщины я не достану Тирни!

– Достанешь. Мы же ради этого старались.

– Я ему кровь пущу, Уэс.

– Я тебя понимаю. Если он трахал Лилли…

– Что?

Уэс взглянул на Датча с недоумением.

– А что?

– Я боюсь, что он убил ее, – пояснил Датч.

Уэс открыл рот, но ответил не сразу.

– Ну да, конечно, Датч. Конечно, именно этого мы все боимся.

mir-knigi.org

– А ты думаешь, они…

– Слушай, я не знаю. Я одно хочу сказать: что бы ты ним ни сделал, все будет мало, если он что-то сделал с Лилли.

Датч стиснул рулевое колесо.

– Я пущу ему кровь.

Глава 28

– Я не хочу спать.

Простые слова Лилли словно перерезали ниточку, на которой была подвешена выдержка Тирни, и он начал действовать. Одеяло, разделявшее их, было отброшено, он оказался на ней, его губы овладели ее ртом даже раньше, чем одна рука обвилась вокруг нее, а пальцы другой вплелись ей в волосы.

Его язык был силен и искусен. Поцелуй вышел таким сладким, таким волнующим, что Лилли позабыла обо всех, кто целовал ее до этой минуты. Ей казалось, что ее кости начали таять.

Тирни поднял голову и заглянул ей в глаза. Она встретила его взгляд без страха, без опасения. Не отрывая от нее пристального взгляда, он просунул руку между их телами и расстегнул ее легкие брючки. Его рука забралась внутрь. Он погладил ее через трусики. Они были влажны от желания. Он наклонил голову и скользнул языком по ее полураскрытым губам. Она дышала горячо и часто. Его рука забралась внутрь шелковых трусиков, ладонь накрыла заветный холмик, пальцы скользнули в глубину. А потом он просто замер, держа ее так, пока они целовались. Только их языки терлись друг о друга, словно спариваясь, пока ее лоно пульсировало в теплом и надежном гнезде его руки.

Может быть, ему что-то подсказала ее спина, слегка выгнувшаяся ему навстречу, отчего она еще крепче причлась к его ладони. А может быть, это был тихий, протяжный стон, вырвавшийся из ее горла. А может, и его собственное желание заставило его втиснуть колено между ее ног и раздвинуть их. Он приподнялся на локте, расстегнул пряжку брючного ремня и „молнию“ на джинсах, а она тем временем освободилась от брюк и белья. Одним плавным движением он согнул руку, опустился нее, вошел в нее, глубоко погрузился в нее. У Лилли вырвался бессвязный возглас наслаждения, который Тирни подхватил, после чего они оба затихли, и в тишине слышался лишь слаженный стук их сердец. Их дыхание смешивалось, образуя облачка пара у них над головами.

Потом он начал двигаться. Сначала это было лишь легкое покачивание бедер – его и ее. Но вот он начал вытягиваться все дальше и проникать в нее все глубже, постепенно, но равномерно наращивая темп. И вдруг он с тихим рычанием остановился. Ее руки, обнимавшие его за талию, скользнули ниже, ему на ягодицы, и подтолкнули его.

Он громко застонал, прижался лицом к ее шее и кончил.

Когда оргазм миновал, он расслабился, распластался на ней, и Лилли приняла на себя весь вес его тела. Но ненадолго. Тирни позволил себе передохнуть лишь несколько мгновений и опять приподнялся на локтях.

Пристально следя за выражением ее лица, он медленно провел рукой по ее бедру вниз, подхватил ее под колено и подтянул вровень со своим плечом. То же самое он проделал с

другим коленом. Теперь ее колени оказались прижатыми к груди, нежное лоно раскрылось, обнажилась его сокровенная сердцевина. Тирни просунул руку между их животами. Подушечкой большого пальца он нашел во влажной глубине то, что искал. Его прикосновение было нежным, но ее пронзило острое наслаждение, буквально вбросившее вверх все ее тело.

Лилли чуть ли не рыдала, пока его палец дразнил и мучил ее маленькими круговыми движениями. Тирни склонил голову к ее груди, царапнул зубами сосок, чтобы она почувствовала ласку сквозь множество слоев одежды, и еле заметно усилил нажим большого пальца.

Наслаждение нарастало, нервные окончания по всем телу Лилли от макушки до пят гудели и трепетали. Соски напряглись до боли. Крик застрял у нее в горле, груд, вздымалась навстречу его губам. А стенки ее лона все еще сжимали его пенис, глубоко спрятанный у нее внутри.

Толчки оргазма продолжались несколько минут. Когда они утихли, Тирни легко поцеловал ее в губы и обнял обеими руками.

Ни один из них не сделал движения разъединиться.

Они не обменялись ни единым словом.

Они даже не потревожили укрывавшие их одеяла…

* * *

Лилли проснулась, сохранив отчетливое воспоминание о прошедшей ночи. Каждая деталь проигрывалась у нее в уме сама собой, даже пока она спала. Ее тело казалось тяжелым и ленивым, томным от страсти, сонным от насыщения. Тирни прижимался к ней сзади, ее попке было тепло и уютно у него на коленях.

Когда она попыталась шевельнуться, он протестующе заворчал и крепче сжал рукой ее талию.

– В туалет, – прошептала она.

– Возвращайся скорее.

– Посторожи мое место. – Лилли выскользнула из постели, но оглянулась на него через плечо. Его глаза были закрыты, но на губах играла улыбка.

В камине лишь несколько углей тлело под слоем пепла. Воздух был ледяной. Лилли набросила на себя пальто и на цыпочках пробежала к двери в спальню. Пружины скрипнули, когда она толкнула дверь. Лилли опять оглянулась через плечо. Но Тирни снова уснул. Он дышал глубоко и ровно.

Пусть проспит еще несколько часов, решила она. Ему надо было восполнить вчерашнее переутомление. Его тело нуждалось в отдыхе, чтобы выздороветь.

В ванной стоял невообразимый холод. Она быстро сделала все свои дела и вернулась в гостиную. Тирни все еще спал.

Стараясь не шуметь, Лилли подложила в камин два оставшихся полена, помешала кочергой тлеющие угли и добавила несколько щепок растопки, чтобы пламя занялось.

Скоро им понадобится новый запас дров. Поколебавшись лишь минуту, Лилли начала собирать

свою разбросанную одежду. Свое белье и брюки она нашла под одеялами у самого края матраца. Все остальное было раскидано по полу в полном беспорядке.

Собрав все, она торопливо оделась. Ее сапожки наконец-то высохли. Кожа задубела, но уже не была влажной и холодной. Лилли натянула перчатки и обмотала шею шарфом Тирни.

Перед самым выходом она воспользовалась ингаляторами.

Выйдя на крыльцо, она сразу заметила, что тучи разошлись. Хотя солнце находилось много ниже горной вершины, горизонт на востоке окрасился в золотисто-розовый цвет. Небо над головой было усеяно звездами, все еще заметными в глубокой синеве оттенка индиго. Прозрачные облачка проносились над вершиной, подхваченные ветром. Ветер был силен, он гнул кроны деревьев и ломал сучья.

Но, несмотря на ветер, в воздухе чувствовалось обещание спасения.

И все же, решила Лилли, они должны быть готовы ко всему. Кто знает, может быть, помощь и не придет сегодня.

В поленнице под навесом крыльца остались одни только толстые обрубки. Если их не наколоть, они не будут гореть. Тирни сумел расколоть топориком поленья поменьше, но против этих здоровенных кругляков топорик бессилен.

Лилли бросила взгляд через поляну в ту сторону, где находился сарай. После его возвращения накануне вечером снег шел не так сильно, протоптанная им дорожка все еще была видна.

Она же приняла лекарство. Ей потребуется всего несколько минут, чтобы сбегать к сараю и вернуться. Сколько Тирни ни уверял, что колуна нет в ящике с инструментами, она знала, что колун там. Он просто не заметил.

Конечно, она не так глупа, чтобы самой колоть дрова. Эту задачу она прибережет для него. Он, конечно, рассердится на нее за то, что принесла топор, но после того, как он спас ей жизнь, это самое меньшее, что она может для него сделать: избавить его хотя бы от похода за топором. Холодный воздух вливал в нее бодрость, хотя дышать приходилось сквозь шарф Тирни. Да и сама по себе возможность размяться была приятна после двухсуточного безвылазного сидения взаперти.

Лилли решительно спустилась по ступеням, чтобы не передумать, и двинулась вперед по тропе, которую Тирни протоптал в снегу.

Тирни. Странно, что она ни разу не назвала его Беном. Даже в тот день на реке она назвала его по имени только раз, да и то он тут же ее поправил: „Все зовут меня Тирни“. Ему это шло.

Взволнованная воспоминанием о том, сколько раз она повторяла его имя прошлой ночью в порыве страсти, Лилли поплотнее завернулась в пальто и поглубже утопила улыбку в его шарфе. Казалось, все нити шарфа пропитались его запахом. Она упивалась им.

Чувствуя себя счастливой, как никогда, Лилли пересекла поляну.

А потом она вошла в лес.

* * *

Уильям Ритт провел Датча и Уэса под навесом для шин к задней двери, а потом через кухню в гостиную его дома.

– Угли еще тлеют. Сейчас я разведу огонь. – Он сел на корточки перед камином и принялся за работу.

Датч с ума сходил от нетерпения. Каждая минута, проведённая им в бездействии, работала на пользу Бегли.

И все же он не решался наорать на Уильяма, хотя ему ни хотелось. Вдруг этот мозгляк не испугается его угрозы конфисковать снегоходы и не отдаст им ключи? Поэтому он стоял и молчал, пока Уильям подкладывал дрова в камин и помешивал кочергой угли.

Пока это не вылетело у него из головы, он вынул двустороннюю рацию из застегнутого на „молнию“ кармана лыжного костюма, толкнул Уэса локтем в бок и сунул ее ему в руку.

– Вдруг нам там придется разделиться. Помнишь, как ею пользоваться?

– Нажимаешь кнопку, когда говоришь, отпускаешь, когда слушаешь, – кивнул Уэс.

– Точно. Действует в радиусе семи миль.

Дрова наконец занялись, и Уильям выпрямился.

– Ну вот, так-то лучше. Сейчас позову Мэри-Ли, она сварит кофе.

– У нас нет времени, – сказал Датч. – Просто отдай нам эти ключи, и мы пойдем.

– Это займет всего несколько минут. Она нальет вам кофе в термос, и вы возьмете его с собой. – Он жестом пригласил их к огню. – Присаживайтесь, будьте как дома.

– Честное слово, – начал Уэс, – я не хочу, чтобы ты беспокоил Мэри-Ли из-за нас.

– Она не будет возражать, – ответил Уильям уже из коридора.

Датч решил: раз уж ему навязывают гостеприимство, чему бы им и не воспользоваться! Он подошел ближе к камину и протянул руки к огню. Краем глаза он заметил, Уильям подходит к двери в середине коридора. Даже если бы Датча не поджимало время, он все равно против того, чтобы будить Мэри-Ли. Теперь еще и она знает об их с Уэсом плане. Чем больше людей будет о нем знать, тем выше шансы на провал. Но об этом поздно жалеть.

Уильям дважды постучал в дверь спальни и открыл ее. А потом он просто оцепенел, уронив руки и уставившись в пространство прямо перед собой. „Почему он так застыл вглядываясь в спальню сестры, почему ведет себя так странно даже для Уильяма Ритта?“ – удивился Датч.

Разве только зрелище, на которое уставился Уильям парализовало его, лишило даже способности реагировать.

Датч насторожился. Он все-таки был полицейским, и сейчас в нем заговорил инстинкт полицейского.

– Уильям? – вопросительно проговорил Датч, бросившись к двери спальни. Он ничуть не удивился бы, увидев стены, заляпанные кровью, и расчлененное тело.

– Черт, что происходит? – спросил Уэс.

Он тоже заметил странное поведение Уильяма и двинулся за Датчем.

Им понадобилось несколько секунд, чтобы подойти к двери. Датч чувствовал выброс адреналина в кровь, он целиком превратился в копа. Памятуя, что нельзя врываться в помещение, так как это может уничтожить или скомпрометировать улики, он остановился на пороге и оттолкнул Уильяма в сторону.

Стены не были заляпаны кровью. Тело Мэри-Ли не было расчленено. Она сидела в постели, натянув одеяло до подбородка, глядя на него в шоке, не в силах сказать ни слова. Нежданное вторжение лишило ее дара речи.

А рядом с ней в постели – тоже в состоянии шока – был Скотт Хеймер.

– Вот дерьмо!

Датч повернулся в надежде перехватить Уэса, пока он не подошел ближе, но было поздно. Уэс толкнул Датча комнату и остановился в дверях, ухватившись обеими руками о косяки, словно они были нужны ему для опоры.

– Что это, черт побери, значит? – прогремел он.

– Уэс. – Датч положил руку на плечо другу, стараясь его удержать, но Уэс сердито стряхнул ее и подошел к кровати.

Скотт отбросил одеяло и вылез из постели. Он был совершенно гол, но ничуть не стащился своей наготы. Он воинственно повернулся к отцу.

– Это именно то, что ты видишь, папочка, – добавил издевательски, словно это было бранное слово.

Датч понял, что вызывающее поведение сына взбесило Уэса ничуть не меньше, чем сам факт его поимки со спущенными штанами. Но свой яростный взгляд он устремил на Мэри-Ли.

– Не могла найти себе мужчину, старая кляча.

Скотт бросился на Уэса, как полузащитник на футбольном поле. Он врезался головой в живот отцу и отбросил его назад на несколько футов. Уэс врезался спиной в старинное зеркало-психею. Резная деревянная рама треснула и сломалась, стекло разбилось на мелкие осколки. Это не остановило Скотта. Он молотил Уэса кулаками с криком: „Как ты смеешь так говорить с Мэри-Ли?“

Датч понял, что, если он немедленно не вмешается, их обоих порежет в лоскуты осколками. Не обращая внимания на осколки, захрустевшие под башмаками, он ухватил Скотта сзади поперек туловища и оттащил его от Уэса, который никак не мог отдышаться после удара в живот и судорожно ловил ртом воздух.

Датч отбросил Скотта к противоположной стене комнаты.

– Перестань кипятиться, Скотт, и оденься. Уэс! – Он кивнул в сторону двери.

Уэс бросил еще один уничтожающий взгляд на Мэри-Ли и вышел в коридор. Датч вышел вслед за ним и закрыл за собой дверь.

Уэс метался по коридору, как лев в клетке. Датч повернулся к Уильяму, намереваясь предложить, чтобы все они вернулись в гостиную в ожидании объяснений, но вдруг понял, что Уильям не нуждается в объяснениях. На лице маленького аптекаря играла самодовольная улыбочка.

В голове у Датча все встало на свои места. Вот почему он так настойчиво добивался, чтобы они зашли в дом и разбудили Мэри-Ли! Это была уловка. Он специально подстроил эту сцену.

– Ты сукин сын! Ты знал.

Уильям даже не пытался это скрыть.

– Моя сестра довольно несдержанна в своих любовных развлечениях. Не говоря уж о Скотте.

Мэри-Ли вышла из спальни. Ее самообладанию можно было позавидовать. Она закуталась в халат, ее волосы были стянуты на затылке в неизменный конский хвост.

– Скотт ушел, – сказала она. – Он очень расстроен.

Уэс набросился на нее:

– Расстроен? Он расстроен?

– Да. И я тревожусь только о нем.

– А зря! Лучше бы тебе побеспокоиться о будущем месте работы. Твоя учительская карьера окончена.

– Я это знаю, Уэс, так что перестань орать на меня. Я тебя не боюсь. Чем бы ты мне ни пригрозил, для меня это не имеет значения. Ты не причинишь мне боли.

– Скольких еще мальчишек ты затащила в свою постель?

– Скотт не мальчишка.

– Ты мне не дерзи. Ты должна у меня прощения просить.

– За то, что спала со Скоттом?

– За то, что трахала его.

– Разве это хуже, чем накачивать его стероидами?

Датч вздрогнул от неожиданности и бросил на Уэса изумленный взгляд, но Уэс ничего не замечал. Он прямо-таки трясся от бешенства. Его пальцы сжимались и разжимались сами собой, словно он готовился задушить Мэри-Ли.

На Мэри-Ли его ярость ничуть не действовала. Она повернулась к брату и посмотрела на него с глубочайшим презрением.

– Так вот что ты предвкушал! Все эти твои самодовольные намеки и колкости. Вот, оказывается, в чем было дело.

– Я хотел воззвать к твоей совести, заставить тебя порвать с ним, пока дело не дошло до

скандала.

– Ничего подобного ты не хотел, – отрезала она. – Совсем наоборот. Ты хотел устроить сцену вроде этой, потому что ты мелкий, злобный, обиженный на весь мир ублюдок, Уильям.

– Извини, что напоминаю, Мэри-Ли, но ты не в том положении, чтобы так со мной разговаривать.

– Интересно, чем ты теперь будешь забавляться, – бросила она. – Хотя, вообще-то, мне все равно. Я уеду из этого дома, как только найду себе другое жилье. А ты, Уэс, можешь убираться к черту.

С этими словами Мэри-Ли вернулась в свою спальню, прикрыв за собой дверь.

Уэс повернулся к Уильяму:

– Ты все знал и мне не сказал?

– Испортить такой сюрприз?

Датч перехватил Уэса, когда тот бросился на Уильяма. Из одного Уэса можно было выкроить трех Уильямов. Это было бы убийством.

– Оставь это для другого раза, Уэс. – Когда Уэс перестал брыкаться, Датч обратился к Уильяму: – Давай сюда ключи от снегоходов.

– С какой, собственно, стати я должен их отдавать?

Датч шагнул к нему.

– Я тебе скажу, с какой стати. Если ты сию же минуту не отдашь мне ключи, я отпущу Уэса, и он тебе все кости пересчитает. Он их тебе так переберет, что ты до конца своих дней будешь пищу принимать через трубочку, хреносос плюгавый.

Уильям презрительно фыркнул, словно его не испугала угроза, но все-таки сунул руку в карман брюк и вытащил целую связку ключей, которую все это время носил с собой. Датч выхватил у него ключи.

– Ты идешь? – спросил он Уэса.

Уэс промолчал, но последовал за Датчем через весь дом к задней двери.

Они заговорили, только оказавшись в „Бронко“ на об ратном пути в школьный гараж.

– Если об этом станет известно, у Скотта не останется ни шанса получить стипендию, – начал Уэс. – Ни одному колледжу не нужны студенты, трахающие своих учителей. – Он несколько раз стукнул кулаком по приборному щитку. – Нет, но этот сукин сын Ритт! Никчемная гадина! Я из него кишки выпущу и по стенке размажу! Он же все специально подстроил, чтобы мы их застукали, верно?

– Он все специально подстроил.

– Но почему?

– Решил поквитаться.

– За что? Что я ему сделал?

Датч бросил на друга укоризненный взгляд.

Уэсу хватило совести напустить на себя сокрушенный вид.

– Он хотел отплатить тебе за все обиды, нанесенные за много лет, истинные и воображаемые. Но я не понимаю, зачем ему понадобилось так унижать свою сестру, – признался Датч. Он на минуту задумался и снова заговорил: – Скотт всего лишь мальчишка. Он урвет свое, где и когда ему предложат, даже если это учительница. Но Мэри-Ли? Я потрясен. Кто бы мог подумать, что она на такое способна?

Уэс разразился презрительным смехом:

– О, они все на это способны. А то ты не знал?! Все они шлюхи.

* * *

Его снова разбудила боль. И еще холод, поселившийся в постели, когда Лилли ее покинула. Не открывая глаз, Тирни зарылся поглубже в одеяла и предался воспоминаниям. О прошлой ночи. О Лилли. О том, как все было в первый раз. О, какой это был сладкий, ленивый, молчаливый, тягучий, текучий секс!

Они не сказали друг другу ни слова. Им не требовались слова. Движения, жесты, прикосновения заменили и слова; этим языком они оба владели превосходно. Ведомый тысячелетним инстинктом, он востребовал тело, которого так долго желал. А Лилли непостижимым образом, известным только женщинам, позволила ему питать иллюзию будто это он был хозяином положения, будто это он овладел ею.

После того первого раза, когда он наконец скатился с нее и повернулся на бок, он увлек ее за собой, и они оказались лицом к лицу. Ему хотелось прочитать ее мысли, понять, сумел ли он вернуть себе ее доверие. Он вглядывался в ее глаза, и ему казалось, что она ему доверяет. Но, может быть, это был всего лишь отблеск только что потрясшего ее оргазма.

Он отбросил назад прядь волос с ее влажной щеки. Коснулся указательным пальцем ее нижней губы, провел им по ее зубам.

– Ты же знаешь, я ничем не пользовался.

Лилли кивнула.

– Ты должна была заставить меня прерваться.

Она взглянула на него с сомнением.

– Клянусь, я бы это сделал, если бы ты попросила.

– Но я не попросила.

– Да. Ты не попросила.

Он обхватил рукой ее талию, положил ладонь на поясницу и притянул ее к себе. Его член

нашел себе естественное гнездо в развилке ее бедер. Они поцеловались. Это был чувственный поцелуй, ее рот оказался жарким и страстным, влажным и голодным. Этот рот так много обещал, что у него кровь вскипела при одной мысли об открывающихся возможностях.

С тихим смехом он прервал поцелуй.

– Не могу поверить, что я это говорю, но я весь горю.

Лилли улыбнулась:

– Я тоже.

Они сняли с себя одежду. Обнаженная Лилли. Господи!

Наконец-то ему довелось ее увидеть, и он не мог насмотреться. Она была прекрасна. Нежные округлости груди вздымались над хрупкими ребрами. Отсветы огня играли на ее коже, исполняли какой-то таинственный эротический танец теней, словно лижущих ее соски.

– Прошлым летом всякий раз, как тебя окатывало водой…

– Знаю, что ты собираешься сказать, – перебила его Лилли. – Я готова была сквозь землю провалиться.

– Я это знал. Поэтому я старался вести себя как джентльмен и смотреть только на твою голову. Но это было нелегко. – Он провел костяшками пальцев по ложбинке у нее между грудей.

– Ты сегодня меня трогал, – сказала она тихим и хриплым голосом. – Пока я спала.

Он посмотрел на нее и отвел взгляд.

– Немного. Совсем чуть-чуть.

– А я думала, мне это снится.

– Я тоже думал, что мне это снится. – Тирни снова взглянул ей в лицо. – Если мне и сейчас это снится, не буди меня.

– Не буду.

Ее сосок напрягся от его прикосновения. Он несколько раз провел по нежному бутону подушечкой большого пальца, потом легонько сжал его.

В ответ Лилли со стоном прошептала его имя. Потом она сказала:

– Возьми ртом.

Тирни наклонил голову и схватил сосок губами.

– Ты жульничаешь, – сказал он.

– Как это?

– Подглядываешь в окно за моими фантазиями.

Тирни невольно застонал, вспоминая, как взял ее сосок в рот. Его язык запомнил эту

mir-knigi.org

бархатистость, этот вкус. Он с улыбкой открыл глаза и вдруг сообразил, что эротические воспоминания убаюкали его и он снова заснул.

Но теперь он полностью очнулся от сна. Все его тело проснулось. У него была мучительная эрекция.

„И почему только это у меня не болит?“ – пробормотал он. Морщась от боли во всем теле, он сел и протер глаза:

– Лилли?

Он отбросил одеяла и встал. Вернее, попытался. Он был на ногах, но его тело согнулось под прямым углом. Он выпрямился, хотя все его кости, суставы, мускулы дружно проголосовали против. Его била дрожь, он весь покрылся гусиной кожей. Пришлось схватить верхнее одеяло и закутаться. – Лилли? Не получив ответа, Тирни направился в спальню.

* * *

Лилли остановилась на опушке леса, наслаждаясь потрясающим видом. Она словно видела перед собой трехмерную рождественскую открытку. Ветви хвойных деревьев обвисли под тяжестью снега. Обнаженные сучья лиственных чернели на белом фоне. Рассвет позолотил лишь самые верхушки деревьев, раскачивающиеся на ветру. А вот внизу ветра совсем не чувствовалось, лес стоял тихий и темный.

Это был собор, воздвигнутый самой природой, священное место. Лилли пожалела, что не может задержаться и в полной мере насладиться красотой и покоем. Но вскоре пальцы ног у нее онемели в тонких кожаных сапожках, напоминая, что красота красотой, а это все-таки дикий лес, где запросто можно погибнуть, если не принять меры предосторожности.

Держась утоптанной тропки, Лилли добралась до сарайчика. Ветер намел высокие сугробы у стен, но, когда Тирни силой открывал эту дверь, снег сдвинулся в сторону, а дверь с тех пор так и осталась приоткрытой.

Лилли прошла по снегу, наметенному после прихода Тирни, и ухватилась за щеколду. Она потянула, но дверь не открылась. Она просто не сдвинулась. Лилли дернула несколько раз: дверь не поддавалась. Напрягая все силы, Лилли сделала еще одну попытку. Дверь наконец открылась, да так внезапно, что она чуть не потеряла равновесие.

Посмеявшись над своей неуклюжестью, она вошла в сарай. Внутри было темнее, чем она ожидала. Лилли выругала себя за то, что не догадалась захватить электрический фонарик: ей хотелось поскорее найти колун и уйти. В сарае всегда водились пауки. А может, и мыши. А может и змеи. Она всегда боялась одна заходить в сарай.

Хотя все разумные существа в этот день укрылись в своих норах, темнота сама по себе пугала ее. А в сарае к тому же стоял неприятный запах закрытого помещения с земляным полом.

Лилли дала глазам привыкнуть к темноте и огляделась. Колуна нигде не было видно, но она помнила, что он в ящике для инструментов.

Звук собственного дыхания громко отдавался у нее в ушах. Это был еще не хрип, но уже близко к тому. Может быть, она приняла опрометчивое решение, отправившись сюда? При обычных обстоятельствах подобный поход не повредил бы ей и даже не утомил бы. Но после вчерашнего тяжелого приступа астмы, да еще и на таком морозе, ей не следовало так напрягаться. Что ж,

тем больше у нее причин поторопиться: забрать топор и вернуться в дом. К Тирни. В постель к Тирни.

Неужели крышка большого деревянного сундука всегда была такой тяжелой? Первая попытка Лилли поднять крышку не удалась. Она сумела лишь приподнять ее на дюйм и сразу начала задыхаться. Ну, если у нее начнется приступ прямо здесь, Тирни замучит ее попреками.

Она чуть присела и обеими руками ухватилась за край крышки. Постепенно распрямляя колени и толкая изо всех сил, она сумела поднять крышку, а когда та встала вертикально, собственный вес увлек ее в противоположную сторону, и она ударилась о стену с грохотом, которого Лилли так и не услышала.

Потому что она смотрела в мертвые, подернутые молочной пленкой глаза Миллисент Ганн.

Дыхание стремительно вырвалось у нее изо рта, но когда она попыталась снова вдохнуть воздух и закричать, но не смогла – у нее изо рта вырвалось лишь сипение.

Лилли инстинктивно попятилась от страшного зрелища, ей хотелось бежать. Она повернулась и застыла на те, увидев черный силуэт Тирни в светлом четырехугольнике дверного проема. Лилли заметила все сразу. Он надел джинсы и башмаки, но из-под незастегнутой куртки виднелась голая грудь. Она бурно вздымалась и опадала. Значит, он запыхался. Значит, он бежал.

– Тирни… – проговорила она, задыхаясь. – Миллисент…

– Ты не должна была это видеть.

И тут в ослепительной вспышке озарения она поняла, почему так сурово заострены его черты, почему он бросился за ней бегом к сараю полуодетый, почему его ничуть не удивил вид тела Миллисент, бесцеремонно втиснутого в грубо сколоченный ящик с заржавленными инструментами.

Он приближался к ней широким шагом, стремительно сокращая расстояние, а Лилли не могла двинуться с места. Ее парализовало, как в кошмаре, когда надо бежать от смертельной опасности, но шевельнуться невозможно.

Лишь в самую последнюю секунду она обнаружила, что может двигаться. Когда он схватил ее за плечи, она стала отчаянно отбиваться, пустив в ход все: локти, колени, зубы, ногти…

Она успела оставить свежие кровавые бороздки у него на щеке, прежде чем он крепко прижал ее руки к бокам.

– Лилли, прекрати!

Он тяжело дышал и даже стонал.

Нет, это не он, не Тирни задыхался и стонал. Это было ее собственное астматическое дыхание.

– Черт побери, Лилли, перестань!

– Ты убийца!

Потом она увидела, как его рука взметнулась и опустилась с молниеносной скоростью ей на шею. Было совсем не больно.

Глава 29

Спецагент Чарли Уайз сел в постели, как подброшенный и, когда зазвонил его сотовый телефон, Он слепо нашарил его среди ключей, мелочи, бумажника с жетоном и очков, оставленных на тумбочке у кровати. Он спал как убитый, но тихий сигнал сотового поднял его с постели не хуже пожарной сирены. Столь внезапное пробуждение могло бы вызвать у него остановку сердца, но прежде он все равно ответил бы на звонок.

Он щелкнул крышечкой и прижал телефон к уху:

– Уайз.

– Привет, Филин. Я тебя разбудил?

Это был Перкинс. В трубке слышался треск разрядов но, напрягшись, Филин все-таки разбирал отдельные слова.

– Нет, – солгал он, цепляя на нос очки. – Я просто удивился. Не думал, что сотовую связь уже восстановили, пока телефон не зазвонил.

– Вертолет… около… назад. Погода… говорит…

– Погоди, Перкинс. Ты еще там? Погоди. – Филин взбрыкнул ногами, откидывая одеяло. Он вылез из постели и бросился к окну в надежде увидеть в небе сигнал „Ясно“. – Перкинс?

– Тебя еле слышно, Филин.

– Давай суть. Вкратце.

– Вертолет. РВП.. [24] в Клири десять ноль-ноль. Трое спасателей. Один снайпер из КСЗ [25]

– Хорошие новости. Что еще?

– Да, о Тир… вчера. Займись… как… что-то…

Филин с досадой повернулся, пытаясь найти в комнате такое место, где связь была бы лучше, но вдруг понял, что она вообще прервалась. Он взглянул на панель: она не светилась.

– Филин?

Бегли стоял в дверях гостевой комнаты, в которой спал Филин. Он держал свою Библию, заложив место, на котором остановился, пальцем. Он был полностью одет и выглядел глядел свежим, как роза. Филин мучительно застеснялся – сам-то он еще дрожал в одних трусах.

– Доброе утро, сэр. Это был Перкинс. Вертолет прибудет к десяти часам.

– Отлично. – Бегли посмотрел на часы. – Как только будешь одет…

– Да, сэр.

Бегли вышел, пятясь задом, и закрыл за собой дверь.

К счастью, подогреватели воды у Гаса Элмера работали на пропане, поэтому Филин снова принял душ, хотя это было первое, что он сделал накануне, когда они зарегистрировались и

mir-knigi.org

разместились в коттедже номер семь. Бегли настоял, что им надо держаться как можно ближе к коттеджу номер восемь, так как не доверял Датчу Бертону и не сомневался, что одержимый шеф полиции предпримет новую попытку прорваться в дом Тирни.

В отсутствие электричества они не смогли включить компьютер Тирни, и это вызвало у Бегли приступ бессильного бешенства. Ему хотелось как можно скорее влезть в файлы Тирни. Филин же, напротив, был втайне рад задержке. У него глаза слипались от усталости, он сомневался, что сможет сосредоточиться на раскалывании кодов доступа Тирни.

вернуться

24

Расчетное время прибытия

вернуться

25

Команда спасения заложников

Их коттедж был единственным на всей турбазе с двумя спальнями, разделенными общей жилой комнатой и кухней. Пришлось обходиться светом от камина, свечами и походным керогазом. На ужин съели банку чили, которую Гас Элмер с удовольствием – хотя и далеко не бесплатно – им выделил, после чего Филин принял душ и добрался до постели, как сомнамбула.

И вот теперь, через пять минут после пробуждения, он присоединился к Бегли в общей комнате.

– Я вскипятил воду для кофе, но его не рекомендую. В полицейском участке кофе лучше, чем здесь. Давай поедем в участок и там будем дожидаться вертолета. Я полагаю, что мы обязаны хотя бы из вежливости сообщить Бертону о РВП.

– Я согласен, сэр. – Филин натянул куртку и перчатки.

– А Перкинс сказал, где приземлится вертолет?

– Нет, сэр, не сказал. Мы до этого не дошли, прервалась.

Бегли проверил свой собственный телефон и выругался, убедившись, что связи нет.

– Я перезвоню Перкинсу, как только мы доберемся до полицейского участка, – заверил его Филин.

Некоторое время они ехали в молчании, потом Бегли заговорил:

– Лилли Мартин. Думаешь, она еще жива, Филин?

– Думаю, да, сэр.

– Почему?

mir-knigi.org

– Она позвонила Бертону и сказала, что они вместе. Он об этом знает.

– Надеюсь, что ты прав.

Подъехав к полицейскому участку, они с изумлением увидели скопление гражданских автомобилей, в основном полноприводных внедорожников, перед приземистым кирпичным зданием. Те, что не уместились на стоянке, загромождали улицу по обе стороны от полицейского участка.

– Какого черта? – задал риторический вопрос Бегли.

В приемной толпились мужчины в военном камуфляже или в охотничьих костюмах. Большинство были с ружьями. Филин заметил одного с луком сложной современной конструкции и колчаном со стрелами. Все были возбуждены и говорили одновременно.

Бегли попытался локтями проложить себе путь сквозь толпу к дежурному, который, судя по всему, стал мишенью всеобщего недовольства. Предприняв несколько безуспешных попыток пробиться через толкучку, старший спецагент заложил четыре пальца в рот и издал оглушительный свист. Шум мгновенно стих. С топотом, напоминающим бег табуна мустангов, всепогодные горные башмаки повернулись на сто восемьдесят градусов.

Теперь, когда глаза всех присутствующих в помещении устремились на него, Бегли назвал себя. Его голосом можно но было резать стекло.

Позже, когда все уже кончилось, Филин рассказывал сослуживцам, что никогда еще „яйцерезка“ не была такой убийственной.

– Пусть кто-нибудь мне объяснит, что здесь, черт побери, происходит! – проревел он.

Толпа раздалась, давая дорогу человеку, который проталкивался сквозь нее навстречу Бегли. Хотя он был наряжен, как парашютист, Филин узнал в нем Эрни Ганна.

– Мистер Бегли, мистер Уайз, – поздоровался он. – Эти люди – волонтеры. Они помогали искать Миллисент, пока буран не заставил нас прервать поиски. Вчера мы узнали, кто ее похитил. Мы собрались этим утром, чтобы помочь поймать Бена Тирни.

Должно быть, сразу после вчерашней встречи с ними Ганн уведомил всех своих друзей, что именно Бен Тирни был злоумышленником, похитившим его дочь. А они уведомили своих друзей. Заглянув в лица собравшихся, Филин прочел в них решимость линчевателей, нацеленных на поимку намеченной жертвы и отправление своего собственного правосудия.

Не обращая внимания на остальных, Бегли обратился к Ганну:

– Я понимаю, вы доведены до крайности…

– Со всем уважением к вам, мистер Бегли, вы не можете понять. Ваша дочь дома, она жива и здорова.

– Поправка принимается, – согласился Бегли на редкость миролюбиво. – Я уважаю ваше стремление во что бы то ни стало разыскать Миллисент. Я также уважаю преданность ваших друзей и соседей, которые добровольно жертвуют своим временем и помогают вам в поисках. – Он обвёл взглядом присутствующих. – Но, джентльмены, этим утром вы напоминаете мне толпу линчевателей. На данный момент мистер Тирни не является подозреваемым: нет

неопровержимых доказательств против него. Хочу это подчеркнуть. Люди услышали его имя в связи с нашим приездом сюда, слухи расползлись, как лесной пожар, об этом передали по радио, ситуация вышла из-под контроля. Мы приехали в Клири только допросить его, заставить его прояснить для нас кое-какие вопросы, чтобы вычеркнуть из списка подозреваемых.

В ответ раздался чей-то голос в задних рядах толпы:

– Вот и мы того же хотим. Допросить его.

Это двусмысленное замечание вызвало волну смешков. Бегли, явно раздосадованный помехой, возразил:

– Чтобы поговорить с человеком, ружья с оптическим прицелом не нужны. Через час сюда прибудет вертолет. Я собираюсь подняться в нем на вершину. Если Тирни действительно в коттедже, до недавнего времени принадлежавшем шефу полиции Бертону, мы потребуем от него сотрудничества и допросим по всей форме в соответствии с законом. Ему будут гарантированы все конституционные права. Вот так все и будет. Так и только так, мистер Ганн. Если вы и ваши друзья попытаетесь вмешаться и воспрепятствовать нашей миссии или взять дело в свои руки, я приму любые меры, какие сочту нужным, чтобы вас усмирить. Это дело полиции. Поэтому…

– А где чертова полиция? – сердито перебил его Ганн.

– Прошу прощения?

Ганн широко раскинул руки в стороны.

– Эти люди пришли сюда сегодня утром, чтобы предложить свои услуги вам и полиции. Но нашего шефа полиции нигде нет.

Филин и Бегли переглянулись в изумлении.

– Что значит его нигде нет?

– Именно то, что я сказал, – ответил Ганн. – Никто, даже его собственные люди, не видели Датча и ничего о нем не слышали со вчерашнего вечера, когда он сказал дежурному, что идет домой спать.

– Он велел нам зайти за ним, если он понадобится.

Из толпы материализовался офицер Харрис. Он сменял полицейскую форму на водонепроницаемый лыжный костюм и меховую шапку-шлем с опущенными наушниками как и у большинства присутствующих, поэтому его невозможно было отличить от остальных.

– Я ездил к нему домой, только что вернулся. По-моему, там давно никого не было. Камин не топлен, в нем даже золы нет.

Бегли бросил обеспокоенный взгляд на Филина.

– Может быть, Уэс Хеймер…

Харрис покачал головой, не дав ему закончить.

– Он тоже ушел в самоволку. Я заехал к нему по пути сюда. Миссис Хеймер сказала, что

мистер Хеймер вчера вернулся поздно, проспал пару часов и снова уехал еще до рассвета.

– Она знает, куда он уехал?

– Сказала, что не знает.

Филину все это страшно не нравилось. Судя по выражению лица Бегли, он тоже был не в восторге. На несколько минут он глубоко задумался, потом произнес:

– Офицер Харрис.

– Да, сэр?

– В отсутствие вашего шефа впредь до особого распоряжения с моей стороны вы координируете действия этих людей. Я хочу, чтобы они были организованы в официальный поисково-спасательный батальон. Ваша непосредственная задача состоит в том, чтобы снабдить их всем необходимым. Амуницией. Обмундированием. Компасами. Едой. Водой. Как можно больше воды. Я не возьму на себя ответственность, если кто-то там наверху хлопнется в обморок от обезвоживания.

– Есть, сэр.

– Они должны быть готовы выступить в любой момент.

– Слушаюсь. – Вдруг в глазах молодого человека проступило сомнение. – Э-э-э… С какой целью, сэр?

– Этого я не буду знать, пока не осмотрю местность на вертолете. Будем держать связь по полицейской рации, поэтому предлагаю вам пока оставаться здесь. Используйте как свою оперативную базу. Могут прийти новые добровольцы, нам может понадобиться любая помощь. Могу я внести предложение?

– Э-э-э… да. Сэр.

– Я по опыту установил, что разделение отряда на мелкие подгруппы с назначением лидера, ответственного за каждую, – это эффективный способ организации людей с более низким уровнем подготовки. Лидеров подгрупп отбирайте тщательно, они будут рапортовать только вам. Это лишь совет. Вы можете действовать, как считаете нужным.

– Да, сэр.

– Агент Уайз! – Бегли повернулся кругом и направился к двери.

Филин бросился ее открывать, потом вышел следом. Как только дверь за ними закрылась, они отбросили всякое притворство. – Думаешь, они купились на всю эту чушь?

– Трудно сказать, сэр, – ответил Филин.

– Пусть поломают голову, это их на время отвлечет, особенно если начнут выбирать лидеров подгрупп. Надеюсь, к тому времени, как они с этим разберутся, мы успеем спасти мисс Мартин и взять Тирни под стражу. – Бегли вдруг умолк. – Вот черт! Ты же так и не добрался до телефона.

– Перкинс не вызывал меня по пейджеру. Он непременно вызвал бы, если бы было что-то

срочное. А пока я постараюсь дозвониться до него по сотовому.

– Что ты думаешь об исчезновении Бертона и Уэса Хеймера?

– Теряюсь в догадках, сэр.

– Мне это не нравится. Совсем не нравится.

Филин распахнул дверцу с водительской стороны.

– Куда, сэр?

– В аптеку. По-моему, у них там гнездо. Начнем поиски оттуда. – Прежде чем сесть в машину, Бегли запрокинул голову и взглянул на ясное небо. – Не могу поверить, что я это говорю, но мне не хватает снега. По крайней мере, пока шел снег, я знал, кто где находится.

* * *

Мэри-Ли думала, что дела не могут принять более скверный оборот. Она ошибалась.

К ней в дом ворвалась Дора Хеймер. Вид у нее был совершенно безумный, Мэри-Ли никогда ничего подобного не видела. Казалось, она сбежала из сумасшедшего дома. На ней были только купальный халат с мокрым от снега подолом и домашние шлепанцы. Голые ноги покраснели от холода.

В ту самую секунду, как Мэри-Ли открыла дверь, Дора вскричала:

– Скотт здесь?

– Нет.

– Вы знаете, где он? Прошу вас, умоляю. Если вы знаете, где он, скажите мне.

Мэри-Ли взяла ее за руку, втянула в дом и провела прямо к камину.

– Сядьте и расскажите мне, что случилось.

Дора отказалась сесть. Она металась взад-вперед и рвала на себе волосы. В одной руке она сжимала листок линованной бумаги. Левый край был оборван и висел бахромой, значит, листок был вырван из блокнота со спиральным креплением.

– Что это? – спросила Мэри-Ли.

– Записка. Я нашла ее в комнате Скотта. К нам приходил полицейский.

– Полицейский?

– Один из людей Датча. Искал его и Уэса, – нетерпеливо объяснила Дора. – Это неважно. Когда он ушел, я заглянула в комнату Скотта, хотела проверить, как он. Комната была пуста. Я нашла вот это. – Она протянула записку Мэри-Ли. – Это правда? – Слезы текли по щекам Доры. – Вы его любовница?

Мэри-Ли и в голову не пришло отрицать.

mir-knigi.org

– Последние несколько месяцев, – тихо подтвердила она.

Дора остановилась и уставилась на нее с открытым ртом.

– Как вы могли? Вы что, с ума сошли?

– Миссис Хеймер, прошу вас, – мягко сказала Мэри-Ли.

Душевное состояние Доры волновало ее куда больше, чем обвинения, которые мать Скотта готова была на обрушить. Казалось, Дора вот-вот рухнет.

– Я расскажу все, что вы хотите знать о моих отношениях со Скоттом. Но я ничего не могу сказать, пока вы кричите на меня. Прошу вас. – Она указала на кресла у камина, но Дора ударила ее по руке. Удар был болезненный, но Мэри-Ли сохранила самообладание. Кто-то из них двоих должен был его сохранить. – Что в записке?

– Он объяснил, что произошло этим утром.

– Это была омерзительная сцена. Других слов не подберу.

– Что ж, можете гордиться собой, – горько усмехнулась Дора. – Ваше позорное поведение привело вот к этому.

Она швырнула записку Мэри-Ли. Листок был скомкан и влажен от ладони Доры. Разгладив его, Мэри-Ли узнала почерк Скотта.

Записка была адресована его родителям. Первая же строка привела ее в ужас: „Я знаю, вы никогда меня не простите за то, что я сделал“. Мэри-Ли прочла это вслух и взглянула на Дору:

– Что он хотел этим сказать? Что он такое сделал, чего нельзя простить?

– Спал со своей учительницей, полагаю. Я не знаю. – Дора вновь принялась метаться и ломать руки. – Вы – последняя, кого я хотела бы видеть рядом с моим сыном. Мне до смерти не хотелось к вам обращаться. Но я пришла в надежде, что вы сможете пролить свет на эту записку. Или подсказать мне, где он может находиться. Или объяснить, что значит: „Вы никогда меня не простите“. Скажите мне хоть что-нибудь! – закричала она, и на последнем слове ее голос сорвался на визг.

Мэри-Ли еще раз перечитала строчку.

– Может быть, он имел в виду нашу связь. Но, может быть, он хотел сказать…

Она не могла заставить себя выразить вслух, что эта туманная фраза могла означать.

– Он имеет в виду то, что сделает к тому моменту, когда мы прочтем записку? – спросила Дора. – Или то, что он уже сделал? То, что, по его мнению, мы сочтем непростительным?

– Я не знаю и боюсь гадать, миссис Хеймер.

Дора попятилась к стене, закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Он хочет сказать, что убьет себя?

Мэри-Ли продолжила чтение. В душе у нее нарастала паника. Это была предсмертная записка

самоубийцы, хотя Скотт прямо не написал, что собирается покончить с собой. Но когда он торопливо оделся и покинул ее спальню этим утром через балконную дверь, он был в жутком состоянии. Она умоляла его остаться, но он слышать ничего не хотел.

Он ушел от нее и, должно быть, забежал домой только для того, чтобы написать записку. На что бы он ни решился, решение было принято мгновенно. Именно эта поспешность ужасала ее. Он не мог поступать разумно.

– Он что-нибудь взял с собой, когда уходил?

– Я не знаю, – покачала головой Дора. Погруженная в свои горестные мысли, она почти не слушала Мэри-Ли.

Мэри-Ли схватила ее за плечи и встряхнула.

– Из дома ничего не пропало?

Взгляд Доры прояснился.

– Что вы имеете в виду?

„Пистолет“. Не успела Мэри-Ли произнести это вслух, как раздался громкий стук в дверь. Обе женщины вздрогнули. Несколько секунд они в страхе смотрели на дверь. Обеим пришла в голову одна и та же мысль, которую они боялись высказать.

Мэри-Ли первая нашла в себе силы. Она бросилась в прихожую и открыла дверь.

– Мисс Ритт, мы уже познакомились вчера.

– Я помню. Специальный агент Уайз.

– Да, мэм. А это старший специальный агент Бегли.

– Входите.

Она отодвинулась, впуская агентов ФБР в прихожую. Они остановились на самом пороге гостиной, завидев прижавшуюся к стене Дору Хеймер. Надо было отдать должное Бегли: он сделал вид, что не заметил непорядка в ее одежде и заговорил так, словно они встретились на светлом чаепитии.

– Доброе утро, миссис Хеймер.

Ее глаза округлились от страха, вся краска отхлынула от лица.

– Вы пришли из-за Скотта?

– Скотта? Нет.

– А в чем дело? – спросил Уайз, уловив их тревогу. Дора предоставила Мэри-Ли отвечать.

– Мы не знаем, в чем дело. Зачем вы пришли?

– Честно говоря, мы надеялись застать вашего брата дома, – ответил Уайз. – Мы заглянули в аптеку. Там никого не было.

mir-knigi.org

При упоминании о своем брате Мэри-Ли почувствовала, что ее лицо каменеет. Она все еще пыталась осмыслить всю чудовищность его предательства. У нее в голове не укладывалось, как он может получать удовольствие, причиняя боль стольким людям.

Будь он на самом деле обеспокоен ее моральной нечистоплотностью, он поговорил бы с нею об этом с глазу на глаз, посоветовал бы ей обратиться за помощью к психологу или к священнику или даже пригрозил бы скандалом, если она немедленно не прекратит свою связь со Скоттом.

Вместо этого он держал все в секрете, травил ее намеками, пока не захлопнул ловушку с наибольшим ущербом для всех остальных, чтобы получить максимум удовольствия самому. Тот бог, в которого верила Мэри-Ли, счел бы злорадное коварство Уильяма куда более тяжким грехом, чем ее преступная любовь к Скотту.

Агенты ждали ее ответа.

– Брат ушел из дома примерно час назад. – Она выжидала в своей спальне, пока не услышала, как за ним захлопнулась дверь и отъехала его машина. – Я полагала, что он уехал в аптеку. Если его там нет, я ничем не могу вам помочь. Что вы хотели у него спросить?

– Честно говоря, мы разыскиваем его клиентов. Один из них – ваш муж, миссис Хеймер, – повернулся Уайз К Доре. – Вы не могли бы нам сказать, где он?

– Понятия не имею.

– Они с Датчем приходили сюда рано утром, – вмешалась Мэри-Ли. – Они пришли вместе с Уильямом. Я слышала как они говорили о снегоходах. Уильям недавно купил их на аукционе. – Разговор на повышенных тонах в коридоре она услышала сквозь закрытую дверь своей пальни. Она была слишком безутешна из-за Скотта и почти не обратила внимания на возбужденные голоса, да и не было ей никакого дела до того, о чем эти трое могли говорить, но слово „снегоходы“ запало ей в голову. – Да, я только что вспомнила: Уэс и Датч были в лыжных костюмах.

Взгляд, которым обменялись Бегли и Уайз, встревожил Мэри-Ли.

– Прошу вас, джентльмены, что все это значит?

– Пик Клири, – сказал Бегли.

– И мистер Тирни?

– Они упоминали его или пик Клири в разговоре с вашим братом? – спросил агент Уайз.

– Кажется, нет.

– А вы хорошо знаете пик Клири, мисс Ритт?

– Можно сказать, досконально. Я на нем выросла, как раз под самой вершиной, только на западном склоне.

– На западном склоне? Как добраться туда из города? Туда ведет шоссе?

– Нет. На западной стороне есть другая дорога, очень извилистая. Но она пришла в запустение. Несколько лет назад часть дороги смыло оползнем. Ею так редко пользовались, что решили не восстанавливать.

– Но на снегоходе по ней можно было бы подняться?

– Я ничего не понимаю в снегоходах, но, думаю, это возможно. – Мэри-Ли перевела взгляд с одного агента на другого. – Вы думаете, Уэс и Датч отправились туда за мистером Тирни?

Бегли не стал прямо отвечать на ее вопрос.

– Мы ждем вертолет из Шарлотта и надеемся попасть туда раньше любого, кто захочет взять правосудие в свои руки. – Он взглянул на Дору. – Не хотели бы вы позвонить мистеру Хеймеру и посоветовать ему воздержаться от безрассудных действий?

– Я бы хотела, но уже пыталась связаться с ним по сотовому и не смогла пробиться. Я с ума схожу, мне надо сказать ему о Скотте, но…

– А что со Скоттом? – Пронизывающий взгляд Бегли заставил Дору вздрогнуть.

– Сегодня утром он оставил у себя в комнате записку, которая нас очень встревожила. – Не спрашивая разрешения у Доры, Мэри-Ли передала записку агенту Бегли. Он прочел ее и передал Уайзу.

Выражение лица Бегли не обещало ничего хорошего.

– Миссис Хеймер, – спросил он, – вопросы, заданные нами вчера Скотту насчет его отношений с Миллисент, могли его расстроить до такой степени?

– Нет.

Ее ответ прозвучал слабо и неубедительно: Бегли не замедлил этим воспользоваться.

– По правде говоря, мы почувствовали, что Скотт, как и все вы, скрывает информацию, которая может оказаться важной для нашего расследования.

– Эта записка свидетельствует о том, что Скотт эмоционально нестабилен, – заметил Уайз. – Возможно, об исчезновении Миллисент ему известно больше, чем…

– Его эмоциональная нестабильность никак не связана с Милдисент, – вмешалась Мэри-Ли. Мужчины опять повернулись к ней. – Поверьте, не стоит тратить время на нечто, не имеющее ни малейшего отношения к делу. – Она помолчала, но потом решилась: – Скотт расстроен, потому что его отец и мой брат заставляли его принимать стероиды. Они делали ему инъекции. Он больше не хочет их принимать, но знает, что Уэс устроит ему скандал по этому поводу. И это еще не все.

Мэри-Ли замолчала, стараясь собраться с духом, и стиснула руки.

– Этим утром меня и Скотта застали вместе в постели. – Заметив шок, отразившийся на их лицах, она добавила: – Вы все правильно поняли. Мы со Скоттом любовники.

Уайз первым обрел дар речи, но ему пришлось деликатно откашляться.

– Вы считаете, это ваши… гм… отношения с ним… это на них он намекает в своей записке?

– Я так полагаю, но точно не знаю.

– Здесь есть намек на самоубийство, но… – Голос изменил Доре. Она заплакала.

– Мы оповестим всех патрульных о его машине, – сказал Уайз. – По таким дорогам он не мог далеко уехать.

Дора покачала головой:

– Он не взял машину.

– Вы хотите сказать, что он ушел пешком?

– Он всегда любил пешие походы. Он излазил весь пик Клири.

Уайз и Бегли снова обменялись многозначительными взглядами, потом старший агент обратился к Мэри-Ли:

– Давно ли вы поддерживаете такие отношения со Скоттом, мисс Ритт?

Мысленно она поблагодарила его: вопрос прозвучал без осуждения. Мало того, тон его был как будто даже смущенный.

– С сентября.

– За все это время Скотт ни разу не говорил с вами о причинах своего разрыва с Миллисент Ганн?

– Он никогда не говорил о своих бывших подружках, а я никогда не спрашивала.

– Не спрашивали?

– Нет.

– Никогда?

– Нет.

– И вам ни капельки не было любопытно?

– Нет.

– В таком случае вы поистине замечательная женщина.

„Или лгунья“. Именно на это намекал Бегли. Как ни странно, не его жестокий взгляд, а именно мягкий, участливый голос прорвал плотину ее выдержки. Ее плечи поникли, из груди вырвался долгий вздох.

– Прошлой ночью. Мы впервые говорили об этом прошедшей ночью. Он рассказал мне, почему перестал встречаться с Миллисент.

Они ждали, но она больше ничего не сказала.

– И почему же? – спросил наконец Бегли.

– Я вам этого не скажу, мистер Бегли. Во всяком случае, не сейчас. Я скажу только тогда, когда вам будет необходимо об этом узнать.

– Нам нужно знать сейчас, – сказал Уайз.

– Ничем не могу вам помочь.

Уайз вроде бы собрался возражать, но Бегли вскинул руку. Мэри-Ли прислушалась и узнала звук в тот самый миг, как Бегли объявил:

– Это вертолет.

Он направился к двери.

– Погодите! – воскликнула Дора. Бегли обернулся. – Если Скотт там, наверху…

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть его вам целым и невредимым, миссис Хеймер. Даю вам слово.

После ухода агентов ФБР в комнате как будто стало еще холоднее. Мэри-Ли подошла к камину, перемешала горящие поленья кочергой и села напротив Доры. Та сказала:

– Они убеждены, что Скотт как-то связан с ее исчезновением.

Мэри-Ли зябко обхватила себя за локти, ежась от холода. Возможно, это был бессознательный жест, попытка удержать ускользающую надежду на то, что в записке Скотта не было намека на самоубийство, – по причинам, о которых она не позволяла себе задуматься.

– От Миллисент к вам, – презрительно бросила Дора. – Не знаю, какая из вас хуже.

– Я и не жду, что вы поймете.

– Ну, спасибо и на этом, – с горьким смехом отозвалась Дора. – Я действительно не понимаю, как порядочная и ответственная женщина, какой вы всегда казались, могла соблазнить мальчика. Вы же для него образец. Он смотрел на вас снизу вверх. Восхищался вами.

– Он и сейчас не перестал восхищаться.

Дора не пожелала это признать.

– Это из-за вас он тайком убегал из дома по ночам. Он бегал к вам.

– Да, – устало подтвердила Мэри-Ли. Глядя в огонь, она добавила: – Риск был велик для нас обоих.

– Но, несмотря на риск, вы все-таки заманили его в свою постель.

Мэри-Ли повернула голову и посмотрела на Дору.

– По-вашему, я похожа на роковую женщину, способную вскружить голову любому мужчине, миссис Хеймер? – Ее улыбка была полна самоуничижения. – Вряд ли. Скотт среагировал на меня точно так же, как и я на него. Мы поняли, что нас свела вместе потребность в одном и том же.

– То есть секс.

– Да, секс. У нас была страсть. – Дора поморщилась, но Мэри-Ли продолжала, не обращая на нее внимания: – Но нас привлекло друг к другу нечто большее. Каждому из нас не хватало чего-то очень существенного. Того, что другой был готов – нет, был рад – предоставить.

– О, я не сомневаюсь, вы с радостью предоставили моему восемнадцатилетнему сыну отдушину для его похоти.

– Да, – без колебания признала Мэри-Ли.

Она не знала, как много может позволить себе сказать, сказать ли Доре, что вчера Скотт наконец открылся ей, признался, что восстал против стероидов, навязанных ему Уэсом?

Для Мэри-Ли это признание стало наименее шокирующим. А вот как рассказать Доре о том, что Уэс проделал с Миллисент? А может, она уже знает? Но, если нет, она не в состоянии, чтобы рассказывать ей сейчас. К тому же Мэри-Ли не была лицемеркой. Ее только что застали в постели с учеником. Так ей ли кидать камни в Уэса или в кого бы то ни было еще? Она решила придерживаться фактов, но слегка отретушировать их.

– Я также давала Скотту возможность облегчить душу после всего того давления, которое оказывал на него ваш муж. Я выслушивала его. Он делился со мной своими мыслями, планами, мечтами…

– Не приукрашивайте свою роль, Мэри-Ли. Священники, которые растлевают мальчиков, не гнушаются выслушивать их исповеди и давать отпущение грехов. Вы всего лишь сексуально изголодавшаяся старая дева, нашедшая себе послушного партнера.

– Конечно, вы правы, – с грустью согласилась Мэри-Ли. – Правы во всем. Единственное, что может служить мне оправданием: Скотт уже достиг возраста согласия. По закону меня нельзя признать растлительницей несовершеннолетнего. Но с точки зрения этики это было… – ей не хотелось говорить „предосудительно“. Немного подумав, она сказала: – …недопустимо.

Несколько минут обе женщины молча смотрели в огонь. Дора наклонилась вперед, поставила локти на колени и оперлась подбородком на ладони. В таком положении она долго сидела, не двигаясь, дрова в камине тем временем прогорели до углей, их снова надо было перемешать.

Наконец она опустила руки и повернула голову к Мэри-Ли.

– Ведь вы любите моего сына, правда?

– Всем сердцем, – тихо отозвалась Мэри-Ли. – Но не расстраивайтесь, Дора. Вам незачем беспокоиться, я не разрушу жизнь Скотта. До того, как это началось, пока он был еще прекрасной грезой, я уже знала, что, если чему и суждено возникнуть между нами, это будет нечто временное. Я понимала, что это не может, не будет и не должно затягиваться. С самого начала я решила в один прекрасный день тихо уйти из его жизни, избавить его от неловкости или чувства вины из-за нас.

Она отвернулась и с грустью взглянула на огонь.

– Я знала, что этот день придет. Я знала, что он разобьет мне сердце, а может быть, и Скотту тоже, хотя всеми ми хотела этого избежать. В ожидании этого дня я дожила каждой минутой, проведенной вместе с ним. Я знала, что, если о нашей связи станет известно, меня будут забрасывать грязью до конца моих дней. Мне было все равно. Раз в жизни я нарушила правила. Я жила минутой, стараясь не думать о неизбежном исходе, чтобы не омрачать отпущенное мне время с ним. Я давала ему все, что у меня было, все, что могла отдать. – Мэри-Ли вновь перевела взгляд на Дору. – И я бы сделала это опять без малейшего сожаления.

Две женщины смотрели друг на друга с полным пониманием. Они сами не знали, кто из них

сделал первое движение, потому что обе практически одновременно протянули руки через разделявшее их пространство между креслами. Они крепко взялись за руки, а потом и обнялись, цепляясь друг за друга, потому что больше цепляться им было не за что.

Глава 30

„Подглядываешь в окно за моими фантазиями“.

Его губы сомкнулись вокруг ее соска, он втянул сосок в рот, и она подумала, что сейчас умрет от наслаждения. Передвинувшись к другой груди, он прошептал:

– Голышом гораздо лучше, чем через одежду.

– Ну, положим, ты и через одежду сумел найти все, что нужно.

– У меня есть свой встроенный теплоискатель.

– Да уж, что есть, то есть. – Пленительно улыбаясь, она провела ладонью вниз по его животу, обхватила его пальцами и принялась массировать. – Я видела, как ты мылся, – призналась она шепотом.

Он вопросительно взглянул на нее.

– В оконном стекле. Твое отражение. Это вышло случайно, но…

Прижавшись губами к ее губам, он прошептал:

– Но что?

– Мне стало жарко, и сердце забилось часто-часто.

– От того, что ты сейчас делаешь, мне стало жарко и сердце бьется часто-часто.

Сжимая и поглаживая, она снова довела его до полной эрекции. Когда она принялась разминать бархатистую головку, нажимая на самое чувствительное место, он простонал:

– О боже, Лилли.

– Это замечательный теплоискатель.

– У меня есть еще один.

В мешанине скомканных одеял она даже не заметила, как он очутился у нее между ног, а его руки – у нее под бедрами. Он приподнял ее навстречу своему рту и второму теплоискателю – языку. Он приобщил ее к такому уровню близости между двумя человеческими существами, к таким плотским радостям, о существовании которых она до сих пор не подозревала.

Неужели она действительно выкрикнула его имя? Или ей только показалось? Как бы то ни было, крик громким эхом отдавался у нее в голове и в сердце.

Мгновения спустя, когда он вновь глубоко погрузился в нее, она заглянула ему в глаза, взглядом передавая все то, что хотела сказать, но не находила слов.

Он нежно улыбнулся. Он понял. Тирни все понял.

mir-knigi.org

* * *

Придя в себя, Лилли увидела, что находится в жилой комнате коттеджа. В камине горел огонь, поэтому ей не было холодно. Желанный солнечный свет струился сквозь одно из окон, на котором занавеска была отодвинута. Шея у нее болела, но не сильно, как при растяжении мышц.

И она была в наручниках.

Тирни!

Боже, она грезила о нем, о прошлой ночи, о том, как они занимались любовью! Лилли едва не заплакала от негодования и унижения, но лишь одно рыдание вырвалось ее груди Она не могла позволить себе предаваться этим чувствам в такую минуту. Надо будет приберечь их на потом. Если, конечно, она выживет.

Лилли лихорадочно оглядела комнату и прислушалась, не слышно ли его в других комнатах, но быстро поняла, что она в доме одна. Она сидела на полу под стойкой бара, отделявшей жилую комнату от кухни. Ее руки были прикованы к опорной железной скобе под стойкой. Кисти онемели от недостатка кровообращения, наверное, это ощущение дискомфорта и заставило ее очнуться.

Она поднялась на колени, чтобы ослабить давление на руки. Ее ингаляторы лежали на сиденье ближайшего к ней табурета, их вполне можно было достать, если вытянуть пальцы. Там же стояла чашка с водой. Как предусмотрительно! Тирни позаботился, чтобы она не испытывала жажду и дышала свободно. Он хотел, чтобы она была в отличной форме, когда будет ее убивать.

А какой у него выбор? Она сама подписала себе приговор, когда обнаружила тело Миллисент. Он был Синим.

Его объяснения насчет наручников и всего остального сразу показались ей фальшивыми. Такими они и оказались. Вероятно, он для того и отправился в горы два дня назад, чтобы избавиться от тела Миллисент, но ему помешала буря. Он спрятал тело в самом удобном тайнике – в ее сарае, в ящике для инструментов. А когда он возвращался к своей машине, Лилли случайно столкнулась с ним на шоссе.

Все его поведение с той минуты несло на себе неоспоримые признаки вины. Как же она могла поверить в его виновность хоть на минуту, не говоря уж о целой ночи?

Ответ был прост: она хотела верить и поверила.

Она хотела его. Он проявил такую доброту, готовность жертвовать собой, рискнуть своей жизнью ради нее, у нее в голове не укладывалось, как все это совмещается с желанием ее уничтожить. Оказалось, что все это – не более чем ловкий ход преступника. Он втирался в доверие к своим жертвам. Обольщал их романтическими сказками пока они не впадали в сентиментальный ступор. Он был нежным и страстным любовником… до поры до времени. Пока любовь и нежность не превращались в насилие.

Она лишь на секунду заглянула в мертвое лицо Миллисент и сразу отвернулась в ужасе, но это лицо врезалось ей в память. Миллисент умерла не в самозабвении страсти. Ее душили, пока язык не вывалился у нее изо рта и глаза не вылезли из орбит. Ее убийца был жесток и безжалостен. Ее смерть не была быстрой. Это была медленная и мучительная смерть.

Мысль об этом наполнила душу Лилли ужасом, но она решила, что ни за что не станет следующей жертвой Тирни.

Где он, когда вернется? Что он сейчас делает? Избавляется от тела Миллисент, прежде чем заняться ею? Чем бы он ни был занят, ему придется поспешить. Ему остаются считанные часы. Он сам сказал, что Датч или кто-нибудь еще попытается добраться до них в этот день.

Когда, когда, когда?

Лилли изо всех сил дернула за наручники, прекрасно сознавая, что пытаться вырваться из них бесполезно. Если уж Тирни не смог, ей и подавно не под силу. Боже, неужели она действительно целовала его натертые до крови запястья и царапины на руке, оставленные ее ногтями?

Нет, она не могла сейчас вспоминать об этом. Как и обо всем остальном, чем они занимались в жаркой тьме под одеялами. Все это было вчера. А теперь настало сегодня. Она не умрет от стыда. Она не умрет, точка. Она выживет.

Подняв руки, она ощупала шурупы, которыми скоба крепилась к нижней части стойки. Если бы ей удалось расшатать их и выдернуть скобу из древесины, она осталась бы в наручниках, но, по крайней мере, смогла бы двигаться. Бежать.

Лилли попробовала шурупы на прочность. Ни один не поддавался, но она все-таки атаковала их. В попытке вынуть шурупы она ободрала кожу на пальцах и сломала ногти. Через пять минут пришлось признать, что все бесполезно. Ей не удалось расшатать ни один из них, и добилась она, помимо того, что ободрала пальцы, только одного: у нее началась одышка.

Если она не придумает другой способ побега – а ей ничего не приходило в голову, – остается лишь надеяться, что кто-нибудь придет ей на помощь. Интересно, какой из сценариев воплотится?

Может быть, Тирни убьет ее быстро и сбежит? Может быть, возьмет ее в заложницы и будет торговаться за условия своей капитуляции? Оставит ее живой или мертвой? Сдастся или попытается избежать ареста и получит пулю при попытке к бегству?

И как она умрет? Глядя ему в глаза, взглядом умоляя его сохранить ей жизнь, как вчера она взглядом умоляла его дать ей почувствовать себя живой после четырехлетнего пребывания в горестном полусне?

А может быть, это ей суждено наблюдать, как он лежит неподвижно на снегу, истекая кровью?

Она не знала, который из двух образов заставил ее заплакать.

Но слезы мгновенно высохли, когда зазвонил ее сотовый телефон.

* * *

– Черт побери! – выругался Датч. – Голосовая почта. Почему она не отвечает?

Подъем на гору занял больше времени, чем он ожидал, его терпение давно уже истощилось. Он знал примерный маршрут, но дорога, и без того пунктирная, была скрыта под несколькими футами кое-где обледеневшего снега.

Каждый ярд давался с риском для жизни. Короткие отрезки прямого пути были ничуть не безопаснее головокружительно крутых поворотов. Ни он, ни Уэс не имели опыта езды на снегоходах. По мнению Датча, это были самые что ни на есть неповоротливые и ненадежные средства передвижения.

Лыжные очки глубоко врезались в его опухшую кожу Она так вздулась и воспалилась, что нос совершенно слился со щеками. В порезах появился гной. Чтобы облегчить пульсирующую боль, он сорвал с себя очки, но от сверкающего на солнце снега у него так заболели глаза, что пришлось снова надеть проклятые „консервы“.

Здесь, на западном склоне горы, ветер был гораздо сильнее. Он вздымал снег и закручивал его в снежные вихри, от которых им не всегда удавалось уклониться. Мороз стоял невыносимый, хотя разогретые рули снегоходов спасали их руки от замерзания. Ехать приходилось гуськом, и время от времени они менялись местами.

Уэс, в эту минуту шедший впереди, сделал Датчу знак остановиться.

– Мне надо отлить.

Датча разозлила остановка, но он воспользовался случаем и проверил свой сотовый. Увидев, что телефон работает, он торопливо сорвал перчатку и набрал номер Лилли.

Уэс сделал свои дела и вернулся на дорогу, с трудом пробираясь по снегу.

– Попробуй еще раз, – посоветовал он.

Датч снова набрал номер, но с тем же неутешительным результатом.

– Не гони картину, Датч. Если она не отвечает по телефону, это еще не значит… ну, ты меня понимаешь. Это может означать все, что угодно.

Датч кивнул, но было видно, что он не верит. Уэс, неисправимый оптимист, предположил:

– Может, она сама пыталась до тебя дозвониться.

Датч затенил телефон рукой, чтобы увидеть сигнал на панели. Звонков с номера Лилли не было, но было три из полицейского участка, сделанные с интервалом в одну минуту. Его офицеры наверняка не понимают, куда он запропастился. Он неохотно набрал номер. Ответили немедленно, но шум в трубке стоял такой, что он почти ничего не мог разобрать.

– Шеф? – расслышал он голос своего дежурного. – Вы меня слышите? – Треск разрядов. – Все с самого… вас ищут. Вертолет …БР сел… школьном …больном поле… скорее, или… без вас.

Датч отключил связь. Он сможет потом сказать, что потерял сигнал, не понял послания из-за многочисленных помех, не слышал как раз того места, где говорилось про вертолет.

– Бегли получил свой вертолет, – заметил Уэс.

Он тоже расслышал возбужденный голос дежурного.

Датч мрачно кивнул, снова набирая номер Лилли, и снова выругался, услыхав сообщение голосовой почты.

– Не понимаю, – раздраженно пробормотал он. – Разве она не хочет, чтобы ее спасли?

– Она не знает, что Тирни – Синий, – напомнил Уэс.

– Знаю, но она же…

– Тихо! – Уэс вскинул руку. – Слыхал?

– Что?

– Тихо!

Датч отогнул клапан шапки-шлема и прислушался, но ничего не услышал, кроме завывания ветра и тихого шороха, производимого срывающимися с ветвей снежными шапками. Через полминуты он сказал:

– Я ничего не слышу.

– Теперь и я не слышу. Но мне что-то послышалось.

– И что это было? На что похоже?

– Вот на эти штуки.

– Снегоходы? Не может быть. Если это снегоход, то не Ритта. У меня ключи от всех четырех.

На кольце, которое он забрал у Уильяма, было четыре ключа от снегоходов. В гараже они перепробовали все ключи и выбрали себе два снегохода. Связка ключей все еще лежала у него в кармане лыжного костюма.

– Наверно, почудилось, – вздохнул Уэс. – От этих тарахтелок столько шума, у меня аж в ушах звенит. Ладно, неважно. Ты что-то говорил о Лилли.

– Она там уже два дня. Безвыходно. Без электричества. Почему же она не хватается поминутно за телефон, не ждет пока он зазвонит, почему не пытается позвонить сама?

– Да, действительно, – согласился Уэс. – Но, может, у нее там, наверху, связи нет? Может, у нее батарейка сдохла.

– А может, она сама.

– Датч…

– А может, она ранена.

А может, она уютно устроилась в коечке с Тирни, и звонящий телефон ей только мешает. Может, они найдут ее не раненой, а наоборот – цветущей, как роза, и мурлычущей от удовольствия после классного секса. Датч взглянул на Уэса и понял, что он думает о том же.

– Если бы она могла, обязательно позвонила бы, Датч, я уверен.

У Датча руки чесались сбросить Уэса с утеса за эту манеру говорить с ним, как с душевнобольным. Чтобы удержаться от искушения, он натянул лыжную перчатку.

– Если собираешься вести, давай живее. Уэс пошел к своему снегоходу.

mir-knigi.org

– Живее не получится. Эти „шпильки“ меня убивают.

– Ты же это знал, когда вызвался идти со мной. Да, кстати, какого черта ты это делаешь?

Уэс замер на ходу и повернулся к нему.

– Что?

Датч сдвинул на лоб очки-„консервы“ и смерил Уэса долгим, оценивающим взглядом.

– Что?

– Зачем ты это делаешь, Уэс? Только пойми меня правильно. Я убью Тирни, и мне все равно, Синий он или нет. А у тебя-то что за интерес?

Уэс недоуменно покачал головой.

– Что-то я не въезжаю.

– Не прикидывайся дурачком. Вчера ты мне разве задницу не лизал, чтобы я сам пошел за Тирни. Я хочу знать почему.

– Я объяснил почему. Ты заслужил право взять его и пусть это будет твоя заслуга, а не этого гребаного ФБР. Я буду купаться в лучах твоей славы. Что тут плохого?

– Ничего тут плохого нет. Но, я думаю, у тебя есть другой мотив. И мне кажется, что этот мотив – Скотт.

– Скотт?

– Тебе ли не знать, Уэс: чем больше ты строишь из себя целку, тем больше у меня подозрений. Не пытайся мной манипулировать. Я же сказал: я все равно уберу Тирни. Но мне хотелось бы твердо знать, что меня не держат за болвана. – Датч сверлил Уэса взглядом полицейского. – Скотт имеет отношение к исчезновению этих женщин?

– Ага, как же. Как будто у него могло встать на Бетси Кэлхаун. Его всегда безумно волновали утягивающие чулки и пояса.

– Я не шучу.

– Ну, если ты не шутишь, значит, у тебя совсем крыша съехала. Запишись на повторный курс к своему промывателю мозгов в Атланте. Он тебя недолечил.

– С твоим сыном что-то не так.

– Он вставляет своей училке по английскому! Значит, с ним не все в порядке, неужели не ясно?

– Это все?

– А тебе мало?

– Он что-то сделал с Миллисент?

– Да как тебе в голову взбрело? Ты же знаешь его с рождения!

mir-knigi.org

– А тебя – еще дольше. – Датч прищурился. – Скажи мне правду, Уэс. Скотт – тот, кого мы ищем?

– Я не собираюсь даже…

– Ты его покрываешь?

– Нет!

– Я тебя знаю, Уэс.

– Ни хрена ты не знаешь!

– Ты кого-то покрываешь.

– Я покрываю себя!

Датч попятился, спотыкаясь, и ошеломленно уставился на своего старого друга. У него пересохло во рту.

Уэс вздохнул, отвернулся и посмотрел на череду деревьев, тянущуюся вдоль правой обочины дороги, потом перевел взгляд обратно на Датча.

– Я ее трахал, доволен?

– Я тебя знаю, Уэс, – повторил Датч. – Об этом я догадался.

– Ладно, слушай.

Уэс выдал ему телеграфную версию своей краткой связи с Миллисент и ее последствий.

– После этого Скотт не хотел иметь с ней ничего общего. Я хотел положить конец их роману, и мой план сработал как по волшебству. Чего я не ожидал, так это того, что Миллисент возьмет и исчезнет. Я не имею к этому отношения. Скотт тоже не при делах. Но я тебе скажу, приятель: это расследование ее исчезновения заставило меня понервничать, потому что эта чугунная задница Бегли лезет во все дырки, изучает ее жизнь под микроскопом, ищет секреты.

Если бы правда о нашем маленьком треугольнике выплыла наружу, скандал мог мне сильно повредить. И это еще не все. Мне бы не хотелось, чтобы федералы или, скажем, ее родители узнали бы, что один из нас – а может, и кто-то другой, откуда мне знать? – ее обрюхатил. Ну, кто бы это ни был, со своим нытьем она пришла ко мне. Сказала, что ребенок от меня. У меня самая толстая чековая книжка, понимаешь? И я больше всех терял, если бы не заплатил. Скотт даже не знает о ребенке. Слава богу, она его потеряла из-за своей анорексии. Не успела настучать на нас со Скоттом и выложить всю историю.

– Господи.

– Вот именно. Если бы это, не дай бог, просочилось прошлой весной, то и тогда был бы грандиозный скандал. Но ты можешь себе представить, какое дерьмо попадет в вентилятор, если это всплывет сейчас? Даже если я сумею увернуться от Эрни Ганна – а он на расправу скор и стреляет метко, – мы со Скоттом окажемся в верхней части списка подозреваемых у ФБР. Конечно, нас рано или поздно оправдают, но с моей тренерской карьерой и с моим браком будет покончено. Сколько бы региональных чемпионатов ни выиграла моя команда, педсовет мне не простит, что я трахал девчонку из группы болельщиц.

– Миллисент была не первой.

– А может, и не последней. Я мужчина и не стесняюсь своих слабостей. – Уэс поморщился с отвращением. – Но тут все вышло из-под контроля. Миллисент была подружкой Скотта, она залетела, у нее был выкидыш, она пропала без вести. А это означает, что у нас неприятности, с какой стороны ни погляди. Вот почему я так хочу, чтобы дело Синего было раскрыто. Надо положить конец копанию в жизни несчастной малютки Миллисент. – Он замолчал, чтобы перевести дух. – Вот и все, Датч. Ты хотел знать, какой у меня интерес, помимо бескорыстной помощи старому другу? Теперь ты знаешь. Ну и как, полегчало?

Датч сардонически расхохотался.

– Мне следовало догадаться, что в истории замешан твой член.

Уэс широко раскинул руки в стороны и одарил друга самой бесхитростной из своих улыбок.

– Что я могу сказать?

– Не стану врать, Уэс, ты меня здорово напугал.

Уэс хлопнул Датча по плечу.

– Пошли, зацапаем ублюдка.

Но когда Датч отвернулся и оседлал свой снегоход, беспечная улыбка Уэса мгновенно увяла.

* * *

Лилли захотелось кричать от досады, когда ее сотовый звонить во второй раз. Он лежал на кофейном столике, она его хорошо видела, но не могла достать. Тирни об этом позаботился.

Если Датч получил ее краткое сообщение два дня назад он предпримет самые отчаянные усилия, чтобы до нее добраться. Ведь он-то знает, что она провела все это время с Синим.

А может, это вовсе не Датч ей звонит? Может быть, ее первый звонок ему вообще не прошел и он не получил ее сообщения. Как она сама вчера сказала Тирни, возможно Датч думает, что она давным-давно благополучно вернулась в Атланту. Она ясно дала ему понять, что их совместная жизнь кончена. Если он поверил ее словам, он больше не будет даже думать о ней.

Но когда ее сотовый начал звонить в третий раз, она стала молиться, чтобы это был Датч или кто-нибудь еще, кто угодно, лишь бы пришел и нашел ее до возвращения Тирни.

* * *

Дыхание Тирни было громким и затрудненным. Выдыхаемый им пар был так густ, что затуманивал зрение. Сердце, казалось, раздулось до таких размеров, что заполнило всю грудную клетку.

Он твердо решил не обращать внимания на больную лодыжку, но боль никак не желала подчиняться сознанию. С каждым шагом лодыжка слабела и болела все больше. Он терпел эту боль только потому, что на кону стояла его жизнь, и он должен был бежать, чтобы спастись.

В ту самую минуту, как его имя попало в эфир, он стал мишенью. Теперь все жители Клири – мужчины, женщины и даже дети – жаждут его крови и в погоне за ним не побоятся пойти даже

наперекор ФБР. Если Датч Бертон получил сообщение Лилли о том, что она оказалась в коттедже вместе с ним, он лично возглавит эту банду линчевателей.

Вот почему Тирни предпочел держаться подальше от шоссе и углубился в лес. Если вооруженная группа из Клири двинулась на помощь Лилли – и на поимку Синего, – скорее всего, она пойдет по шоссе.

По опыту вчерашнего дня он знал, чего ждать, когда пустился в бега. Но, хотя он и предвидел, как тяжело ему придется, знание ничуть не облегчило его положения. Ему приходилось двигаться и быстро, и в то же время осторожно, а совместить одно с другим было невозможно. Он боялся новой травмы, но еще больше боялся кровожадной толпы, вооруженной ружьями.

В конце концов Тирни добрался до промежуточного финиша: дороги на западном склоне горы. Радуясь, что первая цель достигнута, он прислонился к стволу дерева и начал полным ртом глотать кислород, хотя воздух был так холоден, что больно было дышать. Он отпил воды из пластмассовой бутылочки, которую наполнил и захватил с собой перед уходом из коттеджа.

По этой дороге он ездил раньше только однажды. Зная, что из-за плохого состояния дорогой редко пользуются, а теперь она и вовсе станет непроходимой из-за льда и снега, он решил, что вряд ли кто-нибудь появится на ней в этот день.

Было у этой дороги и еще одно преимущество: в отличие от основного шоссе, она не пересекалась с Главной улицей. Спустившись по этой дороге к подножию горы, он окажется в нескольких милях от центра города. Меньше риска быть замеченным, пока он не доберется куда-нибудь, где можно будет отдышаться и подумать, что делать дальше.

Тирни вытащил из кармана куртки сотовый телефон. Хотя связь наладилась, телефон не работал: батарейка села. Он не мог позвонить, но, раз связь восстановилась, значит, другие могли. Для него это была плохая новость.

Пора двигаться.

Он вышел из-под укрытия деревьев на дорогу. Идти было трудно, но несравненно легче, чем пробираться по лесу. Приходилось наклоняться и прятать лицо от секущего ветра. Одет он был явно не по погоде. Яркость снега была такова, что он шел, почти зажмурившись. Тирни ни о чём старался не думать и сосредоточил все свои силы лишь на том, чтобы ставить одну ногу впереди другой. Щадить одну из них было бесполезно: теперь уже и правая, и левая болели одинаково.

Он старался не думать о Лилли.

Ничего не вышло: он стал думать о том, что напрасно оставил ее в коттедже.

Но другого пути у него не было. Он не мог взять ее с собой.

И дернул же ее черт пойти в сарай и заглянуть в ящик! Она…

Тирни остановился и замер, прислушиваясь, в надежде, что слух его обманывает. Сквозь вой ветра и свое собственное тяжелое дыхание он расслышал еще один звук. Звук приближающегося моторизованного средства. Снегоход? Да не один! По крайней мере, два. Все громче, все ближе.

Нет, не просто ближе. Здесь!

Глава 31

Винты создавали завихрения из снега и льдинок. Из этого вихря появился человек в черном эластичном костюме десантника и в кованых высоких башмаках устрашающего вида. Никто не удивился бы, узнав, что его второе имя – Мертвая Хватка. Он строевым шагом подошел к Бегли и Уайзу, стоявшим на штрафной линии Боевых Ягуаров.

– Доброе утро, сэр, – обратился он к Бегли. Ему приходилось перекрикивать шум вертолета.

– Коллиер, – приветствовал его Бегли, пожимая руку.

Филин знал Коллиера главным образом по слухам. Им почти не приходилось сталкиваться лично. Коллиер слыл весьма уважаемым агентом, в прошлом году прошел в Квантико [26] подготовку по освобождению заложников и обучение спасательной тактике. Филин слышал, что он подал заявление в ТГСН – Тактическую группировку специального назначения, элитное подразделение, куда брали только лучших. Теперь на нем был специальный костюм с эмблемой ТГСН: значит, его приняли.

– Вы знакомы с агентом Уайзом?

– Зрительно.

Руку Филина сжала здоровенная ручища в черной кожаной перчатке с отстегивающимися пальцами, чтобы удобно было нажимать на курок. Филин впервые видел подобные перчатки в первом приближении.

– Специальный агент Уайз имеет при себе карты пика Клири – географические и топографические.

– Спасибо, сэр. Мы и свои привезли.

– Сколько человек на борту?

– Двое из моей команды и пилот. Тоже один из наших.

Вертолет принадлежал отделению ФБР в Шарлотте. Они и раньше им пользовались. Бегли он нравился – быстрый, маневренный, надежный. Бегли знал, что в вертолете семь мест, включая место пилота. Он быстро произвел подсчет в уме. Если они подберут Лилли Мартин и Тирни, на обратном пути у них не будет места на всех. Кому-то придется остаться и дожидаться второй очереди. Впрочем, проблемы он тут не видел: полет будет коротким.

– Насколько я понял, нам предстоит забрать двоих: женщину и одного неприятеля.

– Мы пока не уверены, что он неприятель. На данный момент речь идет о чисто спасательной операции. Посмотрим, что будет, когда мы туда доберемся.

– Мы?

– Мы с Филином летим с вами.

– Нет нужды, сэр. Мы будем с вами связываться…

– Ответ отрицательный, – не дослушав, перебил Бегли. – Мы летим.

Все в бюро знали, что со старшим спецагентом не спорят: его полномочия безграничны, он может своей властью реквизировать вертолеты, рекрутировать помощь других агентств и вообще делать все, что считает нужным, для успешного и безопасного завершения миссии, а в случае провала отвечает только перед штаб-квартирой.

Коллиер выразительно взглянул на их пальто и городские ботинки.

– Мы не захватили запасного обмундирования.

– Полетим как есть.

– Замерзнете, сэр.

– Мы теряем время. – Бегли наградил его взглядом-„яйцерезкой“, и Коллиер, уж на что крутой, сдался.

– Да, сэр, но будьте осторожны. Эти воздушные течения очень опасны. Нам предстоит тряский полет.

– Спасибо за предупреждение. – Обойдя Коллиера, Бегли направился к вертолету.

Филин и Коллиер рысцой последовали за ним. Коллиер посмотрел на Филина, смерив его оценивающим взглядом.

– Что-то я не припомню, чтоб ты проходил подготовку.

– Для чего?

– Для подобной миссии.

– Не проходил.

О последовавшем в ответ ругательстве Филин догадался по губам. Шпак на борту – кратчайший путь к гибели офицера ТГСН при исполнении служебных обязанностей.

– Никакой?

Филин покачал головой.

– Тогда сиди и не рыпайся. Главное, постарайся нам все не изгадить.

– Я и не собираюсь.

– Боишься?

– До смерти! – крикнул Филин, ныряя под бешено вращающиеся лопасти винта. – Боюсь Бегли!

* * *

Уэс опять остановился. Датч, ехавший за ним по пятам» едва не налетел на него.

– Какого черта, Уэс?

– Я что-то видел. Вон там, впереди. Метнулся в лес.

Датч оглядел кромку леса.

– Ты уверен?

– Вон там, – указал Уэс.

– Может, олень?

– у, разве что двуногий. Это был человек, Датч. Я как паз одолел поворот и увидел, как он скрылся среди деревьев. Слева вон от того утеса. Думаешь, это Тирни?

– Покажи мне место.

Они направили снегоходы к утесу, с вершины которого срывался замерзший водопад.

– Я был прав, – сказал Уэс, указывая пальцем.

Глубоко увязающие в снегу следы тянулись рядом с дорогой от ближайшего поворота и за ним терялись. А в том месте, куда они подошли, следы резко сворачивали в лес, словно тот, кто их оставил, бросился в укрытие, заслышав приближение снегоходов.

– Это Тирни! – возбужденно сопя, воскликнул Уэс. – Больше некому.

Датч с ним согласился. Они одновременно заглушили двигатели, слезли со снегоходов и начали вытаскивать ружья из заплечных футляров. Хотя Датч тщательно проверил свое оружие перед походом, сейчас он проверил его еще раз. Ружье было заряжено. В полной готовности. Уэс как опытный охотник проделал то же самое со своим ружьем. Датч проверил и свой девятимиллиметровый пистолет и Дослал патрон в патронник.

Теперь в его душе не осталось ни тени сомнения в том, что Тирни – тот, кто им нужен. Уэс объяснил, почему его так волнует дело об исчезновении Миллисент Ганн. Датч никогда по-настоящему не верил, что Скотт способен совершить нечто криминальное. Он считал, что парнишка, не смотря на свою мощную мускулатуру, по натуре трусоват и не уверен в себе. У него и на мелкое хулиганство кишка тонка, где уж ему похитить пять женщин! И все же пояснение Уэса сняло камень с души Датча. У него не осталось опасений или сомнений. Тирни – вот тот, кто им нужен.

Иначе, с какой стати ему убегать в лес? Он два дня на приколе. Запасов у него никаких, Лилли сказала, он ранен. Если он не виноват, разве он не должен бежать к ним, а не от них? Махать руками, кричать, радоваться, что помощь наконец пришла? Почему же он бежит прочь от спасения? Не потому ли, что спасение для него означает арест?

Датч был готов. Он включил рацию.

– Держи свою под рукой. Вдруг мы в лесу потеряет друг друга из виду?

Уэс похлопал себя по карманам и виновато посмотрел на Датча.

– В чем дело?

– Кажется, я забыл эту штуку.

– Ты шутишь.

Уэс стащил с себя перчатки и проверил карманы голыми руками.

– Наверно, я ее положил либо в доме Ритта, либо в гараже. Помню, я проверял громкость: покрутил колесико сразу, как ты мне ее дал. А потом…

– Неважно! Пошли!

Уэс двинулся первым. Он сошел с дороги и чуть не сорвался с крутой обочины. Ему пришлось ухватиться за обледенелый утес. Он обернулся и протянул руку Датчу. Следы Тирни четко отпечатались в глубоком снегу.

– Он даже не пытается замести следы, – сказал Уэс.

– Он бы не смог, даже если бы захотел. – Датч посмотрел на Уэса и впервые за два дня улыбнулся. – Значит, нам везет.

* * *

В отличие от него, они совсем не устали. Тирни отлично понимал это и удвоил усилия, стараясь оторваться от них на максимальное расстояние. Он ушел из коттеджа больше двух часов назад. Если не считать одной краткой остановки на отдых, он все это время двигался в тяжелейших из всех возможных условий, борясь с глубокой усталостью.

Он нырнул в лес, не тратя время на опознание двух мужчин на снегоходах. Ему не составило труда догадаться кто они такие, и его догадка оказалась верна. Они то и дело окликали его, и он узнал их по голосам. Датч Бертон и Уэс Хеймер. Оба крепкие, оба в прекрасной спортивной форме.

вернуться

26

Квантико – город в штате Виргиния, где расположена штаб-квартира ФБР.

К тому же Тирни был уверен, что за последние сорок восемь часов ни один из них не попадал под машину, не получал сотрясения мозга и раны на голове, не растянул лодыжки.

И любовью ни один из них, скорее всего, не занимался на протяжении всей прошедшей ночи.

Да, по силе они, безусловно, превосходили его, но преимущество в силе не делало их ни на гран умнее. По правде говоря, они вели себя чрезвычайно глупо. Опытные охотники молчали бы в тряпочку, чтобы он не понял, где они находятся и какое расстояние отделяет их от него. Ему не раз приходилось слышать в «Аптеке Ритта», как они хвастаются своими успехами на охоте, но на самом деле им еще предстояло учиться и учиться тому, как преследовать дичь. Может, они решили, что двуногая дичь иначе реагирует на шум, чем животные?

«Только в одном можешь не сомневаться, Тирни, – сказал он себе, – ты – дичь».

Если у него и были сомнения, Уэс давно развеял их своим издевательским свистом, а Датч – откровенными угрозами, гулко разносившимися по заснеженному лесу. Как он и опасался, им нужен был Синий – живой или мертвый. У него были сильнейшие подозрения, что они предпочли бы последний вариант, особенно Датч Бертон, который уже не раз выкрикивал

mir-knigi.org

непристойные намеки на его отношения с Лилли.

Датч носил полицейский значок, но Тирни понимал, что этот «блюститель закона» пристрелит его при первой же возможности и не поморщится. Датч давно забыл, что он офицер органов правопорядка, клявшийся под присягой служить закону и защищать гражданские права личности. Он был ревнивым отвергнутым мужем, чья бывшая жена провела две ночи в полном уединении с другим мужчиной.

Если он поймает Тирни в перекрестье своего прицела, спустит курок, не задумываясь, даже с радостью.

Они почувствовали, что он выбивается из сил, и это их подстегнуло. Тирни не оглядывался, это лишь задержало бы его, но, и не глядя, знал, что они нагоняют. Шум их преследования неумолимо приближался. У них было двойное преимущество: именно он прокладывал им дорогу. Им оставалось лишь следовать по ней.

Тирни обдумал возможность спрятаться и устроить им засаду. У него все еще был при себе пистолет, и пистолет все еще был заряжен, не хватало только пули, которую выпустила в него Лилли. Но по радиусу боя пистолет нельзя было даже сравнить с охотничьим ружьем. К тому же их было двое. Один мог держать его под прицелом, а другой в это время обойти с фланга.

И еще он боялся, что если остановится, то уже не сможет стронуться с места. Его силы были истощены. Он думал, что исчерпал весь запас сил вчера, когда пошел за лекарством Лилли, но лишь сегодня по-настоящему понял, что вот-вот рухнет. На ногах его держала лишь сила воли.

Стоило Тирни окончательно решить, что, если он хочет выжить, ему нельзя останавливаться, как у него на глазах переломилась ветка над головой, а через долю секунды раздался треск выстрела.

Тирни нырнул в снег и перекатился за валун.

– Хватит, Тирни, тебе кранты! – крикнул Датч Бертон.

Он был не настолько глуп, чтобы поднять голову над камнем и определить их точное местоположение, но он слышал, чувствовал, как они приближаются, перебегая между деревьями. Один заходил справа, другой – слева. Главное, они приближались. Он оказался в ловушке.

Только теперь, когда ему пришлось остановиться, Тирни в полной мере ощутил, как ему больно. Каждая клеточка его тела вопила от боли. Он задыхался. Он умирал с голоду.

– Мы знаем, что ты Синий. Фэбээровцы знают, что ты прячешь на турбазе. Тебе не отвертеться.

Об этом Тирни и сам догадался. Это были косвенные оказательства, но и их с лихвой хватило бы ревнивому бывшему мужу, чтобы убрать его, не особенно заботясь о последствиях нарушения законной процедуры.

Тирни боялся заговорить и тем самым обозначить свое точное местоположение. Это сделало бы его еще более легкой мишенью. Он не смел даже дышать. От них тоже не доносилось ни звука. Они остановились. Видимо, решили подождать, пока он не покажется. Несколько минут все трое пребывали в полной тишине.

В конце концов тишину разорвал шум, который Тирни определил как рев двигателя еще одного

снегохода. Звук приближался издалека, но он отражался многократным эхом от сотен и тысяч разных поверхностей, прежде чем достичь его ушей, определить направление было невозможно.

Хотя Датч и Уэс так и не заговорили, Тирни понял, что они тоже прислушиваются. Неужели кто-то поднялся по западному склону на своих двоих и воспользовался одним из их снегоходов? Может, теперь они гадают, как им перевезти в город его труп, раз у них остался только один снегоход?

Было бы глупо не воспользоваться отвлекающим шумом.

Никогда не считай противника глупее себя.

Под затихающий шум удаляющегося снегохода Тирни расслышал треск сломавшегося под ногой сучка. Один из них, тот, что справа, подбирался к нему все ближе. Тридцать ярдов, может, немного больше. А может, и меньше.

На таком расстоянии даже паршивый стрелок не промажет.

Другой, более приглушенный, звук донесся слева. Что это? Шапка снега, упавшая на землю? Что ее сдвинуло? Ветер? Или это второй неосторожно задел одну из нижних ветвей? Тирни прислушался. Снегохода больше не было слышно. Он не слышал даже собственного дыхания.

Рот он прикрыл шарфом, чтобы выдыхаемый пар не его местоположения.

Опять тишина. Где бы они ни находились, далеко или близко, видимо, они были довольны своим положением Они не двигались. Они могли подождать.

И они стали ждать. Все трое. Молча ждали, пока один из них не сделает первый ход.

Тут новый звук разорвал тишину. Характерный грохочущий треск винтов вертолета. Департамент полиции не располагал вертолетом, это уж как пить дать. Значит, это вертолет полиции штата или ФБР. В любом случае Датч не посмеет хладнокровно пристрелить его при свидетелях. Уэс Хеймер не в счет. Он-то на все пойдет, под присягой в суде солжет, чтобы прикрыть своего дружка. Они с Датчем друг за друга горой.

До сих пор лес защищал Тирни, давал ему надежное укрытие. А теперь вдруг преимущество перешло к Датчу. Он мог выстрелить прямо сейчас, а потом объяснить, что Тирни оказал сопротивление при аресте и что ему, Датчу, оставалось делать? Только стрелять на поражение. Он мог даже сказать, что Тирни напал на них, а им пришлось обороняться. В любом случае он будет мертв, а они – оправданы.

Нет, если он хочет пережить бывшего мужа Лилли, стреляющего без разбору, он должен выйти на открытое пространство, туда, где его заметят люди из вертолета, кем бы они ни были.

Тирни воспроизвел в уме карту горы и расположение двух дорог – основной и той, что шла по западному склону. Все это время он бежал от западной дороги в направлении основной. Но как далеко он успел зайти? Сколько ему еще бежать, прежде чем он доберется до шоссе? Сколько бы ни было, сумеет ли он преодолеть это расстояние, при том что у него почти не осталось сил?

Надо попытаться. Датч и Уэс сильнее, они лучше вооружены, но у него есть два крупных козыря. Внутреннее чувство ориентации. И жажда жизни.

Не давая себе передумать, Тирни поднялся на колени. Его мышцы, а особенно больная лодыжка, воспротивились даже этому. Но он заставил себя подняться и, пригибаясь, двинулся вперед чуть ли не на корточках. Он старался держаться как можно ниже и двигаться бесшумно, чтобы не выдать себя, наступив на ветку или потревожив снежную шапку.

Он надеялся, что Датч и Уэс потратят время, подползая к валуну, а когда доберутся до него, с удивлением обнаружат, что птичка упорхнула.

Оказалось, что он слишком многого хочет. Его надежде не суждено было сбыться.

– Датч, слева! – донесся до него крик Уэса.

Тирни распрямился и бросился бежать. Если это можно назвать бегом. Его ноги утопали в снегу, местами доходившем ему до пояса. Провисшие под тяжестью снега сучья цепляли его за руки, приходилось от них отбиваться. Он спотыкался о вылезающие из земли, но скрытые под снегом корни и кусты подлеска. Обледенелые ветви хлестали его по лицу.

Однако насколько можно было судить по крякающим стонам и проклятиям преследователей, им пришлось не легче, чем ему самому. Тирни чувствовал, что они доведены до крайности, он понял, что его догадка верна: Датч Бертон хочет покончить с ним до прибытия других блюстителей закона, которые могли бы ему помешать.

Как и вчера, дорога нашла его чуть ли не раньше, чем он нашел ее.

Он и не подозревал, что обочина окажется так близко. На этот раз рефлексы сработали четко и не дали ему сорваться. Он сел и съехал на пятой точке.

Солнце заливало ярким светом укутанную нетронутым снегом ленту дороги. После затененного леса эта яркость на мгновение ослепила его. Прикрывая глаза ладонью, отчаянно вглядывался в небо в поисках вертолета. Судя по оглушительному звуку, вертолет должен был находиться над головой, но Тирни его не видел.

– Бен Тирни!

Уэс и Датч вышли из леса и остановились на краю обрыва. Два ружья были нацелены на него. Длинные стволы отливали синевой под беспощадно ярким солнцем. Они выглядели, как сама смерть.

Датч не прищуривался, у него были открыты оба глаза. У Уэса – тоже. Эти парни знали, как стрелять. Знали, как попадать в цель. Знали, как убивать.

Все равно что бить рыбу в бочке.

Это была поговорка его деда. Тирни чуть ли не слышал его голос. Он высоко поднял руки над головой.

– Я безоружен!

Он бросил пистолет и оттолкнул его.

– Отлично.

Тирни прочел по губам, как Датч с насмешкой выговаривает это слово за секунду до того, как он нажал на курок.

* * *

– Вот коттедж, сэр. – Коллиер обращался к Бегли через наушники с микрофоном. Филину тоже выдали пару. Он был уверен, что ему дали наушники просто из любезности, а вовсе не потому, что ему отводилась какая-то роль в тактической операции.

– Нет, вы только поглядите! Они добрались! – заметил Бегли, указывая на снегоход возле домика. – По крайней мере, один из них. – Обращаясь к пилоту через микрофон, он спросил: – Вы можете посадить эту штуку?

– Поляна слишком мала, сэр. Трудно будет при таком ветре.

– Снижайся, сколько сможешь, мы спустимся по веревкам, – сказал Коллиер.

Но в эту самую минуту вертолет накренился под сильнейшим порывом бокового ветра. Пилот среагировав мгновенно: он совершил маневр, чтобы машину не прибило к земле. Пока вертолет разворачивался, Филин почувствовал, как пейджер вибрирует у него на бедре. Он сунул руку под куртку и отцепил пейджер от брючного ремня. Перкинс вызывал его условленным между ними кодом «три тройки», означавшим крайнюю срочность. Филин извлек сотовый телефон и автоматическим набором вызвал номер Перкинса.

* * *

– Здесь! Я здесь!

Лилли кричала с тех самых пор, как заслышала приближение снегохода. Прекрасно понимая, что за шумом двигателя ее невозможно расслышать, она все-таки кричала, пока снегоход не остановился.

– Сюда! – крикнула она в наступившей внезапно тишине, устремив глаза на дверь.

– Миссис Бертон?

Она не стала напоминать, что она уже не миссис Бертон.

– Да, да, я здесь.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел человек, затянутый в лыжный костюм.

– Мистер Ритт! – воскликнула она.

Он откинул со лба капюшон с меховой опушкой, стащил перчатки, присел перед ней на корточки и посмотрел на наручники.

– Датч и Уэс еще здесь не были?

– Нет.

– Они отправились за вами и Тирни.

– Он – Синий. Думаю, вы уже знаете. Он сказал, что слышал об этом по радио.

– Кто сказал?

mir-knigi.org

– Тирни.

– Значит, он знает, что они охотятся за ним?

– Да. Вы не видите ключа от наручников?

Пока он ходил по дому в поисках ключа от наручников, она спросила, как Тирни попал под подозрение.

Уильям Ритт торопливо рассказал о двух агентах ФБР, зашедших накануне в его аптеку.

– Не знаю, какие доказательства против него они обнаружили, но, должно быть, это что-то серьезное. Они прямо к небесам взвились, когда узнали, что вы заперты тут наверху вместе с ним. Организовали спасательную группу, но случилась авария, и дорога оказалась безнадежно блокированной. Этим утром я предложил использовать мои снегоходы. Уэс и Датч их взяли, а вот это взять забыли. – Он вытащил из кармана какой-то передатчик. – Это двусторонняя рация. Я слышал, как Датч говорил, что им это понадобится, чтобы связываться друг с другом. Вот я и поехал за ними, думал, нагоню.

– Но вы не нашли их?

Он отрицательно покачал головой.

– Только снегоходы. Они были брошены на западной дороге. Похоже, дальше они пошли пешком. Думаете, они преследуют Тирни?

– Возможно. Он мог спуститься с горы только своим ходом. Обе наши машины… – Лилли нетерпеливо тряхнула головой. – Это слишком долгая история.

– Должно быть, Датч и Уэс его обнаружили. – Уильям прекратил поиски ключа от наручников. – Я его нигде не вижу. Видимо, он забрал ключ с собой.

– Ну и бог с ним. Теперь, когда я не одна, это не страшно.

– Он вас не ранил?

– Да нет, ничего страшного. Он только оглушил меня этим утром. – Лилли ненадолго закрыла глаза. – Я нашла тело Миллисент Ганн в нашем дровяном сарае.

– О боже, какой ужас!

– Мне кажется, она мертва уже несколько дней. Наверное, буря помешала Тирни избавиться от тела. – Лилли рассказала Уильяму, как Тирни попал к ней под машину и как они вернулись в коттедж, чтобы переждать бурю. – Он, безусловно, был озабочен нашим выживанием. Казался таким славным, заботливым. Я не чувствовала никакой угрозы. Но некоторые его слова не согласуются между собой.

– Какие, например?

Лилли привела ему несколько примеров полуправды Тирни.

– У меня возникли подозрения, и я обыскала его рюкзак. Нашла наручники и кусок синей ленты. – Она указала подбородком. – Вон там.

Уильям поднял рюкзак, обыскал застегнутые на «молнию» карманы и вытащил синюю бархатную ленточку.

– Да, это, безусловно, свидетельствует против него.

– Это неопровержимая улика.

– Так почему же он оставил ее здесь?

Не успела Лилли придумать ответ на этот, признаться, очень толковый вопрос, как ее уши уловили некий звук.

– Это вертолет?

– Да, вертолет ФБР.

Ее окатила волна облегчения. Она была рада увидеть Уильяма Ритта и узнать, что Тирни вот-вот будет задержан. Но если бы он каким-то образом сумел скрыться от Датча и Уэса и вернулся в коттедж, маленький аптекарь не смог бы ему противостоять.

Уильям открыл дверь и вышел на крыльцо, но еще до того, как он вернулся в комнату, Лилли отметила, что реакция у него замедленная.

– Они уходят, – объявил он. – Но они наверняка видели мой снегоход.

– Они, должно быть, ищут, где бы приземлиться. Слава богу, что они здесь.

– Аминь! Вы понимаете, как вам повезло? Вам удалось спастись от Синего. Остальным это не удалось.

– Мертвое лицо Миллисент. – Лилли содрогнулась. – Это было ужасно!

– Могу себе представить, какое потрясение вы пережили, обнаружив ее тело в ящике для инструментов.

– Но все же я рада, что обнаружила тело. Тирни, наверно, уже успел его перепрятать, а может, и похоронить, Пока я была без сознания. Мне следовало раньше догадаться, что что-то не так. Он так болезненно отреагировал, когда я спросила про колун, когда он пошел за… – Лилли вдруг умолкла.

– За чем он пошел?

– За дровами, – хрипло ответила Лилли. – Он ходил за дровами. – Она попыталась облизнуть губы, хотя во рту у нее пересохло. – Мистер Ритт?

– Да?

– А как… откуда вы узнали, что в сарае есть ящик для инструментов?

* * *

– Филин?

– Тебе придется кричать, Перкинс. Мы в вертолете.

– Ты?

– Что у тебя?

– Тирни…

Всего остального расслышать не удалось, так как в эту самую минуту пилот заложил крутой вираж. Филина вдавило в сиденье, пока его бедный желудок продолжал парить в воздухе.

– Повтори еще раз, – прокричал он в трубку.

– Наконец-то удалось связаться с миссис Ламберт.

– Это мать Торри Ламберт?

– Ответ положительный. Держись за сиденье.

Трижды Филин просил Перкинса повторить сообщение, пока не удостоверился, что все понял правильно. Он коротко поблагодарил и отключил связь. Затем он заговорил в микрофон наушников и, прерывая дискуссию крутых парней, прошедших тактическую подготовку, о том, как лучше приземлиться, обратился к Бегли.

– Сэр, – крикнул он, – Бен Тирни не является, повторяю, не является похитителем Торри Ламберт! – Бегли медленно повернул к нему голову, и на Филина устремился немигающий взгляд-«яйцерезка». – Он ее отец.

Глава 32

Уильям Ритт остался невозмутим.

– Прошу прощения?

Рот Лилли был словно забит песком. Ей пришлось выталкивать слова наружу.

– Я вам сказала, что нашла тело Миллисент в сарае. Я ничего не говорила о ящике с инструментами. Откуда же вы узнали, что в сарае есть ящик для инструментов?

Его притворное недоумение длилось не больше секунды, потом он сокрушенно покачал головой.

– Это было не слишком умно с моей стороны – так проболтаться. Но и с вашей стороны было не больно-то умно напоминать мне об этом.

Лилли пыталась сглотнуть, но не сумела.

– Видите ли, миссис Бертон, или мисс Мартин, или как вас там теперь называют. Вы ведь понимаете, что это значит?

Его голос изменился до неузнаваемости, как и его поведение. Вся его вкрадчивая обходительность исчезла.

– Вы…

– Синий? Да. Хотя мне совсем не нравится это дурацкое прозвище.

mir-knigi.org

Неожиданно раздавшийся треск ружейного выстрела ошеломил их обоих. И он, и она оглянулись на дверь, хотя было ясно, что выстрел прозвучал вдалеке.

– Всего один выстрел, – заметил Уильям несколько секунд спустя. – Датч всегда утверждал, что он меткий стрелок. Очевидно, он не хвастал.

Лилли с хрипом втянула в себя воздух.

– Тирни?

– Тирни. Теперь он мертв. Какое невероятное везение!

Уильям вынул передатчик из кармана и включил его.

Послышался пронзительный, визжащий звук. Он понизил громкость.

– Что вы делаете? – спросила Лилли. – С кем хотите связаться?

– А вот смотрите. Я думаю, вам понравится. То есть нет, вам, конечно, не понравится. Но вам придется согласиться, что это гениальный ход. – Уильям поднес рацию ко рту и нажал на расположенную сбоку кнопку. – Датч? Датч? – отчаянно закричал он. – Ты меня слышишь?

Глядя прямо на Лилли, он отпустил кнопку в ожидании ответа. Несколько секунд ничего не было слышно, кроме Шипения воздуха, усиленного динамиком, потом комнату заполнил голос Датча:

– Кто это? Кто говорит?

Уильям опять вдавил кнопку.

– Это Уильям. Я слышал выстрел. Ты достал Тирни? Он тут же прервал связь, увидев, что Лилли открыла рот и собирается закричать. Видимо, предугадал, что она попытается дать о себе знать, и среагировал мгновенно. Он зажал ей рот ладонью.

– Ритт? Ты где?

Лилли попыталась вывернуться из-под его руки, а когда ей это не удалось, попробовала укусить ладонь, но он лишь крепче зажал ей рот, прижимая ее голову к стене под стойкой. Его пальцы больно впивались в кожу ее щек.

Он взял рацию, нажал на кнопку и изобразил нечто среднее между рыданием и звуком рвоты.

– Датч, я здесь, в коттедже. Ты достал Тирни?

– Да, да, я свалил его. С Лилли все в порядке?

Для пущего эффекта Уильям подпустил надрыв в голосе:

– Нет! Твоя жена мертва! Мертва! Тирни убил ее!

* * *

Тирни упал навзничь. Когда он открыл глаза, ослепительный блеск солнца, многократно отраженный снегом, пронзил его глаза неистовой болью до самого мозга.

– Датч, я здесь, в коттедже. Ты достал Тирни? Нет! Твоя жена мертва! Мертва! Тирни убил ее!

Странный механический голос. Какой-то дребезжащий. Откуда он доносится?

– Сукин сын убил Лилли! – Рев Датча Бертона потряс ущелье и вызвал несколько небольших сходов снежных лавин.

– Он шевелится, Датч! – крикнул Уэс. – Ты его только задел.

Тирни вдруг вспомнил, почему он лежит на спине и почему плечо у него страшно болит. Все части головоломки сошлись воедино в минуту озарения, и только одно не укладывалось у него в голове: почему кто-то утверждает, что Лилли мертва и что это он убил ее.

Кто мог так страшно лгать?

Только тот, кто хотел защитить себя.

Боже, он должен вернуться к ней.

Тирни попытался сесть. Тошнота подкатила к горлу, но ему удалось подавить ее. Снег вокруг был окрашен кровью. Его лицо покрылось холодным липким потом, а плечо, казалось, жгли раскаленным железом.

Прошло всего несколько секунд, но ему они показались вечностью. Когда Тирни снова открыл глаза и попытался приспособиться к слепящему солнцу, он увидел, как Датч Бертон отбрасывает в сторону рацию. Вот откуда шел механически дребезжащий голос.

Датч бросился вниз с высокой обочины, словно собирался парить в воздухе. Он страшно ударился о дорожное полотно, но это его не остановило. Тирни еле успел закрыться единственной здоровой рукой, когда Датч обрушился на него с кулаками.

– Послушай, Датч. – Тирни сам не узнал своего слабого и хриплого голоса. Вряд ли Датч его расслышал. Он вообще был не в состоянии что-либо воспринимать. Да и не в настроении.

Шеф полиции размахнулся. Хук правой попал Тирни по скуле и рассек кожу. Тирни услышал этот жуткий звук, увидел свою кровь, брызнувшую в лицо Датчу. «А что это у него с лицом?» – отстранение подумал Тирни.

Он отклонил второй удар.

– Лилли…

– Ты убил ее. Будь ты проклят!

– Нет! Послушай меня.

Но взывать к Датчу было бесполезно, он уже ничего не соображал. Его взгляд пылал лютой ненавистью. Тирни не сомневался, что, если он не сумеет себя защитить, этот обезумевший сукин сын убьет его.

Черпая силы из ресурсов, которые давно считал истощенными, он начал не только обороняться, но и наносить удары. У него накопилось немало претензий к Датчу Бертону, и они влили в него новые силы. Он сумел просунуть колено между собой и Датчем и толкнул что

было сил.

Датч откатился в сторону, и за это время Тирни потянулся за отброшенным прежде пистолетом. Увы, он машинально потянулся правой рукой, а она свисала плетью от плечевого сустава, раздробленного ружейной пулей.

Он вскрикнул от боли, с трудом поднялся на ноги и сумел сделать несколько спотыкающихся шагов.

Датч ухватил его за растянутую лодыжку и дернул. Тирни рухнул как подкошенный. Датч перевернул его на спину, словно рыбу, которую собирался потрошить. Опять он оказался наверху, но на этот раз обхватил Тирни обеими руками за горло и надавил большими пальцами на адамово яблоко.

Стиснутые зубы Датча были вымазаны кровью, и Тирни этому порадовался. По крайней мере, ему тоже удалось нанести несколько ударов левой рукой – пусть неловких, но достигших цели.

– Ты с ней спал?

Последние сомнения, которые еще удерживали Тирни от драки с Датчем, улетучились в этот миг. Минуту назад этот недоносок услышал, что его жена убита, но не это волнует его больше всего! Кем же надо быть, чтоб об этом спрашивать? Собственная гордость, будь она проклята, ему дороже судьбы женщины, которую он якобы любит.

– Ты с ней спал? – ревел Датч.

– Датч, вертолет!

До Тирни предупреждающий возглас Уэса Хеймера донесся словно издалека, но Датч, похоже, совсем его не слышал, а если и слышал, то не слушал. Слюна, кровь и пот капали с его лица на лицо Тирни. Голубое небо над головой стало темнеть в его глазах. Тирни заморгал, но так и не смог избавиться от черных мушек, заполонивших все более сужающееся поле зрения.

Он умрет, если что-нибудь не предпримет. Прямо сейчас.

Датч стоял на коленях, склонившись над ним, и весь свой вес перенес на руки. Правая рука Тирни бессильно лежала на снегу. Левая была почти так же бесполезна. Ее слабые удары не могли оглушить Датча.

Тирни решил использовать свой единственный шанс. Он согнул колено, мысленно сосредоточил все силы в четырехглавой мышце и двинул коленом в незащищенный пах Бертона, надеясь попасть в мошонку.

Датч взвыл. Его руки мгновенно разжались и освободили шею Тирни. Тирни выгнулся всем телом и сбросил его с себя, а потом сам навалился на него. Они поменялись ролями. Левым локтем он, как ломиком, ударил Датча по горлу.

Невероятно – он-то считал, что правая рука совсем отключилась! – но ему удалось подобрать пистолет и выстрелить в Уэса Хеймера, бежавшего к ним через дорогу. Выстрел заставил Уэса остановиться на бегу.

– Брось ружье, или следующая пуля твоя.

Угроза прозвучала слабо даже в его собственных ушах, но каким-то непостижимым чудом она сработала. Уэс бросил ружье.

Лишь позже Тирни сообразил, что Уэс боится не его, а вертолета. Вертолет приближался, его стрекот становился все громче, а на борту были свидетели.

– Кто говорил по рации? – задыхаясь, спросил Тирни.

– Ритт. Уильям Ритт.

Ритт? Бледный заморыш Уильям Ритт? Этот хорек?

Тирни решил, что все «почему» и «следовательно» будет разбирать потом. Склонившись над Датчем, чье лицо напоминало маску злодея из фильма ужасов – смесь крови, гноя и слепой ярости, – он сунул дуло пистолета ему под подбородок.

– У меня есть несколько веских причин убить тебя. И первая из них: ты ударил Лилли. Я не убью тебя только потому, что она просила тебя не трогать. Я ей обещал, что не буду.

Опершись на широкую грудь Датча, Тирни поднялся на ноги. Его шатало из стороны в сторону. Он поднял левую руку и указал на приближающийся вертолет.

– Если любой из вас выстрелит мне в спину, они это увидят.

Потом, сознавая, что потерял драгоценные десять секунд на никчемного бывшего мужа Лилли, он крепко прижал правую руку к боку и, ковыляя, двинулся вверх по дороге к коттеджу.

* * *

Пока они кружили над коттеджем, один из команды ТГСН крикнул:

– Одиннадцать часов!

Это было кодовое, а вернее, жаргонное обозначение поворота на шестьдесят градусов. Пилот накренил машину, и Бегли понял, что именно заметил офицер тактического подразделения: трех мужчин посреди узкого дорожного полотна. До сих пор их скрывал крутой поворот дороги.

Бертон лежал на спине. Хеймер стоял в нескольких ярдах от него. Бен Тирни бежал вверх по склону, прочь от этих двоих, оставляя за собой кровавый след.

Коллиер отодвинул скользящую дверцу вертолета и занял позицию.

– Я возьму ходока, – спокойно проговорил он в микрофон-петельку, наводя прицел на Тирни.

– Не стрелять! – рявкнул Бегли. – Это не наш человек.

– У него пистолет.

– Не наш человек, – повторил Бегли.

Он перевел взгляд с Тирни на Уэса Хеймера, который тем временем подбежал к Бертону и опустился на одно колено. Бертон отпихнул его с такой силой, что Хеймер опрокинулся на спину. Бертон вскочил на ноги и, описав круг, поднял полуавтоматическую винтовку, лежащую

в снегу. Он не целясь выстрелил в Тирни. Тирни не оглянулся и не замедлил шага. Он продолжал бежать.

– Включай громкую связь, – приказал Бегли пилоту. Уэс Хеймер поднялся на ноги и опять направился к Бертону.

– Уберите его, пусть не мешает, – приказал Бегли, ни к кому в особенности не обращаясь, но один из членов тактической группы выпустил несколько очередей. Они кучно легли у ног Хеймера, взрывая фонтанчики снега. Хеймер замер и поднял руки вверх.

Тренированным движением, занявшим не более двух секунд, Бертон вскинул винтовку к плечу и припал глазом к оптическому прицелу.

– Шеф Бертон! Не стрелять! – Голос Бегли, усиленный системой громкой связи, громом прокатился по ущелью, заглушая даже грохот двигателя. – Не стрелять! – повторил он.

Бертон задрал голову и повернулся к ним.

Коллиер сидел в открытых дверях, поставив ноги на подножку. Его прицел теперь был направлен на Бертона. Бегли находился прямо у него за спиной, он выглядывал из открытой двери, натягивая до предела ремень безопасности.

Он ясно видел Бертона и по выражению лица шефа полиции понял, что тот не замечал присутствия вертолета до этой самой минуты. Бегли прочел в этом лице и еще кое-что, заставившее его спросить у Коллиера, есть ли у него чистый прицел.

– Есть.

– Бертон, – прокричал Бегли, – не стрелять! Тирни – не Синий! Тирни не наш человек.

Но Бертон его не слушал. Он взял на мушку удаляющуюся спину Тирни и вновь припал к объективу.

– Сукин сын! Он что, оглох? – заорал Бегли.

У них на глазах совершалось убийство ни в чем не повинного человека, и Бегли не хотел нести ответственность за это до конца своих дней. Даже не додумав эту мысль до конца, он отдал приказ:

– Один раз, в ногу.

Коллиер выполнил приказ четко и быстро. Левая нога Датча Бертона сложилась пополам, пронзенная пулей. Бегли увидел бешенство в его глазах, когда он вскинул ружье над головой и выстрелил по вертолету.

Коллиер опрокинулся спиной в кабину вертолета. Пуля не пробила бронежилет, но удар оказался сильным и болезненным. Бертон снова выстрелил. Пуля прошла на волосок от головы Бегли.

Он услышал, как матерно ругается пилот, разворачивая вертолет. Ремень безопасности врезался ему в живот, в то же время аэродинамический порыв воздуха, прошедший по кабине от резкого поворота, едва не выдул его наружу.

– Не вижу цели! – крикнул один из членов ТГСН.

mir-knigi.org

Третий член команды потерял равновесие при резком развороте вертолета и теперь с трудом пытался занять позицию для стрельбы. Коллиер все еще лежал оглушенный, его ноги бессильно свисали из кабины наружу. Бегли смотрел прямо в дуло ружья Бертона.

– Не стреляй в меня, мать твою! – крикнул он.

Лицо Бертона превратилось в маску боли и безумия.

– Да пошел ты!

Бегли прочел эти слова на губах Бертона за тысячную долю секунды до того, как пуля пробила лоб шефа полиции и вышла через затылок, отчего на снегу вокруг его головы образовался венец из красных брызг. Он упал навзничь, раскинувшись, как снежный ангел с красным нимбом.

Бегли стремительно обернулся. Ему хотелось поблагодарить опытного стрелка ТГСН. Он увидел, как Чарли Уайз спускает с плеча снайперскую винтовку и возвращает ее очнувшемуся Коллиеру. После этого он невозмутимо водрузил на нос очки. Бегли судорожно сглотнул, чтобы вернуть сердце на место.

– Неплохой выстрел, Филин.

– Спасибо, сэр.

* * *

Уильям Ритт отвел руку ото рта Лилли, выключил рацию и отставил ее в сторону.

– Я же вам говорил – это гениальный ход.

– Зачем? – еле дыша спросила Лилли.

– Зачем я им сказал, что Тирни убил вас? Но разве это не очевидно?

– Нет, зачем вы их убивали?

– Ах, это… – Уильям взялся за концы ленты и с силой дернул в стороны, словно проверяя ее на прочность. – Я мог бы обвинить в этом своих никчемных родителей или все свалить на заниженную самооценку, но это такие избитые отговорки. К тому же я вовсе не безумен. Я убиваю, потому что хочу убивать.

Лилли старалась ничем не выдать своего смятения, но голова у нее шла кругом. Неужели Тирни убит? Датч стрелял в него, это она знала. Но он сказал, что «свалил» Тирни. Он не сказал, что Тирни убит. Если он жив, он вернется за ней. Это она тоже знала.

Но пока он не вернулся, что она может сделать, чтобы помочь себе и помешать Уильяму Ритту совершить новое убийство? Убежать от него она не могла. Она часами пыталась освободиться от наручников, но у нее ничего не вышло.

Показать, что ей страшно, означало бы сыграть ему на руку. Ему только этого и надо. Лилли инстинктивно чувствовала, что ему нравится убивать. Это поднимало его в собственных глазах, поднимало статус, которого он никогда не смог бы добиться другими средствами. Он был Синим – тем, кого все боялись. Полиция с ног сбилась, разыскивая его. Суетливый, обожающий совать нос в чужие дела маленький аптекарь обладал страшным alter ego: [27] он был убийцей.

Должно быть, для него это было головокружительное превращение.

Он утверждал, что у него заниженная самооценка, но Лилли решила, что на самом деле все обстояло как раз наоборот. У него было раздутое самомнение, он верил, что он умнее всех. Два года ему удавалось всех дурачить, но до сих пор не представлялось случая этим похвастать. Что ж, она даст ему такую возможность. Для нее это единственный шанс выжить. Надо занять его разговором, пока помощь – господи, хоть бы это был Тирни! – не подоспеет.

вернуться

27

Другое я (лат.).

– Как вы выбираете своих жертв? Это один из моментов, поставивших в тупик всех следователей. У пропавших женщин не было ничего общего друг с другом.

– Было, – заявил он с леденящей душу улыбкой. – У них был я. Все они умерли, глядя на меня. Очень скоро это объединит с ними и вас.

«Не показывай ему, как тебе страшно. Не доставляй ему такого удовольствия».

– Помимо вас, разве между ними было что-нибудь общее?

– В том-то вся и красота! Психиатры-криминологи ищут общую схему. У меня они ее не найдут. Я их всех убивал по разным причинам.

– По каким, например?

– Отвержение.

– Торри Ламберт?

– Задолго до нее.

– Был кто-то еще?

– Девушка в колледже.

– Подружка?

– Нет. Я хотел, чтобы она стала моей подружкой, а она рассмеялась мне в лицо, когда я пригласил ее на свидание. Она почему-то решила, что я гомосексуалист. Она жестоко издевалась надо мной, и я… сорвался. Думаю, это точное определение того, что случилось. Она смеялась. Я пытался ее остановить. Когда я понял, что она мертва, никакого раскаяния я не испытал, но, конечно, испугался, что меня арестуют. Я представил это как ограбление. Ее бумажник и украшения хранятся в шкатулке под кроватью у меня дома. Дело до сих пор не раскрыто.

– Никто вас даже не заподозрил?

– Никто. Вы же понимаете, я был таким ничтожеством. В глазах большинства я все еще

mir-knigi.org

ничтожество.

– А Мэри-Ли тоже ни о чем не подозревает?

Он презрительно рассмеялся:

– Моя сестра слишком занята своей собственной грязной тайной, где ей обо мне думать! Жаль, что я ее не убил, пока мы были детьми. Я об этом подумывал раз или два, но руки так и не дошли. – Уильям опять рывком натянул ленточку. – Хотел бы я знать, где Тирни ее раздобыл.

Он все еще стоял на коленях прямо перед Лилли, и, хотя он еще не тронул ее и пальцем, она дрожала от страха. Сколько еще она сможет протянуть, занимая его разговором? Где вертолет? Где Тирни? Она отказывалась верить, что он мертв.

– Вы говорили, как вы выбираете своих жертв. Я могу понять, почему вы убили девушку, которая над вами посмеялась. Но вы ведь не знали Торри Ламберт, верно?

– До того дня не знал. Она отбилась от группы туристов и ушла довольно далеко от проложенной тропы. Я заметил ее на западной дороге, неподалеку от моего старого дома. В тот день я как раз там работал. Я с ней заговорил, выслушал ее жалобы, дал совет, а потом, когда я хотел ее утешить…

– Утешить?

– Всего лишь погладить. Она мне не дала.

– Вы ее изнасиловали?

Его глаза яростно сверкнули.

– У меня встает, можете не сомневаться, мисс Мартин. Будь у нас больше времени, я бы вам это доказал.

Его реакция убедила Лилли в обратном, но она была не так глупа, чтобы спорить с ним по этому поводу.

– Торри Ламберт назвала меня «маленьким гаденышем». Ей пришлось жалеть об этом до конца… скажем так, своей жизни.

Дышал он тяжело и часто, словно от напряжения. Или от возбуждения, что было еще ужаснее.

– С тех пор ленточка из ее косы стала вашим фирменным знаком, – тихо сказала Лилли.

– Можно и так сказать.

– Вы увезли тело в Теннесси, чтобы сбить со следа дознавателей, верно?

Уильям огорченно нахмурился.

– Я и сам не заметил, как пересек границу штата. Все шоссе выглядят одинаково. Но вы правы – я увез тело подальше отсюда, чтобы сбить их со следа.

– Расскажите мне об остальных четырех. Это тоже было дело случая?

mir-knigi.org

– Напротив, все было спланировано заранее.

– Как же вы их выбирали?

– Вы все понимаете неправильно. Это они выбирали меня.

– Я не понимаю.

– У Кэролин Мэддокс сын – диабетик. Ей не хватало денег на инсулин, и она не могла получить медицинскую страховку. Она пришла ко мне, буквально умоляя о помощи.

– И вы дали ей инсулин для ее сына.

– Вместе с утешением и ободрением. Но что бы я ни говорил, что бы ни делал, все равно я никак не мог ей понравиться. В том самом смысле, – добавил Уильям, чтобы у Лилли не осталось никаких сомнений. – У нее было время заехать в аптеку за лекарством для своего сына, но никогда не находилось времени повидаться со мной наедине. А вот для одного из постояльцев мотеля, где она работала, время у нее нашлось. О да, у нее нашлось для него время! Я видел их в его машине на стоянке прямо у мотеля, видел, как они друг друга лапали. Это было омерзительно. В тот день она так и не добралась до дому.

Лилли вспомнила, что машина Кэролин Мэддокс с синей ленточкой на рулевом колесе была найдена на обочине дороги на полпути между мотелем и ее домом. Постояльца мотеля допросили, но все подозрения с него были сняты.

– А медсестра?

– Лорин. Совершенно другая история. Она была толстой. Она мне не нравилась, но я ее пожалел. Можете называть меня сентиментальным дураком. Я давал ей бесплатные пробники всех средств для похудания, какие мне присылали. Но она неправильно истолковала мою доброту и начала приставать. Раздавала откровенные авансы на грани вульгарности. Даже в самом страшном сне я не смог бы дотронуться до этих мерзких кусков сала, а она убедила себя, что я не откажусь, и эта ее уверенность казалась мне оскорбительной. Ну, остальное вы можете домыслить.

Не дожидаясь следующего вопроса, он рассказал ей о Бетси Кэлхаун. По его словам, она поглощала антидепрессанты в чудовищных количествах: по восемь-десять пилюль в день. Когда у нее кончилось лекарство, выписанное по рецепту, а ее доктор отказался выписать новый, она обратилась к Уильяму.

«Где же вертолет? Почему он не возвращается?» – Лили напрасно ловила ухом хоть какой-нибудь посторонний шум.

– Я согласился встретиться с миссис Кэлхаун на стоянке у банка. Честное слово, это была эвтаназия. Я просто прекратил ее мучения. В отличие от всех остальных, она не оказала сопротивления. Она была так накачана всякой дурью, что просто ничего не соображала. Это было легко. Но самое большое удовольствие мне доставила Миллисент. – Его тонкие губы изогнулись в жестокой змеиной улыбке.

– Почему именно она?

Может быть, вертолет транспортирует в город тело Тирни? Они решили, что взяли Синего. Ее спасение в этом случае могло подождать.

– Миллисент была тщеславной шлюшкой, – сказал Уильям. – Она брала у меня противозачаточные средства, чтобы сношаться, сколько душе угодно, но как-то раз, видимо, увлеклась и забыла. И к кому она прибежала, когда залетела? Ко мне. Годами я снабжал ее пилюлями для похудания и амфетаминами, чтобы она не толстела, а она принимала мою щедрость как нечто само собой разумеющееся. Она флиртовала и кокетничала. Однажды перед самым закрытием мы остались с ней в аптеке вдвоем. Она зашла за прилавок, подобралась ко мне бочком, потерлась об меня и спросила, нет ли у меня в продаже кондомов с фруктовым привкусом. Сказала, что ей надоел вкус резины. «Вы только представьте себе, Уильям», – пропищал он, подражая кокетливому девичьему голоску. – А потом она засмеялась и отскочила, убежала. Как будто она ужасно умная. Когда я видел ее в последний раз, она не смеялась.

На миг Уильям умолк, уставившись в пространство, погрузившись в свои воспоминания.

– До самого конца она думала только о себе. Плакала, твердила, не переставая: «Ну, зачем вы так со мной поступаете? Я думала, я вам нравлюсь». Пока я вез ее наверх в мой старый дом, я пытался ей втолковать, что она чудовище, что она использует людей, причиняет им боль без всякой причины, играет их чувствами. Я сказал ей, что она все уничтожает на своем пути и поэтому должна быть уничтожена. Но, – добавил Уильям со вздохом, – мне кажется, она так ничего и не поняла.

Он снова задумался и заговорил после небольшой паузы:

– Я уже собирался ее похоронить, когда мне позвонил электрик. Я много месяцев не мог его уговорить заняться проводкой, а тут вдруг он сам объявился. Он сказал мне, что едет. Надо было куда-то ее спрятать до его приезда. Я знал, что вы уже продали этот коттедж, слышал, как Датч говорил, что освободил сарай. Мне показалось, что это самое близкое и самое удобное место. Решать надо было быстро, и ничего другого мне в голову не пришло.

Я встретился с электриком, провел его по дому, показал, где проложить проводку. Мы долго провозились и закончили, когда уже стемнело. Мне надо было возвращаться в город. Я решил, что Миллисент может провести денек-другой в вашем сарае. Мне так и не довелось подняться на гору до снегопада.

Вдруг до них донеслись звуки стрельбы. Не ближе, чем раньше.

– Хотел бы я знать, что это значит? – задал вопрос Уильям.

Лилли тоже хотела бы это знать. Она пыталась отыскать в уме еще какой-нибудь вопрос, который заставил бы Уильяма продолжить рассказ, но не успела что-либо придумать, как он сам спросил:

– Это правда, что вы с Тирни познакомились еще в прошлом году?

– В июне прошлого года.

– Значит, Датч имел основания для ревности, не так ли? Да бросьте, я по вашему лицу вижу всякий раз, как упоминаю имя Тирни. У вас глаза стекленеют, и лицо делается такое печальное-печальное. – Уильям выразительно глянул на смятые одеяла на матраце у камина. Когда его взгляд вернулся к ней, он скорчил презрительную гримасу. – Красивые люди. Вы всегда находите друг друга, не так ли? А на нас, простых смертных, лишний раз и не взглянете.

– Я никогда не была с вами нелюбезной.

– Но если бы вы со мной застряли здесь на два дня, эта постель не пахла бы совокуплением.

– Уильям…

– Заткнись! Здесь я говорю.

Лилли испуганно умолкла.

– Это ведь забавно, это романтично и даже поэтично, как все закончится для вас обоих. Вы оба умрете, и все будут думать, что это он тебя убил, хотя на самом деле он был твоим любовником. Видишь, какой интересный поворот?

Какая интрига! Я только одного не понимаю: зачем он оставил тебя в наручниках?

«Чтобы удержать меня от сопротивления или бегства, после того как я нашла тело Миллисент», – подумала Лилли. Тирни не хотел, чтобы она навредила себе, чтобы спроецировала фатальный приступ астмы. Вот он и предпринял отчаянную попытку удержать ее от безрассудных действий. Теперь она все поняла. Она очень многое поняла. Она была влюблена в Тирни с того памятного дня, когда они встретились впервые. Более того, она поняла, что и он любит ее.

Очень тихо, еле сдерживая слезы, она сказала:

– Он пытался спасти мне жизнь.

– Увы, он не приложил должного старания.

Двигаясь так стремительно, что Лилли ничего не успела сообразить, Уильям обвил ленточкой ее шею и туго натянул.

– Нет! Пожалуйста!

Омерзительно улыбаясь, он натянул ленточку еще туже.

– Ты же понимаешь, что умолять бесполезно, я уверен. Я тебе скажу, что я им всем говорил: «Сейчас ты умрешь».

Лилли попыталась ударить его ногой, но он сел прямо ей на ноги и придавил их к полу, одновременно затягивая ленточку все туже.

– Это много времени не займет. Твоя астма ускорит дело. Но, будь так любезна, умирай поскорее. Я слышу приближение вертолета. Они возвращаются.

Лилли тоже слышала приближение вертолета, но он мог быть еще очень далеко, за много миль. Ленточка больно врезалась ей в шею. Ее пальцы сжимались и стискивались сами собой, пока она пыталась вздохнуть. Ее тело выгнулось, легкие искали воздух.

Неужели именно так ей суждено умереть? От удушья?

Без малейшего предупреждения, без звука через дверь спальни ворвался Тирни. Не успел Уильям Ритт хотя бы осознать его внезапное появление, как Тирни ударил его ногой по голове.

Глава 33

Удар оторвал Уильяма от пола и подбросил в воздух. Он напоминал какого-то диковинного персонажа из диснеевского мультфильма. Он приземлился в трех футах от Лилли, перекатился на спину и попытался сесть. Кожа у него над ухом была рассечена, из ранки пошла кровь. Он прижал к ней руку, уставившись на Тирни, как на восставшего из мертвых.

Он действительно выглядел, как уцелевший в апокалипсисе. Его правая рука свисала под странным углом от самого плеча. Вся одежда с правой стороны пропиталась кровью. Смертельная бледность искажала его лицо, только на скуле алела свежая рана. Глаза, очерченные темными кругами, ввалились. И эти глаза не отрывались от Уильяма Ритта.

Должно быть, он нашел в спальне незапертое окно, зная, что фактор неожиданности сыграет ему на руку.

– Лилли? – Его голос напоминал шуршащий гравий.

– Это он.

– Я так и понял. – Не спуская глаз с Уильяма, Тирни наклонился и вложил ей в прикованную правую руку пистолет. – Держишь?

– Да.

– Я не в лучшей форме… Если он меня начнет одолевать, прикончи его. Без малейших колебаний. – Он стащил ленточку с шеи Лилли.

Походка у него была неровная, прихрамывающая, но он бросился на Уильяма, который уже начал кое-что соображать и пытался уползти. Действуя одной левой рукой, Тирни схватил его за парку и вздернул на ноги, а потом отпустил, но только для того, чтобы врезать ему кулаком, все еще сжимающим ленточку, по лицу. Удар заставил аптекаря повернуться волчком. Он споткнулся, ударился о стену и отскочил от нее, как мячик.

Тирни обхватил затылок Уильяма своей широкой ладонью и что было сил припечатал его лицом к стене. Дважды. Потом он нанес удар по почкам, отчего Уильям взвыл, потом схватил его за плечо и развернул лицом к себе, держа левой рукой за горло. Ленточка все еще была зажата в пальцах Тирни, ее концы свесились на грудь Уильяму.

Его лицо превратилось в кровавую кашу, глаза обезумели от страха.

– Мне бы следовало обмотать этой лентой твою собственную глотку и удавить тебя медленно, – сказал Тирни. – Очень медленно.

Его голос был почти не слышен, у ног натекла лужица крови. Он сделал паузу, чтобы отдышаться, но продолжал крепко держать Уильяма Ритта за горло.

– Видит бог, я хочу тебя убить. Я хочу голыми руками вырвать у тебя сердце. Но я этого не сделаю. А знаешь почему? Не хочу, чтобы ты так легко отделался. Ты не заслуживаешь быстрой смерти. Нет, я хочу, чтобы ты жил долго. Я хочу, чтобы ты десятилетиями гнил в камере. Я хочу, чтобы ты стал безымянным номером и сидел под замком, чтобы каждый день тюремные быки насиловали тебя, а они, пока не увидят кровь, удовольствия не получают. Так поступают в тюрьме с теми, кто убивает детей. Ты не знал? Торри было всего пятнадцать. Пятнадцать! – Его голос треснул. – А когда ты умрешь, надеюсь, в глубокой старости, ты отправишься прямиком в ад и будешь гореть веки вечные, жалкий кусок дерьма.

Тирни едва держался на ногах. Качаясь из стороны в сторону, он разжал пальцы и выпустил шею Уильяма. Маленький аптекарь соскользнул по стене на пол и завалился на бок. Тирни постоял над ним еще минуту, потом повернулся и двинулся к Лилли.

– Тирни! – крикнула она.

Он обернулся в тот самый миг, как Уильям вынул шприц, видимо, лежавший у него в кармане парки. Но шприц не был предназначен для Тирни. Он воткнул иголку себе в шею.

Тирни мгновенно вернулся к нему. Уильям пытался нажать на плунжер и впрыснуть воздух себе в вену; Тирни старался ему помешать. Левой рукой он обхватил запястье Уильяма, как тисками, и, должно быть, преуспел, потому что Уильям вскрикнул не только от боли, но и от бессильной досады: Тирни сумел прижать вторую его руку коленом к полу.

Дверь коттеджа распахнулась настежь и ударилась о внутреннюю стену.

– ФБР! Никому не двигаться! – Двое в полной десантной выкладке с эмблемой ТГСН и черных лыжных масках очертили комнату своими винтовками, а потом нацелили их на Тирни и Уильяма.

– Бросьте оружие! – приказал суровый на вид мужчина, вошедший следом за ними.

Он был в обычном штатском пальто, но произвел такое сильное впечатление на Лилли своим внушительным видом, что она не сразу сообразила, к кому он обращается. Оказалось, что к ней. Она разжала пальцы и выпустила пистолет Тирни. Он со стуком упал на пол.

Еще один агент – моложе, стройнее и в очках – направил пистолет в затылок Тирни.

– Отпустите его, мистер Тирни.

– Он воткнул себе в шею шприц, хочет соскочить по-легкому.

Грозный седовласый мужчина подошел к ним, наклонился, замер на несколько секунд, чтобы оценить ситуацию, а затем бесцеремонно вытащил шприц из шеи Уильяма.

– Займись им, – приказал он агенту в очках.

– Он – Синий, – торопливо проговорила Лилли. – Его зовут Уильям Ритт.

– Я знаю, как его зовут, – сказал агент.

– Он тот, кого вы ищете. Не Тирни. Уильям Ритт – Синий.

– Откуда вы знаете? – спросил он.

– Он мне сам сказал. Он хотел убить меня.

Пока шел этот быстрый обмен репликами, Тирни оперся левой рукой о стену и поднялся на ноги. Старший из агентов вынул из кармана черных брюк большой белый носовой платок и протянул ему.

– Попробуйте остановить кровь. Это может помочь.

Тирни взял платок и прижал его к плечу.

– Спасибо.

– Итак, – агент ткнул Уильяма носком ботинка, не сводя при этом глаз с Тирни, – вы наконец-то нашли Синего.

Тирни кивнул.

Лилли переводила взгляд с одного на другого в полном недоумении.

Федеральный агент повернулся к ней.

– Мисс Мартин, я… О, прошу прощения. Филин, обыщи Ритта. Мне нужен ключ от наручников.

– Это не он ее приковал. Это я.

Бегли с удивлением взглянул на Тирни.

– Ключ у меня в кармане куртки. Он на «молнии». Я не уверен, что сумею…

– Позвольте мне. – Бегли расстегнул «молнию» на кармане, который указал ему Тирни, и вытащил маленький ключик. – Я старший специальный агент Бегли. Это специальный агент Уайз. – Опустившись на колени перед Лилли, он открыл наручники и помог ей встать.

– Рада с вами познакомиться. – Лилли проскользнула мимо него и бросилась к Тирни, который все еще стоял, держась за стену. Она всплеснула руками, не прикасаясь к нему, чтобы не навредить еще больше. – О боже, Тирни, ты только посмотри на себя.

– Он сделал тебе больно?

– Что? – Она с недоумением заглянула в его запавшие глаза, потом покачала головой. – Нет.

– Но я сделал тебе больно. В сарае…

– Это неважно. Теперь уже неважно.

– Мне пришлось это сделать.

– Я понимаю. Понимаю.

Несколько секунд они были полностью поглощены друг другом, но оба одновременно вспомнили, что они здесь не одни. Лилли обратилась к старшему спецагенту.

– Тирни вернулся как раз вовремя, чтобы помешать Уильяму Ритту убить меня. Тело Миллисент Ганн находится у нас в сарае, в ящике для инструментов. Я нашла ее сегодня утром. – Лилли бросила взгляд на Тирни. – Ты обнаружил ее в первый вечер, когда пошел за дровами и начал искать топор. Вот почему ты был тогда так резок.

Он кивнул и повернулся к Бегли:

– Все верно. Как и говорит Лилли, я нашел тело позавчера вечером. Я его не трогал, значит, оно в том же положении, в каком я его нашел. Если только Ритт его не передвинул, когда поднялся сюда.

– Я так не думаю, – возразила Лилли. – Он приехал на снегоходе и сразу вошел в дом.

mir-knigi.org

– А где этот сарай? – спросил Бегли. Лилли объяснила ему.

– Ритт сказал, что он убил Миллисент и временно спрятал тело в нашем сарае. Он признался… Нет, он этим похвастался! Он убил и всех остальных.

– Уведите его отсюда.

По кивку Бегли два офицера тактической команды подхватили Ритта под мышки и поволокли его к двери. Он висел между ними, как тряпка, видимо, потерял сознание после избиения, которое ему устроил Тирни.

– Наденьте на него наручники, погрузите в вертолет и ждите меня там.

– Есть, сэр.

– Филин?

– Сэр?

– Свяжись с бюро. Пусть пришлют сюда бригаду криминальных экспертов – срочно! Напомни им, что понадобится вертолет.

– Есть, сэр.

Агент Уайз вынул сотовый телефон и занялся делом. Бегли повернулся к нему спиной.

– Как плечо, мистер Тирни?

– Паршиво.

– Удивляюсь, как вы до сих пор не впали в шок.

– Теперь уже скоро. В любую минуту.

– Хотите сесть?

Тирни покачал головой.

– Если я сяду, то уже не встану.

– Мы посадили вертолет на дороге в пятидесяти ярдах, – сказал Бегли. – Шли по вашему кровавому следу. Наш пилот уже радировал в Службу спасения, чтоб за вами прислали вертолет. Он будет здесь с минуты на минуту.

– Спасибо.

– Вы не прочь поговорить?

– Разговор не позволит мне потерять сознание. Бегли усмехнулся, давая понять, что ему близка такая логика. Потом его лицо помрачнело.

– Я обязан перед вами извиниться, мистер Тирни. Мы всего несколько минут назад узнали, что вы отец Торри Ламберт.

Лилли заглянула в глаза Тирни с немым ужасом.

– Мы с ее матерью развелись, когда Торри только-только родилась, – объяснил он, обращаясь скорее к ней, чем к агенту ФБР. – Отчим удочерил ее, дал ей свою фамилию. Но она была моей дочерью.

– Это многое объясняет, – кивнул Бегли. – Очевидно, вы не верили, что дело будет раскрыто силами ФБР или местной полиции, и поэтому последние два года работали сыщиком-любителем, так?

– Совершенно верно.

Бегли как-то неопределенно хмыкнул и искоса взглянул на Тирни. У Лилли сложилось впечатление, что, если бы его дочь пропала без вести, он поступил бы точно так же.

– Чье это художество там, в кухне?

Он имел в виду послание, процарапанное Лилли на дверце шкафчика. Похоже, старший спецагент Бегли ничего не упускал из виду.

– Мое, – ответила Лилли. – Какое-то время я думала… – Она с раскаянием посмотрела на Тирни.

– Что ж, вы были не одиноки в своем заблуждении, – признался Бегли. – Мистер Тирни, вы догадались, что это Уильям Ритт?

– Нет, я думал, что это Уэс Хеймер.

– Уэс Хеймер?

– Я познакомился с Миллисент в магазине ее дяди, она там подрабатывала, – объяснил Тирни. – У нее возникло… возникла… возник определенный интерес ко мне.

«Он называет это интересом», – подумала Лилли.

– Это случилось во время моей предыдущей поездки сюда прошлой осенью. Как-то вечером я вернулся на турбазу и увидел, что Миллисент поджидает меня. Мне стало неловко. Я не пригласил ее в свой коттедж, но она стала рассказывать очень некрасивую историю об Уэсе, о сыне Уэса, о своей беременности и выкидыше.

Лилли всегда терпеть не могла Уэса Хеймера, она считала его первостатейным подонком. А теперь оказалось, что она была недалека от истины.

– Вернувшись из клиники после курса лечения от неправильного питания, она пыталась возобновить отношения со Скоттом, но он и смотреть в ее сторону не хотел. Она попросила у меня совета. – Тирни сокрушенно покачал головой. – У меня были свои планы, и мне чертовски не хотелось ввязываться в эту историю. Но на прошлой неделе, когда ее объявили в розыск, я подумал, что, может быть, Уэс избавился от проблемы по-своему, а его приятель Датч его прикрыл. – Повернувшись к Лилли, Тирни добавил: – Вот почему я тебе ничего не сказал. Я боялся, что, если расскажу, ты будешь считать себя обязанной поделиться с Датчем, а он возьмет под защиту своего друга Уэса. Даже если бы оказалось, что Уэс не Синий, накрылась бы вся моя маскировка, а уж Датч нашел бы способ перекрыть мне кислород и блокировать мои любительские попытки отыскать убийцу моей дочери.

– Что же ты делал на горе, когда началась буря? – спросила Лилли. – Ты так и не мог мне

толком объяснить.

– Я не оставлял попыток найти ее следы на одном из туристических маршрутов. В тот день, когда началась буря, я обнаружил… – Тирни замолк и откашлялся. – Могилы. Четыре могилы и еще одну свежую, вырытую для Миллисент. Заступ, которым были вырыты могилы, был спрятан в кустах.

– Наручники?

– Наручники мои.

– Вы также приобрели военную рацию с функцией перехвата, – продолжал Бегли. – Для выслеживания, я полагаю.

Тирни едва заметно кивнул.

– Я ею так и не воспользовался, но вы явно добросовестно проделали домашнее задание.

– Вообще-то, это заслуга спецагента Уайза, – сказал Бегли, указывая на второго агента.

Уайз тем временем закончил свой разговор по сотовому и теперь с интересом слушал историю Тирни. Он подошел ближе.

– Я тоже должен извиниться перед вами, мистер Тирни. На бумаге вы выглядели полноценным подозреваемым.

– Не сомневаюсь, что на бумаге так оно и было. Почему вас вообще заинтересовала моя персона?

– Ваши инициалы несколько раз появлялись в дневнике Миллисент Ганн. Она писала, что вы были с ней очень милы.

На это Тирни лишь пожал плечами, но ничего не ответил.

– Как насчет могил? – напомнил Бегли.

– Я старался не потревожить их и прилегающую землю в надежде, что они послужат уликой в суде. Кем бы ни оказался этот Синий.

Бегли попросил уточнить расположение могил. Тирни объяснил, где они могут найти его машину.

– Они находятся примерно в ста пятидесяти ярдах к северо-северо-востоку от того места, где брошена машина. Это довольно крутой подъем, но все-таки его можно одолеть. Даже человеку, несущему мертвое тело.

– А ленточка? – спросила Лилли.

Ленточка, запятнанная его кровью и кровью Уильяма Ритта, так и осталась лежать на полу.

– Помнишь, я говорил тебе, она зацепилась за куст и трепетала на ветру. Там я ее и увидел. Должно быть, Ритт выронил ее, когда копал могилу. Я ее забрал из опасения, что такую ценную улику может унести ветром, прежде чем я смогу привести туда представителей закона. – Повернувшись к Бегли, он добавил: – Я натянул латексные перчатки, прежде чем

mir-knigi.org

взять заступ. Он лежит в багажнике моей машины. Надеюсь, вам удастся снять с ручки отпечатки пальцев Ритта. – Лилли заметила, как слезы навернулись ему на глаза. – По крайней мере, вы найдете останки моей дочери.

Его голос становился все глуше, пока он рассказывал свою историю. Прикинув, сколько крови он потерял, Лилли просто не понимала, как он еще стоит на ногах. Она обняла его за плечи.

– Почему бы тебе не сесть?

Он выдавил улыбку.

– Я держусь.

– Датч стрелял в тебя, да?

Он пристально посмотрел ей в глаза и перевел взгляд на Бегли.

– Что насчет него и Уэса Хеймера?

– С ними остался Коллиер, один из членов нашей команды. – Бегли бросил тяжелый взгляд на Лилли, но обратился к Тирни: – Это правда – то, что сказала мисс Мартин? Это шеф Бертон в вас стрелял?

– Я бросил пистолет, – с горечью ответил Тирни. – Но ему было все равно.

– Он стрелял в тебя, зная, что ты безоружен? – не веря тому, что услышала, переспросила Лилли.

– Это отчасти моя вина, мисс Мартин, – вмешался Бегли. – Шеф Бертон считал мистера Тирни опасным преступником.

– Я это знал. – Тирни рассказал, как услышал по радио в машине Лилли, что его разыскивают для допроса. – Увидев Датча и Уэса Хеймера, я понял, что они вышли на охоту. Они возьмут меня живым или мертвым.

– Это еще не все. Он был в бешенстве, потому что вы оказались здесь вдвоем, – сказал Бегли. – Гремучая смесь ревности и первобытных инстинктов.

– Поэтому я и ударился в бега, как только их увидел, – сказал Тирни. – Я надеялся связаться с вами – с ФБР, – прежде чем они меня достанут. Я прекрасно понимал, что с вами у меня есть хотя бы шанс объясниться. С ними мне бы так не повезло, и я оказался прав.

Тирни помолчал, переводя дух.

– Но я не смог их опередить. Они догнали меня, подстрелили. Через несколько секунд я услышал, как Ритт сообщает им по рации, что он нашел Лилли убитой в коттедже. И тут я понял, что случилось нечто ужасное. Сами понимаете, я не мог так просто умереть.

С этими словами Тирни привалился к стене. Лилли обняла его и помогла ему опуститься на пол спиной к стене.

– Не могу поверить, что Датч стрелял в тебя! – Вскинув глаза на Бегли, она сказала: – Ему грозит уголовное обвинение, не так ли?

mir-knigi.org

– Нет, мэм, уже не грозит.

Лилли хотела спросить почему и вдруг все поняла. Она читала ответ в полных сочувствия глазах Бегли, угадывала его на лице агента Уайза, избегавшего ее взгляда, расслышала его в глухом ругательстве, сорвавшемся с губ Тирни.

– Мне очень жаль, мисс Мартин, – мягко заговорил Бегли. – Он не оставил нам выбора. Он стрелял в одного из моих людей. Если бы не бронежилет, выстрел был бы смертельным. Шеф Бертон намеревался выстрелить еще раз в спину мистеру Тирни, он готов был застрелить меня, чтобы я не смог ему помешать. Мы несколько раз его предупредили. Он уже не мог остановиться, он продолжал стрелять. Чтобы спасти наши жизни…

– Можете не объяснять, я понимаю, – тихо сказала Лилли.

Тирни нашел и сжал ее руку.

Зазвонил сотовый телефон. Агент Уайз отошел в сторону и негромко ответил на звонок.

Снаружи послышался нарастающий шум и какая-то суета. Бегли вышел на крыльцо и тотчас же вернулся.

– Прибыл вертолет Службы спасения, мистер Тирни.

– Можно мне с ним? – с надеждой спросила Лилли.

– Боюсь, что нет, мисс Мартин, – ответил Бегли. – Вы понадобитесь нам в Клири.

Она кивнула.

– Я вернусь с первой группой, прослежу, чтобы Ритта отправили в тюрьму. Вы останетесь здесь под наблюдением агента Уайза вплоть до возвращения вертолета. Сегодня он доказал, что способен на многое, – добавил Бегли. – Это займет не больше получаса.

– Со мной все будет в порядке.

Команда медиков буквально ворвалась в дом, раскладывая на ходу носилки на колесах. В минуту Тирни оказался приторочен к носилкам, и из его вены торчала иголка от капельницы. К ней вели несколько трубок с растворами. На лицо Тирни наложили кислородную маску. Несмотря на всю эту суету вокруг себя, он ни на секунду не отпускал руку Лилли и не сводил с нее глаз. Она тоже смотрела на него не отрываясь и не отнимала руки.

Она последовала за носилками на крыльцо, где ей все-таки пришлось выпустить его руку. Солнце скрылось за верхушками деревьев на западе. В отсутствие солнечного света температура сразу же заметно упала. Обхватив себя руками, Лилли осталась на крыльце. Она провожала глазами Тирни, пока вертолет не взлетел.

– Куда его везут? – спросила она у Бегли, пока он вел ее обратно в дом.

– В Нэшвилл.

– Он потерял так много крови… Не понимаю, как он еще держится.

– Ничего, он сильный. С ним все будет хорошо.

mir-knigi.org

Бегли ободряюще коснулся ее плеча. Она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ.

– Сэр!

Они одновременно повернулись к агенту Уайзу.

– В чем дело, Филин?

– Они нашли Скотта Хеймера.

* * *

Когда это известие нашло Дору, она все еще была у Мэри-Ли.

Они оставались вместе весь день, поддерживая друг друга на протяжении долгих часов, пока Скотта искали и не могли найти. Дора обзвонила всех друзей Скотта, телефонные номера которых были ей известны. Никто не знал, где он, но они разнесли по городу слух о том, что мать ищет его и волнуется.

Все ее попытки дозвониться до Уэса остались безуспешными. То ли его оператор еще не восстановил связь, то ли он игнорировал ее звонки.

Женщины ждали в нарастающей тревоге.

Скотта нашел офицер Харрис.

– Его везут в больницу.

Он отказался сообщить Доре подробности по телефону.

Когда они с Мэри-Ли вбежали в приемный покой отделения «Скорой помощи», им было страшно даже подойти к медсестре, дежурившей в регистратуре, и задать вопрос. Сестре, хорошо знавшей семью Хеймер, тоже не хотелось быть вестницей несчастья.

– Доктор хотел поговорить с вами лично, миссис Хеймер. Я его позову, – сказала она и скрылась за двойными дверями.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем к ним вышел молодой человек в белом халате. Доре он показался совсем юнцом. Он перевел вопросительный взгляд с одной женщины на другую.

– Миссис Хеймер?

– Я миссис Хеймер.

– Доктор Дэвисон. – Он пожал ее руку – холодную и липкую от пота. – Очевидно, ваш сын выполнял упражнение на канате в школьном гимнастическом зале, потерял захват и упал. Он был один, никто не знал, что он в зале, поэтому ему не смогли оказать помощь вовремя. Мата он тоже не подставил, падение оказалось очень жестким. Мы делаем все возможное, чтобы его стабилизировать. Только после этого его можно будет перевозить в другую больницу.

Дора рухнула бы от облегчения, если бы Мэри-Ли не помогла ей удержаться на ногах.

– Но он жив?

mir-knigi.org

– О да! Простите, я думал, вы знаете. Его травмы не представляют угрозы для жизни. Жизненные показатели в норме. Но я не хочу преуменьшать нанесенный ущерб. У него множественные переломы обеих ног. Сейчас ему делают рентген для выявления внутренних повреждений. Думаю, мы ничего не найдем, но это стандартная процедура при травме тазобедренного пояса. Судя по всему, позвоночник и голова не пострадали. При таком падении можно считать – ему повезло. – Врач умолк, давая ей возможность переварить эту информацию. – Извините, миссис Хеймер, но я должен задать этот вопрос. Он принимал стероиды?

– Его принудили принимать стероиды.

– Возможно, они усугубили тяжесть травм. Кроме того, они, безусловно, затруднят выздоровление. Стероиды укрепляют мышцы, но не сухожилия и связки. К сожалению, сухожилия даже слабеют от дополнительной нагрузки. Боюсь, что Скотту предстоят нелегкие испытания.

– Но он жив.

– Да, он жив. Но нам необходимо перевезти его в больницу со специализированным травматологическим отделением. К несчастью, дороги все еще покрыты льдом, а преимущественное право на перевозку вертолетом спасательной службы было отдано другому пациенту. У него тяжелая потеря крови.

– Они арестовали мистера Тирни?

– Я не знаю его имени, – ответил доктор на вопрос Мэри-Ли. – Мне известно лишь, что они арестовали Синего и что без крови не обошлось. Поэтому пройдет не меньше двух часов, прежде чем мы сможем перевезти Скотта. Тем временем мы постараемся по возможности облегчить его положение и будем за ним наблюдать.

– Можно мне увидеть сына?

– Как только его привезут из рентгеновского кабинета. – Доктор помедлил, но все-таки сказал: – Я видел, как он играл в футбол в прошлом сезоне. Он был очень талантлив. Вы, вероятно, захотите подготовить его к разочарованию.

Через полчаса пришла медсестра, чтобы проводить Дору в отделение интенсивной терапии. Дора протянула руку Мэри-Ли:

– Идемте со мной.

– Не могу, – дрожащим от волнения голосом ответила Мэри-Ли.

– Вы нужны ему.

– Нет, вряд ли. – Мэри-Ли улыбнулась сквозь слезы. – Я была ему нужна, но это уже в прошлом. Скажите ему… – Она задумалась, потом с грустью покачала головой. – Ничего. Ничего ему не говорите. Я думаю, так будет лучше.

Дора пристально заглянула ей в глаза и задумчиво кивнула.

– Я поражаюсь вашему мужеству… И бескорыстию… Она торопливо обняла Мэри-Ли и поспешно скрылась за двойными дверями.

Скотту вводили обезболивающие внутривенно, поэтому он пребывал в оглушенном состоянии, но сознавал, где находится. Когда она подошла к постели, он слабо улыбнулся и прошептал:

– Привет, мам.

Дора стиснула его руку, даже не пытаясь сдержать слезы.

– Привет.

– У меня ноги переломаны к чертям собачьим, да?

– Да. К чертям собачьим!

Скотт закрыл глаза и с тихой улыбкой испустил долгий вздох.

– Слава богу!

Эпилог

– Мисс Мартин, мистер Тирни здесь.

Ассистентка Лилли знала, кто такой Бен Тирни, из отчетов в прессе о событиях, развернувшихся в Северной Каролине три месяца назад. Хотя основное внимание репортеров было уделено поимке Уильяма Ритта, в коридорах редакции журнала «Тонкая штучка» много говорили о том, что произошло между нею и Тирни за два дня, проведенных в горном коттедже.

Разумеется, никто из сослуживцев не осмелился задать ей вопрос напрямую, тем более что с тех пор она ни разу не встречалась с Тирни, не поддерживала с ним никаких контактов. До вчерашнего дня. Он позвонил и попросил о встрече на следующий день.

Лилли знала, что слух о предстоящей встрече разнесся по редакции со скоростью лесного пожара, поэтому с самого утра все были как на угольях и боролись за право первыми его увидеть.

Невозмутимость ассистентки Лилли была притворной.

А вот сама Лилли притворяться не могла. Она сама не узнала своего голоса, когда сказала:

– Пожалуйста, пригласите его сюда.

С бьющимся сердцем смотрела она на дверь. Он открыл дверь, вошел и тихо закрыл ее за собой. Он был в легких спортивных брюках и куртке. Раньше Лилли видела его только в шортах на байдарке, а потом в джинсах, свитере и куртке в коттедже.

Ну, и без ничего.

– Привет, Лилли!

– Привет!

– Я рад, что ты нашла для меня время сегодня.

– Я взяла себе за правило непременно устраивать встречу с каждым мужчиной, с которым

mir-knigi.org

судьба свела меня на двое суток в горном коттедже во время снежной бури.

Он похудел, побледнел, но его улыбка осталась по-прежнему подкупающей. Он пододвинул стул и оглядел ее с головы до ног. Когда их глаза встретились, он сказал:

– Отлично выглядишь!

«Ну почему ты ждал девяносто четыре дня, чтобы позвонить мне?» – кричало все у нее внутри. Вслух она спросила:

– Как плечо?

– Новенькое, с иголочки. Меня переживет. Им пришлось заменить старый сустав пластиковым, практически не подверженным разрушению.

– Тебя это беспокоит?

– Не слишком.

– Ты говоришь так о любой травме.

Несколько мгновений он пристально смотрел ей в глаза.

– Есть раны, которые болят сильнее других.

Лилли отвернулась, чтобы избежать притяжения его синих глаз. Бессчетное число раз она спрашивала себя, что скажет и что сделает, когда увидит его снова. Если когда-нибудь увидит. Она не сомневалась, что уж один-то раз им суждено увидеться. Что будет дальше, она не знала. Не знала, чего ждать. Она разработала несколько сценариев собственного поведения во время этой встречи: от холодного равнодушия до страстных объятий. И вот час настал, а она не могла вспомнить ни единой реплики из придуманных загодя диалогов.

– Наверное, тебе пришлось пройти физиотерапию?

– Я провел несколько недель в реабилитационном Центре.

– Бездействие, должно быть, сводило тебя с ума?

– Верно подмечено. Но мое положение было неизмеримо лучше, чем у многих других пациентов. Например, у Скотта Хеймера.

– Да, я слышала о несчастном случае.

– Это не был несчастный случай. Он мне сказал, что нарочно отпустил канат.

– Зачем?

С растущим изумлением Лилли выслушала рассказ о стероидах, которыми Уэс накачивал своего сына.

– Да плюс к тому спал с его подружкой, – подытожила Лилли, покачивая головой. – Уэс Хеймер – последняя сволочь.

– Согласен. Они держат его интрижку с Миллисент в секрете. Не для того, чтобы защитить

Уэса, но чтобы оградить чувства ее родителей. Зачем усугублять их страдания?

– Он заслуживает публичного осуждения, но я понимаю, что заставило их так поступить.

– Говорят, он чувствует себя паршиво, но не только из-за Скотта или из-за того, что произошло на горе.

– Он всего лишь следовал примеру Датча.

– Не совсем так, Лилли. Если верить Скотту, Уэс сознался, что это он подзуживал Датча на охоту за мной.

– А Уэсу-то какой интерес охотиться за тобой?

– Какое-то время он всерьез опасался, что его собственный сын может оказаться Синим.

– Скотт?

– У него был мотив. По крайней мере, Уэс так думал. Уэс сыграл на чувствах своего старого друга и подтолкнул его на то, что самого Датча давно уже подмывало сделать: достать меня из ревности к тебе. Уэсу нетрудно было убедить Датча, но он не ожидал, что дело обернется смертью его лучшего друга. Эту вину он унесет с собой в могилу.

– Не понимаю, как она может оставаться с ним.

– Миссис Хеймер? Скотт говорит, она была готова его оставить, когда узнала о стероидах. Уэс умолил ее остаться.

Он говорит, что стал другим человеком. Перевернул страницу. В доказательство того, что он раскаялся, Уэс даже бросил тренерскую карьеру. Он теперь торгует спорттоварами.

– У дяди Миллисент?

– Нет, так далеко его раскаяние не заходит, – покачал головой Тирни.

– А как же Скотт? Что ждет его в будущем?

– Он все еще в инвалидной коляске, но, как только полностью поправится, он хочет продолжить образование, как и собирался.

– Но только не в спорте, я думаю?

– Нет. Он больше не будет играть в спортивные игры и сам безмерно рад этому.

– Представляю себе, насколько он был несчастен, если пошел на такую крайность, лишь бы выбраться из-под давления отца.

– Он и сейчас несчастен, – проговорил Тирни, задумчиво хмурясь. – Скотт о многом мне рассказал, можно сказать, душу открыл. Он рад, что от него больше не будут требовать участия в спортивных состязаниях. Но он кое-что скрывает. Он мне прямо сказал, что это дело слишком личное, он еще не готов этим поделиться. Я много за ним наблюдал, пока мы вместе были в реабилитационном центре. Он много читает. Главным образом греческих и римских классиков. Часами сидит, уставившись в пространство. Он очень грустный юноша.

mir-knigi.org

– Может быть, он тоскует по Миллисент?

– Он, конечно, сожалеет о том, что с ней случилось, но после того, как она и Уэс… – Тирни не договорил. – Что-то еще разбило ему сердце… Или кто-то еще. Может быть, позже он почувствует себя готовым поговорить со мной. Он обещал держать связь.

– Я уверена, он ценит твою дружбу.

– Он хороший парень.

Немного помолчав, Лилли сказала:

– Ты, конечно, знаешь, что Уильям Ритт признал все обвинения?

Губы Тирни сжались в твердую линию.

– Пять пожизненных сроков. И все-таки это слишком хорошо для него.

– Совершенно с тобой согласна.

– Что ж, по крайней мере, он сэкономил налогоплательщикам стоимость процесса.

– Его никогда не любили, – задумчиво сказала Лилли. – Никто не любил. По собственному опыту знаю: все его попытки завоевать мои симпатии вызывали у меня растущую настороженность. А теперь даже родная сестра его покинула. Я плохо знаю Мэри-Ли, но со мной она всегда была приветлива. Представляешь, каково ей теперь?! Я послала ей письмо со словами сочувствия, но оно вернулось нераспечатанным.

– Я слышал, она уехала из Клири и никому не оставила адреса. Пожалуй, она сделала правильно, – заключил Тирни.

– Пожалуй, – согласилась с ним Лилли.

Исчерпав эти темы, они замолчали. Лилли чувствовала, что он смотрит на нее. Сама она упорно смотрела только на пачку писем у себя на столе. Наконец, чувствуя себя не в силах выносить затянувшуюся напряженную паузу, она вскинула на него взгляд.

– Лилли, я до сих пор тебе не звонил, потому что…

– Я не спрашивала тебя об этом…

– Но ты заслуживаешь объяснения.

Лилли встала и подошла к окну. Самая страшная снежная буря последних десятилетий положила конец зиме. Весна была в разгаре, близилось лето. Двадцатью этажами ниже лежали улицы Атланты, купающиеся в мягком свете послеполуденного солнца.

– Ты сменил больницу, Тирни. Ты просил людей из ФБР в Шарлотте никому, включая меня, не давать никакой информации о том, как тебя найти. Я все поняла.

– Нет, ты ничего не поняла. Это совершенно не означало, что не хотел тебя видеть.

– Ты уверен в этом?

– Уверен!

– Тогда что?

– Тебе надо было похоронить Датча. Мне надо было эксгумировать Торри.

Вся обида Лилли сразу пропала. Она повернулась к нему.

– Прости! У меня так и не было случая тебе сказать, как я скорблю о ней.

– Спасибо. Я наконец-то узнал, что с ней произошло. Хорошо, что все прояснилось. Я испытал облегчение, но пережил ужасные дни. Мне и сейчас трудно вспоминать этот кошмар.

Лилли чуть было не бросилась к нему при этих словах, но все-таки удержалась.

– Мне хотелось бы, чтобы ты рассказал о Торри. Если, конечно, ты сам этого хочешь.

– Это тяжелая история, но ты должна ее услышать.

Лилли кивнула, чтобы он продолжал.

Тирни глубоко вздохнул.

– Когда Торри только-только появилась на свет, я надолго уехал в Африку. У меня был контракт на серию очерков о континенте для журнала путешествий. Это должно было занять несколько недель, но растянулось на месяцы. Многие месяцы. Я пропустил День благодарения, пропустил Рождество. Я много чего пропустил.

Пока я был в отъезде, Пола – мать Торри – встретила и полюбила другого человека. Когда я наконец вернулся домой, она положила передо мной документы о разводе. Я даже вещи не успел распаковать. Пола и ее будущий муж хотели, чтобы я отказался от родительских прав на Торри на том основании, что он провел с ней больше времени, чем я.

В то время я дал себя убедить, что так будет лучше для всех, что это самый правильный и порядочный поступок.

Пола любила Ламберта. Он любил Торри как родную дочь. Я решил, что будет лучше для моей дочери, если я просто уйду и дам им возможность жить своей жизнью без моего вмешательства.

– «В то время», – торопливо вставила Лилли. – Это важная оговорка.

– Верно!

Тирни встал и подошел к стене, где были вывешены в рамочках самые удачные журнальные обложки. Он пробежал глазами их все, но Лилли казалось, что он не читает заголовки и даже не видит фотографии.

– Они никак не препятствовали моим встречам с ней. Напротив, они эти встречи поощряли. Но нам обоим было неловко. Мы друг друга не знали. Я был чужаком, с которым бедную девочку заставляли время от времени встречаться. Я выходил на сцену из левой кулисы, проговаривал свою реплику, уходил в правую кулису и исчезал на год или два. Это была жизнь моей дочери, а я всего лишь исполнял в ней третьестепенную роль. С годами я перестал играть и ее. Мои визиты становились все более редкими. Я был на Амазонке, когда до меня дошло известие о ее

исчезновении. Она пропала без следа, предполагалось, что ее похитили. Мне потребовались две недели, чтобы вернуться в мир цивилизации и добраться до Штатов.

Я не видел ее несколько лет, – продолжал Тирни. – Меня известили просто из вежливости. Пола была поражена, когда я явился к ним в дом в Нэшвилле, что само по себе многое говорит обо мне, не правда ли? Но вместо того, чтобы ее утешить и хоть как-то облегчить ситуацию для нее и Ламберта, я повел себя, как последний осел.

Я имел наглость критиковать их за то, что они слишком быстро уехали из Клири и не настояли на продолжении поисков. Наступила зима. Невозможно было заставлять несколько сотен людей бесконечно прочесывать эту гору. Но я отказывался принимать эту простую истину, отказывался верить, что больше ничего нельзя было поделать, оставалось лишь надеяться, что Торри где-то когда-то объявится.

Я не мог примириться с тем, что ее лицо появится на молочных картонках с просьбой сообщить любую информацию.

Тирни повернулся к Лилли.

– Ламберт вышвырнул меня из их дома, и я его ни в чем не виню. Я поселился в гостинице. И в безликом гостиничном номере, где ничто, кроме рюкзака со сменой одежды, не принадлежало мне, я вдруг понял, что остался совершенно один на свете.

Пола и ее муж могли опереться друг на друга, вместе поплакать, обняться и утешиться. У меня не было никого, и я сам был тому причиной. Мне пришло в голову, что я добровольно отказался от единственного существа на планете, в жилах которого текла моя кровь. Вот тогда-то я впервые заглянул в лицо самому себе и понял, какой я эгоистичный ублюдок.

Отказ от Торри был не жертвой. Я когда-то внушил себе это, но это не было правдой. Это был эгоистичный шаг, а не широкий жест самоотречения во благо моего ребенка. Я хотел шататься по миру. Я хотел жить на чемоданах, паковаться и уезжать когда вздумается, не считаясь со своей семьей. В том пустом гостиничном номере я увидел себя таким, какой я есть. Во всяком случае, таким, каким был. Настало время отдавать долги.

В тот вечер я принял решение любой ценой докопаться до истины. Я поклялся искать ее до самой смерти. Это был единственный долг, от которого я не мог уклониться. Это было последнее, что я мог сделать для своей дочери. Единственное, что я когда-либо для нее сделал.

Его голос охрип от волнения.

– Я дошел до конца, Лилли. Мне пришлось ползком вылезти из своей больничной койки, но я был там, на горе, когда эксперты проводили эксгумацию. Я был с Полой, когда останки нашей дочери были идентифицированы без тени сомнения. Мы провели скромную поминальную службу и похороны в Нэшвилле.

Он оторвался от изучения журнальных обложек и посмотрел на нее. Его глаза были полны слез.

– Мне пришлось покончить со всем этим, перевернуть эту страницу, прежде чем я мог прийти к тебе. Ты понимаешь?

Лилли молча кивнула, опасаясь, что разрыдается, если заговорит.

– Возможно, теперь, когда ты все это услышала, ты не захочешь иметь со мной ничего общего, но я надеюсь, что этого не случится.

– Как ты думаешь…

– Что?

– В тот день, когда мы спускались на байдарках по реке, ты почувствовал во мне ту же пустоту, ту же горечь утраты, которую ощущал сам? Я потеряла Эми. Ты потерял Торри. Ты узнал…

– Родственную душу?

– Что-то в этом роде.

– Я в этом уверен, – сказал он.

– Вот как?

– Погоди, ты хочешь спросить, только ли это привлекло меня в тебе?

– А это так?

– А ты как думаешь?

Его неистовый взгляд был горяч, как ласка. Он ответил на ее вопрос.

Лилли покачала головой.

– Нет, я думаю, мы оба знали, когда попрощались в тот день, что это не конец, а лишь отсрочка.

– Время, проведенное нами вместе, исчисляется часами, – сказал он, – но мне кажется, что мы знаем друг друга лучше, чем большинство пар, проживших в браке долгие годы.

– А мы пара, Тирни?

Вот теперь он подошел к ней, обхватил ее лицо ладонями, приблизил к своему лицу.

– О боже, я на это надеюсь. – Он обвел взглядом ее лицо, задерживаясь на каждой черточке, и наконец остановился на губах.

– Хочешь меня? – прошептала она.

– Ты даже не представляешь себе, насколько…

Он наклонил голову и поцеловал ее. Нежный поцелуй мгновенно перерос в горячий и влажный, бесконечно чувственный, переполненный волнующим обещанием.

Он все еще не вполне владел правой рукой и обнял ее левой и движением, которое хорошо ей запомнилось после их первого поцелуя, притянул к себе вплотную, нажав ладонью на талию.

Поцелуй тянулся, не прерываясь, несколько бесконечных минут. Когда они наконец оторвались друг от друга, он пригладил ей волосы, разметавшиеся по плечам.

– Ты меня больше не боишься?

– Боюсь одного – что ты опять исчезнешь из моей жизни.

– Ну, тогда тебе нечего бояться. – Тирни шутливо чмокнул ее, словно скрепляя клятву печатью, но, когда поднял голову, его лицо было серьезным. – На этот раз все будет по-другому, клянусь тебе, Лилли. Я буду любить тебя, как никто никогда не любил.

– Ты уже сделал все, что нужно, тебе больше нечего доказывать. Ты уже не раз рисковал для меня жизнью.

– Раньше я не умел любить, но…

Лилли прижала палец к его губам.

– Все ты умел, Тирни. Ты не смог бы сделать то, что сделал, не смог бы пожертвовать два года жизни и едва не загубить ее ради Торри, если бы не любил ее.

– Но она умерла, так и не узнав об этом.

– Я так не думаю. Она все знала.

Тирни взглянул на нее с сомнением, но Лилли видела, что он отчаянно хочет ей поверить.

– Пола мне сказала, что Торри читала все мои статьи. Держала все журналы у себя в комнате и не давала матери их выбросить.

Лилли обхватила руками его голову.

– Она знала, что ты ее любишь!

– Если бы я мог начать сначала, уж я бы позаботился, чтобы она знала. Я твердил бы ей об этом каждый день. Я бы все сделал иначе. Я бы все сделал правильно.

Лилли крепко обняла его, опустила голову ему на грудь, чтобы он не увидел ее тайной улыбки. Пусть сегодняшний день принадлежит только им одним. Завтра у нее еще будет время сказать ему, что, хотя он потерял одного ребенка на той горе, там же он зачал другого.

Ему уже был дарован шанс начать сначала и все сделать правильно.

mir-knigi.org